Юрий

Никитин

МНЕ-65

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Едва ли не самый брехливый и в то же самое время скучный жанр – мемуары. Автор старательно кривляется, описывая жизнь, которую хотел бы прожить, но читающим все равно скучно. Вообще, завидев на титульной странице слово «мемуары», стараются не брать в руки.

И вообще, что может сказать Никитин? В Кеннеди стрелял вроде не он, во всяком случае, не признается, порочащие связи с Моникой тоже отрицает, что совсем уж неинтересно. Шубу, правда, вроде бы спер, не зря слухи, не зря, но что шуба? Так, мелочь. Вон какие скандалы каждый день!

И в то же время – самый трудный жанр.

И почти невозможно писать так, чтобы прочли все, чтобы дочитали до конца.

- Юрий Никитин
  - Предисловие
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 3

Юрий Никитин
Мне – 65

Тем, кто поймет эту книгу

Предисловие

Странно, да? Тридцать лет увиливать от интервью, отказываться от встреч, не посещать конференции, съезды и прочие тусовки… а тут вдруг взял да выдал ворох воспоминаний! Ну да это ж козе ясно: всякий старый пердун, как только в маразм впадает, сразу же начинает рассказывать, какие они все были белые и пушистые и какая сейчас молодежь ни к черту.

Да и что за мемуары могут быть у Никитина? Другое дело: Столыпин, Рузвельт, Черчилль, Курникова, Бритни… Если мемуары, скажем, Черчилля, то про самого Черчилля можно и не читать, но вот про ту странную эпоху, в которой жил, про нашу страну, где бывал не раз, про его видение Сталина и России – любопытно. Про Курникову отдельный разговор, все понимаем, чего ждем от ее мемуаров, но что от Никитина?

Как уже сказал в аннотации, обожаю трудные ситуации и нелегкие задачи. Вызов принят, работа выполнена. Вот перед вами мемуары Никитина, которые, надеюсь, отличаются от большинства мемуаров. Почему так? В первую очередь потому, что умею смотреть не так, как абсолютное большинство, а смотрю, как НАДО. И как правильно. Если осилите эту книгу, на многие вещи отныне сами сможете и будете смотреть иначе. И оценивать по другой шкале.

Вообще я уверен, что мемуары могут быть интереснее иного боевика. Нужно только писать их для читающего, а не для себя, любимого. Беда в том, что чтение мемуаров напоминает листание альбома с семейными фото в гостях: хозяин самозабвенно токует, рассказывая, что вот он на горшочке, а вот на детском велосипедике, а вот какает под кустиком, а несчастный гость украдкой проверяет на ощупь толщину альбома.

Конечно, можно сказать многозначительно, как говорили в старину и как все еще говорят те убогие, которые хотят дурам казаться великими и загадочными талантами, – вдохновение посетило, сказало: пиши, а я подиктую. Но по вдохновению пишут только дилетанты, они никогда не поднимутся выше подножия пирамиды, где на вершине – жесткие профи.

Да и пора развеять очередное, но очень уж устойчивое заблуждение. Сейчас чем ленивее дурак, тем упорнее твердит о том, что все эпохи похожи одна на другую, что люди всегда были одинаковы, менялась только одежка… Словом, порет те привычные многозначительные глупости, в основе которых всего лишь тупость и нежелание копаться в источниках, изучать материал, а жажда побыстрее сляпать книжицу, фильм, пьесу и

сорвать куш.

Это было всегда, и когда видите как сытый и важный дурак с экрана вещает, что в таком-то его историческом фильме он исследовал глубины души, тайные фрейдовские мотивы поступков таких-то деятелей, то читайте между строк: я, честно говоря, поленился хотя бы прочесть книгу, которую экранизирую, или малость узнать о той эпохе. Просто велел костюмерам напялить на актеров костюмчики, примерно подходящие к эпохе… а критикам можно сказать невозмутимо, что исследую глубины души, а души у всех-де одинаковы!

Черта с два. Я застал краешек эпохи, которая отличалась от нынешней настолько, что не поверите просто – насколько. Но это было – читайте. А дед мой застал еще более дивные времена, о тех и пересказать страшно – не поверите вовсе. И когда мой дед, тогда еще молодой, с другими мужиками и бабами забивали кольями колдунов, наводивших порчу на скот, насылали град на поля, превращались в черных котов и увечили коров, а утром как ни в чем не бывало приходили в гости – то это еще только цветочки! И ведьм топили. И каждую весну ребенка закапывали на меже, чтобы урожай был… И стариков увозили на саночках в зимний лес и оставляли там, чтобы освободиться от лишних ртов. Ладно, молчу-молчу. Но смешно, когда говорят, что в эпоху князя Владимира на Руси ну не было никаких человеческих жертвоприношений, тишь да благодать патриархальная!

Впрочем, дело не в прошлом, я как раз о будущем. Оно тоже не будет таким, как его представляли в XVII веке или видят в нынешнем 2004 году. Оно будет таким удивительным и… неприятным, что редкий из ныне живущих принял бы. Как, скажем, не принял бы великий Пушкин нынешнюю эпоху, где отняли имение и дворянство, а чернь, которую так презирал и порол для забавы, уравнялась с ним в правах.

И еще. Это не роман, где плавно и ровно течет действие, а воспоминания. У воспоминаний странная особенность выныривать из памяти яркими цветными камешками. Ну пусть не бриллиантами, а стекляшками, но все равно это мозаика, собранная из множества фрагментов с четко очерченными краями. Конечно, я отбирал только те, что ложатся в картину, которые соответствуют ей, а она все-таки не обо мне, как вроде бы надо, исходя из жанра, а совсем-совсем о другом. Однако получилось или нет, судить вам.

Наверняка каких-то ярких камешков недостает. Что ж, вспомните – пришлите на frog@elnet.msk.ru. Составим летопись самой удивительной эпохи. В самом деле самой удивительной.

Часть 1

Я прекрасно понимаю, что большинству из вас я абсолютно неинтересен:-)). А что раньше избегал интервью, это понимают так, что, мол, мэтру сказать нечего, а книги за него негры пишут. И вообще, наверное, у него тиражи вниз пошли, раз вдруг целую книгу о себе, замечательном и великолепном, которого любит, соперников в этом деле не имеет.

Чтобы еще больше усложнить задачу, обещаю, что ничего не привру и не приукрашу. Всего лишь скучнейший быт. Бытописательство, было такое ругательное слово. Еще раз предупреждаю: не боевик, не фантастика, не ужастик, надо бы просить наборщика выделить это крупным, жирным, толстым шрифтом, или, как теперь говорим, врубить болтом. Чтобы увидели сразу и поклали книгу взад на прилавок. А взамен цапнули лежащий рядом боевичок. Можно того же Никитина:-))

А в этой книге всего лишь скучнейшишачий быт… да-да, всего лишь серый быт!.. Правда, все мы понимаем, не совсем уж тупые, что если автор *действительно* умеет писать, а не просто таким его расписывает в рекламном проспекте издатель – кого еще не называли супермастером, покажите! – то любое написанное должен суметь сделать интересным. А то иные мастера с литературными премиями с головы до ног даже фантастику ухитряются говнякать серостью и занудностью!

Итак, год 1939-й… Пофигу, что не поверят и будут, погыгыкая, махать пальцами, приставив большой к виску, но я хорошо себя помню… с внутриутробности. Конечно, тогда еще не знал, что то странное состояние называется внутриутробным. А затем в самом раннем детстве то непередаваемое ощущение, которое накатывает обычно перед сном, воспоминание о счастливом плавании в околоплодных водах. Однако оно посещало очень часто. Именно в то время, когда укладывался спать, скрючивался, как мы в большинстве делаем, в позу эмбриона. Разум постепенно гаснет, накатывает теплая волна блаженства, исчезает мир, наступает странное состояние невесомости… воспоминания о невесомости, о неком рубеже, к которому так сладко и таинственно приблизиться.

А потом в памяти осколки ярких картинок: склонившееся сверху женское лицо, что занимает весь мир, голоса, зеленый двор, люди-гиганты, что ходят на высоте, а я вижу только их ноги, слышу громыхающие из-за туч голоса. Иногда что-то поднимает меня и швыряет в воздух, а потом огромные теплые ладони

выхватывают из того же воздуха.

С трех лет я уже рисовал дедушкиным карандашом на выбеленных стенах людей и лошадок. По дому ходят большие крупные люди, везде витает запах столярного клея, дедушка постоянно мастерит лавки, табуретки, делает оконные рамы, ему приносят доски и заказывают сделать, сделать это, а он – лучший на Журавлевке плотник и столяр – выполняет заказы с раннего утра и до поздней ночи.

И еще аромат смолы: дедушка еще и лучший в округе сапожник. Он не только ремонтирует любую обувь, но и шьет на заказ, вон на полке два ряда деревянных колодок на все размеры и все типы ступней: с высоким, средним или низким подъемом.

То и дело надсадный рев, затем грохот, сотрясающий землю. Меня хватают в охапку и тащат в погреб, где отсиживаемся, пока грохот не прекратится. А когда вылезаем, то обнаруживаем в саду срубленные осколками ветви, а в стенах флигеля, где живем, зияющие дранкой и расщепленным деревом пробоины.

Иногда, когда раздавался вой и слышались взрывы, дедушка говорит спокойно:

– Эти бомбы пойдут мимо.

И все остаются в комнате. Разрывы все громче, страшнее, грохочущее, а потом начинают отдаляться. Бабушка с облегчением вздыхает, крестится, а дедушка объясняет снисходительно, что бомбы не вываливаются охапкой, а выпадают по одной, а раз самолет летит, то и они будут падать с промежутками, интервалами. И по прямой линии. Так что легко понять, где упадет следующая…

Бабушка снова крестится, вздыхает, она в таких делах не понимала и отказывалась понимать, вдруг вспомнила:

– Сегодня ночью Семенцовы задохнулись. Старого деда, говорят, еще откачают, а она с двумя детьми уже не проснется.

Дед покачал головой.

– Я всегда говорил, что слишком рано закрывает задвижку. Как-то зашел, а в доме уже угар… Спрашиваю, неужели не чуешь? А она грит: да пусть лучше голова поболит малость, зато не замерзнем до смерти.

– Они совсем бедные, – сказала бабушка с жалостью.

– А вот под горой, – вспомнил дед, – Куреннихины, так сами натопили напоследок остатками дров, а потом дед закрыл заслонку да еще и проложил тряпицей, чтоб уж наверняка.

Бабушка ахнула:

– Это ж грешно!

– Видать, больше не мог…

– Бог терпел и нам велел!

– У Бога терпенье больше, раз немцев терпит.

– И что Куреннихины?

– Там дед сказал, что лучше сразу, чем видеть, как дети умирают… Их было семеро.

– Пятеро, – возразила бабушка. – Я знаю, мы в родне.

– Пятеро своих, – пояснил дед, – да еще двоих от помершего племяша взяли. Но прокормить нечем, вся родня и соседи и так пухнут с голоду.

– Да, мрет народ…

– А город, почитай, весь вымер. Здесь хоть прятаться есть где, а там пока до бомбоубежища добежишь… Да и топить им нечем. И воды нет.

У нас на Журавлевке существовал маленький рынок, называемый «базарчиком». Однажды там партизаны подстерегли и застрелили двух немецких солдат.

Немцы мгновенно оцепили весь район, вытолкали из домов всех, кого обнаружили из мужчин, пересчитали, выбрали из строя двадцать человек и объявили, что расстреляют их из расчета по десять русских за каждого немецкого солдата, если… партизаны не объявятся.

Партизаны, конечно же, не объявились, и всех двадцатерых расстреляли. Самое удивительное для жителей Журавлевки было в том, что в число двадцати попал и настоящий немец, что приехал в нашу страну восемь лет тому и работал здесь главным инженером на заводе.

Несмотря на его мольбы, офицер, руководивший расстрелом, ответил хоть и с сочувствием, но непреклонно:

– Закон есть закон. Мы не можем вас ни отпустить, ни заменить другим, потому что это будет… нечестно. Пусть эти русские видят, что немцами правит закон. И этот закон мы несем по всему миру.

После расстрела двадцати жителей ближайших к базару домов партизанская активность прекратилась полностью.

Почему-то я не терпел оставаться один дома. Чтоб не оставляли, шкодил в квартире, хватал кружку и разливал по комнате воду. А теперь, когда у нас щенок, он точно так же шкодит, настойчиво добивается, чтобы не оставляли одного. Наверное, тот же инстинкт?

Пол усыпан сухой шелухой от подсолнечника, аппетитно пахнет маслом. Дед смолит дратву, я помогаю, это умею: нужно вытягивать из клубка особо толстую такую нитку, что почти уже

веревка, а не просто нитка, и, держа ее натянутой, водить по ней куском смолы, прижимая с силой, так что дратва постепенно врезается в эту черную блестящую глыбу, похожую на удивительный драгоценный камень. Если тереть в одном месте, то нитка прорежет пополам, как нож прорезает масло, но, конечно же, никто так не делает. Я тоже тру в разных местах, а дедушка следит, чтобы серая, как бечевка, дратва становилась черной и блестящей, просмоленной. В этом случае не размокнет, не перетрется и не лопнет, а башмаки, подшитые этой дратвой, будут носиться до тех пор, пока не сотрется подошва.

Центральное место в доме занимает, понятно, печка. И по размерам она едва ли не пятая часть, а то и четверть от всего пространства, сложенная умелыми печниками из красного кирпича. Сверху плита из чугуна на две или три конфорки, а сбоку одна или даже две духовки. В духовках пекут хлеб, пироги, куличи, пряники.

В торце две дверки: большая сверху и маленькая, поддувало, снизу. В большую закладываются дрова и нижнюю приоткрывают когда настежь, а когда чуть-чуть, чтобы «поддувало» снизу, тянуло воздух, тогда в верхней камере разгорится лучше. Но приходится регулировать, нельзя, чтобы прогорело чересчур быстро. Огонь должен быть именно таким, чтобы не выше и не ниже нужного.

Конечно, прежде чем положить дрова в топку, сперва нужно выгрести то, что осталось от вчерашнего, то есть подставить старое «угольное» ведро и выгребать из печи «жужалку», – спекшийся шлак, – поднимая тучи пепла и золы.

На улице за сараем этот шлак тщательно просеивают через крупноячеистое сито, отбирая несгоревшие частицы дерева и угля. Они снова пойдут на топку, это добавка к дровам, а полностью бесполезный шлак можно высыпать зимой на дорожку к колодцу.

Затем в освободившуюся и прочищенную топку закладываются дрова. Сперва самые мелкие и сухие лучиночки, кусочки бумаги, потом покрупнее, между ними оставляется пространство, чтобы проходил воздух, иначе не загорится, затем поленца потолще.

Поджигается первая лучинка, ждем, пока все разгорится, сверху кладем еще дрова, уже самые толстые, по мере того, как проседает сгорающая мелочь, и в завершение – сыплем уголь поверх этих толстых поленьев. Когда огонь дойдет до них, жар в печи будет уже достаточным, чтобы начал гореть и уголь. От угля уже настоящий жар, толстая чугунная плита начинает светиться сперва багровым, вишневым, а потом уже алым светом.

Как во всяком доме, возле печи – жара, а возле окон холод. Чтобы выглянуть на улицу, прикладываешь палец к покрытому ледяными узорами окну и ждешь, когда протает. Если же хочешь получить красивые ровные дырочки, то греешь на печи пятаки и прикладываешь их, так получаются ровные красивые «глазки».

К вечеру все взрослые внимательно следят, чтобы в печи прогорело, не оставалось ни единого дымящего комочка, слишком много соседей угорали, поспешив перекрыть заслонку. И вот когда в печи остается только ровный красный уголь, заслонку перекрывают, и все тепло отныне не улетучивается через трубу, а остается в печи, а значит, и в доме.

Еще позже на печи уже можно сидеть, но сперва, правда, подстелив под себя множество толстых тряпок, иначе не усидишь. Это такое блаженство, когда сидишь на тепле, свесив ноги, лузгаешь семечки, и все так хорошо, покойно!

По комнате скачет веселый козленок, подпрыгивает и бодает в подошвы, требует, чтобы я слез и поиграл с ними.

Не слезу, играть можно целый день, а на печке посидеть удается только поздно вечером.

Дед часто уходит в села на заработки, мастер на все руки: и плотник, и столяр, и сапожник, и шорник, умеет печи класть и вообще может дом построить от «фундаменту» до трубы на крыше. Однако и на селах везде бедно и голодно: немцы проходят волнами и всякий раз выгребают «масло-яйки», забивают кур и гусей, вообще всю домашнюю живность, вплоть до кроликов, уводят коров и коней.

По его возвращении в доме всегда пахнет давно забытым салом. На столе появляется тарелка, куда дед льет густое подсолнечное масло, бабушка сыплет соль – крупные серые кристаллики, похожие на льдинки, и мы начинаем есть лакомство, макая ломти черного хлеба.

Немцы ушли, две недели в городе безвластие, точно так же, как и при отступлении наших войск. Народ растаскивает все, что бросили немцы. Особым спросом пользуется мыло, многие бабы натаскали целые ящики, однако мыло оказалось каким-то странным, мылится совсем мало. Вернее, совсем не мылится. Знатоки объяснили, что это не мыло, а очень похожий на мыло тол, взрывчатка такая.

Нашим родственникам по линии бабушки, Евлаховым, несказанно повезло: удалось наткнуться на брошенные или забытые ящики консервов! Торопливо расхватали, с великими трудностями притащили из Старого города к себе на окраину, на Журавлевку, а вечером с торжеством открыли первую банку.

Собралась вся семья с ложками, вилками. Открыли и… заорали дурными голосами. Бабы разбежались, зажимая рты, а Евлахов, мужественный человек, взял банку и, отворачивая голову, отнес к мусорной яме: лягушачьи лапки! Одни лягушачьи лапки – и больше ничего! Вспомнили, что в городе стояла итальянская дивизия, это все от них, проклятых лягушатников. Да лучше с голоду помереть, чем лягушек есть…

Традиционно выждав пару недель, опасаясь засады, в город вступила Красная Армия. Говорят, что это во второй раз. Первый раз вошли нищие и ободранные, одна винтовка на троих, пулеметы везли на коровах, а сейчас и вооружение намного лучше, и танки идут рядом. Дедушка сказал знающе, что на этот раз город уже не сдадут. Техника не хуже немецкой, а воевать наши научились.

Бабушка постоянно белит стены. Разводит толченый мел в ведре с водой, тщательно перемешивает, а потом макает в него широкую щетку и тут же, оставляя крупные капли на полу, мажет ею по стене. Новый слой мела покрывает старый, исчезают потертости, копоть, а также мои рисунки дедушкиным столярным карандашом. Я не помню, с двух или трех лет я научился рисовать, но мне кажется, что рисовал всегда.

Стены, по моему представлению, от частого беления все время сужаются, скоро станет тесно… Прислониться нельзя, выпачкаешься в мелу. Прежде чем выйти на улицу, каждый тщательно осматривает себя в зеркало со всех сторон: не задел ли где стену? Не прикоснулся ли? Все же можно было увидеть на улице человека, у которого то плечо в мелу, то локоть, то задница. И от мальчишек на улице не случайно постоянно слышится: дяденька, у вас вся спина сзади!

Подразумевалось как бы, что в мелу, и дяденька тут же начинал вертеться, пытаясь увидеть собственную спину, а когда обнаруживал, что спина чиста, ему невинно объясняли, что спина у него в самом деле сзади.

Бабушка обычно будила меня к завтраку, говорила наставительно:

– Проснулся? Доброе утро…

– Доброе утро, – отвечаю я.

– Нет, – поправляет она терпеливо. – Нужно отвечать «Утро доброе». Слова переставлять, понимаешь?

– Зачем?

Она некоторое время мажет стену щеткой, макая в ведро с разведенным мелом, не зная, что ответить на такой трудный вопрос, наконец повторила наставительно:

– Утром нужно говорить «Доброе утро», днем – «Добрый день», а вечером «Добрый вечер». Запомнил?

– Да, бабушка.

– Отвечать же надо, обязательно поворачивая слова в обратном порядке. А это запомнил?

– Ну, ага… а как это?

– «Утро доброе», «День добрый», «Вечер добрый». Понял? Запоминай. Если кто на «Добрый день» ответит тоже «Добрый день», то это неуважительно и даже оскорбительно, понял? Это значит, что ты не слушаешь того, кто с тобой поздоровался, не обращаешь внимания, а сказал что-то просто для того, чтобы звук издать…

– Хорошо, бабушка.

– Смотри, не путай, – сказала она строго. – Это вон даже жиды знают! На «Шолом Алейхом» отвечают – «Алейхом шолом», а вон Абдулла говорит «Салям алейкум», а мы ему отвечаем «Алейкум салям»… Запомнил?

– Запомнил, бабушка…

– Не забывай. Со взрослыми нужно быть вежливым.

Огромный двор, заросший странным необычным лесом, что выше меня втрое-впятеро, и я пробираюсь между толстыми влажными стволами, устраиваю там шалашики, убежища, гнезда, как иногда устраивают куры или гуси, что не желают нестись в курятнике и делают себе тайные гнезда, где откладывают яйца и пытаются их высиживать.

Дедушка принес двух огромных удивительных зверей, их называли трусами, лишь через несколько лет я узнал, что их зовут еще и кролями. Потом завели кур, уток, гусей, купили козу, что принесла веселых игривых козлят.

Потом – мелких подвижных поросят, что очень быстро вырастали в больших толстых свиней. Эти свиньи обычно лежат в сарае в холодке, но иногда гуляют по двору и роют норы, стараясь подрыться под сарай или под забор. А вот куры, гуси и утки свободно ходят на улицу. Я видел их только во дворе, это весь мой мир, лишь со временем я научился становиться на скамеечку и смотреть через забор на другой мир: огромный, пугающий, чужой, где ходят *другие.*

По улице ездят на скрипучих телегах, на подводах, подковы звонко цокают по булыжной мостовой, вылетают и быстро гаснут крохотные острые искорки. Когда лошадь останавливалась, возчик подвязывал ей к морде мешок с овсом, уходил, а она неспешно жевала, время от времени встряхивая головой, чтобы подбросить мешок и поймать в нем широкими мягкими губами

зерна.

Иногда конский хвост поднимался горбиком, вываливались желтые тугие каштаны, некоторые разбивались о землю, другие расклевывали налетевшие воробьи, спеша добраться до еще теплых, непереваренных зернышек. На мостовой такие каштаны, расклеванные или нет, постепенно высыхали, рассыпались, проседали между неровно торчащими булыжниками, теряя цвет и сливаясь с серой землей.

Телеги двигаются по вымощенной неровной брусчаткой улице. Она тоже называется Журавлевкой, а от нашего дома уже – Дальней Журавлевкой, так что наш дом на этой улице первый, но под номером вторым, чего я долго не мог понять, пока бабушка не объяснила про четные и нечетные стороны.

Иногда по улице проезжает машина. Они делятся на легковые и грузовые. Легковые – это «эмки» и «победы», а грузовые – полуторки и «студебеккеры». «Студебеккеры» вскоре исчезли, а полуторки еще долго ездили по улице. Потом появились трехтонки, чудовищно огромные и сильные машины, на которых уже можно было перевозить до трех тонн груза.

Вечерами женщины собираются в комнате у бабушки. Кто прядет, кто штопает, но все таинственными голосами говорят о ведьмах, что перекидываются черными кошками и ходят доить чужих коров, о домовых, что начали шкодить уж чересчур, а это не к добру.

Нюра дрожащим голосом поведала про черного человека с вот такой головой, что среди ночи садится ей на грудь, ну прямо дохнуть низзя, и смотрит красными глазищами. А тетя Василиса рассказала, что вчера она наконец решилась спросить воющего в трубе домового: к добру или к худу?

– Ну и как, что ответил? – допытывались бабы, обмирая от сладкого ужаса.

– Я слышала, – ответила Василиса с тяжелым вздохом, – в трубе прогудело: «К ху-у-у-ду-у-у-у…»

На миг примолкли, потом бабы начали галдеть, что это еще не обязательно к беде, может быть, домовой просто требует внимания. Надо ему побольше молочка наливать, маслица капнуть, он и подобреет, перестанет насылать порчу.

Пользуются особым вниманием рассказы о женщинах, которые в отсутствие мужчин спят с собаками. Якобы жены офицеров. Такой-то, мол, начал удивляться, что его любимая овчарка стала кидаться на него, когда он полез к жене… А такой-то обнаружил у жены синяки вот тут и тут, где овчарка хватает женщину передними лапами, когда имеет.

Рассказывают всегда только про жен офицеров и про овчарок.

Это и понятно: есть собаки, они разные, а есть – овчарки. Это огромные, страшные собакозвери, выведенные специально для охоты на людей.

Их вывели фашисты, чтобы охранять наших военнопленных в концлагерях, а когда Германию победили, наши офицеры привезли оттуда с награбленным имуществом еще и этих страшных собак.

Солдаты, конечно, вывезти могли совсем немного: только то, что помешалось в мешках, которые могли унести на себе. Пользовался успехом рассказ про одного солдата, что стал миллионером, так как догадался привезти из Германии целый ящик иголок.

Иголки, понятно, на вес золота, если не дороже: вся страна шьет, штопает, латает. Иголки – самый ценный товар, а в ящике их сотни тысяч.

Иногда, в праздники в наш флигель набивались соседи, пряли, сучили шерсть, вязали, рассказывали страшными голосами жуткие истории про убитых, зарезанных. На этот раз зашел разговор, почему ведьмы перекидываются именно черными кошками: тетя Нюра, наша соседка и родственница, доказывала, что все злое должно быть черным, ссылалась на Библию, приводила цитаты.

Бабушка слушала с недоверием.

– Ну а как же куры?

– А что куры? – спросила Нюра.

– У меня во дворе и белые, и желтые, – сказала бабушка, – и даже чернущщия, а яйца все равно от всех белыя!.. Ты разберешь, от какой какие?

– То куры, – возражала тетя Нюра, – а вот ворон был белым, пока не научил Каина, как убить Авеля! Бог его проклял, теперь тот черный! Черный, как грех.

– Но куры в чем виноваты?

– Куры тоже в чем-то да провинились, – отрезала тетя Нюра строго. – Господь зря не наказывает! А так вина на детях до седьмого колена, а потом остается, как знак. Ну, как вон волчий билет Прохору. Ворон тоже семь поколений бедствовал, все птицы его клевали, били и гнали от себя, а теперь более сытой птицы, чем он, нет на свете!.. Но остался черным, чтобы все помнили: грех наказуем!

– Ага, как дети лишенца, – сказала тетя Валентина понимающе. – Внуки врага народа… Но сын за отца, как говорит товарищ Сталин, не отвечает. Так что и нынешние вороны живут хорошо, ничо не скажешь. Как вон явреи, коих Господь рассеял по свету за своего распятого сына, но теперь прижились так, что

даже Гитлер не сумел их всех изжить со свету.

Дедушка Савка, это мой двоюродный дедушка, подумал, сказал осторожно:

– Да вроде бы товарищ Сталин взялся… Евреи, которых он послал создавать в Палестине государство, еще и оружия надавал для целой армии, таки подняли восстание против Англии и создали Новый Израиль. Он же туда отправил целую армию! Да только не захотели те евреи входить в СССР, как велел им товарищ Сталин. Решили, как и этот проклятый изменник Тито, будь он проклят, жить отдельно. Как будто можно быть коммунистами и жить отдельно! Вот за это товарищ Сталин и маленько осерчал на евреев. Низзя обманывать такого человека, низзя!

Мой дедушка задумался, почесал в затылке, сказал в затруднении:

– Да оно непонятно, к добру или к худу. Осерчал на одних, а выместит на других.

– Дык одно племя!

– Ну это да, они все один за другого. Так что можно бить и по невиноватому – отзовется и на виновном.

Я уже не страшусь выходить за калитку и подолгу играю с такими же, как и я, по возрасту прямо на улице. Сейчас ее назвали бы проезжей частью, но тогда не было разделения на тротуар и дорогу, разве что видна колея от проезжающих телег. Там и трава растет хуже. Мы там почти не играем: кузнечики там не прыгают, жуки забегают редко, а муравьи роют норки под широкими листьями лопухов и других трав, что растут на улице. Иногда сверху останавливается огромный взрослый, смотрит, как слон на кролика, спрашивает:

– Ты чей?

Я обычно поворачиваюсь и указываю на свой дом, а ребятишки постарше объясняли, чей я. Взрослый начинал бормотать что-то вроде: «Сын Никитиных, внук Репиных и Носовых… это же двоюродный Евлаховым… внучатый племянник Ратнику… Улицкие – тоже их род… ага, значит, он мне родня по линии дедушки Ромоданских…»

И, ласково коснувшись моей головы, шел дальше. В конце концов я уже научился ориентироваться в своей ближайшей родословной, отвечал быстро и четко. Постепенно я понял, что на Журавлевке я довожусь родственником абсолютно всем, и даже «за рекой» и «под горой» половина нашей родни, там селятся убежавшие из наших Русских Тишков.

Целые села переселялись «в город», так это называлось, хотя

селились на не занятых землях вблизи города, ставили такие же домики, спешно раскапывали землю для садов и огородов. Одно село, Русские Тишки, состояло из Носовых, а другое, Черкасские Тишки, – из Репиных. И те и другие невест старались брать друг у друга, как бы взаимно ослабляя соперника, а когда пришла беда раскулачивания, из обоих потянулись в город сперва раскулаченные, а потом вслед за ними – на индустриализацию.

Всю Журавлевку, огромный пригород Харькова, составило население двух сел, и все они в той или иной мере – мои родственники. Конечно, существуют еще и Тюринка, Рашкино, Алексеевка и другие пригороды, там *другие,* там *не наши,* а здесь свой мир, только наш род.

И снова, копаясь на улице в песочке или пуская в ручье кораблики, время от времени слышал над головой:

– Эй, строитель, а ты какого роду-племени?

Это потом я соображу, что застал еще деление на роды и племена, как было у полян, древлян, дряговичей, уличей и прочих древних славян. А также у всех древних племен, будь это в Ассирии, Месопотамии или Халдее. Взрослые всякий раз придирчиво расспрашивали, чей я, затем долго устанавливали мои родственные связи, тянули нити, выясняя, что я довожусь такому-то троюродным племянником, такому-то тем-то, а с родом Евлахова я кровник через такого-то, что ниже родства с тюринцами, но выше родства с рашкинцами….

И так всякий раз незнакомыми уточнялось, кто принадлежит к какому роду. И лишь после этого начинались взаимоотношения, построенные на иерархии.

На улице столпились мальчишки, это Вовка вынес на блюдце большую каплю живого серебра. От тяжести это уже не шарик, расплющилось по донышку, переливается, странное и загадочное, перекатывается от одного края к другому. К Вовке тянутся наши ладошки, он гордо и по-царски наделил всех, себе оставил самую малость, завтра отец еще принесет…

Потом и мой дедушка начал приносить в бутылочке живое серебро, я часами играл с ним, катая по ладошке, не переставая изумляться странному живому металлу, жидкому, как вода, но такому непривычно тяжелому, даже более тяжелому, чем если бы я держал на ладони такой же кусочек железа или чугуна.

Блестящий таинственный шарик живого серебра бегает очень живо, всегда стремится найти место пониже, сопротивляется, когда его выталкиваешь, пытается протиснуться между пальцев, их надо держать крепко, ибо если упадет на пол, то разобьется на сотни крохотных блестящих бусинок, и тогда долго придется

ползать на коленках, собирая на краешек листочка.

Когда две бусинки встречаются, мгновенно сливаются одна с другой, сразу превращаясь в шарик побольше. Я заметил, что этим шарикам самим хочется слиться, проверил несколько раз: ставил два на ровном месте, потом начинал осторожно придвигать один к другому. И вот когда между ними еще остается пространство, оба вдруг сдвигались с мест, соприкасались боками, и тут же мгновенно на их месте возникал шар вдвое больше, начинал блестеть счастливо и радостно, словно мать подхватывала на руки ребенка!

Уже и другие родители приносили с заводов и фабрик ртуть, так правильно называлось живое серебро, мы подолгу играли с ним, сливая в такие большие капли, что они уже по форме не капли, а больше похожи на налитое в тарелку густое масло.

Дед с силой колотит кремнем по огниву. Я выждал когда искорка покрупнее упадет в мох, бросился на четвереньки у печи и принялся дуть в нее, стараясь чтобы стала крупнее за счет нежных стебельков сухого мха. С третьей искорки удалось раздуть крохотный огонек, дальше осторожно сунул ему тончайший краешек, почти прозрачный кусочек бересты, больше похожий на шкурку, что слезает с кожи, когда обгоришь на солнце.

Дед крякнул с удовлетворением:

– Надежно… Это не спички, которые еще купить надо!

Я смотрел, как он укладывает все в кисет, завязывает толстым шнурком, тонкий трудно развязывать. Кисет висит на широком кожаном поясе, слегка оттягивает ремень.

Но мне больше нравились спички. Эти тонкие полоски дерева обернуты в бумажку, один край намазан коричневой массой. Чтобы зажечь, нужно отломить от полоски лучинку и чиркнуть намазанным местом по этой же бумажке.

Позже появились настоящие коробочки с уже нарезанными и уложенными лучинками. Оставалось только вынуть из ящичка крохотную палочку и чиркнуть ею по такой же коричневой полоске на боку коробочки. Так намного удобнее, и хотя такие коробочки стоят намного дороже, их покупали охотнее.

На все двери, ставни, окна и даже форточки ставят крючки. Потом им на смену придут задвижки, такие маленькие засовы, но раньше были только крючки. На косяк прибивалась петелька, чтобы дверной крючок острым клювиком попадал в выемку, так запирались все двери. Когда крючок «откинут», он свободно висит вдоль двери.

В продаже крючки самые разные: от простых, из толстой

проволоки, просто-напросто длинный гвоздь с колечком на одном конце и загнутым краем на другом, и до роскошных, отлитых в художественных мастерских, где на металле выпуклые сцены сражений древних воинов, сцен охоты или каких-то древних богов и богинь в непонятных ритуалах.

Много крючков с надписями на старом языке, там какие-то буквы, которых теперь нет, есть крючки с выпуклыми коронами разных видов, с гербами, начиная от привычных двуглавых орлов и заканчивая странными изображениями щитов с выдавленными на них диковинными зверями.

Дед Савка чинит конскую сбрую, я посматриваю на его могучие руки, игла в его руках, как маленький кинжал, простой иглой и не проткнешь толстую кожу.

Дедушка иногда вытаскивает из нагрудного кармана на металлической цепочке массивный выпуклый диск, нажимает рычажок, слышится щелчок, крышка откидывается. Я зачарованно смотрю в открывающийся волшебный мир: часы такие же, как наши ходики, только все внутренности упрятаны в эту коробочку, а взгляду открывается только сам циферблат с двумя стрелками: большой и маленькой.

Подумать только, каким надо обладать мастерством, чтобы часы, настоящие часы суметь упрятать в такую маленькую штуку!

Во всех учреждениях плевательницы: белые, круглые, фарфоровые, с отверстиями в середине. Стоят по углам, на перекрестках коридоров, а иногда и вдоль стен. Какие-то прямо на полу, некоторые – на подставках, тумбочках, даже на специальных решетках из толстых железных прутьев.

Люди, разговаривая, подходят к плевательницам, плюют, стараясь попасть. Для этого останавливаются прямо над плевательницей, выпускают слюну, чтобы та под действием гравитации падала точно в отверстие.

Как-то пошли мы с дедушкой, меня не с кем было оставить дома, в какое-то учреждение. Сперва шли по длинному коридору, где красиво белеют веселые плевательницы, вычищенные до блеска, сияющие, а потом перешли в другую половину здания, где и стены серые, и плевательницы темные, засиженные мухами, с комьями засохшей слизи. И стоят так редко, что всякий предпочитал плюнуть на пол или в пустой угол, чем искать плевательницу, из которой вылетит в ответ на плевок рой зеленых злобных мух.

Пока я рассматривал плакаты «Враг подслушивает!» на стенах, дедушка подошел к плевательнице, остановился над нею,

растопырившись, даже наклонился, чтобы не промахнуться, долго жевал, собирая и соскребывая слизь не только с горла, но и с нёба, языка, смачно харкнул. Тяжелый комок звучно шлепнулся о самый край, серо-зеленый, медленно пополз по блестящей белоснежной поверхности к темному отверстию.

Он поморщился.

– Раньше попадал точно в середину с трех шагов… То ли стали делать их поменьше, то ли я стал…

Один из мужчин, что сидел и ждал очереди, кивнул, посочувствовал:

– Меньше стали делать, меньше.

– Зачем?

– Не знаю. И вообще их меньше стало.

Дед огляделся, покачал головой.

– В самом деле. То стояли через каждые два шага, а теперь…

Часы-ходики мерно тикают, гиря на цепочке медленно опускается к полу. Я уже научился, что, когда гиря опускается очень низко, нужно одной рукой приподнимать гирю, а другой потянуть за цепочку. Там в жестяном ящичке часов повернется колесико, и часы снова «заведены».

Однажды, когда часы все-таки остановились, а дома никого не было, я придвинул табурет, на него поставил табуреточку, взобрался и, сняв жестяный кожух, долго всматривался в зубчатые колесики, трогал цепочку с гирей, старался представить, как она тянет, как поворачивается колесико, на зубья которого, оказывается, надевается цепочка и заставляет его поворачиваться…

…как колесико цепляется зубчиками за другое и поворачивает, а то крутит стержень, на конце которого две стрелки: часовая и минутная. Так вот почему двигаются по кругу!

К приходу родителей ходики снова работали. Я долго крепился, но не вытерпел, рассказал, как я заглянул вовнутрь, разобрался и все починил.

Бабушка не поверила, для нее устройство даже таких часов – верх сложности, дед в задумчивости погладил меня по голове.

– Все понял?

– Все, дедушка. Сам могу сделать такие часы… но из песка не получится.

Он засмеялся.

– Не всегда будешь рыться в песочке. Не всегда!

Бабушка периодически стол не только моет, но и скоблит ножом. Столешница становится белая, чистая, снова пахнущая

стружками, деревом. Но мыть стол – занятие трудное, в щели всегда набиваются крошки, потому стол обычно накрывали скатертью. Так и наряднее, а чтобы скатерть меньше пачкалась, ее сверху накрывали еще и красивыми цветными клеенками. Ну, а чтобы клеенку меньше пачкать, сверху стол застилали газетами.

Это так просто и удобно: мокрую грязную газету собираешь в ком вместе с объедками и выбрасываешь.

А по клеенке просто проходишься мокрой тряпочкой.

Скатерть тоже видно: ее края выглядывают из-под свисающей чуть ли не до полу клеенки.

Вечером дедушка принес желтоватые ровные поленца, пахнущие так, что я безошибочно понял: сейчас будем щипать лучину, это так интересно. Это непросто, зато какие тонкие ровные получаются палочки! Их связывают в пучки, которые бабушка держит в правом уголке мисника, сейчас бы назвали полками для посуды, но из посуды тогда были только оловянные и алюминиевые миски, из мисок едят все, и потому эти посудные полки называются только мисниками, никак иначе.

Мне нравилось смотреть, как горит лучина, это даже интереснее, чем керосиновая лампа, хотя не так интересно, как свеча, у свечи все больше и больше причудливых наплывов, пока наконец это уже и не свеча, а расплывающееся в блюдце озеро, в середине которого догорает кончик нитки, называемой суровой.

При свете лучины рассказывают обычно о ведьмах, домовых, вылезающих из могил мертвецах, упырях, вурдалаках, песиглавцах и чугастырях. Дед иногда рассказывал, что сейчас наступил совсем-совсем другой мир, что сейчас жить очень хорошо, что сейчас нравы иные, а вот раньше…

И бабушка вступала в разговор, вспоминали детство, когда не было таких лет, даже дней, чтобы в их селах вдоволь ели. В семьях рождалось по пятнадцать-двадцать детей, выживали от силы пятеро, да и те редко дотягивали до возраста, когда начинают плодиться.

На стариков дети всегда смотрели как на обузу, постоянно спрашивали, когда же умрут, освободят место в тесной хате. А зимой самых старых сажали на санки, отвозили в лес и там оставляли. Так было принято.

– Но они же… замерзнут! – вскрикивал я.

– Да, – отвечал дед. – Конечно, замерзнут.

– Но разве так можно?

– Замерзнуть – легкая смерть, – объяснил он. – Становится тепло-тепло, так и засыпаешь… Люди замерзают с улыбкой.

А бабушка поясняла:

– Когда хлеб заканчивается, а до нового урожая еще далеко, то либо всей семье умереть от голода, либо кому-то.

– А если есть понемногу? – спрашивал я шепотом.

– Все и так ели понемногу, – говорила бабушка с застарелой грустью. – Весной люди в деревнях – кожа да кости. Выходят и шатаются. Первую травку грызут окровавленными деснами, зубы-то от бескормицы выпадают… Так что, когда хлеб кончается, приходится выбирать, кому умереть: старикам или детям.

Я спрашивал, задерживая дыхание:

– А старики… соглашались?

– Они все понимали, – ответил за бабушку дед. – Сами просили отвезти себя в лес пораньше, чтобы хлеба осталось больше. Я же говорю, сейчас совсем-совсем другой мир! Стариков перестали отвозить в лес на смерть… это же, это же никогда такого не было! Всегда отвозили. А теперь вот не отвозят. Вообще.

– Хлеба хватает, – вставила бабушка.

– Хлеба хватает, – согласился дедушка. – Да и вообще… Сейчас, даже если не хватит, даже не знаю, вспомнят ли, что так надо. Испокон веков так делали, а сейчас вот перестали. Меняется мир, меняется… Такого еще не было. Все века стариков отвозили в лес, а сейчас перестали…

– Перестали, – подхватывала бабушка, как эхо, – перестали! Это же надо, перестали…

На реке можно нарезать лед крупными глыбами, погрузить на телегу и привезти домой, в подвал. Там лед укладывают как можно плотнее глыба к глыбе, посыпают сверху опилками, это не дает льду растаять. Во всяком случае, под опилками лед тает очень медленно, я сам видел тонкие льдинки еще в мае, а то и в июне.

Такие вот подвалы со льдом называются «холодильники».

Дедушка бреется бритвой завода «Zinger». Она у него еще со времен первой мировой войны. Прекрасная бритва, говорит дедушка, только вот лезвие уже сточилось почти наполовину.

Сперва он бережно острит ее на точильном камне, который из-за гладкости кажется просто куском мыла, а потом правит на длинном широком ремне, прицепленном одним концом к косяку двери.

Еще у него чашечка и лохматая щеточка для взбивания пены, которой обильно покрывает лицо. И вообще у всех мужчин широкие ремни, на которых правят бритвы.

Это основное, для чего существуют ремни.

Дедушка рассматривает письмо с фронта и говорит с удивлением:

– Смотри на штемпель…

Бабушка всмотрелась, ахнула, отодвинулась.

– Господи, что же это?

– Да вот, похоже, перемены…

– Но как же можно?

Дед снова подумал, посмотрел в потолок.

– Наверное, сейчас самое время. Мы наступаем, уже в Германии. Самое время слово «боец» заменить на слово «солдат».

Бабушка перекрестилась, глаза испуганные.

– Теперь что же… Наши в армии будут зваться солдатами?

Дед кивнул.

– Да. Видишь, «Солдатское письмо». Приучают, что они хоть и бойцы, но уже и солдаты.

Потом я слышал спросонья, что обсуждали новую форму для командиров. Теперь их будут называть офицерами, они снова будут золотопогонниками, снова вернутся к старым званиям: капитан, полковник, генерал…

Мне уже доверено закрывать окна. Сперва выходишь на улицу, чтобы сделать самое главное: закрыть ставни. Тяжелые, дубовые. Наши ставни выкрашены в темно-зеленый цвет, от которого веет войной, защитной формой бойцов, в то время как почти у всех на улице они коричневые: наш сосед купил дешево бидон краски и поделился с нами.

Вот ставни плотно сомкнулись, я накладываю крест-накрест железные слеги, закрепляю. Между толстыми досками остается едва заметная щелочка. Мой дедушка, искусный столяр, сумел бы подогнать так, что между ставнями не протиснулся бы и волосок, но с улицы в такую щель ничего не увидишь, как и не пролезешь, а из дома в такую щель, приложившись глазом, можно рассмотреть многое, если не все-все.

Вернувшись в дом, я набрасываю с правой ставни на левую крючок, там толстая петля, потом затворяю створки окон, и теперь наш дом надежно отгорожен от улицы.

На ночь дверь обычно еще и подпирали поленом, для этого на деревянном полу в каждом доме прибивается такая железная пластинка с бортиком, чтобы одним концом полено упиралось в дверную ручку, а другим – в этот бортик.

В домах, где пол земляной, в земле просто ямка, в которую упирается такой вот добавочный запор. Так вот ставнями закрывали испокон веков, как говорит дедушка, это надежно,

проверено. Раньше стреляли из луков, так вот такие ставни никакая стрела не прошибет, можно отсиживаться, даже отбиваться. Каждый дом превращается в маленькую крепость.

Я по ночам, засыпая, представлял конных всадников в лохматых шапках, что несутся по улице с визгом, спешат увидеть дом без ставень, чтобы ворваться, убить всех или забрать в полон, разграбить, унести «добро»…

Сегодня закат был просто диким, сумасшедшим. Красным залило полнеба, а багровое солнце распухло немыслимо, от него пошел алый пар, небо пылает, по небосводу сползают реки тягучего горящего клея.

Как только в комнате начало темнеть, я долил масла, поджег спичкой фитиль и тут же осторожно накрыл стеклянным колпаком. Тяга усилилась, желтый огонек с готовностью вытянулся вверх. По ободу стал красным, затем перешел в багровый, а с кончика начали срываться черные крупинки копоти. Я чуть-чуть повернул колесико, уменьшая пламя, вспомнил, что дедушка говорил, надо чуть подрезать фитиль, тогда копоти будет меньше.

На низком потолке уже темнеет все расширяющееся пятно, словно оттуда смотрит беззвездная ночь. Ничего, завтра бабушка снова побелит, она очень любит белить.

Яркое солнце, ласковый ветер, птицы весело щебечут, радуются, как говорят взрослые, окончанию войны. Мальчишки запускают бумажного змея с длинным хвостом из тряпочек. Не все умеют их мастерить, здесь надо чувствовать, как и что. Кроме планочек и умело наклеенной бумаги, необходимо еще очень точно подобрать длину хвоста, сбалансировать, чтобы тяга была ровной, чтобы змей не рыскал из стороны в сторону.

Отец мой ушел на фронт в первые дни войны и уже не вернулся. Последнее сообщение было из-под Берлина, где он, тяжело раненный, попал в госпиталь. Но я его не помню, в моей жизни только мама и бабушка с дедушкой. Недавно они присмотрели на соседней улице угловой домик, что выходит прямо на перекресток, там сходятся пять улиц. Место прекрасное, земельный участок очень большой. Домик ветхий, под соломенной крышей, дедушка спросил меня, похлопывая по плечу:

– Помогать будешь?.. Мы сможем снести этот курятник, а на его месте построим просторный дом!

– Еще бы! – ответил я с азартом. – Конечно.

– Тогда беремся, – решил дед. – Но смотри, работы будет

много.

– Дедушка, мы сможем!

После купли избушки разметать ее было делом пары часов, а затем заново рыли яму под фундамент, покупали кирпич и укладывали на дно, скрепляли цементом. А затем возвели стены из отесанных бревен, я обил их крест-накрест дранкой, чтобы глина держалась, потом врезали окна, сами застеклили, и к концу лета дом был готов. Изнутри и снаружи бабушка побелила раствором мела, но снаружи после каждого дождя приходилось белить заново, так что еще два года собирали деньги на кирпич, и в конце концов обложили весь дом. Он так и назывался «обложенный» в отличие от возведенных из кирпича. Такие дома, «обложенные», считаются надежнее и теплее, чем со стенками только из кирпича.

Особенно впечатляла крыша: дедушка сумел выписать с завода металлическую черепицу. Это было невиданно, так как вся остальная Журавлевка цветет золотыми соломенными крышами. Ничего не изменилось со времен полян, уличей, хеттов, ассирийцев и всех, кто выращивал пшеницу, а вот у нас другой век: крыша из настоящей жести! С горы, где располагается старый город, вся Журавленка выглядит как огромная желтая поляна с распустившимися одуванчиками, и только наша крыша блестит металлом. Сверху в солнечный день наш дом кажется упавшим на землю осколком солнца.

Двором начали заниматься на следующее лето: раньше здесь был сплошной бурьян высотой в человеческий рост. Рыли ямы, засыпали туда привезенный чернозем, сажали яблони, груши, сливы, вишни. Вдоль того места, где должен быть забор, засадили малиной. А забор поставили еще через два года, когда накопили денег на доски.

Крышу пришлось покрасить: начала ржаветь, увы. Но дом прекрасен: большой и просторный, и сделали мы его с дедушкой вдвоем, сосед приходил только помочь поднять тяжелую поперечную балку на крышу.

В Харькове евреев много, настолько много, что на всех, как говорят на улице, просто не хватает мест у кормушки, где с портфелями и в шляпах. Многие вынуждены работать мастеровыми, так что у нас на Журавлевке евреи точно так же, как и мы, пасут коз, ходят с ведрами на коромысле к колодцу, сажают в огородах картошку, доят коров.

Еще на Журавлевке появились цыгане, купили два дома, но набилось туда их столько, что кажется, треть Журавлевки – цыгане.

Первые фильмы смотрим во дворе здешнего киномеханика: он вешает на стену старую простыню, выносит треногу со стрекочущим проектором, где нужно постоянно крутить ручку, и мы, рассевшись кто на бревнах, кто прямо на земле, смотрим, затаив дыхание, настоящее кино.

Потом, когда начала налаживаться послевоенная жизнь, один бесхозный каменный сарай разделили между пожарным депо и кинозалом. Кинозал гордо назвали кинотеатром «23-го августа», это день освобождения Харькова от немцев, там помещается сто человек на сдвинутых скамейках.

Конечно, все фильмы идут по частям. После каждой части киномеханики меняют катушки, это занимает минут пятнадцать-двадцать, потом то ли из-за сноровки, то ли улучшенной техники, но начали укладываться в десять минут, и фильм продолжался дальше.

Прошло несколько лет, прежде чем научились ставить катушки с лентами на два кинопроектора, синхронизировать их работу так, что зрители почти не замечали, когда одна лента заканчивалась и проектор выключился, а его работу подхватил второй.

Хорошо помню, как ходил смотреть знаменитый фильм «Путевка в жизнь». До этого по большей части фильмы немые, с подписями, как сейчас говорят, с титрами. А в «Путевке в жизнь» все разговаривают, даже поют. Там о том, как зэки перевоспитываются, прокладывая железную дорогу. Вся страна потом распевала за одним из героев, бывшим зэком: «Мустафа дорогу строил, Мустафа по ней идет!..» Правда, Мустафу убил подлый кулак, вздумавший устроить крушение первому поезду, но умирающий Мустафа из последних сил предотвратил крушение и тем самым заслужил в наших глазах право если не на помилование, то на реабилитацию.

Еще через несколько лет на экраны вышел первый цветной фильм «Падение Берлина». Все бабы с восторгом пересказывали друг другу эпизод, где офицер полез за пазуху подстреленного друга и вытащил оттуда красный от крови платок!

И еще хороша была сцена, когда товарищ Сталин сходит с трапа самолета в побежденном Берлине и мудро отдает приказы по его восстановлению, где будет счастливо жить немецкий народ, освобожденный от фашизма.

Правда, остальные фильмы по-прежнему идут черно-белые, еще много лет цветных не было. Они, как объясняли знающие, слишком дорогие, там особая пленка, сложнейший процесс обработки, хранить их невозможно, через год выцветают, все

копии приходится на помойку, а вот черно-белые чуть ли не вечные.

Фильмы в нашем крохотном кинотеатре, как и по всей стране, идут в основном «трофейные», то есть захваченные нашими войсками в гитлеровской Германии. Наибольшим успехом пользуются «Тарзан» и «Индийская гробница», хотя уже тогда понимали, что первый – американский, а американцы вроде бы союзники, хоть и очень не спешили с открытием второго фронта, а вот «Индийская гробница» действительно трофейный, так как немецкий.

Впрочем, если этот фильм американцы продали в фашистскую Германию и те их крутили в своих кинотеатрах, то это уже немецкое имущество, и потому мы имеем право все это выгребать в отплату за то, что немцы все здесь спалили, взорвали и разрушили.

Из Германии непрерывным потоком идут эшелоны с немецкими станками: токарными, фрезеровальными, вообще вывозят оборудование целыми заводами. Когда я впоследствии пошел работать слесарем на завод ХЭЛЗ, то обнаружил, что только стены завода наши, а внутри все трофейное: от станков до последних гвоздиков.

На квартирах тогда жили, снимая угол, то есть по четыре человека в комнате. Снимать комнату было непозволительной роскошью, а чтобы снимать квартиру целиком – о таком даже не слыхивали.

Утро начинается с бравурной музыки и бодрых сообщений о новых способах закалки стали, о новой плотине, об открытии нового сорта яблок, о подвиге летчиков, сумевших без посадки с такого-то места и до такого-то. В Африке вчера открыли новый народ… ну, это неинтересно, в Африке, которую только-только начали исследовать, каждый месяц открывают по народу и каждую неделю находят новое племя.

Вся Африка на карте поделена ровными линиями на разноцветные квадраты и прямоугольники. Так обозначены колонии. Больше всего зеленого цвета: как и вообще по земному шару – зеленым закрашена Англия, а также ей принадлежат колонии: Индия, Новая Зеландия, Канада, Непал, весь Ближний Восток с множеством арабских стран и еще много-много земель и масса островов во всех океанах. Это все владения Англии – владычицы морей. Правда, Индию вот сейчас перевели из колонии в доминион, но это все равно колония, а вице-короля ей

назначают из Англии. Совсем недавно зеленым была закрашена и та часть, где теперь США, они раньше были колонией Англии, но там взбунтовались против тяжелых налогов, подняли восстание и после долгой войны добились независимости. Сейчас против английских империалистов и проклятых колонизаторов воюют Афганистан и Палестина, добиваясь независимости.

Воспитание воли. Сейчас это забыто. Но тогда вся страна воспитывала в себе волю. Самым лучшим качеством у человека считалась воля, а лучшие люди – волевые.

С самого раннего детства ребенок должен был воспитывать в себе волю. Начинать с самого простого: отказа от любимой конфеты, и до приказа себе делать скучное или вовсе неприятное, но очень нужное дело. Обычно – нужное стране и товарищу Сталину.

Все киногерои – только волевые люди. Волевой человек – это все. И в характеристике на любого этот пункт присутствовал обязательно.

Сейчас вот, к примеру, в то время, когда пишу эти строки, еще сохранился такой архаизм, как «безвольный человек», но что такое волевой – уже не знают. Как все знают, что такое «нелепо», а вот слово «лепо» уже ушло, ушло…

Почему-то слова с положительным значением исчезают быстрые, а вот негативные накапливаются. Или языковой состав, как зеркало, лишь отражает то, что происходит в жизни?

По вечерам бабушка зажигает каганец. В комнате сразу становится светлее. Оранжевый огонек трепещет от каждого движения воздуха, потому возле него нельзя делать резких движений – погаснет.

По стенам начинают двигаться огромные страшные тени: угольно-черные, угрожающие, резко изламывающиеся на стыках стен, прыгающие резко с одной на другую.

Каганец, где прячется огонек, постоянно привлекает мое внимание. Оказывается, на землях, где мы теперь, существовали какие-то загадочные каганы. У них были эти светильники. Потом наши князья каганов победили, извели начисто, только и осталось от них, что вот эти каганцы, светильники.

Соседская девочка допытывается у меня, хазэр я или не хазэр. Дед объяснил мне, что здесь когда-то обитало такое племя, это у них были каганы, правители. Каганов перебили, а народ зачем перебивать, народ землю обихаживает, народ нужно стричь и шкуры с него драть, а не убивать. После той войны, когда перебили хазэров, победители и победившие одинаково пахали,

сеяли, строили. Приходили другие победители, объявляли, что отныне шкуры будут драть только они, и тоже драли точно так же, так что теперь уже и непонятно, кто хазэр, а кто печенег, половец или черкас. Только черкасы все еще говорят на малороссийском наречии, а все остальные, хазэры или не хазэры, уже на русском.

Только и остались у нас вокруг Журавлевки села Печенеги, Большие Печенеги, Печенга, Куманы, а также Печенежская горка, Печенежское урочище, ярок Печенегов, Куманская балка… а сами куманы и печенеги уже теперь русские. Или украинцы, какая разница?

Только от половцев остались только куманцы да слово «кум», а названия речек, горок и оврагов уже были заняты ранее исчезнувшими печенегами.

Ну а мы, как сказал дедушка, похоже, тоже печенеги. Только говорим уже по-русски. Хотя, может быть, и хазэры, кто теперь знает?

Осваиваю сложнейшую конструкцию навороченного светильника: лампу со стеклянным колпаком. Лампа, естественно, заправляется маслом, это тот же светильник, которым пользовались каганы в своем хазарском каганате, но фитиль свернут в трубочку, поворотом ключика можно выдвигать из щелочки и убирать, а сверху все это накрыто стеклянной трубкой с зауживающимся концом наверху.

Трубка служит для того, чтобы случайно не задуть огонек, ведь лампа стоит обычно посреди стола. Сняв стеклянный колпак, я уже умею ловко подрезать сгоревшую часть фитиля, в этом случае лампа сразу вспыхивает вдвое ярче. Еще я выкручивал фитиль до отказа, и тогда пламя полыхает так, что стекло могло треснуть от жара, но можно фитиль поворотом ключа втянуть вниз в жестянку, и тогда огонек едва-едва горит…

Каганы умерли бы от зависти, видя такое техническое достижение!

Со свечей надо снимать нагар, в плошки вовремя добавлять масло, но самое сложное – вот эта лампа: и масло подливать, и фитиль подкручивать не слишком, даже не из-за экономии масла или фитиля, хотя надо экономить то и другое, сгорает очень быстро, но стекло быстро коптится, может раскалиться так, что лопнет. В любом случае надо стеклянный колпак снимать и чистить, а без него тоже никак: вытянутая кверху труба не только укрывает пламя, чтобы не металось при каждом движении по комнате, но и создает дополнительную тягу.

Раньше чисткой занималась бабушка, но теперь, когда я

научился ухаживать за лампой, эту важную работу доверили мне.

Летом мухи роятся такими массами, что в комнате вечные сумерки. Они облепляют стены, потолки, носятся в воздухе такими тучами, что по комнате приходится ходить размахивая руками, прищурившись и плотно стиснув губы. Мухи стукаются в лоб, щеки, попадают в рот, стараются залезть под веки и отложить там яйца.

Эти же мухи заполняют двор, роятся в коридоре, а в комнатах их висят целые тучи в воздухе. Кроме того, облепляют стены так густо, что белые стены выглядят серыми. По комнате нельзя пройти, не столкнувшись с двумя-тремя десятками.

Единственная электрическая лампочка постоянно облеплена мухами. Когда включаешь свет, лампочка сперва светит совсем слабо, но, когда разогревается, мухи покидают горячее стекло, оставляя на нем темные пятнышки.

Время от времени бабушка объявляла, что будем выгонять мух. Мы все: бабушка, дедушка, мама и я берем в руки полотенца и тряпки, становимся в ряд у стены и начинаем размахивать, сгоняя мух со стен. Двери во двор, конечно, распахнуты настежь. Мухи поднимаются, мечутся, выискивая тихое место, и вынужденно устремляются в сторону от тряпок.

Мы надвигались, размахивая как можно быстрее, бабушка властно покрикивала:

– Феня, у тебя щель у стены!.. Не давайте прорываться внизу!.. Чаще машите, чаще!

– Справа прорвутся!..

– Не спешите, не спешите!.. Все вместе, вместе!…

Мы теснили мух, оставляя за собой очищенное пространство. Они поневоле вылетали в раскрытые двери, а мы, усиленно работая тряпками, как самолеты пропеллерами, добирались до порога, и тут обнаруживалось, что множество мух сумели остаться в комнате, спрятавшись за комодом, за кроватью, за горшками с цветами.

Поспешно возвращаемся и, размахивая полотенцами и тряпками, поднимаем их в воздух и тесним тоже к распахнутой настежь двери. Как только все оказывались на пороге, усиленно размахивая тряпками, бабушка, глава нашей семьи, захлопывала дверь.

– Фух, – говорила она с удовлетворением. – Как хорошо без них!..

– Хорошо, – соглашалась мама.

Она всегда работала по две смены, работала в выходные, так что я видел ее даже реже, чем горластых соседок, которые

ухитрялись прожить и в такое нелегкое время, ни разу не появившись ни на заводе, ни на фабрике.

Конечно, в комнате оставалось десятка два этих крылатых тварей, но уж не сотни, когда ходишь по комнатам, раздвигая тучи мух, как темные и грязные занавеси.

Для борьбы с мухами придумывали всевозможные мухобойки: от простых палок с прибитой на конце резиновой подошвой до изящных и красивых с резной ручкой из слоновой кости, украшенной затейливой резьбой.

От ударов мухобойками остаются кровавые пятна на стенах, и в конце концов все стены становятся пестрыми, белить приходится очень часто. Я придумал другой способ избавления от этих тварей: брал длинную иглу и очень медленно приближал острие к сидящей мухе. Обнаружил на опыте, что муха не замечает, когда к ней приближаешься очень медленно. Острие почти касается ее спины, а муха все еще сидит, чешет лапками брюшко или спину. Тогда делаешь легкий выпад, и муха наколота на острие!

С торжеством я бегом отношу своим родненьким муравьям во двор. Те хватают добычу, добивают и ликующе тащат в норку. Иногда я даю им мух прямо в комнате, они выходят из щелочек в стене на подоконник и бегают там в поисках чего-нибудь съедобного.

Конечно же, я кладу им несколько крупинок сахара, муравьи радостно волокут к щелям, но это не еда, а лакомство, еще муравьишки очень любят рыбу, потому я для них отщепляю самые тоненькие волоконца. Если муравьи не затаскивают сразу же, волоконца высыхают через несколько минут, становятся ломкими. Такие, сушеные, муравьи утаскивают тоже очень охотно.

Дорога к школе проходит мимо церкви, высокой, красивой, двуглавой. Она возвышается посреди просторного зеленого поля, огороженного высоким решетчатым забором. И если через другие заборы мы лазили не просто охотно, но и как бы по обязанности: любой забор – вызов, то через этот остерегались. Нечто мрачное по ту сторону, недоброе, темное, связанное с покойниками, духами, привидениями, потусторонней жизнью.

Время от времени на колокольне звонят, в церкви часто организовываются крестные ходы, собирается народ на церковные праздники. Некоторые запоминаются особенно ярко: к примеру, пасха, Рождество или Крещение, когда в морозы изо льда ближайшей реки вырубают огромные куски, обтесывают в исполинские квадраты и на санях доставляют в церковный двор, где из них сооружают огромный крест высотой с двухэтажный

дом.

Великолепное зрелище, когда масса народа несет зажженные в церкви свечки домой, словно живой огненный ручеек людей растекается по домам, унося зажженные в церкви свечки. Это называлось «страсти» с ударением на последнем слоге. Нужно принести свечу горящей, потому многие несут в кулечках из промасленной бумаги, через которую пробивается свет. Когда в кулечке, то порыв ветра может достать слабый язычок огня только сверху. Лишь чуть колыхнет, и свободная ладонь тут же инстинктивно дергается, прикрывая огонек от ветра.

С детства душа трепетала от восторга, когда в абсолютно темном мире появляются огоньки, их становится множество, и вот уже целая река огня течет через враждебную ночь… Люди идут медленно, торжественно, оберегая ладонями слабый трепещущий огонек.

Да, что-то в этом ритуале особое: вот так идти через ночь, идти медленно, идти и все время беречь огонек, не давать ему погаснуть, словно это и есть твоя душа, словно и есть та самая искорка, которую в человека вдохнул Бог, и ежели погаснет, то погаснет и сам человек… вернее, вернется в животное, каким был и каким стать очень легко.

Совсем легко стать животным: достаточно неосторожного движения, достаточно на миг забыть об этом огоньке. И так всегда и везде: идешь ли ты сейчас, держа в руках свечу, или же летишь в салоне лайнера, сидишь в кресле предпринимателя, президента, школьного учителя, работаешь ли менеджером, слесарем или дворником.

Не дай загасить твой огонек!

Мать почти не вижу: уходит рано, когда сплю, а приходит за полночь, так как работает на ткацкой фабрике ткачихой по две смены. Но сегодня редкий день, когда у нее выходной. Вернувшись из магазина, высыпала на стол три цилиндра из толстой бумаги, похожие на патроны восьмого калибра. Она улыбалась довольно, я спросил удивленно:

– Что это?

– Изобретение, – ответила она гордо. – Теперь не надо будет драться с мухами.

– Почему?

– Вот смотри, берешь за кончик, тут колечко,вытаскиваешь, а колечко цепляешь кверху…

За колечком, надетым на мой палец, потащилась по спирали желтая бумага, сладко пахнущая, покрытая желтоватой слизью, с виду напоминающей мед. Когда бумага натянулась, показывая,

что все, дальше не пойдет, мама взяла за колечко и ловко подвесила к двужильному проводу на потолке, на котором в центре комнаты висит лампочка.

Любопытные мухи тут же тучей закружились вокруг, некоторые торопливо садились, старясь опередить подруг, прилипали, отчаянно жужжали, крылья тут же прилипали, звонкий зуд обрывался… Я думал, что остальные поймут и станут держаться подальше, но они как одурели, садились и садились на липкую ленту, вскоре вся она оказалась усеянной темными комочками, а к вечеру уже потемнела так, что из темной вяло шевелящейся массы проглядывали только желтые пятна, а потом исчезли и они.

Мама сняла отяжелевшую ленту и выбросила в мусорное ведро, взамен подвесила новую. Не довольствуясь одной, еще одну подвесила возле открытого окна. Вскоре я уже видел, что мух в комнате стало меньше. Но у нас не осталось больше этих липучек!

– Они всего по двадцать копеек, – утешила мама. – Завтра еще подцепим.

С тех пор эти желтые липкие ленты развешиваются по всему дому и даже в коридоре. Ходишь, как между сталактитов, стараясь не задеть головой: сразу же прилипнешь, потом непросто высвободить волосы из липкой вязкой мази.

Эти патрончики стали продавать по пятнадцать копеек, а когда пошло массовое производство – по десять, а затем уже и по пять. Мы продолжали их развешивать в комнате, коридоре, на входе в дом.

Еще в аптеках появились новинки: желтые сухие листочки, на которых нарисованы мухи и черепа с оскаленными зубами. Я рассматривал долго, наконец аптекарша спросила участливо:

– Мальчик, ты забыл, что покупаешь гематоген?

– Да помню, помню, – пробурчал я с неловкостью. – А что вон то такое?

– Это новое средство против мух.

– Да?.. Его надо подвешивать?

– Нет, – объяснила она охотно, – здесь совсем другой принцип. Берешь блюдечко, наливаешь теплой воды…

Она объясняла подробно, доходчиво, я слушал, слушал, а потом вместо плитки гематогена купил несколько листочков и торопливо принес домой. В одно из блюдец с отбитым желтеющим краем, его не жалко, налил воды, положил листок отравленной бумаги и поставил на подоконник.

Конечно же, мухи налетели тут же. К моему разочарованию,

пили с удовольствием, потом улетали, весело жужжа. Я рассердился, что за жульничество, хотел было вылить воду, что вовсе не яд, но тут на подоконник упала муха и, лежа на спине, вяло шевелила лапками. Я затаил дыхание, наблюдал. Муха вскоре издохла.

Все правильно, подумал запоздало, мухи и должны падать не сразу. Иначе другие поймут, что это яд, и расскажут другим. Да и начнут тонуть прямо в блюдце, а это напугает других. А так мрут и сами не знают, что не то съели или выпили.

Вечером, когда пришла мать с работы, я с торжеством доложил о самостоятельном деянии. Усталая мать погладила по голове. Я чувствовал, как тяжела ее ладонь, горячая и покрытая твердыми мозолями.

– Молодец, сам додумался?

– Да, мама.

– А деньги где взял?

– Я гематоген в другой раз куплю.

Лебеди всегда означают неразрывную любовь, любовь до смерти, ибо лебеди женятся только раз, а если лебедиху убить, то лебедь взлетает высоко-высоко, поет печальную песню, а потом складывает крылья и – вниз, оземь, насмерть…

Потому на ковре, а у кого ковра нет, то на холстине или даже на клеенке обязательно рисуют двух целующихся лебедей и вешают на стенке у кровати. Это символ долгой счастливой жизни в любви и счастье.

Потом, когда рухнул железный занавес и наступила хрущевская оттепель, это признали мещанством, в моду вошел абстракционизм, в котором никто ничего не понимал, но все страшились в этом признаться и наперебой говорили, как это гениально и как восхитительно, покупали роскошные альбомы по абстракционизму и ставили на видное место, чтобы входящие видели: здесь живут очень современные люди.

Но тогда в каждом доме над кроватью висел коврик с целующимися лебедями. А у деда Савки так и вовсе лебедь плывет по озеру и везет в лодке витязя в доспехах и с мечом на плече. А женщина в белом машет платочком с берега.

Каждый день, усевшись кружком, как обезьяны, снимаем рубашки и бьем вшей. Дед Савка вообще придумал, как еще быстрее и проще: расстилает рубашку по столу и катает по ней бутылкой. Слышится частый хруст, рубашка покрывается серо-бурыми пятнышками.

В школе один-два урока тратим на то, что классами ходим на

«прожарку». Там мы, раздевшись в предбаннике, принимаем душ, а наша одежда, подвешенная на железные крючья, медленно уплывает в камеры, где страшный жар убивает все живое.

Пройдя по широкому кругу, одежда возвращается к нам. Мы снимаем с крючьев еще горячую, странно пахнущую, одеваем и возвращаемся вместе с учителями в школу, на какое-то время полностью избавленные от вшей.

Во всех магазинах продают рыбий жир. Привозят в бочках, отпускают ведрами. Конечно, рыбьим жиром пытались поить и меня, это настолько отвратительное пойло, что никакие силы не могли заставить проглотить хотя бы чайную ложечку. В то же время мои товарищи могли пить стаканами, спокойно ели с хлебом. Многие наливали в тарелку, крошили хлеб и ели, зачерпывая ложками. Кто-то просто намазывал кусок черного хлеба этим противным рыбьим жиром, посыпал солью и ел с удовольствием, потому что так надо.

Во всяком случае, обилие и дешевизна рыбьего жира многих спасла от рахита и кучи болезней. Дети, рожденные в те годы, оказались гораздо более здоровыми и жизнеспособными, чем те, которые рождались через поколение, в благополучные годы.

Ну а дедушка нашел для него прекрасное применение: в ведро с рыбьим жиром на ночь ставил кирзовые сапоги, потом тщательно просушивал, и гордился непромокаемостью сапог. А тот рыбий жир выливали свиньям. У нас их уже несколько. Правда, из сарая роют такие глубокие норы, что потом, пройдя, как по тайному ходу из крепости, вылезают на середине двора, а одна подрыла даже под забор и вылезла на улице.

Правда, там ей не понравилось, вернулась. А подземный ход мы завалили.

Вся посуда из глины. Особенно красиво выглядят на полке глиняные кувшины, привычно называемые глечиками. А вот готовят еду в чугунах, так называются эти… как их назвать попонятнее, кастрюли. Только не из тонкого листа железа, а из толстого чугуна, очень хрупкого, так что ронять нельзя не только на пол. Даже на стол такую тяжеленную «кастрюлю» опускают медленно и осторожно, может расколоться.

Ставят в печь такие «чугунки» и вынимают на длинной рогатине, называемой ухватом. Оба рога ухватывают тяжелый чугунок за бока, он кверху для этой цели расширяется, дабы рога не соскользнули, и хозяйка, покраснев от натуги, подобно сталевару, озаренному таким же красным огнем печи, опускает чугунок на горящие угли.

Борщ и каша в таких чугунках, как и вообще любая еда, остается горячей очень долго, толстые стенки держат жар надежно, отдают неохотно, скупо.

Дедушка возвращается с завода, где работает столяром, а бабушка тут же вынимает рогатиной чугунок и ставит на середину стола.

Дедушка моется, переодевается, даже успевает что-то сделать по дому, а когда садится за стол и поднимает тяжелую чугунную крышку, в чугунке борщ все еще кипит.

Сегодня снова открыли новое племя людоедов в Африке и два больших племени первобытных людей в Южной Америке. Вообще Африку только начинают открывать, большинство племен впервые видят белых людей, принимают их за богов, падают ниц и умоляют не обрушивать на них небо.

Все негры делятся на бушменов и готтентотов, а еще есть отдельное племя пигмеев. Это совсем карликовые люди, про них пока ничего не известно, они не только малорослые, но и очень мелкие, пролезают в любую дыру, от всех остальных прячутся.

Вся Африка поделена между Англией, Францией, Испанией и Португалией. Вроде бы еще Бельгия имеет там какие-то земли, но мало. В основном же Африка принадлежит Англии. Из всех стран только Германия не имеет там колоний, из-за чего, говорят, и началась первая мировая война. Германия тоже хотела колоний, а ей не дали. А ту территорию, которую немцы просто заселили и назвали Трансваалем, англичане в кровавой и долгой англо-бурской войне завоевали, залив Трансвааль кровью и назвали Южной Африкой. Это, как нам объяснили, немцы никогда не простят Англии и постараются отомстить.

Подсолнечное масло, уксус и прочее жидкое продается в банках с толстыми крышками на проволочных пружинах. На бутылках сверху такое сооружение из толстой стальной проволоки с металлическим рычажком: с усилием оттягиваешь, щелчок, бутылка открыта, а зажатая в тисках толстой проволоки пробка замирает горизонтальном положении вблизи горлышка. С таким же усилием тянешь рычаг в другую сторону: щелчок, пробка входит в горлышко бутылки.

Понятно, такие бутылки продавались только с хорошими пробками, их не выбрасывали, берегли, используя для хранения подсолнечного масла и всякого разного, что можно налить или насыпать в бутылку тонкой струйкой.

В печати новое слово: НТР. Означает «научно-техническая

революция», то есть наука, которая была уделом чудаков-монахов в монастырях, а потом таких же чудаков-ученых, обязательно рассеянных профессоров, что ищут свои очки, которые у них на лбу, так вот теперь эта научно-техническая революция начинает выходить за стены научных монастырей и пробовать входить в жизнь простых людей: что, мол, получится?

И получится ли?

Конечно, не сама наука начинает пробовать входить в массы, а как бы ее плоды. Раньше все плоды науки создавались только для закрытых непосвященным монастырей, то есть научно-исследовательских институтов, а теперь с удивлением и каким-то испугом заговорили о переходе в новое качество: плоды науки будут воплощаться не только в создании шагающих экскаваторов, но и в упрощении образцов холодильных установок, чтобы те стали более доступными… по крайней мере там, на Западе.

Заговорили о таком чуде, как дальновизоры. Мол, можно будет сидеть дома и не только слушать по радио концерты, но и… видеть поющих или танцующих. И не в тех же самых научно исследовательских институтах, а прямо в домах, где живут люди. Мы не понимали, как это, в печати рассказывалось, что уже началось строительство первой станции, которая начнет такие передачи. И что уже строится завод, на котором будут производиться такие вот дальновизоры, то есть радиоприемники с экранами, где будет появляться изображение.

А пока, как первые плоды этой загадочной пока что НТР, в продажу поступили какие-то странные бутылки. Нет, бутылки как бутылки, а вот пробки… Их даже пробками не назовешь. У каждой хозяйки в ящике стола хранится множество пробок: целых, чуть подпорченных, очень толстых и поуже, а если пробок, бывает такое, не хватает, то вырываешь лист из старой книги или рвешь клок из газеты, сворачиваешь и затыкаешь горлышко. Это тоже пробка, хоть и не из самой пробки, то есть – не из пробкового дерева. В этом случае герметичность, конечно, не идеальная, бутылку с такой пробкой набок не положишь, но все-таки пробка: затыкает, не дает пролезть мухам. Муравьи, конечно, пролезут везде.

Еще пробки хороши из огрызка кукурузы, можно также выстругать из дерева, в этом случае делаешь ее клинышком, ибо не сожмешь, как пробковую или бумажную.

А эти новые бутылки оказались закупорены просто жестяными колпачками. От большой толстой пробки, что затыкает почти до середины горлышка, остались только спрессованные крошки. Все рассматривали такие бутылки с недоверием, долго отказывались покупать, а когда кто-то все-таки

покупал, точно так же складывал в ящик стола эти жестяные крышечки. Правда, надевать их заново удавалось плохо, жестянка при откупоривании деформировалась, но если сдавить плоскогубцами, поправить, проверить, где из горлышка проходит воздух, снова сдавить, то все-таки можно пользоваться заново. Хотя, конечно, эта дешевка – не старая добрая пробка.

Потом пробковую крошку вообще заменили какой-то синтетикой, белесой мягкой резинкой, из-за чего бутылки приобрели неприятный марсианский вид. Привычные пробки остались только в шампанском и дорогих винах.

А затем, когда уж совсем-совсем привыкли, а этих жестяных колпачков скопилось в ящиках видимо-невидимо, их начали выбрасывать. С сожалением. Ведь раньше никогда ничего не выбрасывали, разве что совсем уж пришедшее в негодность, но – выбрасывали.

Наверное, вот с этих жестяных колпачков и начались первые шаги Великого Выбрасывания вещей вполне годных еще, но как бы отслуживших свой короткий век службы. Заранее запланированный быть коротким.

Даже – одноразовым.

Книжкам мой дедушка верит безоговорочно. У него один неоспоримый аргумент: «Но так написано в Книге!» Я по своей обязательной бунтарности чувствовал, что здесь что-то не то, хотя к книжкам тоже питаю священный трепет. Только потом, уже став человеком, который сам пишет книжки, понял, что у деда это от почтения к одной единственной Книге, куда собраны мудрые мысли прошлых эпох, назидательные примеры, поучения, высказывания.

Конечно, он обязан был понимать, что те книги, которые писались после и пишутся в его дни, это не такие книги, намного проще, но все равно отблеск той величайшей Книги падает и на них. Тем более, что писатели остаются таинственным привилегированным народом: живут на особых «правительственных» дачах, собираются в особых Домах Творчества, куда всем остальным доступ запрещен, у них красные книжечки, с которыми могут зайти в любое учреждение, а к ним даже в их городские Дома Литературы – не дозволено никому. Постоянно распространяются слухи, что они – особые люди: к ним нечто нисходит Свыше, и в таком состоянии творят такое, на что потом, когда божественный экстаз уходит, смотрят с удивлением и непониманием. Сотворение текста книг преподается как божественный акт, как быстрая и торопливая запись, выполненная писателем, устрашенным и подавленным

величием заговорившего с ним Голоса, как изложение доступным языком желаний Бога. И всегда подчеркивается, что писателя нельзя винить за то, что написал: он просто передал, как умел и как понял, слова Господа Бога.

Книги в школьной библиотеке, двух районных и одной областной, куда удалось записаться, выбираю в первую очередь потрепанные, это служит гарантией качества. Если книгу читают, значит, интересная.

Вообще во всех библиотечных книгах множество подчеркнутых мест. У большинства читателей заведены тетрадочки, как у многих дневники, куда принято записывать, как провел день, с кем встречался, что говорили, какие планы. В книгах постоянно нахожу подчеркнутое: предыдущий читатель явно выписывал в тетрадку, учил, запоминал, как лозунги, доводы, оправдания, цели в жизни.

А дневники, куда записываются события дня, рекомендовалось давать читать воспитателям и классным руководителям. Те могут что-то подсказать интересное, важное, нужное. Правда, я не помню, чтобы хоть кто-то так делал.

Я сам попытался тоже вести дневник, но забросил с первой же недели. Показалось нелепым записывать то, что произошло: зачем? Да и давать кому-то читать, бр-р-р-р…

Писатели во времена моего детства все еще выполняли те же функции, что и жрецы в Древнем Египте, Риме и всех древних империях, и отношение к ним у «богобоязненного русского народа» остается таким же боязливо-почтительным, а в их словах всегда ищут откровения и поучения.

У каждого на Журавлевке, как и на Тюринке, Рашкине, Алексеевке или любой другой окраине, где живут в нормальных частных домах, в глубине двора, подальше от посторонних глаз и, конечно, самого дома, расположены выгребные ямы. Кто-то присаживается на краю и опорожняет кишечник, но большинство ходят дома в отведенном уголке коридора на ведра, а потом относят к выгребной яме и выливают содержимое в общее зеленовато-желтое месиво, что вскоре покрывается коричневатой корочкой, лопающейся, ноздреватой, похожей на горбушку хлеба.

Смрад от таких выгребных ям жуткий. Над ними всегда роится темное облако крупных зеленых мух, они мечутся с металлическим звоном, сталкиваются, разлетаются, выделывая в воздухе причудливые петли, снова взлетают, блестя синими и зелеными крыльями.

Такая выгребная яма была у нашего соседа, как и дальше, дальше у всех соседей по всей улице. У нас же такая выгребная

существовала, только когда жили во флигеле, а на новом месте, где мы построили дом, сразу же сделали все по высшему разряду удобств: дедушка рано научил меня, как правильно выкопать глубокую яму с отвесными стенками, строго четырехугольную, на высоту сперва своего роста, это легко, а потом уже надо долбить и долбить землю, это становится труднее, почему-то твердая, как камень, красноватого цвета, похожая на спрессованную глину, все сложнее выбрасывать ее наверх, лопата с короткой ручкой постоянно задевает стенки, под ноги падают комья черной земли, что портит чистоту ямы.

Туалетную дедушка сделал сам, а потом уже, когда яма наполнялась, надо только перетаскивать эту будку к новой свежевыкопанной яме и располагать над нею. Обычно это выпадало мне, я подкладывал круглые бревнышки, приподнимал край деревянного сооружения, накатывал, а потом толкал, стараясь не упасть в эту яму… Сколько раз потом во сне падал!

А затем снова и снова в саду, в самом дальнем углу, выкапывается квадратная яма примерно метр на метр. Или полтора на полтора. Я сам этих ям выкопал десятки, знаю как снимается сперва слой чернозема, потом идет белый песок, а затем начинается красноватый слой, который почти не берет даже самая острая лопата, разве что откалываешь по сантиметру, углубляясь все дальше и дальше.

А рыть надо как можно глубже, от этого зависит срок службы этой ямы. Чем глубже, тем меньше этих ям рыть. Каждая служит пять-шесть лет. Заканчиваешь рыть такую яму, тогда, когда выбрасывать землю лопатой уже не удается. А потом начинается все сначала: выкапываешь, перетаскиваешь, водружаешь над новой ямой.

В этом дощатом сооружении, называемом туалетом, в полу круглая дыра прямо над ямой. В стене – гвоздь с нанизанными обрывками газет и страниц из книг. Для исполнения ритуала дефекации нужно присесть над ямой на корточках, руки в это время снимают с гвоздя бумагу и мнут в ладонях. Мять обязательно, страницы книг всегда жесткие, прямые, как дощечки.

Когда дощатое сооружение перетаскивал на другое место и усаживал там, старую яму поспешно забрасывал землей. Через несколько лет, как говорил дедушка, там уже будет просто земля, простая земля. На наш век этого участка хватит, чтобы копать эти ямы и перетаскивать будочку, а тот, кто придет после нас, уже не будет знать, что роется по пояс в нашем окаменевшем… нет, превратившемся в простую землю дерьме.

Вся страна учится писать и произносить правильно новое слово, очень длинное и непонятное: «генералиссимус». Причем учителя нам всякий раз строго напоминают, что Чан Кайши – не настоящий генералиссимус, так как он командовал только китайской армией, а вот товарищ Сталин – настоящий, он кроме своей армии командовал еще и польской, это уже ранг генералиссимуса.

Но нам и без всяких доказательств было понятно, что, конечно же, товарищ Сталин – самый великий человек на свете. Ведь все концерты начинаются песней о Сталине, затем поется о Родине, третья песня всегда о Москве, а уже потом идут те песни, которые все слушают с удовольствием и которым даже подпевают.

Человек в своем развитии проходит, как я прочел намного позже, все стадии эволюции, то есть во внутриутробном бывает рыбой, ящерицей, лемуром, рождается уже человечком, но потом проходит все стадии развития общества: первобытно-общинное, рабовладельческое, феодальное…

Я ничего этого не знал, но, глядя на проплывающие облака, вижу жуткие морды больших страшных зверей, воздушные крепости, а когда смотрю на дальние деревья, замечаю, как притворяются просто деревьями, хотя на самом деле вовсе не деревья, не деревья! В очертаниях дома напротив различаю исполинское нечеловеческое лицо: окна – глаза, дверь – рот, крыльцо – подбородок, да и сам дом – голова, а тело закопано под землей.

Ночью в моей комнате кто-то смотрит большими зелеными глазами, прикидываясь брошенным на спинку стула платьем, под окном скребется странное существо, по небу летают на метлах и в ступах всяких лохматые…

Я создавал свою мифологию, как создавали ее до меня десятки тысяч лет тому мои предки, только их долгий, мучительно долгий путь у меня повторялся, спрессовавшись до недель и месяцев.

Журавлевка – внизу, а город – вверху, на горе, огромный и загадочный. Мама и дедушка с бабушкой заняты на работе с раннего утра до поздней ночи, я предоставлен сам себе, так что сперва научился убегать из детского садика, и, пока воспитатели обшаривали шестами дно реки – садик стоит на берегу, – я, отмахав пару километров, добегал до родного дома, там играл с козой, кроликами и даже поросятами.

А потом начал все чаще посматривать на возвышающиеся на

горе многоэтажные дома и приближаться к ним опасливо и настороженно, словно влекомый мощным магнитом.

Город манил, огромный, таинственный и загадочный. И однажды я набрался смелости, поднялся на гору и вступил в странное царство, где дома в два-три этажа, улицы замощены булыжником, по главной улице ходит по рельсам трамвай. И что самое непривычное: людей много, очень много, даже слишком много…

Со второго или третьего визита в это странное колдовское место что-то кольнуло острое, неожиданное. От дерзкой мысли захватило дух, но я не поверил, отогнал, да она и сама ушла, а я долго шлялся по улице, на самом же деле по одному ее отростку, страшась заблудиться в этом огромном мире, а когда вернулся на Журавлевку, уже наступил вечер, но я долго не мог заснуть, очарованный огромностью мира.

В следующий раз воспользовался трамваем, съездил из конца в конец, как здорово! И вот на третий день… нет, это, скорее, на четвертый, снова пришла эта сумасшедшая, безумная и нелепая в своей отвратительности мысль: а что, если я вот сейчас не уступлю место старшему или плюну на пол, то стыдно будет только *сейчас,* а завтра в этом же трамвае будут сидеть *другие люди!* Они не будут знать, что я не уступил места старшему, плюнул на пол…

Голова закружилась от дерзновенности и нелепости этой мысли. И все же я потрясенно понимал, что так оно и есть на самом деле! Что так и будет. Это у нас на Журавлевке всяк на виду постоянно, все узнается, и, если я на Журавлевке что-то делаю нехорошее или просто не так, это запомнится, это навсегда останется со мной. И все будут знать, что я однажды сделал то-то и то-то, хотя этого делать было нельзя, а нужно только вот так и так…

Но… не здесь. Это – другой мир!

Как они живут, мелькнула дикая мысль. Это же… совсем нет правил, законов? Здесь так много людей, что просто не может быть «своих» и «чужих», здесь все никакие, ни кому не принадлежащие!..

Шок, холодная волна по телу, страх, как будто оказался один, совсем один на плоту среди океана, но постоял, приходя в себя, осмотрелся.

Дикий и невероятный мир, но другие как-то живут? Не я первый вошел в город. Здесь уже давно так. И хотя здесь свой мир, но я же вижу, уже сейчас вижу, вернее, чувствую спинным мозгом, как этот мир стремительно расширяется, побеждает, пробивает бреши в кланах и племенах, разламывает, крушит

родовые узы, а людей перемешивает, да так перемешивает, что размалывает даже самые мелкие обломки, оставляя каждого человека в одиночестве, и потом из таких вот одиноких создавая новый мир.

На Журавлевке можно увидеть, как с треском распахивается калитка, на улицу выскакивает с криком женщина, на ходу надевая платок, кричит во весь голос:

– Опять напился, скотина!.. да сколько ж можно тебя терпеть, кровопивец!

Или другая выскакивает с криком:

– Убивают!.. Убивают!..

Мужчины на улице настораживаются, смотрят в ту сторону, но за женщиной никто не выскакивает, а она, остановившись посреди улицы, начинает, уперши кулаки в крутые бока, обличать мужа, ни к кому конкретно не обращаясь, а именно ко всей улице.

Я уже, несмотря на возраст, знаю, что еще долго ее муж будет ходить опозоренный, пряча глаза и горбясь, теперь все *знают,* что он бьет жену. Все в мире.

И действительно, все это знают в мире, в котором он живет. Но как живут в том мире, который там, в городе?

Дед принес с работы странный замок, мы все долго не могли понять, как это чудо работает. К замку прилагается бумажка, дед и мама долго читали, морщили лбы. Я разобрался быстрее всех, взял долото и начал вырубывать в торце двери глубокую канавку. Дед, сомневаясь, все же отобрал инструмент, сделал все намного тщательнее. На другой стороне тоже вырубили углубление, привинтили шурупами стальную пластинку с квадратным отверстием над ямкой, в дверь вставили этот замок…

– Ну, – сказал дед, все еще недоверчиво, – посмотрим, как эта новая штука работает.

Он вставил ключ, повернул. Щелкнуло, высунулся стальной штырь. Повернул еще раз, щелкнуло снова, стальной брус выдвинулся еще.

Мама сказала с азартом:

– Крути взад!.. Все понятно, крути взад. Попробуй, как запирается.

– Получилось, – ахнула бабушка.

– Сплюнь, – мрачно посоветовал дедушка.

Она послушно поплевала через левое плечо на проклятого нечистого, что постоянно вредит и все портит.

Дед задвинул язычок замка вовнутрь, гордясь умением, притворил створку двери и, напрягшись в волнении, начал поворачивать ключ. Щелкнуло, засов вроде бы выдвинулся, но

дальше двигаться не захотел. После некоторых усилий уже дед сообразил раньше других, что надо углубить ямку в дверном косяке.

После двух-трех примерок дверь запиралась без помех, открывал ее с легкостью как дед, так и бабушка, мама и даже я.

Дед покачивал головой, в глазах изумление.

– Какую хитрую штуку придумали, – говорил он пораженно. – И есть замок, и вроде бы его нет. Даже не видно издали, заперта дверь или нет. Да и не собьешь такой замок обухом. И когда дождь, воды не нальется.

– А зимой вода в нем не замерзнет!

– И ключ к такому замку не подберешь!

Дед в задумчивости рассматривал головку ключа с затейливыми бороздками.

– Да, второй такой изготовить очень не просто. Никто, думаю, и не возьмется подделывать ключи к таким замкам.

Бабушка всегда ходит с платком на голове, даже летом. Зимой – в теплом пуховом, летом – в разных косынках. Даже мама всегда носит платок, только бабушка завязывает концы под подбородком, а мама обычно кокетливо и задорно – наверху.

Волосы женщины носят либо заплетенными в косы, либо собранными в узлы, а чтобы эти массы не рассыпались, придуманы всякие шпильки, заколки, скрепки, гребни. Женщину, распустившую волосы, удавалось подсмотреть только украдкой, ибо это была уже «распущенная» женщина, от «распустившая волосы». Волосы распускать разрешалось только по подушке. Их мог видеть только один мужчина – муж.

Но вот по экранам пронесся, как свежий ветер, необычный фильм «Олеся» или «Колдунья», уже не помню. В нем юная Марина Влади сыграла свою первую роль – юной лесной колдуньи. Лесной ведьмочке волосы, ессо, нельзя укладывать в сложные прически, нарушится образ, так что весь фильм Марина Влади бегала по лесу с распущенными волосами. Это вызвало шок, а нас, подростков, привело в такой восторг, что со дня просмотра фильма девчонки вызывающе решались выходить на улицу с распущенными волосами, а с легкой руки молодых родителей с того дня в России появилось странное имя «Марина». Марин стало столько, что в детских садиках их поневоле называли по фамилиям.

Правда, в школу так не разрешалось, да и в учреждения, потому волосы сперва начали подрезать коротко, находя некий компромисс между новой моралью и старыми устоями. Потом начали эту распущенность маскировать всяческими прическами,

ведь волосы в прическе вроде бы как уже и не открытые, они прикрыты укладкой, лаком, строго приданной формой, то есть как бы в одежде.

И хотя мы понимали, что волосы остаются открытыми, а прическа – все равно что солнечный загар или татуировка, вроде бы тоже не голая кожа, чем-то да укрыта, но пока что голым никто выходить не решается, а вот с голыми волосами… ура, старые устои ломаем, ломаем, ломаем!

Словом, не то чтобы вошел в моду, но возродился образ стриженой комиссарши. Женщины без особого стыда начали делать короткие прически, так за ними удобнее ухаживать, да и нет особого протеста со стороны родителей и окружающих, когда выходишь с непокрытой головой: короткие волосы как бы уже и не волосы, ничего «распущенного».

Копаем подвал. Стены обложили кирпичом, но снизу все-таки проступают грунтовые воды. В дни половодий вода поднимается, заливая бочки с квашеной капустой. В подвалах хранится картошка. Доставать надо сперва ту, что прорастает, покрывается «глазками».

В подвале всегда темно, таинственно, а тени от свечи прыгают по стенам, пугают.

Но за подвалом нужен глаз да глаз, без него не просто трудно жить, но часто вообще не выжить. И дело не только в том, что в подвалах прятались во время бомбежек и наступлений-отступлений немецких и красных войск, а в том, что только в подвале можно хранить зимой картошку, а летом – молоко, сметану, сливки, масло.

Чтобы уберечь молоко от быстрого скисания, его ставили в бутылке или в банке в кастрюлю с холодной водой, сверху накрывали мокрой тряпкой, концы которой опускали в воду. Так можно было хранить сметану, творог, масло. Были свои ухищрения, чтобы хранить яблоки, а вот груши приходилось съедать сразу: их хранить невозможно, зато яблоки некоторые умельцы ухитрялись сохранить почти до Нового года. Правда, приходилось отбирать только самые зимостойкие сорта, так называемые «дубовые», несладкие и очень твердые, причем – без единого пятнышка. Каждое яблоко обливали воском, а затем еще и заворачивали плотно в бумагу.

Но я таких не видел, слишком трудоемкое дело, просто в народе время от времени кто-то говорил, что так вроде бы можно сохранять, но никто так не делал и даже не мог указать на того, кто так делает.

У большинства подвал вырыт просто во дворе, у нас же, как у

людей трудолюбивых и старательных, – под домом. Слишком много случаев, когда чужие люди по ночам лазают по подвалам, воруют все, что попадет под руку.

В подвале обычно живут большие страшные жабы. Не знаю, откуда они там берутся, но всякий раз находишь либо пару жаб, либо огромную жабу с жабенятами. Мыши встречаются гораздо реже: Журавлевка у реки, подвал часто подтапливает, жабам нетрудно перебыть повышенную сырость и даже плеск воды, но мыши этого избегают.

Когда в подвале появляется вода, бабушка опускается по лесенке, сверху едва-едва заметен желтый огонек каганца, дедушка спускает ей на веревке ведро, и начинается бесконечное вычерпывание все подступающей и подступающей воды.

Мы с мамой, если это выходные, а в будни я сам, выносим ведра во двор и выливаем в яму. Конечно, эта же вода снова просочится в подвал, но на это у нее уйдет сутки-двое, а за это время, может быть, вода перестанет подниматься.

Однажды дедушка принес купленную в магазине металлическую лопату. Рассматриваем как диво. Привыкли, что лопаты целиком деревянные, что их выстругиваем из доски сами. Я тоже выстругивал, однако сейчас, в отличие от деда, сразу сообразил, что железная лопата – ее потом почему-то стали называть заступом – намного удобнее уже тем, что металлический край намного тоньше, чем деревянный, его легче вогнать в землю. А если еще заточить края наждачным камнем, то такая лопата входит в землю, как нож в теплое сливочное масло!

На Журавлевке сразу три свадьбы: Чигиринские, Евлаховы и Ратники играют в один день. Вообще-то свадьбы можно только после яблочного Спаса, раньше нельзя, так что по осени здесь то в одном месте, то в другом вспыхивает гулянка.

Первыми вывесили на воротах простыню с пятном крови Евлаховы, а вот Ратники посадили гостей на телегу и гоняли вскачь по улицам, размахивая простыней, показывали всем кровавые пятна, горланили песни и угощали всех водкой.

Солиднее всех поступили Чигиринские: они тоже ездили по всем окрестным улицам, но простыней не размахивали, а укрепили ее на растопыренных шестах, так что ветер надувал, как парус. В центре, как заходящее солнце, пламенеет большое пятно крови, доказывающее всем, что невеста была девственницей.

Мой дед похож на египетского фараона. Вообще все старики Журавлевки похожи на фараонов: те начинали строить для себя

гробницы, едва всходили на троны, а наши старики годами и даже десятилетиями готовят себе гробы. Начинается с выбора дерева, потом снимают с себя мерку, а затем все соседи видят через низкие заборчики, как на стол – никогда на простые козлы! – водружается гроб, после чего старик начинает любовно и бережно строгать, снимать стамесочкой, работать буравчиками, обивать красной материей, прикрепляя ее красивыми гвоздиками с широкими фигурными шляпками.

Обычно он с гордостью приглашал полюбоваться соседей, те осматривали, оценивали, сравнивали со своими. Иногда дед ложился в гроб и, сложив руки на груди, показывал, как ему будет удобно лежать в этой домовине.

На Журавлевке вперемешку живут хохлы и кацапы, но те и другие называют гроб домовиной, это понятнее, все-таки от слова «дом», чем чужое и недоброе слово «гроб».

Я довольно рано сообразил, что это старики как бы извиняются, что все еще живут, что их не отвезли на саночках в зимний лес и не оставили там, освобождая место в доме и сберегая скудные остатки хлеба.

Вот мой гроб, заявляют молча старики, вам не придется тратиться, заказывать его у других. Как только умру, вам нужно только положить меня вот сюда, видите, я уже ложился, все очень просто, как раз по мне, а потом отнести на кладбище и закопать. Только и делов.

А что хлеб все еще ем, но ведь руки на себя ж не наложишь – грешно! Стараюсь быть полезным в доме, чтобы не зря хлеб есть. Да и ем совсем мало, одежду донашиваю старую…

Потом, когда большинство переселилось в «город» и стали жить в городских квартирах, где громоздкий гроб держать негде, это вылилось в то, что старики из-за чувства вины перед детьми, что все еще живут, стараются накопить «гробовые», чтобы детям потом не тратиться, не отрывать у своих детей копейку на похороны.

По ту сторону дощатого забора время от времени раздаются печальные звуки духового оркестра, бухающие удары больших барабанов, металлический звон медных тарелок.

Бабушка всякий раз бросает любую работу и выскакивает на улицу: кого на этот раз? Покойника обычно несут в оббитом красной материей гробу на плечах крепкие мужчины, за ними траурная процессия двигается медленно, печально, у некоторых в руках венки.

Когда умирал кто-нибудь из знатных, за телегой с умершим обычно несли на подушечках ордена и медали. Каждый орден –

на отдельной подушечке.

Чуть позже пришел обычай покойника везти на телеге или подводе, а еще позже, уже при Хрущеве, телеги заменили машинами.

Наконец пришла полная реформа, вышел указ, предписывающий не носить покойника на руках от дома до самого кладбища, не возить медленно по улицам в сопровождении вышагивающего сзади духового оркестра, а прямо у дома погрузить всех сопровождающих в автобус, отвезти на кладбище, а уж там играть сколько влезет.

Многие возмущались, что церемонию прощания сократили до безобразия, это же неуважение к покойному, пренебрежение даже, Господь такое не простит, другие доказывали, что похороны – дело личное, нечего об этом объявлять всему городу. Кого пригласили, тот придет.

Рассматриваю детское фото, где я возвращаюсь с праздничной демонстрации в честь Великого Октября. Пальто мое в латках, бурки – в латках. Если снять пальто, то обнаружим, что в латках и штанишки, и рубашка.

Вообще трудно найти подростка, у которого одежда без латок, не говоря уже о том, что заштопана и перештопана во многих местах. Чинить одежду я научился, как и все дети, очень рано. Сперва учат сшивать простые разрывы «внахлест», это когда края сдвигаются вплотную, а их сшиваешь так, что образуется ясный шов. Чтобы он был менее заметен, одежда выворачивается наизнанку, тогда рубец внутри, а снаружи таким образом будет малозаметно.

Зашивать приходится потому, что любую одежду носят до полного износа. То есть пока ткань не начинает от ветхости расползаться, как будто тает на солнце льдинка. Первая степень износа, – это когда ткань еще цела, но начинает «светиться», значит, если через нее взглянуть на свет, то ясно видно протертые места: «хоть газету читай».

Вторая степень – когда появляются мелкие дыры на месте протертостей. Иногда их удавалось покрывать штопкой, но чаще прибегаем к хирургии: накладываем латку из материала, по возможности из того же и такого же цвета. Постепенно одежда покрывается множеством таких латок. По количеству латок судят о благосостоянии человека и его семьи.

Выражение «латка на латке» определяет человека как бедного, а вот таких, у кого вся одежда была бы без латок, практически нет. Разве что удавалось кому-то одновременно купить и рубашку, и брюки, и пиджак, и ботинки. Но чаще всего

таких богачей не попадалось, так что если у кого рубашка новенькая, то зато брюки как раз «латка на латке».

Наша школа на стыке двух миров: Журавлевки, состоящей из нормальных домов, и города. Большинство в школе журавлевских, но треть – «городских». Они на нас смотрят настороженно, как на диких и опасных животных, а мы на них, – как на последних недобитых барчуков.

Городские все, как один, бледные, словно личинки майских жуков, чистенькие, боязливые. Мой друг Толька Худяков подружился с одной девочкой из городских, зовут ее Лия, и она, осчастливленная благосклонностью страшного журавлевца, пригласила нас в кино. Но не здесь, в нашу журавлевскую кинушку, устроенную в свободном помещении пожарного депо, а настоящее, где все здание – целый дом! – построили специально для показа в нем кино.

Мы отправились в город, старались не показывать, что все еще ошеломлены множеством людей, проезжающими по дороге автомашинами и даже пронесшимся трамваем.

А потом, после кино, Лия пригласила зайти к ней домой, надо кое-что взять, а потом пойдем дальше гулять.

– Мы подождем тебя здесь, – предложил я.

– Нет-нет, – возразила она живо, – это неудобно!

– Почему?

– Ну как, я буду собираться, а вы стоите на улице.

– Да ничего…

– Нет-нет, обязательно зайдите! Вы слышите, обязательно!

Она тащила нас, упирающихся, подталкивала, и мы наконец дали себя втолкать в подъезд, а затем уже без борьбы поднялись по лестнице на третий этаж. Лия позвонила, дверь открыла женщина со строгим лицом, в темном платье до полу.

– Лия?.. А это кто?

– Мои одноклассники, – объяснила она. – Толя и Юра. Я про них уже говорила.

– А, – произнесла женщина, – ну, заходите…

Она отступила в комнату, Лия подтолкнула нас и прощебетала живо:

– Мы на минутку. Я только захвачу кое-что.

– Хорошо, – произнесла женщина строго.

Она оглядела нас внимательно, из комнаты вышел мужчина, осмотрел нас, подмигнул, и они с женщиной удалились. Мы робко стояли в прихожей, Лия исчезла, слышно было, как шебуршилась, что-то напевала. Толя быстрее меня отошел от шока, задрал голову и с благоговением рассматривал высокий

потолок, настоящую люстру, картины на стенах.

– Здорово, – прошептал он. – Наверное, буржуи…

– Буржуев не осталось, – объяснил я тоже шепотом.

– Откуда же такое?

– Не знаю…

Из прихожей видно три двери, одна близко, две подальше, наконец из одной вышла Лия, свеженькая, с портфелем в руке. Посмотрела на обоих внимательно, вдруг покраснела, сказала торопливо:

– Подождите минутку…

Она исчезла за ближайшей дверью. После паузы мы услышали какой-то странный шум, словно полилась вода, целый водопад, потом стихло, снова шум льющейся воды, теперь уже тонким ручейком. Когда стихло, дверь открылась, вышла Лия, освеженная, с каплями воды на ресницах.

– Вам тоже, – сказала она деловито, – нужно зайти сюда. А то мы гуляли уже давно…

– А что там? – спросил я.

Она улыбнулась.

– Зайди, увидишь.

– Не хочу, – ответил я. – Ты взяла все? Пойдем.

Она покачала головой.

– Нет, на всякий случай зайди. Ну чего ты… Ладно, Толя, зайди ты!

Толя помялся, но Лия решительно взяла его за плечо, раскрыла дверь, втолкала и закрыла за ним дверь. К своему изумлению, я услышал, как там после паузы тихо щелкнул засов.

Толя вышел через несколько минут тоже освеженный, повеселевший. Подмигнул мне и сказал настойчиво:

– Обязательно, понял? Обязательно зайди.

– Да чего…

– Зайди!

Они раскрыли дверь и впихнули меня, только тогда я сообразил, что это. Добрых минуты две стоял, как громом пораженный, потом повернулся и, стараясь делать это как можно тише, сдвинул язычок щеколды.

Унитаз белый, чистый, фарфоровый, я взобрался на него с трудом и балансировал, стоя на узких краях фарфорового седалища. Кое-как присел, страшась, что ступни соскользнут, нога с силой ударит в лужицу воды там, на фарфоровом днище. Это потом я узнал, что вот на это место, куда я залез с ногами, городские садятся задницами, дикари, в то время как культурные люди избегают всякого контакта с… гм… любой из частей срални.

Не видно гвоздя с наколотыми клочьями газеты или страницами книг, зато справа на стене странный рулончик с бумагой, похожей на промокательную.

Я старался дефекалить как можно беззвучнее, но тишина стоит оглушающая, и струя полилась в унитаз с грохотом Ниагарского водопада. Я поспешно направил струю на стенку, так тише, но зато в озерке воды булькнуло так, что эти за дверью услышат, точно услышат!

Хотя бы ушли на кухню, умолял я. Хотя бы… Лия ж хотела напоить нас водой, а то и крем-содой. Вот пусть бы с Толькой и ушли на кухню…

Стыдясь сделать лишнее движение, я затаился, чувствуя, как горячая кровь бросилась в лицо. Вдруг сверху глухо загрохотало, послышался мощный шум льющейся воды. Загремело, зашумело, потом все стихло, и только тогда я понял, что это кто-то этажом выше прямо над моей головой опорожнился тоже, дернул за цепочку, и вода с грохотом смыла, унесла по трубам вниз, как раз мимо меня, за моей спиной, а тот человек сейчас стоит над моей головой, раскорячившись, и, подтягивая пузо, застегивает штаны…

Не попадая дрожащими руками в петли, я ловил пуговицы, застегивался, проскользнул на цыпочках к раковине, долго мыл руки, а в зеркало передо мной отражалось растерянное лицо с красными, как раскаленные подковы, ушами.

Как они живут здесь, мелькнула суматошная мысль. Как они могут жить в таком… таком?

Вышел, Лия и Толя, к огромному облегчению, не стоят под дверью, а пьют крем-соду на кухне. Лия налила и мне стакан шипучего напитка, я сделал первый глоток, и в это время снова зашумело, загремело, загрохотало. Рядом по широкой трубе, как понимаю, пронеслась еще одна порция дерьма с этажа выше, ведь кухня и туалет рядом, между ними эта широкая труба, в которую собирается дерьмо из всех квартир, и потом проносится по этажам.

Там, на Журавлевке, это таинство. Никто не знает, куда человек пошел, когда выходит из дому и по тропке между деревьями идет по саду, а затем скрывается за яблонями и вишнями, ведь этот дощатый домик даже не видно от дома или от центральной части двора. Туалет всегда-всегда располагают в самой-самой дальней части двора, обязательно отгораживают от дома деревьями, а если можно, то и сараями.

Как они живут в этом городе? Как они вообще живут в городах…

Когда мы втроем снова вышли на улицу, я все еще смятенно

думал, что в городских квартирах живут то ли очень испорченные, то ли… не знаю, какие-то совсем другие люди, чем мы.

Как ходить в туалет, когда пусть даже не услышат, но все равно **увидят,** куда я пошел!!!

И как жить, зная, что этажом выше еще семья? Как ходить по квартире, зная, что кто-то над моей головой садится на стульчик туалета? Кто-то за стеной тоже… И весь дом заполнен потным сопящим народом. Все, как по команде, поднимаются утром, одинаково едят, уходят, вечером приходят, едят, испражняются…

В трамвае обязателен кондуктор, который продает билеты за проезд. За одну остановку – пятьдесят копеек копеек, за три – семьдесят, а за рубль можно ехать до конца. Он следит, чтобы все зашли, потом закрывает двери и дергает за веревочку, давая сигнал водителю, что можно ехать.

Иногда, когда находится в середине вагона, «обилечивая» пассажиров, то просит ближайших к веревочке дернуть. Я никогда не садился, не люблю вскакивать, уступая место, потому дергать часто приходилось мне.

Впрочем, кому из нас не нравилось это делать?

В четвертом классе – выпускные экзамены. По всем дисциплинам, так как четвертый класс – выпускной. С пятого уже начинается средняя школа.

Потом была реформа школьного образования, что передвинула выпускной класс с пятого до седьмого. Она застала меня в пятом. Это прежде всего значило, что отменяются изнурительные экзамены по всем предметам, остаются только по базовым, а экзамен по всем-всем предметам будет только в седьмом. Окончивший семь классов считается окончившим среднюю школу.

На радостях ходили на ушах, чокались чернильницами и делали вид, что пьем чернила. К тому времени благосостояние народного образования достигло такого уровня, что чернильницы-невыливайки стоят на каждой парте, отпала необходимость носить их с собой в полотняных мешочках, попросту – старых отцовских кисетах, которые больше всего подходили для такой цели.

Правда, школьные чернильницы заправлять чернилами приходилось самим: учителям и так хватает работы, но носить в портфеле пузырек с чернилами намного проще, чем чернильницу: пузырек надежно закрывается крышечкой с резьбой, всегда можно шарахнуть кого-то портфелем по голове – чернила не разольются.

Пишем стальными перьями, что девочкам позволяет блистать на уроках каллиграфии, каждую сторону любой буквы они особенно старательно вырисовывают жирной линией, полужирной и «волосяной».

Я занимался плохо, предпочитая чиночкой вырезать на деревянной ручке шахматных коней, грифонов, львов, сказочных зверей.

Уроки каллиграфии отмерли раньше, чем пришли автоматические ручки, которые вообще сделали любую каллиграфию невозможной.

В магазинах и в аптеках рядом с коробочками зубного порошка появились и странные такие трубочки, на которых написано «Зубная паста».

Смешно, паста. Да еще и цена, подумать только, рубль за тюбик! А большая круглая коробочка с зубным порошком – шесть копеек. Понятно же, что порошком чистить – полезнее. Об этом и статьи в медицинских журналах. Правда, зубной порошок разводят в воде и пьют наркоманы, но не переходить же из-за этого на зубную пасту?

Стены красили мелом, разведенным в воде, а потом, когда стали жить роскошно и богато, пришла мода украшать стены рисунком. Для этого на базаре продавались трафареты с вырезанными фигурками зайчиков, птичек, лебедей, цветов, а также просто самые разные узоры.

Я сам вырезал такие трафареты из картонок, не удовлетворившись существующими, и наносил через них рисунки на стены, не прибегая к услугам трафаретчиков.

А потом, много-много лет спустя, откликаясь на нужды простого народа, который не в состоянии следить за собой, и уже в угоду пьяным, были изобретены так называемые обои. Страшно дорогие, они дико развращали человека, позволяя расслабляться до такой степени, что можно было позволить себе задеть рукавом или плечом стену, даже прислониться, не страшась вымазаться мелом и потом услышать крики на улице: «Дяденька, у вас вся спина сзади!»

В аптеках появилась странная новинка: прежние порошки начали выпускать в таких приплюснутых кружочках, называемых таблетками. Нет, порошки тоже продаются, но теперь есть и таблетки, этих таблеток становится все больше. Поговаривают, что порошки и микстуры вообще уступят место этим новинкам.

Хотя на самом деле они действительно удобнее:

проглатываешь целиком, поспешно запивая водой, и не чувствуешь привычной горечи порошка во рту. Или микстуры, что еще хуже.

Все заполнено Гайдаром. Его впихивают во всех библиотеках, а я записан и беру книги сразу в трех, знаю, изучают в школе, показывают в кино, а раз в неделю водят всем классом в театр, где идет «Судьба барабанщика», «Школа», «РВС» или «Тимур и его команда».

Никто и до сих пор не понимает, какой заряд эти книги несли и почему их тиражи побивали наверняка, тиражи Библии! «Судьба барабанщика» – это о том, как пионер поймал иностранного шпиона, это призыв к бдительности и доносительству всех на вся, написана в начале тех страшных лет, когда начались массовые чистки, расстрелы, когда уничтожена была старая профессорская элита, военная и научная.

Это обоснование и оправдание тех страшных чисток, после той «Судьбы барабанщика» все начинали видеть в каждом незнакомом человеке иностранного шпиона, а друг в друге – предателя Родины. Это призыв к такому доносительству, что Павлик Морозов в мире Гайдара покажется невинным голубком!

А самая популярная книга тех лет, «Тимур и его команда», повествует о том, как пионеры помогают тем семьям, чьи дети в Красной Армии, стерегут концентрационные лагеря, где помирают всякие там солженицины и прочее интеллигентское отребье, наследие старых времен…

Нет-нет, никто из тимуровцев не помогает тем, кто невинно посажен. При Советской власти невинно посаженых нет, посадили – виновен! Это все враги, отребье, а герои те, кто уничтожает это отребье…

Наглотавшись Гайдара так, что из ушей лез, я судорожно выискивал книги Фенимора Купера, Вальтер Скотта, Майна Рида, Сабатини и всех-всех, кого удавалось «достать». Увы, на все эти книги очередь растягивалась на месяцы и месяцы.

Ненавижу калоши, но все ходят в калошах, а снимают, только переступив порог. Сперва долго очищают грязь, скобля подошвами о вделанную у порога ребром вверх металлическую пластинку, а потом входят в дом и уже там снимают калоши. Ненавижу эти калоши и мечтаю, что когда-нибудь они исчезнут! И люди будут ходить без них.

Ненавижу кальсоны, их обязательно надевать под брюки. Пододевать, как говорит бабушка. Кальсоны – из белого грубого полотна, обязательно на ладонь короче, чем брюки, чтобы не

выглядывали из-под них, и еще там внизу пришиты две веревочки, чтобы плотно завязать кальсоны. Это чтобы не выпускать теплый воздух. Иногда завязки распускались, и видно бывало на улице, как идет взрослый человек, а из-под темных брюк выглядывают, а то и волочатся по земле белые полоски плотной материи.

Мне не холодно, во всяком случае не настолько, чтобы совсем уж околеть, лучше перетерпеть холод, но и в мороз ходить только в одних брюках, чем носить эти отвратительные кальсоны.

Еще ненавижу пиджаки с толстыми накладными плечами, и вообще с этими дурацкими подкладками, из которых лезет конский волос, прокалывая тонкую ткань. Ненавижу обязательность маек, которые необходимо надевать под рубашки. Не понимаю, почему нельзя надеть рубашку сразу на голое тело, почему?

Бабушка говорит просто: нельзя, не принято, нехорошо, мама пыталась объяснить, что с майкой красивее, но я уже знаю, что майка – это нижнее белье, никто не должен видеть твоего нижнего белья, это неприлично, очень неприлично. А я люблю расстегивать рубашку чуть ли не до пояса, но даже если расстегиваю на одну-две пуговицы, краешек майки все равно всем видно. Ненавижу застегивать рубашку на все пуговицы, это душит мою свободу и независимость, ненавижу майки и мечтаю, чтобы они сгинули, чтобы их носили только те, кто хочет, чтобы ушла обязаловка!

Мама так и работает на ткацкой фабрике по две смены, а на руках бабушки я и все, что в хозяйстве: куры, гуси, поросята, козы, кролики. Сегодня заставила тщательно умыться, намочила и причесала торчащие волосы, заставила надеть чистенький костюмчик, «выходной», нацарапала на бумажке адрес.

– А что там? – спросил я тоскливо.

– Проводы в армию, – объяснила бабушка. – Петра забрили.

– А кто это?

– Сегодня увидишь.

– Ну, бабушка…

– Надо идти, – строго сказала она. – Это родня. Все придут. Так надо.

– Почему?

– Так надо, вот и все.

– А кто хоть он мне? – спросил я еще тоскливее.

– Долго рассказывать, иди. Найдешь дорогу?

– Это под горой, что ли?

– Да, они живут там.

– Далеко забрались…

Я вздохнул и отправился, примерное направление знаю, а улицу и дом найду.

«Под горой» – это еще один анклав наших тишковцев, нашли удобное место и застроили его такими же домиками, какие у них были в селе. А на горе уже город: каменные громады в несколько этажей, совсем другая жизнь.

Еще за два квартала до цели услышал игру на гармони, песни, а когда подошел ближе – донесся топот плясок. Через щели в заборе видел, пока шел к калитке, танцующих, яркое мелькание одежек. Калитка тем не менее закрыта.

Я погремел щеколдой, отворили почти сразу, там на дозоре мальчишка на бревнышке. Уставился на меня любопытными глазами, прокричал:

– Дедушка, еще один!

Появился старик, придирчиво порасспрашивал, чей я, потом подобрел, поинтересовался, как здоровье моей бабушки Анны Сидоровны и дедушки, Ильи Порфильевича, сам повел меня к группке молодежи.

– Петруша, – сказал он молодому парню, что веселился явно через силу, – это твой троюродный племянник по маме. Ксюша, возьми его под свое крыло, чтобы не потерялся, он и твой родственник, только через Кременевых. А ты, Юра, иди потанцуй, если хочешь… а нет, так можешь сразу к столу.

– Я посижу тут в сторонке, – пробормотал я.

Народ все подходил, многие друг друга еще не знают, но по такому случаю, как проводы одного из «своих», из своего рода в армию, собрались, знакомятся, выясняют, кто кому кем доводится. Это очень важно знать, кто кому кем, потому что свой – это свой, он поддержит всегда и везде, в любом случае, тут уже неважно, прав ты или не прав, это потом выяснится на собственном суде рода, но перед чужими тебя защитят в любом случае, этот огромный род – весь мой, а от меня требуется только верность ему и защита его интересов и его членов. Еще и потому, что в их жилах течет и моя кровь.

Потом, когда гостей набрался огромный двор и сад, всех пригласили за столы. Их установили в саду под деревьями, столы сколотили именно для такого случая: простые длинные доски на неструганых ножках, за каждый стол усаживается человек двадцать-тридцать, а сколько этих столов было, я не видел, помню только, что много, уходят в глубь сада, а там дальше их закрывает ветками.

Так же точно я ходил по адресу, зажатому в кулаке, на

свадьбы, крестины, именины. Пробовал увиливать, но бабушка строго говорила, что так *надо*. Потом и сам понял, что посещение таких вот мероприятий – это не только удовольствие, но и обязанность. Общность рода надо поддерживать, иначе и крепкий род захиреет и распадется.

Увы, забегая вперед, скажу, что так и случилось со всеми могучими нашими кланами или тейпами, как сейчас бы сказали. В городе трудно жить и общаться только со «своими». Людей слишком много, начинаешь из массы выбирать для общения тех, с кем приятно или удобно, а таким человеком нередко оказывается «чужак», в то время как «свой» выглядит недостаточно привлекательным, и душа начинает сопротивляться неписаному закону, что я должен в любом случае отдавать предпочтение «своему».

В этот период ломки все чаще и громче повторялась фраза, что родня нам дается, а друзей можем выбирать сами, потому друзья куда важнее и ценнее, чем осточертевшая родня. Мы, подростки, бравировали друг перед другом тем, что переставали ходить на общеклановые сборища, что все больше пренебрегали родственными узами и все больше ценили узы дружбы.

Мы сами, не сознавая того, усиленно ломали родовые связи, гордо доказывая друг другу, что предпочитаем общаться с друзьями, чем с родней. Ну ее к бесу эту родню, мы ее не выбирали, а вот друзей выбирать можем, потому друзья нам дороги, а вся родня пусть хоть провалится…

Этим бравировали, это подчеркивали, в конце концов перестали общаться даже с довольно близкими родственниками, перестали ходить на разные обязательные ранее сборы, как-то: проводы в армию или свадьбы, зато весело проводили время с друзьями из других родов и племен.

Сейчас принято считать, что после смерти Сталина на его место пришел Хрущев. Наивные!.. Генсеком стал Маленков, но человек был настолько серый и осторожный, что достаточно быстро его сместили, а командный пост заняли сразу два человека: Булганин и Хрущев. Они так и появлялись всюду вместе. Их портреты печатали рядом, оба на абсолютно одинаковой бумаге, одного размера. А когда посетили Индию, был выпущен фильм «Булганин и Хрущев в Индии».

В то время как раз начались бурные контакты с внешним миром. Первыми после трофейного немецкого допустили в СССР индийское кино, с триумфом прошел индийский фильм «Бродяга», после чего пошла такая шуточка: «Вы видели «Бродягу» в двух сериях?» Человек обычно отвечал, что видел, так как в

СССР не было человека, который бы не смотрел этот фильм, а то и по несколько раз. После чего следовал второй вопрос: «…а двух бродяг в одной серии?», имея в виду фильм о пребывании этих партийных боссов в Индии.

Но, конечно, два паука в одной банке не уживутся, Хрущев сумел убрать напарника и правил единолично, нагоняя ужас на соратников по партии, на страну и правителей других стран неожиданными выходками.

Все, что делал Хрущев, получалось с перехлестом, все «чересчур». Помимо кукурузы на Крайнем Севере, которой ему все в глаза тычут, он все ухитрялся доводить до абсурда.

Помню, как сломав железный занавес, он начал устанавливать добросердечные отношения с другими странами. Не понимая, что при всем равноправии есть разница между Англией, США и Зимбабве, Андоррой и Монако, он побывал в каждой и подписал договоры о ненападении, и каждый указ под громовой звон литавр публиковался в центральной прессе на первых страницах. Но все мы видели, что договор о ненападении между Германией и СССР или Англией и СССР – это одно, но совсем другое, когда точно под такие же трубные звуки и шумиху публикуется договор о ненападении между СССР и Монако, между СССР и Сан-Марино.

Если Сталина боялись и безмерно уважали, то Хрущев сразу же, в отличие от Сталина, стал персонажем для анекдотов. Я сам сочинил о нем несколько, так необычно начиная карьеру юмориста. В стране не найти человека, который уважал бы Хрущева, хотя по-своему это был великий человек, и сделал он действительно много.

Беда его в том, что за все брался сам: художникам указывал, как и что рисовать, писателей учил писать, а ученых наставлял, какие именно тайны природы открывать, чтобы были полезны сельскому хозяйству.

К тому же у нас страна, как заметил один из старых классиков: «Россия, что не знает середины, у нас либо в рыло, либо ручку пожалуйте!»

С приходом Хрущева наступила новая революционная эпоха в строительном деле: удалось придумать технологию, когда дома строят не по кирпичику, а из готовых бетонных панелей, которые отливают на заводах!

Строительство резко ускорилось, да не просто ускорилось, а пошло по экспоненте. Началась массовая застройка из этих новых революционных домов, собранных, как детские игрушки, из

готовых деталей бетонных блоков. Их назвали хрущевками, сотни тысяч человек, жившие в бараках, а то и в землянках, получили благоустроенные квартиры. В горисполкомах начали создавать списки нуждающихся в жилой площади и, по мере строительства, давать бесплатно квартиры.

Вокруг городов начали возникать целые кварталы из новых домов. Все они, светлые, высокие, резко контрастировали с обычно серыми и неухоженными домами центральной части.

Вот только все они были настолько одинаковыми, что на эту тему сразу пошли шуточки, анекдоты, карикатуры, даже фильмы вроде запоздавшего «С легким паром», но нас тогда поразило прежде все то, что… исчезли улицы!

Нет, вообще-то не исчезли полностью, но в городе, как на Журавлевке, в селах, деревнях и везде-везде, дома стоят вплотную один к другому, так целый квартал, затем место для улицы, а затем снова дома вплотную один к другому, вплоть до следующей дороги.

А при этих новых домах удивительной конструкции, названной панельной, хотя со словом «панель» у нас уже были другие твердые ассоциации, нарушился строй: дома стали располагать кустовым методом, когда нужный номер мог оказаться не за предыдущим домом, а где-то в глубине двора!

И если в нормальном городе, который в конце концов условились называть «старым городом» или «центральной частью», нужно пройти квартал, прежде чем свернуть, ведь дома стоят вплотную, примыкая один к другому, то эти новые кварталы можно пройти насквозь в любом месте!

Когда был получен первый алюминий, из него сделали звездочку, королева Великобритании носила ее на парадном платье, как самое драгоценное украшение. Еще бы: золота и бриллиантов у всех, как грязи, а вот изделие из редчайшего алюминия… Читая эту историю в школе, мы смеялись, вспоминая свои алюминиевые кастрюльки и мисочки, из которых едим, но каким богатством нам самим казались кусочки плексигласа, а потом первые образцы неведомой пластмассы!

На уроках учим азбуку Морзе. Мы запоминали эти сочетания точек и тире, что означают буквы, соревновались, кто запомнит быстрее, а потом состязались в скорости передачи.

Еще учили способы передачи информации флажками, но этот метод считается устаревшим, так переговаривались моряки еще во времена Ушакова, Сенявина и Нахимова, а вот азбука Морзе – это самая что ни есть новинка: передают по радио!

С помощью азбуки Морзе можно переговариваться с людьми, которые сидят у своих радиоприемников в других странах!

А потом прошло всего десяток или чуть больше лет, и пришло сообщение, что создан аппарат, который сразу переводит точки-тире в буквы и тут же их печатает на телеграфной ленте. В «Новостях дня» перед каждым фильмом показывали, как из этого удивительного аппарата выползает длинная бумажная лента, а на ней – отчетливо видно! – не привычные точки и тире, а настоящие буквы. Аппарат так и назвали «телетайп», мол, сам тайпит, то есть печатает, и установили в ТАСС.

Это была, естественно, революция в науке и технике. Сразу стало гораздо проще передавать информацию, а значит – количество этой информации мгновенно удесятерилось.

На Западе появился какой-то новый танец под название рок-н-ролл. Говорят, музыка там подобна реву авиационного мотора, вообще что-то ужасное, дикое, непристойное. Общественность

Франции, Германии и других европейских стран гневно протестует против экспорта из США этой гнуснейшей дряни, что развращает молодежь. Прошли митинги, демонстрации, в американских посольствах бьют стекла. В «Новостях дня» по несколько раз в день показывают это возмущение европейцев, но заодно на несколько секунд мелькнет сценка, где эти самые придурки кривляются в рок-н-ролле. Естественно, мы вечером все стараемся повторить. Кто плохо запомнил, идет снова в кино, чтобы перед фильмом про знатных доярок успеть увидеть, как разлагается Запад.

В нашем мире, где разрешены только танго и фокстроты, хотя рекомендуются вообще-то вальсы, мы тайком на вечеринках танцуем буги-вуги. И вот – рок-н-ролл!

Что ж, запретный плод сладок.

Отведаем, несмотря на любые запреты.

В связи с поголовной амнистией после смерти Сталина, о целях которой ходят самые разные слухи, на свободу выпущены сотни тысяч, если не миллионы, уголовников. По стране пошла кровавая вакханалия. Если во времена Сталина невинная девушка могла любой город пройти ночью из конца в конец, и никто не посмеет обидеть, то теперь даже днем стало опасно появляться на улицах. Уголовники ходят по одиночке и бандами, грабят не только прохожих, но и магазины, поезда, фабрики, склады, нападают на отделения милиции и победно уходят с уже дымящимися пистолетами в руках.

На Журавлевке снова вспомнили про ставни. Каждый вечер жители выходят и закрывают окна этими толстыми досками, укрепленными широкими металлическими пластинами. С наступлением ночи во двор уже никто не выходит, старое ведро в коридоре снова заменило туалет. В ночи нередко слышится поросячий визг, блеянье, истошное кудахтанье – это уголовные хозяева ночей забираются в сараи, погреба. Но журавлевцев никто защищать и не думает, здесь живут проклятые частники.

Уголовщина разлилась по стране, как весеннее половодье, затопив ее грязной водой полностью. Власти не справлялись, милиция забилась в норы, Хрущев пошел на крайние меры: объявили о создании на заводах бригад в помощь милиции. Их сокращенно назвали бригадмильцами, потом придумали аббревиатуру БСМ, то есть «бригады содействия милиции», в конце концов закрепилось название «народные дружины». Правительство было в такой панике, что дебатировался вопрос о снабжении этих дружин огнестрельным оружием, но разбушевавшихся уголовников удалось кое-как снова обуздать, и

вопрос о выдаче пистолетов дружинникам втихую замяли.

Общественная дисциплина и самосознание того времени: невозможно сачкануть с уроков или вообще не пойти в школу, а двинуть в кино или просто пойти гулять. Любой взрослый, завидев в неположенное время на улице существо школьного возраста, тут же останавливал и строго спрашивал:

– Мальчик, ты почему не в школе?

– Да я, дядя… относил домашнее задание больному товарищу…

– Это надо делать после уроков, – говорил еще строже взрослый. – А теперь быстро беги в школу!

Вслед за Индией и другие страны начинают освобождаться от ее власти. В печати поговаривают, что если так будет продолжаться, то Англия может потерять статус сверхдержавы и отойти на второй план.

Но пока что у Англии еще много земель помимо самой Великобритании, один Ближний Восток в десятки раз больше Англии! Правда, там с помощью Советского Союза возник Израиль, но его сразу же назвали кленовым листочком на спине арабского слона, все остальные страны вокруг – колонии Англии.

Мы с трепетом выходили в этот враждебный мир, где только немногие смотрят с любопытством, совсем единицы – с восхищением и завистью, а остальные – с ненавистью, ибо мы в рубашках в яркую клетку, так одеваться нельзя, это же предательство, это вызов. Все люди одеты в серое, это прилично, можно еще в черное или белое, а если нужно в праздничное, то есть ткани в мелкую полоску или в горошек. И полоски, и горошек обязательно мелкие, крупные выглядят неприлично, вызывающе.

Особенно жуткие слухи ходят о бэсээмовцах, эти охотятся не столько за бандитами и хулиганами, сколько за такими, как мы. Ибо бандиты и хулиганы – это свои, а вот мы – предатели Родины, так как надели несоветские рубашки. И хотя они тоже советские, и ткань наша, и шила рубашки моя мама, но вот нельзя рубашки такие яркие, нельзя эти клеточки!

…и, конечно же, нельзя, ни в коем случае нельзя надевать вот такие брюки с узкими штанинами. Прямо дудочки какие-то! Это оскорбление простому советскому человеку, плевок в лицо строителю коммунизма.

Сегодня мы вышли на Сумскую, это наша центральная улица, как в Москве – улица Горького, а в Одессе – Дерибасовская, и

пошли по той стороне, которая среди молодежи зовется Бродвей-стрит, в отличие от Гапкин-штрассе, где передвигаются все остальные. Анатолий вздрогнул, сказал торопливо:

– Смотри, там везде пусто!

– Да нет вроде…

– Куда смотришь, впереди!

Улица впереди опустела, а навстречу нам идет группа крепких парней рабоче-крестьянской внешности, одеты тоже по рабоче-крестьянски, да и лица у всех рабоче-крестьянские с характерными низкими лбами и широкими челюстями.

Мы попытались попятиться, повернулись, Анатолий ахнул, с той стороны улицы надвигается еще одна группа. Там человек десять с красными повязками на руках. С собой тащат троих подростков, у двоих кровь течет по лицам, у всех троих разорваны рубашки.

Ладно, как-нибудь расскажу, как эти сволочи распарывали узкие брюки вот таким захваченным парням, как срезали им чубы и вообще длинные волосы, как отрывали толстые подошвы, ибо нельзя советскому человеку ходить на толстой подошве! Милиция делала вид, что она ни при чем. Это, мол, здоровая часть общественности выражает недовольство нездоровой. По-своему.

В паспорте заменили «Кагановический район» на «Киевский», а московский метрополитен спешно переименовывают из «имени Кагановича» в «имени Ленина». Получается смешно: «метрополитен имени Ленина ордена Ленина», но мы скоро привыкли, а новое поколение вообще не будет замечать шероховатости.

По всей стране спешно сбивают с улиц таблички с именами опального кремлевского градоначальника, меняют учебники, из энциклопедий выдирают портреты Кагановича и статьи о нем, уничтожаются его книги, а также книги о нем, его многочисленные портреты.

Нам все равно, эти побоища наверху нас не касаются. Нас больше интересуют новости о строящейся китобойной флотилии «Слава», что вот-вот выйдет в просторы океана «…у кромки льдов бить китов, рыбьим жиром детей обеспечивать», как сразу же запели в песне, что стала сверхпопулярной.

Может быть, из-за того, что ее с утра до вечера крутили по радио?.. Но ведь в самом деле неплохая песня.

А потом пошли новости перед каждым сеансом в кинотеатре о том, как китобойная флотилия вышла в океан и начала китовый промысел. Во всех роликах новостей показывают, как китов бьют, как волокут к кораблю-матке, как поднимают на борт, а там

огромными секирами распластывают огромные туши, обнажая красное мясо и белесый жир.

Вся палуба залита жиром, счастливые рабочие ходят в резиновых сапогах, а капитан флотилии, стоя на разделываемой туше, радостно докладывает, что сегодня убили на тридцать китов больше, чем вчера, месячный план будет точно перевыполнен!

Корабль-матка – это огромная специализированная плавучая фабрика для разделки китов, там огромные емкости для складирования отдельно мяса, отдельно – жира, ценнейший китовый ус – тоже отдельно, а окровавленные скелеты тут же специальными лебедками поднимаются и сбрасываются за борт.

После первого же возвращения китобойной флотилии в порт во всех магазинах появилось китовое мясо. Женщины сперва брезговали, покупали его собакам, но потом привыкли, мясо оказалось совсем неплохое, только темнее обычного, мы ели его с аппетитом, а по цене оно значительно уступало телятине, а говядине так и вовсе.

Профессия китобоя стала такой же романтичной, как летчика или полярника. О китобоях слагали стихи и пели песни, торопливо писали романы, ставили пьесы, их рисовали на крупных полотнах художники и получали за это Сталинские премии, переименованные в Государственные.

Потом было время, когда все продовольственные магазины вдруг завалили кониной. Это мясо, в отличие от китятины, понравилось сразу: сухое, без жира, хорошо готовится, из него можно приготовить все, что из привычной телятины.

Затем конское мясо исчезло, а еще позже так же незаметно ушло и китовое. Из «Новостей дня» ушли радостные репортажи о забитых китах.

Оказалось, что все больше влиятельных международных организаций выступают за запрет на добычу китов. Тех с каждым годом все меньше и меньше. Особенно свирепствует на морях и океанах Япония, она начала раньше всех, на ее долю приходится больше половины всех убиваемых китов. На долю СССР – меньше всего, так как русские спохватились позже всех и построили мощную флотилию тогда, когда под давлением мирового общественного мнения фактически уже был предрешен запрет на добычу китов.

В конце концов добычу китов запретили. СССР и Япония попробовали было продолжить сами, но их прижали экономическими санкциями, от которых потерь больше, так что однажды наша первоклассная флотилия, специализированная под добычу китов, вернулась, не заполнив трюмы и до половины,

после чего ее поставили на прикол.

Огромная специализированная фабрика по разделке китов даже не успела себя окупить, долгие годы стояла у причала, потом, говорят, то ли сгнила, то ли рассыпалась, проржавев до последнего клочка металла.

На Западе появились некие сумасшедшие, что доказывают, будто охоту на диких животных надо ограничивать. В необъятной Африке, где видимо-невидимо слонов, носорогов и бегемотов, не говоря уже о стадах жирафов, оленей или прочей мелочи, начинается чуть ли не истребление слонов из-за слоновой кости, а носорогов убивают тысячами из-за его рога, который признан целебным.

Мы смеялись, смеялись, смеялись, но потом это пришло и к нам. Самые сумасшедшие договорились уже до того, что даже волк полезен, мол, санитар леса. Прозвучало незнакомое слово «экология», которое как-то незаметно вошло в жизнь и кое-где сумело навязать свои нормы.

В Африке и Индии планируют учредить пару заповедников, где животных убивать будет нельзя. Дескать, Африка велика. Во всех остальных частях можно, а здесь будет нельзя. Это вызвало бурю негодования, многие просто не могут понять, как это нельзя будет стрелять в бродящего на свободе слона или носорога.

В газетах возникали дискуссии: мол, одно дело – нельзя стрелять в собаку, которая кому-то принадлежит, но бродячих собак отстреливают. Так же точно можно охотится на диких зверей в любой точке планеты, объявлена эта территория заповедником или нет…

Я пасу козу прямо перед домом, утки и гуси под предводительством большого страшного гусака ходят на речку, где проводят весь день, плавая и добывая себе корм. Как только солнце начинает опускаться, они так же неспешно выбираются на берег, отряхиваются, поджидают остальных, а затем дружной плотной стаей, чувствуя свою мощь, под руководством старого злого гусака шествуют домой. Их не приходится разбирать, как коров, – гуси и утки дорогу в свой птичник не забывают. У всех птиц – «куриная слепота», это значит, что уже в сумерках они становятся почти слепыми. В лесу птицы с заходом солнца прячутся в гнездах, а на Журавлевке домашние птицы устраиваются на ночь в курятниках, сараях.

И вот теперь на главной улице Журавлевки рядом с проезжей частью дороги истоптали траву, разрыли, начали укладывать шпалы. Прошел слух, что проведут трамвай. А потом мы все

смотрели из окон, как укладывают длинные блестящие рельсы. Наконец пустили трамвай, одноколейку. То ли потому, что улица узковата, то ли мало народу здесь, но трамвай ходит с промежутками в двадцать минут. Через каждые три прогона располагается так называемый разъезд, там две колеи, встречные трамваи могут разминуться. Обычно один приезжает и подолгу стоит в ожидании встречного, а пассажиры в нетерпении выглядывают из окон, наконец кто-то кричит: «Идет, идет!»

У нас поблизости только украинские школы, а меня записали в русскую, так что приходится добираться довольно далеко. Я пользовался трамваем, а так как моя школа как раз между двумя остановками, я всегда спрыгивал на ходу прямо перед школой.

В то время трамваи, как и поезда и все-все, не знали автоматических дверей. Это были такие удлиненные кареты, на которых ездили всякие графья, только приспособленные для езды по рельсам. Двери самые обычные, а самое главное – ступеньки вынесены далеко за пределы вагона, так что летом в вагоне пусто, а на ступеньках, держась за поручни, гроздьями висят даже взрослые, наслаждаясь свежим ветерком.

Многие очень быстро научились догонять трамваи и запрыгивать на ходу, а также соскакивать. Это была целая наука: трамваи двигаются все-таки быстро, и спрыгнуть всегда труднее, чем запрыгнуть. В запрыгивании самое главное – догнать и ухватиться за поручень, а там уже все понятно: толчок от земли, мышцы руки сокращаются, помогая поднять тело, и вот ты уже на ступеньке. А в спрыгивании есть очень важная особенность: трамвай может двигаться гораздо быстрее, чем ты сумел бы его догнать.

Здесь нужно изготовиться, откинуться всем телом на вытянутых руках, чуть согнув ноги и выгнув горбом спину, начинаешь раскачиваться по ходу трамвая, все сильнее и сильнее, как бы погашая его скорость, потом резко отталкиваешься руками и ногами, летишь по воздуху навстречу земле лицом вперед, но сильно-сильно откинувшись навзничь, чтобы сила инерции не ударила сразу же с размаху о землю.

Здесь очень важно выдержать первый удар подошвами о твердую землю и быстро-быстро перебирать ногами, пока сила инерции несет вперед. И вот так, пробежав немного, останавливаешься в том месте, где и рассчитал остановиться.

Я всегда спрыгивал за десять метров перед входом в школу, пробегал их и останавливался перед нашими красотками, что вышли погреться на солнышке.

И вот однажды… Я ехал на подножке, небрежно и красиво держась одной рукой, великолепный и беспечный, гордый и

независимый, ведь я уже второгодник, меня все боятся, любому могу в рыло, что иногда и делаю. Сейчас же издали заметил у входа Нонку Жуковскую, Ирину Горн, Люду Мамину и других красоток, выпрямился, приготовился соскочить стильно и красиво… Подножка, когда-то рифленая, оказалась вытерта до блеска. Я привычно оттолкнулся, но подошва скользнула, толчка не получилось. Я все же соскочил, уже поневоле, но инерцию погасить, отталкиваясь от трамвая, не сумел, меня понесло вперед слишком быстро. Я не успевал перебирать ногами, земля прыгнула навстречу, ощутил сильнейший удар, меня раз пять перевернуло, и, когда мое тело перестало кувыркаться, я понял, что лежу у ног наших хохочущих красоток!

Никогда и ничего я не желал так страстно, как в тот момент провалиться сквозь землю. Провалиться, рассыпаться в пыль, исчезнуть. И чтоб меня больше никто никогда не видел.

Ничего не изменить, на мои первые годы жизни в самом деле выпали самые голодные годы на Украине. Был знаменитый голод, о природе которого до сих пор спорят историки: был ли он вызван нарочито, или же это грубейший просчет в политике, но факт остается фактом, я прожил два жутких года в краю, где трупы умерших от голода некому было убирать с улиц, люди умирали от голода в домах и на пороге домов, Украина обезлюдела, а затем… грянула война.

Война – это новый голод, когда не было дня, чтобы я не хотел есть или хотя бы на час ощутил себя не голодным. Из-за постоянного недоедания рос похожим на тех детей, которых показывают в хронике о голодающих африканцах, сразу же обзавелся пороком сердца, рахитом и всеми болезнями, какие только можно получить в раннем возрасте.

Постоянно падал то в голодные обмороки, то от сердечной недостаточности. Если зимой мне пытались брать анализ крови, то кровь не проступала из белых обескровленных пальцев. Врачи, не понимая причины, отсылали прогреть пальцы на батарее парового отопления, я только криво улыбался, знал, что это не поможет. Кровь поступает в мои конечности только в тех случаях, когда я прогреваюсь весь. Изнутри.

Ангины мучили шесть раз в год, то есть раз в два месяца. В это же время мучительно ноют все кости, ревматизм заставлял корчиться и орать от боли. А один старый врач-горловик, так их называли, заметил вскользь, что ангина и ревматизм – это почти одно и то же, во всяком случае – постоянные и неразлучные попутчики. И что ревматизм всего лишь лижет суставы, но кусает сердце.

Бабушка отвела меня к другому врачу, «сердечнику», и тот после тщательного обследования сказал, что, если мальчику не сделать срочную операцию по удалению гланд, он не проживет больше, чем полгода. Сердце, и без того изношенное и слабое, с тому же с пороком, не выдержит увеличивающейся нагрузки.

Через пару недель бабушка и мама заставили меня отправиться к «горловику» и записаться на удаление гланд. Меня записали, сделали анализы крови. Врач помрачнел, покачал головой. Медсестра спросила встревоженно:

– Что там?

– Сама посмотри.

Девушка взглянула на листом с латинскими буквами и корявыми цифрами, глаза расширились, посмотрела на меня с жалостью, потом на врача.

– И ничего…

– А что я могу?

Они повернулись ко мне, врач медленно складывал листок с анализами вдвое, а потом вчетверо.

– Что там? – спросил я.

Врач сказал медленно, с нерешительностью в голосе:

– Понимаешь, когда выдирают гланды, это болезненно…

– Я вытерплю, – прервал я.

– Да, не сомневаюсь, – кивнул он, – но также при удалении гланд… понимаешь, там очень много кровеносных сосудов… Намного больше, чем где-то еще. Почти вся кровь человеческая собралась в голове, а в остальном теле… так, капельки. И вот эта кровь сразу же хлынет… понимаешь? Хлынет тебе в горло. Но не это главное. Все дело в свертываемости. Мы берем анализ в первую очередь на свертываемость! Прекрасная свертываемость – это полторы минуты. Отличная – две. Очень хорошая – две с половиной. Но мы беремся делать и при плохой, это почти четыре…

Он умолк, развел руками. Медсестра посмотрела на меня, вздохнула. Я уже знал, что девчонки считают меня красивым, даже очень красивым, только очень слабым и болезненным.

– А сколько… у меня? – спросил я тихо.

– Двенадцать, – ответил он. – Понимаешь, мы могли бы тебе прописать курс препаратов, что усиливают сворачиваемость, но это повысит всего на одну-две единицы. Это важно при сворачиваемости в пять или четыре минуты, но когда двенадцать…

Он снова развел руками. Я переступил с ноги на ногу, сказал беспомощно:

– Но хирург сказал, что я за полгода умру от сердечной

недостаточности, если не…

Я умолк, ком подступил к горлу. Врач вздохнул, сказал невесело:

– Медицина пока не всесильна. А так истечешь кровью у нас на столе. Мы не сможем остановить кровь. Там, в горле, повязку не наложишь!..

Медсестра сказала робко:

– Впереди еще целых полгода! За это время многое может случиться!

– Что? – спросил я тупо.

– Ну… придумают какой-то способ… Изобретут новые лекарства…

Я кивнул, взял листок с анализом крови и вышел на улицу.

Я не умру, сказал я себе зло. Не умру! Я ведь родился? Значит, я нужен, я родился для чего-то. Рожден, чтобы совершить что-то потом, когда смогу. Не могу я вот так взять и умереть, если рожден для какой-то цели. Я не умру. Я ни за что не умру.

Как раз в это время, наряду с индийскими фильмами, в страну хлынуло и остальное индийское: танцы, статуэтки, йога, индийские песни… Я не мог не заинтересоваться йогой, что обещала чудеса, возможность излечиться от любых болезней и чуть ли не стать бессмертным. Если для кого-то йога была быстропроходящей блажью, то для меня овладение ею стало вопросом жизни и смерти.

Я быстро научился делать самые трудные и сложные асаны, пошел дальше по пути контроля над организмом. И сейчас я умею, к примеру, с такой скоростью двигать глазными яблоками, как никто еще из всех знакомых не смог повторить, я умел понижать удары сердца до двадцати в минуту, а температуру под одной рукой поднимал до сорока, а под другой – понижал до тридцати четырех.

Прошел год, я чувствовал себя не только живым, но ангина ушла. Ушла и больше никогда не возвращалась. Ушел и ревматизм. Только сердце осталось деформированным, так как большая часть его сморщилась и практически отмерла, зато другие отделы разрослись, принимая нагрузку, и я перестал чувствовать, что оно у меня больное. Правда, в конечности на холоде все так же кровь не поступала, люди пугались их восковой бледности, руки мертвеца, но когда я уже на Крайнем Севере начал бегать по тайге по двадцать километров в кирзовых сапогах, отжиматься по тридцать раз, то сердце научилось доставлять кровь в самые отдаленные части тела.

Облитерирующий эндартериит. Этот диагноз ставили постоянно, всякий раз добавляя сочувствующе, что сердце у меня очень маленькое, слабое, с пороками, крови качает очень-очень мало, и вот-вот она перестанет поступать в конечности вовсе, наступит гангрена, ноги мне отрежут, но это ничего, и в коляске жить можно… На пятый или десятый раз я уже научился и сам без запинки выговаривать это «облитерирующий эндартериит».

С машинами что-то странное: шофер влезает в кабину, малость повозится там, а затем машина фырчит и трогается с места. Непонятно.

Исчезает привычная картина, когда к автомобилю подходит человек, вытаскивает стальной лом, которым дворники скалывают лед, но только изогнутый, как знак Зорро, то есть Z, вставляет концом в отверстие под радиатором, за другой конец хватается двумя руками, набирает в грудь воздуха, чтобы на одном дыхании, и начинает быстро-быстро крутить по часовой стрелке.

Иногда сразу, но чаще не совсем уж так, в машине раздается пыхтение, потом звук работающего мотора. Крутящий ручку тут же вытаскивает ее и опрометью бросается в кабину.

Иногда – успевает. Если нет, снова крутит этот гигантский коловорот. Если стоишь вот так рядом и наблюдаешь, то иной просит тебя покрутить ручку, а сам дежурит в кабине, чтобы успеть вовремя то ли «схватить искру», то ли как-то еще задействовать работу мотора.

Когда идешь по улице, то везде видишь таких, крутящих железные ручки. Машину невозможно завести, не покрутив как следует этот стальной лом. В большинстве случаев крутить приходится долго.

Мне приходилось крутить не раз, это не просто покрутить металлическим прутом: другим концом вставляешь в нечто громоздкое, тяжелое, крутишь с усилием, оно сопротивляется, ты напрягаешь все мускулы, потому что надо не просто провернуть эту железную турбину внутри автомобиля несколько раз, но обязательно раскрутить сильно и быстро, чтобы она, как кремень моего дедушки, высекла там внутри искры…

И вот теперь что-то придумали, машины запускаются уже изнутри. Прямо из кабины. Странно и непривычно.

Все говорят с восторгом: до чего же дошла техника!

То ли мы все такие умные, проницательные, всезнающие, но фильмы, что в прокате, нам все до единого понятны и предсказуемы. Может быть, так и надо: зло должно быть

наказано, а добро должно не только победить, но и получить вознаграждение, но из-за этого фильмы стали слишком простыми, упрощенными даже, а мы, чувствуя свою сложность, требовали, чтобы эта наша сложность и непредсказуемость отражалась и в искусстве.

Будучи наблюдательными и язвительными подростками, всегда следили за героями и героинями: как только наш доблестный разведчик поцелует чужую женщину – все понятно, скоро предаст Родину и будет работать на гитлеровцев, а потом и на американцев, что одно и то же. Если же немец, который добивается нашей женщины, наваливается на нее и уже рвет на ней платье, то здесь самый решающий момент: если успеет его ударить, вывернуться и убежать, то останется жить, а если он ее все-таки изнасилует, то минут через десять она либо сумеет застрелить его и погибнет сама, либо взорвет мост и тоже погибнет, либо спасет кого-то из наших, но сама обязательно погибнет.

Ну не могла раньше обесчещенная женщина остаться в живых, не могла!

Впрочем, не только в нашем. Во всех западных фильмах – то же самое. Последний фильм, что смотрел на подобную тему, американский «Мост Ватерлоо». Кажется, это в нем женщина, когда узнала, что ее муж погиб, пошла подрабатывать проституткой. Но он, оказывается, уцелел, вернулся, и тогда она бросается с моста, ведь занятие проституцией пятнает человека уже навечно! Да, это не нынешний кинематограф, где ричарды гиры женятся на проститутках!

Если в фильме появляется старик и мальчик или девочка, то старик в конце фильма обязательно погибнет, его предательски убьют немцы, либо он останется отстреливаться, прикрывая собой отступление и бегство мальчика и девочки.

В любом случае старика убьют, режиссеры и сценаристы просто соревнуются, кто, как и за что убьет старика. Все хотят придумать что-то необычное… но в рамках. Однако в любом случае старик должен погибнуть, это предрешено еще с первой минуты, как он появляется на экране.

И, главное, это сразу всем видно. Наверное, чтобы все начинали жалеть заранее.

На улицах столбы всех видов: телефонные и для электропередачи, даже высоковольтные, но все только деревянные. Монтеры взбираются, прицепив к ногам «кошки»: железные приспособления с острыми когтями, что впиваются в древесину, не давая соскользнуть к земле. На новеньких столбах

отметин совсем мало, а старые излохмачены, будто по всей высоте грызли медведи. Только на самом верху, где провода, поверхность столбов гладкая.

Как громкий непристойный крик в храме, прозвучало в эпоху Хрущева появление в продаже «ковбоек», так называли рубашки, где впервые на ткани появились клетки. Не яркие, пока еще очень блеклых сдержанных расцветок, но уже не в обязательную полоску или вовсе однотонные.

Такие рубашки нарасхват, но завезли их в СССР очень мало. Если учесть, что тогда большую часть одежды не покупали в магазинах, а шили в «индпошиве», так раньше назывались ателье по пошиву одежды, то большинство стали заказывать рубашки в этих пошивочных мастерских.

Мне сшила мама, ярко-красную с оранжевым, и, когда я шел по улице, на меня оглядывались с испугом, словно на марсианина или выходца из ада.

Наконец, все как с цепи сорвались, началась такая дикая мешанина цветов, что все ходили, как попугаи, разодетые в самые яркие и противоположные цвета. Люди стали похожи на семафоры, где красное, зеленое и желтое самых ярчайших оттенков бросается в глаза издали.

Потеряла значение форма одежды, преобладающим стал цвет: кто ярче – тот моднее.

А затем пришло то явление, что назвали общим словом: «стиляги».

Да, стиляги, так как до этого все поколение, а до него – предыдущее, что для нас – вечность, носили одинаковую одежду, одинаковую обувь, одинаковые головные уборы. Даже стриглись все одинаково. Первый прорыв произошел с цветом, а потом вдруг, опять же из-за приподнявшегося железного занавеса, узнали, что если брюки слегка заузить, то они станут более удобными и выглядеть лучше и… стильно.

А узнать нетрудно: в новостях постоянно показывали бедных голодных негров в Америке, что роются в мусорных баках, бастующих рабочих, демонстрации протеста против войны – и все мужчины, даже старшего возраста, в узких брюках!

Это оказалось так просто: всего лишь распороть штанины, вырезать узкий треугольник материи и снова зашить. Не нужно даже в индпошив или в ателье: наши матери и сестры проделывали это за пять минут, и мы выходили на улицы преображенные, «стильные», слегка испуганные своей дерзостью.

Да, дерзкие, потому что не только старшее поколение, что

понятно, но и наши сверстники, что потупее, яростно выступали против этого западного разложения. В моей бригаде слесарь Геннадий, старше меня всего на два года, с пеной у рта доказывал, что я – сволочь, если заузил брюки, как делают на Западе. Что это первый шаг к предательству Родины…

– Но это мода, – возражал я. – Сейчас только некоторые заузили брюки, а потом все так сделают!

– Не сделают!

– А если?

– Перебьем сволочей!

– А если все индпошивы будут строчить штаны только с узкими брючинами?

– Буду покупать фабричные!

– А если и в магазинах начнут продавать только зауженные?

– Этого никогда не случится!

– Ну а если?

Он заскрипел зубами, в глазах сверкнули красные искры.

– Буду распарывать и вставлять клинья!

К слову сказать, уже через два года он носил брюки еще более зауженные, чем у меня. Чтобы влезть в такие брючины, нужно было намыливать ногу. Я, конечно, на такие излишества не шел, мне в то время какая-то другая вожжа попала под хвост, но я понял, что одни люди легко и быстро принимают новое, а другие куда тугодумнее, однако если первые потом легко отказываются от нового ради еще более интересного и нового, то других все равно надо тащить силой, а то и подгонять пинками.

Загнать всех стиляг в лагеря – поздно, даже Иосиф Виссарионович не стал бы. Уже во всех городах сотни тысяч молодых парней носят узкие брюки и стригутся под Элвиса Пресли, в США появился такой молодой шоферюга с изобретенным им рок-н-роллом, потому на стиляг объявили всесоюзную травлю в газетах, журналах, по телевидению. «Крокодил» и прочие сатирические журналы, что раньше рисовали в основном карикатуры на Черчилля, Чан Кайши и предателя Тито, сейчас переполнены ядовитыми рисунками худосочных стиляг, которых иначе, чем в виде грибов-поганок, и не рисовали. Особенно массово идут рисунки Кукрыниксов, наши сталинские лауреаты изображают «эту мерзость» на первых страницах «Правды», «Известий», «Комсомольской газеты» и прочих-прочих.

Вошла в обиход формула: сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст!

Когда я работал по вербовке на лесозаготовках среди зэков,

заметил, что все уголовники – патриоты Советской власти. Стиляг готовы убивать на месте, за Советскую власть любой Запад порвут голыми руками. И никакая западная идеология их не возьмет, тлетворное влияние инакомыслия не коснется.

Как уже говорил, с самого раннего детства предоставлен сам себе, мать и дед работают по две смены, бабушка едва управляется с хозяйством: куры, свиньи, козы, кролики, к тому же во всех магазинах надо было отстоять громадную очередь, чтобы купить хотя бы буханку хлеба, успеть приготовить ужин и собрать «тормозок» с собой, так что бабушка загружена с утра до поздней ночи.

Потому мною дома заниматься некогда, а я, предоставленный сам себе, вскоре нашел выход, чтобы взрослые не останавливали и не спрашивали, почему не в школе: вообще отказался от портфеля, даже от учебников. Брал с собой только дневник и тетради, без которых уж никак нельзя. Но их можно засунуть за пазуху и так бродить по городу, вместо того чтобы сидеть в опостылевшей школе и слушать то, что либо неинтересно, либо давно знаю из книг.

Как результат: на каждое лето я получал переэкзаменовку, а в седьмом классе так разленился, что даже переэкзаменовки не дали. Просто оставили на второй год, как… неуспевающего.

В моем классе прозвучало, как анекдот, одно родительское собрание, на котором мою мать предупредили, что ее сына, скорее всего, оставят на второй год. После собрания одноклассники высыпали в коридор в сладком предвкушении жестокой трепки, которую мать задаст мне, но, к их глубочайшему разочарованию, она сказала мне только: «Сырники в духовке, еще теплые», поцеловала в щеку и пошла во вторую смену на фабрику.

Да, я остался на второй год, что меня нисколько не смутило и не встревожило. Учиться вообще бросил, но на третий год оставлять вроде бы нельзя: перевели в восьмой класс.

А в следующем, восьмом, исключали трижды за драки и хулиганство, сперва на три дня, потом на неделю, наконец на две недели, после чего выдали табель и захлопнули дверь. К счастью, мне как раз исполнилось шестнадцать, я пошел на завод слесарем, там же поступил в вечернюю школу рабочей молодежи, откуда меня исключили за драки через два месяца.

Да, как раз исполнилось шестнадцать лет, уже можно на работу так называемой «малолеткой», то есть на сокращенный рабочий день.

Ближайший к нашему дому – завод ХЭЛЗ, он тоже на окраине, только на другой стороне реки, куда мы ходили бить тюринцев. Но те времена быстро прошли, сейчас и Журавлевка, и Тюринка – окраины, которые против центра, так что я без опаски прошел по мостику на территорию врага, что уже не враг, отыскал завод и толкнул дверь проходной.

Бабулька-вахтерша мирно посмотрела на меня поверх очков.

– Что тебе, милай?

– Хочу устроиться на работу, бабушка.

Она вздохнула, что-то написала на листочке и протянула мне.

– Вот тебе временный пропуск. Проходи на территорию, вон в том домике – отдел кадров. Там все и расскажешь.

Начальник отдела кадров – полный идиот. Долго, подробно и проникновенно рассказывает о преимуществах профессии слесаря-ремонтника, напирая на то, что ремонтники выходят на пенсию не в шестьдесят лет, а в пятьдесят пять! Как будто не одно и то же! Сейчас мне шестнадцать, а шестьдесят исполнится… может быть исполнится, в тысяча девятьсот девяносто девятом!.. Страшно не то что выговорить, но даже вышептать эту цифру: *тысяча девятьсот девяносто девятый год!* Значит, если проработаю ремонтником всю жизнь, смогу выйти на пенсию не в тысяча девятьсот девяносто девятом, а в тысяча девятьсот девяносто четвертом!.. Даже цифрами, чтобы нагляднее, абсурднее – 1999 год, это если на пенсию по старости, и в 1994-м, если с вредными условиями труда. Ну не идиот ли? Какая разница? Да я не доживу до такой дряхлости…

Я брезгливо представил себя трясущегося от тяжести лет старца. Сейчас мне шестнадцать… да я никогда не буду старым! Никогда. Это просто невозможно. Год и то – неимоверный срок. Да что там год – месяц тянется так, что можно пешком до Луны и обратно. Я просто не могу себе представить этот чудовищно далекий, просто недостижимый 1999 год. Это так же далеко, как до времен Наполеона или египетских фараонов.

– Я пойду слесарем-ремонтником, – сказал я.

– Вот и прекрасно, – обрадовался начальник отдела кадров. – Там не так уж и тяжело, как считают, только немножко шумно… Зато на пенсию на пять лет раньше, ты только подумай!

Я кивнул, он быстро выписал мне направление, пока я не передумал, и я отправился в цех РЗО, то есть ремонт заводского оборудования. Там я проработал положенные два месяца учеником слесаря, получил второй разряд, еще через полгода повысил его до третьего, через три месяца до четвертого, а затем какой-то странный зудеж заставил все бросить и перейти на том

же заводе в деревообделочный цех учеником столяра.

Тогда еще не знал, что это как будто в генах: больше года я редко задерживался на какой-то работе. Бывало даже так, что, проработав год, уезжал в экспедицию на Дальний Восток или в Сибирь, а потом возвращался на тот же завод и в тот же цех на ту же работу. Всегда принимали с ликованием: я из тех, кто может подменить любого запившего работягу, может отработать две-три смены кряду, выйти в выходные дни.

На всех предприятиях настроены против «летунов» – часто меняющих место работы, я только слегка чувствовал себя виноватым, но только потому, что каким-то образом огорчаю других людей, однако же странная правота в своих поступках не оставляла ни на минуту. Это потом сообразил, что смена работы просто необходима: иначе как расти, повышать уровень, повидать мир и людей, если всю жизнь простоять у одного и того же станка?

Смотрю с брезгливой жалостью на своего бригадира Владимира Босенко. Ему уже тридцать два, это почти старик и рассуждает по-стариковски. Его волнует, какая у него будет пенсия, уже прикидывает, как будет работать последние пять лет, чтобы набрать как можно выше заработки. Именно с них будет насчитываться пенсия, которую станет получать остаток жизни.

Посоветовал и мне подумать, я взял бутылку с молоком и отошел к играющим в домино. Дурак этот бригадир, хоть и слесарь высшего разряда. Мне семнадцать лет, да я никогда не доживу до этих дурацких шестидесяти лет! И не хочу доживать, это же совсем дряхлые старики, что едва ходят, трясущиеся и опирающиеся на палочку. Они ничего не помнят, забывают свое имя, их водят под руки, поднимают с постели, чтобы не нагадили прямо там…

Нет, я никогда не буду шестидесятилетним. Никогда.

Это просто невозможно.

Очень долго писали и рассказывали небылицы о так называемых дальновизорах, наконец их начали выпускать в продажу под названием «телевизоры».

У слесаря-ремонтника высокая зарплата: мне хватило всего лишь получки, чтобы купить появившийся в этом месяце таинственный телевизор «КВН». Телевидение работает два раза в неделю по два часа. Теперь в эти заветные дни к нам набивается в комнату соседей, как селедок в бочку, рассаживаются и ждут того удивительного мгновения, когда загорится крохотное окошко и начнется телепередача. Появилась шуточка: хочешь разориться – купи фотоаппарат, хочешь поссориться с соседями – купи

телевизор.

Сам экран размером с почтовую открытку, а ящик телевизора – почти с массивный комод. Тут же поступили в продажу линзы, чтобы увеличивать изображение, иначе приходилось сидеть буквально вплотную к экрану, чтобы хоть что-то разобрать в этой бледной черно-белой картинке. На самом же деле она не черно-белая, а практически всегда серая.

Линза, огромная, пустотелая, устанавливается на ножках перед экраном, в дырочки сверху заливается дистиллированная вода, и линза начинает переломлять, увеличивая изображение. Иные умельцы заливают глицерин, он вроде бы дает больший угол переломления, а некоторые добавляют еще пару капель зеленки или йода, делая изображение «цветным». Как сказка прозвучало предсказание одного из крупнейших ученых, что через какие-нибудь двадцать лет, то есть в 1977 году, у нас будет круглосуточное телевидение, причем три-четыре канала, а к 2000 году придет эпоха цветного телевидения: круглосуточного, не меньше десятка каналов.

Неужели это случится? Правда, тогда уже наступит полный коммунизм…

На заводе в моей бригаде сегодня вспыхнула горячая дискуссия: видит или не видит дикторша сидящих перед экраном.

– Конечно же, видит, – доказывал Павел, слесарь пятого разряда, – она смотрит прямо на меня! И когда я пересел, ее глаза тоже смотрели на меня!

– Верно, – поддержал Егор. – Она видит всех.

Бригадир, Малюков, всплеснул руками.

– Да как она вас видит, олухи!.. Вас же тысяча!

– Ну, тысячи не наберется, – возразил рассудительно старый опытный Калиниченко. – А если и тысяча, то что?.. Вот когда на митинге человек выступает, он видит и побольше всяких морд, и все на него смотрят…

Влодавец, горячий быстрый монтажник, мотал головой, кипятился, доказывал:

– Все брехня, все!.. Я нарочно перед ней штаны спускал, все показывал!.. Она и не моргнула!

– Ну и что? – возразил Калиниченко. – Вот Нюрка-штукатурщица тоже глазом не моргнет, что бы ты перед нею ни выделывал.

– Да, – поддержал Влодавец, – эти дикторши – народ битый, все повидали. Им чтобы пробиться на телевидение, чтобы себя показывать… пусть и не каждый день, знаешь через что проходится пройти?..

– Но я такое выделывал, – доказывал Влодавец, – что она не

могла не… хотя бы улыбнуться!

Я помалкивал, старше меня люди спорят.

Когда в телевизоре исчезает или портится изображение, я снимаю заднюю стенку, там плохой картон на смешных задвижках, и поочередно прижимаю лампы, вдавливая их в гнезда. В большинстве случаев это помогает, лампы при нагреве часто «отходят», вылезают из гнезд. В других случаях двигаю колечком магнита по трубке, повышая яркость, наводя на фокус.

Все эти способы были хороши, пока балом правили лампы. Но затем прозвучало незнакомое слово «транзисторы», о них рассказывали чудеса, а затем появились первые телевизоры на этих самых транзисторах.

Мы вскрывали телевизор и не могли понять: как он работает без ламп? Да, техника поднялась на новый уровень. И все меньше и меньше можно сделать в доме самому.

В детстве я видел у соседей, они жили богато, настоящий граммофон. Это такой патефон с большой изогнутой трубой с раструбом, куда можно засунуть самый большой арбуз. Труба красиво блестит, а когда игла скользит по пластинке, скрип превращается в хриплую музыку, даже слышно, как поет человек.

Потом их усовершенствовали, появились патефоны. Эти похожи на граммофоны, но ящик втрое меньше. И еще без трубы. Звук получается по-старому, но потом усиливается электричеством, так что огромная труба уже не требуется.

Правда, надо часто крутить ручку, чтобы завести пружину, она потом раскручивает диск, на который надевается пластинка. На любой вечеринке кто-нибудь из парней обычно подходит к стоящему на тумбочке патефону и периодически крутит ручку. А есть такие, не умеющие танцевать, что весь вечер заводят патефон, довольные, что и они вроде бы при деле, участвуют.

А вот теперь в продаже появился первый магнитофон, который, как обещали статьи в журналах, творит просто чудеса. Я зарабатывал достаточно хорошо, так что с ближайшей получки отправился в магазин и купил это волшебство, как только они пришли к нам в Харьков. «Днепр-10», огромный ящик с открывающейся крышкой, на которой два штыря, для одевания на них бобин с магнитофонными лентами. Понабежали друзья, у них такого чуда нет: кто продолжает учебу, а кто и работает, но на таких работах, где не надо трудиться как следует, а на таких, как правило, и платят слабо.

Мы орали, кукарекали, прокручивали запись, и каждый орал, что это не его голос, в то же время узнавая всех остальных,

записывали музыку и проигрывали ее, выставив магнитофон в открытое окно, чтобы все видели, какие мы современные, богатые, технически развитые!

Лента безобразно часто рвалась, ее склеивали ацетоном, вся лента в таких склейках, а пальцы от ацетона желтели.

Потом скорость записи удалось повысить вдвое, и на ленту в триста пятьдесят метров удавалось записать уже целых полчаса. Через два-три года еще вдвое, и стала доступна запись в течении часа. А потом ленты становились все более емкими, а бобины поступили в продажу полукилометровые.

А потом… потом придет невероятная революция, когда будут изобретены кассеты для бобин. И появятся так называемые кассетные магнитофоны, когда уже не нужно самому собирать и наматывать ленту. Ее вообще не берут в руки, а только кассету, где две бобины, соединенные лентой. Нужно только попасть этой кассетой в щель, и… все!

Патефонные пластинки часто ломались, очень хрупкие, но я нашел способ склеивать: пинцетом, которым мама щипала брови, а я полоскал фотографии в ядовитом проявителе, берешь патефонную иглу и накаляешь ее на огне. Можно в пламени обыкновенной спички.

Потом прикладываешь ее к плотно сдвинутым краям разбитой пластинки, раскаленная докрасна игла с шипением погружается в черную пластмассу, остывает, как остывает и материал пластинки. Еще одну такую же иглу в другом месте, и вот пластинка склеена. Да, при проигрывании на стыке будет щелкать, но все-таки ее можно будет слушать, пластинка спасена!

Вслед за патефонами появились электрические патефоны, которые назвали электропроигрывателями, а потом и просто – проигрывателями. Пластинки стали выпускать шире, наконец появились так называемые долгоиграющие: на них помещалось по три-четыре песни!

Правда, такие пластинки были огромными и очень хрупкими. При любом неосторожном движении тут же ломались, так что склеивать приходилось очень часто, а после второй поломки обычно проигрывать уже не удавалось: трэки не совпадали, игла либо застревала, либо перескакивала.

А у нас на Журавлевке то из одного дома, то из другого доносятся песни, игра на гармошке, на баяне или аккордеоне. Летом поют, играют во дворах, а потом выходят на улицу и поют там.

Прохожие либо останавливаются послушать, либо пускаются

в пляс. А кто-то умело вплетается своим голосом в общий хор, нащупав место, где его голос как раз к месту.

Пели и плясали все. Очень редко найти такого, кто бы не пел. Это потом, когда появились первые патефоны, а потом и вовсе магнитофоны, наступила болезненная ломка.

И – народ перестал петь. Не только потому, что проще нажать кнопку магнитофона. Но ведь всем вокруг видно, что известный певец споет лучше тебя! Как тут петь, выставлять себя на посмешище?

Играть тоже перестали, а затем и вовсе исчезли гармони, баяны, аккордеоны. Записанная музыка в исполнении мастеров звучит лучше, кроме того – громче или тише, по желанию. Звучит всегда, когда желает хозяин.

И – кончились песни в каждом доме. Затихли песни на улицах.

У меня уже есть фотоаппарат «Смена»: новое поколение фотоаппаратов, современное, более прогрессивное, чем «ФЭД» или «Фотокор». «Фотокор» мне не понравился: приходится снимать на пластинки, это прямоугольные кусочки стекла, на которые нанесен фотоэмульсионный слой. Фотографии можно делать только прямым контактом: пластинку прикладываешь к бумаге, засвечиваешь, а потом – в растворы. Фотография получается такого же размера, увеличивать или уменьшать не удается.

Кроме того, человек, которого снимаешь, должен не двигаться три-пять минут. Даже не моргать, иначе глаза будут смазанными. В яркий солнечный день выдержку можно поставить на одну минуту, но меньше нельзя: пластинка окажется недодержанной, то есть недостаточно засвеченной.

Со «Сменой» же все намного проще: снимаешь на пленку, там тридцать шестькадров, но я ухитряюсь делать все сорок, потому что начинаю снимать сразу же, без протяжки. Пленка продается в бумажных коробочках, их надо вскрывать в полной темноте, это делаю обычно под одеялом, стоя на коленях перед кроватью и накрывшись до пояса, подоткнув со всех сторон, чтобы ни малейшей щели.

Пленку вытаскиваешь и медленно и осторожно вставляешь на ощупь кончиком в щелочку стержня, начинаешь наматывать, стараясь не поцарапать фотоэмульсионный слой. Так наматываешь всю до конца, закрываешь металлическим кожухом и закрываешь с двух сторон крышечками, что удерживают кожух в сомкнутом состоянии и не пропускают свет.

Только после этого можно сбросить одеяло и, жадно хватая

свежий воздух, отдышаться. А потом полученную кассету вставляешь в фотоаппарат. И всего-то делов! Остается только снимать, тщательно выверяя расстояние, диафрагму и выдержку.

А потом так же в темноте вытаскиваешь пленку и заправляешь ее с великими предосторожностями в бачок для проявления. Потом, выбравшись из-под одеяла, заливаешь в бачок проявитель, поворачиваешь за выступающий стержень положенные семь минут, выливаешь проявитель в банку. Заливаешь воду и тщательно промываешь от проявителя, затем выливаешь воду и заливаешь раствор фиксажа. Тоже постоянно медленно проворачиваешь за пимпочку сверху, чувствуя, как внутри пленка купается в растворе, а когда пройдут положенные десять минут, тогда фиксаж выливаешь, а вместо него заливаешь холодную воду. Именно холодную, вообще с растворами температуру нужно выдерживать очень строго: холодные не проявят своих свойств, а от горячей потечет эмульсия. В любом случае пленка будет испорчена.

После фиксажа промывать нужно особенно тщательно, иначе останутся потеки соли и тут же испортят пленку. Ну, а когда все готово, пленку с величайшей осторожностью достаешь, прикасаясь кончиками пальцев только к перфорированным краям, прицепляешь на один кончик грузик, а другой конец прищепкой или скрепкой прикрепляешь к бельевой веревке.

Обычно нащелкиваешь несколько пленок, прежде чем взяться за проявку, так что на бельевой веревке висят, как правило, три-четыре, а то и больше этих пестрых лент. На каждой по сорок кадров, но только две трети более-менее удались по качеству, а из них не больше трех-четырех удовлетворяют и по композиции.

Теперь уже можно просмотреть снимки, правда, черное выглядит белым, а белое – черным. На пленках изображение, понятно, негативное, но половина дела уже сделана.

Затем наступает очередь собственно печатания фотографий. Своего фотоувеличителя у меня нет, беру в прокатном пункте, тащу «из города» на Журавлевку это громоздкое сооружение, дома завешиваю окна одеялами в два слоя, прибиваю края гвоздиками, чтобы не пробивались лучи света, и на всю ночь сажусь печатать снимки.

Вместо дорогих ванночек для растворов используются обыкновенные тарелки. Две на проявитель и фиксаж, называемый попросту закрепителем, и по тарелке с водой: обязательна промывка после проявления и фиксажа. А потом уже готовые снимки сбрасываются в таз с водой, где они дожидаются конца операции.

В отличие от проявления пленки печатать на бумагу можно

при слабом красном свете, так что удается следить за появлением изображения на бумаге. Едва кажется, что уже все в порядке, поспешно вытаскиваешь из проявителя, торопливо споласкиваешь и бросаешь в фиксаж. Там могут полежать дольше, главное – не передержать в проявителе. Правда, когда «вытягиваешь» снимки с очень темных негативов, то приходится и под светом держать долго, и в проявителе оставлять до упора, но с нормальными снимками главное – не передержать.

Потом наступает завершающий этап: в тазик с водой добавляешь соды, разбалтываешь, мокрые снимки вытаскиваешь и клеишь на оконные стекла. Благодаря соде, фотографии становятся глянцевыми и, высыхая, с легким отщелкиванием отлепляются и падают на пол.

Я поднимаю их, свернувшиеся в трубочки, укладываю между страниц книг, а сверху придавливаю чем-нибудь тяжелым. Все, процесс закончен. Через некоторое время можно будет раздавать снимки восторженным друзьям.

Конечно, это все упрощенно, на самом деле весь процесс намного сложнее и тяжелее, но все-таки фотографии мы делали!

У нас уже настоящий душ: я вкопал во дворе четыре столба, соорудил сверху навес, встащил туда бочку и заполнил водой. Солнце нагревает бочку, и, открывая кран, можно наслаждаться под струей воды. Я приделал сеточку, получился настоящий дождик.

Пришли повестки из военкомата, Журавлевка забурлила, мы не могли дождаться дня, когда же наконец эта медкомиссия. Все готовились изо всех сил, кто отжимался и подтягивался, ибо в армию не берут тех, кто не сможет подтянуться на турнике десять раз или отжаться тридцать, кто-то, подобно Вовке Евлахову, учит на память таблицу окулиста.

В большой комнате нам всем велели раздеться, одежду оставили на длинном ряде стульев, пришла молодая женщина с кучей бумаг в руках и повела по кабинетам. В первом всего лишь измеряли рост, вес, кровяное давление, а дальше пошли кабинеты специалистов: терапевта, хирурга, окулиста, стоматолога…

Мое настроение упало после первого же врача. Хоть я и не надеялся попасть в армию, но все-таки надеялся хотя бы чуть продержаться в общей группе, но меня забраковали в первом же кабинете, что, однако, не освободило от необходимости пройти остальные. И в каждом отмечали на листке: «негоден». В каждом!

Нас водили, как стадо овец, скоро мы перестали стесняться, переходя голыми по коридору из кабинета в кабинет, заходя

голыми даже к стоматологу или окулисту, ведь в следующем кабинете нам заглядывали в задницы, потому для врачей проще, чтобы мы и не одевались, а что чувствуем мы… но солдаты должны быть готовы ко всему.

Евлахов вышел зареванный: хоть и выучил таблицу и отвечал почти верно, но врач что-то заподозрил и, отойдя к дальней стене, показывал ему пальцы и спрашивал, сколько их. Гену Босенко забраковали из-за того, что у него нет одного из коренных зубов. Приговор: будет есть медленнее других, а такое в армии недопустимо, может ослабеть, похудеет. Такие к службе в армии непригодны. И еще из моей родни вылетел Саша Кудрявцев: у него зрение оказалось минус полтора, о чем он даже не догадывался, полагая, что с глазами все в порядке.

Это был позор, я стеснялся выходить к водозаборной колонке, чтобы не встретить знакомых парней или девчонок, которые обязательно спросят: а тебе когда в армию? А если все-таки приходилось, сперва долго высматривал через дырку в заборе, чтобы никого не было поблизости, торопливо выскакивал и спешил к колонке, жал на рычаг изо всех сил, чтобы полный напор, и так же бегом, расплескивая воду, нес ведра обратно.

Еще через месяц отобранным счастливцам повестками сообщили, чтобы прибыли на вокзал в такой-то день и в такое-то время. Отгремели веселые проводы, парней повезли на вокзал, а я прятался в комнате и следил за отъезжающими из-за занавески.

Часа через четыре ко мне вошел раздраженный Худяков, лицо злое, вытянутое.

– Что стряслось? – спросил я испуганно и в то же время с нехорошей радостью. – Не взяли?

Он со злостью стукнул кулаком по столу.

– Мы прибыли на вокзал, собрались на платформе и ждали целый час! Потом пришли офицеры, построили нас по росту, рассказали, куда нас отвезут служить. Еще через полчала подали вагоны. И тут, представляешь, какие сволочи…

– Да что случилось?

– Нет, ты даже не представляешь! Я сказал, что нас выстроили по росту?

– Сказал.

– Как думаешь, это ж правильно?

– Ну да…

– И я о чем говорю! Так вот, эта сволочь, старший из них, капитан, сволочь редкостная, начал посадку в вагоны по… фамилиям!

Он задохнулся от возмущения, руки дрожат, я дал ему воды, он залпом выпил всю кружку.

– И что?

– Понимаешь, из строя выходили и садились в вагон сперва всякие там Агарковы, Архиповы, потом Босенки, Будяковы… А когда подошла очередь до буквы «х», оказалось, что вагоны уже заполнены! Мест нет.

Я удивился:

– А вас разве собирались везти в пассажирском?

– Нет, в привычном «телятнике»! В том-то и дело, что там мест никаких и не бывает. Я доказывал, что нас тоже можно поместить, или взять еще хотя бы одного меня, в вагоне и не заметят, что на одного человека больше, но капитан сказал, что положено только шестьдесят на вагон, а если будет шестьдесят один, то его отправят под трибунал. Это уже пятьдесят восьмая статья, от десяти до пятнадцати лет.

Я спросил затаив дыхание:

– И что теперь? Больше не возьмут?

Он прорычал зло:

– Пообещали, что на следующий год возьмут первым. А если нет, я до Кремля дойду!..

Миша похвалился, что придумал, как гладить брюки, не тратя электричества. Взять два цельнолитых чугунных утюга, ставить на газовую плиту. Одним гладит, а когда остывает, то ставит его снова на горящий огонь – ведь газ бесплатный! – а гладит другим. И так по очереди.

А еще раньше, вспомнил я, у богатой соседки я видел паровой утюг с откидывающейся крышкой. Туда загружают угли из печки, и, пока те угли сохраняют тепло, утюгом можно гладить. А потом эти угли высыпаешь, кладешь другие.

Здорово! Вот до чего дошла техника!

Непонятная новинка, о которой все заговорили: магазины самообслуживания! Правда, пока не магазины, а только отдельные полки, но прилавка перед ними нет, можно подходить и самому выбирать товар.

С утра перед таким магазином огромная очередь, пускают по пять человек, все выстаивают по четыре-пять часов, чтобы попасть в это удивительное место, где есть такая секция.

Мне, честно говоря не понравилось: когда подошел к полке, с обеих сторон сразу же появились два продавца, что неотрывно смотрели в мои ладони. Гадостное чувство, словно просвечивают, так и хочется начинать оправдываться, доказывать, что не воровал ничего, ну не воровал, точно не воровал, я просто взял вот эту пачку печенья, сейчас пойду заплачу за нее и сразу же

прямиком к выходу.

И больше сюда не приду.

Жара, на небе ни облачка солнце припекает так, что плавится асфальт. Я иду с расстегнутой рубашкой, возле проходной завода встретил Котенко, замначальника цеха, он нахмурился, укоризненно покачал головой.

Я вежливо поздоровался, а он протянул руку и заботливо застегнул мне все пуговицы, вплоть до последней, что туго стянула шею и уперлась в кадык. Так принято, я не стал спорить, все либо косятся на распахнутую грудь, либо застегивают, вот как Котенко, но едва он отошел, я снова расстегнул пару верхних пуговиц и сразу ощутил себя легче.

Что значит жить на Украине?.. Это – владение двумя языками: русским и украинским. В отличие от всех других республик, в книжных магазинах Украины везде есть отделы иностранной литературы. Конечно, оригинальной с капиталистического Запада не было, зато в изобилии книги «братских социалистических республик»: на польском, болгарском, чешском, сербском… Особенно много на польском, сказывается близость к Польше, общие корни. С удивлением я обнаружил, что легко читаю названия. Взял в руки детективчик на польском, варшавское издание, с легкостью прочел страницу, хотя глаза с трудом идут по непривычной для нашего глаза латинице. Странное ощущение, что польские книги написаны как бы на смеси русского с украинским, а непривычность возникает только из-за латинского шрифта.

Через неделю такого привыкания, я читал на польском так же просто, как на русском, а затем, обнаглев, начал покупать на сербском, чешском, болгарском… С болгарским, как ни странно, оказалось труднее всего. Попавшись на обманчиво родную кириллицу, сразу же начал спотыкаться на обильно вкрапленных в текст тюркских словах, оставшихся то ли со времен хана Аспаруха, основателя и создателя Болгарского государства, то ли со времен турецкой оккупации.

На языках «братских народов» часто попадаются переводы, что немыслимы в Советском Союзе. Так познакомился и с современными властителями умов на Западе и, конечно же, с американской фантастикой, что щедро переводится на польский, чешский…

Вышел закон или постановление, хрен их разберет, запрещающий водителям подавать звуковые сигналы. Похоже, это

ударило здорово: все привыкли гудеть беспрерывно или же по всякому поводу подавать длинные сигналы. Все щеголяли, у кого сирена круче, устанавливали чуть ли не пароходные, от рева которых шарахались не только пешеходы, но даже в квартирах соседних домов за толстыми стенами.

Милиция следила ревностно, это же добавочный корм, штрафовали нещадно. Конечно, полностью сигналы никто не запретил, но у нарушителя спрашивали: мог ли обойтись без сирены, и он начинал крутиться, как уж на сковородке.

Но, странное дело, на проезжей части тихо стало уже в первую же неделю. Наверное, многих и самих раздражал этот рев, гам, настырное гудение и металлические кваканье, но другие ж гудят, почему и мне не гудеть, но начали крупно штрафовать, прокалывать талоны, грозить лишением прав… И – прекратилось.

Постепенно машин стало так много, что их разрешили припарковывать на тротуаре. Правда, только двумя колесами. Появились строительные бригады, что начали расширять дороги. А потом еще и еще.

По телевидению показывали, что в Америке на дорогах часто возникают пробки, для нас абсолютно неизвестное явление.

Футболист, забив гол, не побежал с достоинством через поле на свое место, а начал с перекошенным лицом носиться по стадиону, вскидывая кулак, выкрикивая что-то, а другие футболисты, вместо того чтобы остановить обезумевшего, смотрели на него с интересом.

– Рехнулся?

– Нет, – объяснил Босенко, великий знаток футбола. – Сейчас это входит в моду. Это раньше мужчины стеснялись выражать свои эмоции на публике, а сейчас футболистам для привлечения публики на трибуны велят быть актерами, вот так орать, прыгать, падать и кувыркаться…

– Да ладно тебе, – не поверил Грацкий. – Это ж какой стыд!

– Ха, стыд! А разве не стыд, что хоккеисты уже начинают надевать дурацкие маски?

– Ну, – сказал Грацкий с неудовольствием, – не все, а только любительские команды. Профи никогда не будут играть в масках, это позор. А у канадцев и любители играют с открытыми лицами. Мужчины не страшатся крови и ссадин. А вот так бегать и орать по стадиону – позор! Говорю вам, эта дурь не привьется. Этот придурок побегает-побегает, а потом его вовсе выгонят. Другие футболисты никогда не станут носиться по стадиону, вскидывая кулаки и обнимаясь!

На заводе в обеденный перерыв рассказали про Игната, нашего дальнего родственника, зашел спор, страсти накалились, все перешло в драку.

Оказывается, Игнат женился на Зое, сыграли свадьбу, а потом, как положено, их отвели в спальню и постелили новую простыню. Когда они легли, Зоя призналась Игнату, что она… не девственница.

Игнат заскрипел зубами, некоторое время смотрел на нее бешеными глазами, потом вскочил и бросился к своему ящику, где у него лежали охотничьи вещи. Зоя с ужасом смотрела, как он вытащил охотничий нож и пошел к ней со зверским выражением лица.

Она застыла от ужаса, а он, шепнув: «Терпи, раз виновата», рассек ей кожу на внутренней стороне бедра. Пошла кровь, ею смочил простыню посредине, а Зойке велел забинтовать ногу, чтобы никто ничего не заметил.

Утром, когда их разбудили, родители с торжеством демонстрировали гостям кровь на простыне, доказательство невинности невесты, а теперь уже молодой жены.

Через пару недель Игнат по пьянке проболтался о своем неслыханном благородстве, и народ разделился на два лагеря. Одни утверждали, что он поступил правильно: если девка нравится, то можно и прикрыть от гнева родителей, это наш долг, мужчин, защищать, другие же сердились и доказывали, что распутную девку надо было тут же выгнать. Она ж не просто скрыла от всех, даже от своих родителей, свою нечестность, но хотела обманом войти в число тех, кто сберег невинность и чистоту.

Мы, новое поколение, восхищались находчивостью Игната. Все правильно, надо своих защищать от давления старших, от их нелепых правил, от домостроя. А Зойка – хорошая девка. Мало ли что где-то с кем-то произошло разок, теперь умнее будет, а за такого мужа зубами держаться станет.

И вообще, когда где-то на воротах после свадьбы вывешивали простыню с кровью, мы плевались и показывали в ту сторону пальцами: там живут дикари, тупые и невежественные дикари.

А вот мы, новые, смотрим на эти вещи иначе.

Появились так называемые безопасные бритвы. А обычные бритвы, которыми бреется все мужское населения, теперь стали называть опасными. Конечно, этими безопасными порезаться можно так же легко, как и опасными, но только порезаться, а вот той, прежней, запросто и убить, одним движением перехватив горло, потому к ней прицепили теперь такое страшноватое

название.

На работе в перекуры и обеденные перерывы вспыхивают дискуссии обо всем на свете, сейчас зашел спор об этих новых штуковинах, уже кое-кто из мужчины их опробовал, плюется. А есть такие, что пользуются. Правда, только из числа подростков, что раньше еще не брились.

– Дурость, – кипятился Киреев, наш слесарь-лекальщик. – Как можно бриться этой штуковиной?.. Я своей бритвой р-раз от уха и до челюсти – чисто, два – от второго уха – и уже, считай, побрился! Ну там еще кое-где подобрать мелочи. А этой хреновиной чиркай, чиркай, сбриваешь по волоску…

– Дурь, – соглашались с ним работяги, – никогда этими штуковинками не станут бриться настоящие мужчины. Никогда.

Я помалкивал.

Как все, начавшие бриться вот только сейчас, я тоже купил себе безопасную бритву. И догадываюсь, что мы, *новое поколение,* все будем пользоваться безопасными. А старшее, что бреется опасными, постепенно вымрет, и о таких бритвах просто забудут.

Никогда не покупаю лотерейных билетов. На работе при выдаче зарплаты стараются дать сдачу лотерейными билетами. Я не протестую, чтобы не подумали, что жадный, но билеты тут же рву и бросаю в мусорную корзину.

Босенко, мой бригадир, ахает:

– Ну ты че?.. А вдруг машину выиграешь?

– А это чтоб не выигрывать, – отвечал я зло. – Слабый я, понимаешь?

Он непонимающе хлопал глазами.

– Нет…

– Я слабый, – объяснял я. – Если у меня будет лотерейный билет, буду надеяться, что выиграю. А работать стану хуже, в полсилы. Понял?.. Потому я должен отрезать себе все дороги назад. И сжигать мосты за спиной так, чтобы только пепел и дым, дым…

– Ну ты даешь!

– А как иначе? Я – слабый. Если можно не работать, я буду не работать. Или не буду работать. Я должен знать, что ниоткуда мне ничего не свалится, не обломится. Только сам, только своими руками.

Он смотрел с отвращением.

– Ты прямо как нечеловек какой-то. А если в самом деле в тех лотерейных билетах по «волге»? Дурень ты. А я вот обязательно выиграю! Я с каждой получки по десять штук покупаю!

Сдвинул плечами.

– Ну и покупай, я разве против?

– Против, – сказал он зло. – Раз не покупаешь! Все люди покупают, а ты нет!

– Вон еще Осьмашко не покупает, – указал я.

– Он из жадности, – уличил Босенко, – а ты… билеты рвешь! Осьмашко никогда бы не порвал. А вдруг там машина? Он как-то подлазил ко мне с идеей, как правильно в этих делах, чтобы выиграть, но я его послал. У меня своя система! И я обязательно выиграю.

– Дык успеха, – сказал я. – Я что, против? А я вот выигрывать не хочу. Легко придет – легко уйдет. Подарки… позорно.

Он задохнулся, смотрел остановившимися глазами.

– Как… это?

Я понял, что брякнул что-то такое, что сам еще не понял, поправился:

– Такие вот подарки принимать не стану. Они меня унижают.

Почти все мы тогда выписывали журнал «Юность», наш и по возрасту, и самый продвинутый, как сказали бы сейчас, журнал. Он живо откликался на все перемены в обществе, я очень хорошо запомнил письмо одной девушки, что пришло в период вот такой ломки взглядов и мировоззрения. Оно прошло незамеченным, если не считать вялого ответа от редакции. Никто из читателей в ее защиту ничего не сказал, что знаменательно.

Она писала, что вот она – хорошая и примерная, ее ставят в пример учителя и родители, учится на отлично, а в отношениях с парнями ведет себя очень достойно: не позволяет себя щупать на переменках, рассказывать непристойные анекдоты, не пьет в подворотне из горлышка вино, всегда возвращается домой вовремя… Однако все ребята, писала она с горьким недоумением, почему-то предпочитают ей более невзрачных подруг, которые позволяют себя тискать на виду у всех, а после школы вообще их можно затаскивать в темные подъезды или в пустующие квартиры. С этими девушками ребята везде ходят, обнимаются, говорят им ласковые слова, а вот ее, такую примерную, обходят стороной.

Письмо заканчивалось горьким вопросом: где же справедливость, почему все не так, как говорили взрослые, где же награда за достойное поведение, за целомудрие, за чистоту девственного тела? Ведь по всем нормам именно на нее должно быть обращено все внимание, тем более что она и красивая, и фигура в полном порядке! Но мальчишки почему-то предпочитают общаться с более податливыми.

Ведущий рубрику что-то вяло мямлил про то, что

вознаграждение за достойное поведение где-то там внутри, что человек должен сам чувствовать удовлетворение, но я понимал, что эти слова – просто шелуха. Всем нам должны быть явлены простые и четкие доказательства. Если их нет, то все это липа и пустой треп. Пропаганда непонятно чего.

На вопрос растерянной девушки, похоже, не мог ответить в обществе вообще никто. Во всяком случае так, чтобы ответ ее удовлетворил. А нас, продвинутых, переубедил.

Наступает новое страшноватое время, когда девственность с первых позиций обязательности для девушки начинает отступать на второе, третье, четвертое место.

А потом и вообще как-то вопрос целомудренности затушевался и растаял, как утренний туман.

Мы сидим с Олей на лавочке под вишней, тяжелые ветви опускаются почти до земли, мы как бы в шатре, я чувствую горячее плечо, наши голоса становятся все тише, наконец я решаюсь обнять ее за плечи, пальцы замирают на мягком, но горячем плече. Затем мои пальцы начинают скользить все ниже, обтянутая тонкой кофточкой грудь начинает подпрыгивать все чаще, чаще. Оля вздрагивает, говорит умоляющим шепотом:

– Не надо!.. Прошу тебя…

Я замираю, но что можно противопоставить инстинкту, через пару минут пальцы начинают скользить дальше. Она сбрасывает мою руку, и тогда я, обняв Олю, начинаю поползновение с другой стороны: мои пальцы нащупали путь со стороны подмышек. Оля зажимает мою ладонь, но не сильно, сейчас мои действия не так на виду, и я наконец добираюсь до ее груди, но только-только до самого основания, а дальше моей руке путь перекрыт, и это твердо, я это вижу, понимаю, но я доволен, счастлив до умопомрачения, все-таки за эту неделю продвинулся удивительно далеко.

Еще через неделю удалось ценой долгих и настойчивых поползновений коснуться кончика ее груди. Оля вздрогнула, застыла на миг, прислушиваясь к себе, а потом засопротивлялась с такой силой, что в этот день пришлось оставить все подобные попытки. Зато еще через три свидания я уже мог засовывать руку под ее кофточку и осторожно брать ее грудь в ладонь, бережно и трепетно, чувствуя биение испуганного сердца.

Уже третью неделю мне удается, затащив Олю на отдаленную лавочку в парке, щупать ее за обе груди. Вчера, осмелев, я пробовал опускать пальцы ниже, трогал ее восхитительно мягкий живот, но, когда с замершим сердцем двинул по миллиметру

ладонь ниже, ее тело так вздрогнуло, словно оказалось в ледяной воде, она отчаянно засопротивлялась, пришлось убраться.

Сегодня я сумел продвинуться дальше, мы уже несколько часов приближаемся к разгадке жгучей тайны. В комнате постепенно темнеет, на улице зажглись фонари, свет от ближайшего падает наискось на дальнюю стену, а здесь темно… и это еще на один важный барьер меньше.

Наши тела раскалены от внутреннего жара, дыхание обжигает губы и высушивает во рту. Мы оба чувствуем, что *это* наконец произойдет сегодня. Обязательно, когда будет совсем-совсем темно, ибо *это* нельзя на свету, это называется страшным словом «разврат», а мы не развратные, мы просто… просто не можем остановиться, и, когда в комнате уже угольная чернота, мои руки становятся все настойчивее. Оля сопротивляется слабее, мои пальцы трогают те места, куда еще вчера их не допускали, наконец комната погружается во тьму, только на потолке отсвет уличного фонаря, я заваливаю ее на постель, стаскиваю тесные длинные трусы, наваливаюсь сверху и начинаю раздвигать своим коленом ее сцепленные ноги.

На этот раз их удается все-таки раздвинуть, вчера не удавалось. Оля часто дышит и шепчет что-то умоляющее, я вижу блестящие от испуга глаза, что смотрят в потолок. Я поспешно расстегиваю брюки, снять нельзя, это разврат, нельзя залечь голым или почти голым: нет, можно только вот так – она в блузке и с задранной юбкой, а я – в рубашке и с расстегнутыми брюками.

Еще нельзя лезть *туда* руками, это нечисто, потому некоторое время двигаюсь всем телом, стараясь попасть. Оля шепотом уговаривает меня не делать этого, это нехорошо, это нельзя, я торопливо соглашаюсь, что да, не буду, я вот только-только чуть ближе, а так мы как всегда, а сам все тыкаюсь и тыкаюсь… Наконец она вроде бы чуточку шевельнулась, хотя женщине в таких случаях надлежит лежать, как колоде, этого ее движения оказалось достаточно, чтобы новый жар охватил меня, я ощутил ее, пошел к ней. Она вскрикнула, напряглась, я пошептал что-то на ухо, она пыталась меня оттолкнуть, я прошептал, что все-все, не нужно, мы вместе, все хорошо, все позади…

И хотя еще позади не все, впереди короткая боль, а потом она в ужасе ждет, когда это таинство закончится, меня же ведет некая древняя могучая мощь. Я становлюсь собой чуть позже, запыхавшийся и обессилевший, лежу на ней, потом приподнимаюсь на локте и переваливаюсь на бок.

Оба мы торопливо оправляем одежду: она опускает юбочку, а я застегиваю на пуговички брюки. Так лежим некоторое время,

она часто дышит, в лице ужас. Сейчас с нею произошло нечто страшное, ужасное, что разом превращает девушку совсем в другого человека. Теперь она полностью в моих руках, ибо достаточно мне где-то брякнуть о том, что с нами произошло, и за ней навсегда приклеится кличка распутницы, ибо не может девушка до свадьбы не только поступать вот так, но не должна даже целоваться.

Она молчит, испуганная и растерянная, мы еще не знаем про опасные и безопасные для таких дел дни, обоим кажется, что вот сейчас произошло… или могло произойти зачатие.

– Нельзя, – шепчет она в ужасе, – нельзя!..

– Можно, – шепчу я жарко, – уже можно…

– Нельзя, нехорошо!..

– Оля, – шепчу я. – Оля…

В последний миг она успевает вскрикнуть вечное:

– А что потом?

Дед мой покосился на соседа, сказал кротко:

– Брешет, как попова собака.

– Почему, дедушка?

– Не знаю, почему, но что брешет – точно. Ты заметил, как он говорит?.. Он же с низовья Дона, а не из Москвы. Москвичи все гэкают, их так и дразнят: «Гришка, гад, гони гребенку – гниды голову грызут!» Пермяки все говорят торопливо, будто черт стучит по коробу, волжане окают, архангельцы акают…

Самое подлое, что сделал Хрущев, как считали участники войны, это отмена наградных. До его указа все орденоносцы получали прибавку кто к пенсии, а кто к зарплате: тогда «ветераны» еще не были ветеранами, всем в среднем меньше сорока лет.

Не очень большие деньги, но за каждый орден и за каждую медаль что-то да капало. А тот, у кого вся грудь в орденах, мог преспокойно жить на эти «орденские»: Родина его подвиг помнит, чтит, продолжает платить, ибо, благодаря тому, что он проливал кровь на полях сражений, она, Родина, сейчас по-прежнему Россия, а не захваченные Германией «восточные территории».

Но Хрущев отменил одним махом, и с того дня началась вакханалия, когда высокими орденами и медалями награждали кого ни попадя: чего стоит только звезда Героя Советского Союза, которую он вручил Фиделю Кастро!

Ордена и медали сразу обесценились, потерялось к ним уважение.

Второе чудо начавшейся НТР – холодильник.

Они уже были созданы несколько лет тому, но оставались громоздкими промышленными установками, занимали целые этажи, однако недавно ученым удалось создать компактные установки, которые приспособили для бытовых нужд.

Холодильник я тоже купил одним из самых первых. Да вообще все технические новинки я покупаю сразу же, как появляются в продаже. Огромный тяжелый металлический ящик с подвешенной внутри крохотной камерой. Туда можно поместить две буханки хлеба. Вокруг этой камеры, где происходит замораживание, множество толстых и тонких труб, проводов.

Я включил все точно и по инструкции, холодильник заработал с ревом мощного трактора. Уже к концу первого дня все трубы покрылись толстым слоем изморози, затем – наста. С потолка начали расти сосульки. Весь холодильник внутри очень быстро превратился в бесформенную снежную пещеру с крупными сталактитами, сталагмитами и толстой ледяной корой на стенах.

– Намораживает! – сказала бабушка с великим удивлением. – Чудо-то какое…

– Но не там, – пробурчал я.

– Да какая разница?.. Настоящий снег, настоящий лед!

– Не там, – повторил я.

Холодильник я разморозил уже на второй день. Потом научился размораживать только раз в неделю. Энергии холодильник жрал, как электрическая свинья, а когда работал, он ревел и прыгал по комнате, бился о стены, как неверно загруженная стиральная машина.

Стиральные машины появились намного позже холодильников и телевизоров. Этим чудовищам сперва не доверяли стирать вообще, их покупали очень состоятельные люди, скорее, как диковинки. А если и стирали, то какие-нибудь тряпки, так как любая ткань, несмотря на ее крепость, рисковала превратиться в кружева.

И очень нескоро, и очень-очень медленно на телевидении прибавлялись часы вещания, пока не появилась возможность смотреть телепередачи каждый день. Конечно, фильмы смотрели только раз в неделю, но и то огромное достижение: не нужно ходить в кинотеатр, впервые появилась возможность смотреть кино, сидя перед экраном в трусах.

Так же очень нескоро и очень медленно холодильники становились привычнее, управляемее, камеры для замораживания все больше, а когда пришла пора двухдверных – это уже почти

современные.

Стиральные машины перестали обязательно рвать стираемую ткань, кое-что удавалось стирать уже без повреждений.

Возвращался от Оли, по другой стороне улицы прошли двое парней, провожая девушек. Я слышал веселый смех, шуточки, и вдруг странная тоска появилась в сердце, разрослась, заполнила всю грудь. Там девушки, с которыми я, возможно, не познакомлюсь уже потому, что не увижу их в этом огромном городе, называемом Харьковом. И таких девушек в Харькове много. Но ведь… много и других городов!

Их тысячи… даже десятки, если не сотни тысяч. И везде, договорил я холодеющими губами, есть девушки. Много, очень много. Где вот сейчас ходят по улицам или ложатся спать те, кто мог бы стать мне настоящей подругой, из которых потом получилась бы и жена, и любовница, и моя принцесса, и моя королева. Но мне никогда не увидеть ту, Единственную, которая могла бы стать… да что там могла!.. которая предназначена для меня, у которой в душе и характере именно там выемки, где у меня шипы, а шипы и выступы там, где у меня выемки. И мы, сойдясь, образовали бы одно целое…

Мертвящая тоска, что заполняла грудь, распространилась на все тело. Я чувствовал, как от тоски и отчаяния замерзает сердце и холодеют, как у мертвеца, руки. И что же… мне суждено никогда-никогда не встретить Ту, Единственную?.. Ту, которая предназначена для меня?.. И я буду, как и все, жить с женщиной, предназначенной для другого?

А та, которая рождена быть моей половинкой, выйдет замуж за чужого и будет с ним мучиться… ну, даже если не мучиться, то ей предстоит «притираться», как говорят умудренные жизнью старики, сглаживать острые углы, вместо того, чтобы найти того, у которого на месте именно тех углов выемки? То есть меня, меня!..

Стало душно, я задыхался, ускорил было шаг, он сам ускорился, потом остановился и ухватился за ствол дерева. Но как она отыщет меня?.. Нет, это я должен искать!.. Это в мужской природе искать. Искать и искать.

В то время, когда я был подростком, девственность невесты даже не оспаривалась, это было всегда само собой разумеющимся. А вот когда мне уже стукнуло время заводить себе пару и вить гнездо, тогда уже появилась та встревоженная фраза, которая обобщенно звучала так: «Люська, а ты честная?»

Помню, я сразу придрался к словам, с пеной у рта утверждая,

что целостность девственной плевы и честность нельзя ставить на одну доску, это не одно и то же, ведь девственница может предать и бросить так же просто, как и с порванной плевой, а женщина, у которой побывали мужчины, может быть преданной и любящей, что должно быть для нас, мужчин, намного важнее.

Со мной, естественно, мужчины яростно спорили, зато женщины слушали с горящими глазами и растопыренными, как у коров, ушами. Понятно, что я, в отличие от сверстников, старательно «доставал» и штудировал ходящие по рукам ветхие машинописные экземпляры вышедших на проклятом Западе книг о технике секса, методах обольщения и доведения женщин до оргазма. Все это, естественно, тут же применялось на практике, в результате я только девственниц насчитал двадцать девять, превращенных мною в полноценных женщин, причем из них трое оказались за двадцать лет, а две и вовсе за двадцать пять, хотя и фигурами, и мордашками, и характерами были просто прелесть. Просто осколки той старой эпохи, когда довлело строгое правило: ни поцелуя до свадьбы!

Аборты, аборты. Никто не знал презервативов. Сперва их называли гондонами. В смысле, презервативы так называли. Хуже того, женщины не знали даже, что существуют дни, когда можно забеременеть, это примерно с девятого дня после начала месячных по пятнадцатый день, а в остальные – хоть ты лопни, ничего не получится, но все действовали наугад, все страшились, однако все шли на риск.

Невежество наше было столько дремуче, что аборты были нормой. И до безопасного секса было еще несколько десятилетий.

Читаю много, читаю жадно. Уже успел заметить, что в трети книг про войну обязательно есть эпизод, когда главный герой седеет за одно мгновение. Вот только что этот восемнадцатилетний парень был черноволосым, как ворон, и вдруг, столкнувшись с чем-то ужасным, стал белым, как снег. В смысле, волосы его побелели, как снег.

Еще каждый из героев обязательно с «непокорной челкой на лбу».

Возможно, это отголосок того времени, когда старые литераторы либо вымерли, либо сбежали с белой армией за рубеж, а новые писать хотят, но не умеют. Потому и такое обилие штампов, одинаковых мест, буквально переписанных друг у друга.

Но это не так, просто все пользовались одними и теми же рассказами про войну, выбирали одни и те же эпизоды, хватали и пользовались одними и теми же сравнениями. Что значит, какой-

то вкус все же был: выбирали достаточно яркие образы.

Но вся беда в том, что их выбирали все.

Да, о здоровом образе жизни, сыроедении, йоге, контроле за пульсом, дыханием, кровяным давлением, об умении управлять некоторыми процессами в организме, которые для простого человека всегда неконтролируемы…

Хорошо бы продолжить вот так и остаться молодым и здоровым… вечно. Правда, вечно не получится, но можно вдвое продлить здоровье и молодость в сравнении с одногодками. Те будут стареть, а я, вот такой замечательный, нет, будут завидовать, показывать пальцем.

Проблема вырисовывалась медленно, очень медленно, пока не встала во весь рост, заслоняя все остальное. Остаться сыроедом-вегетарианцем – это резко снизить свой наступательный потенциал. Вегетарианец – да, живет в ладу с природой и окружающим миром, но вегетарианцы никогда ничего не изобретут, не сделают открытие, не совершат революцию. Для всего этого нужен накал, страсть, излишек энергии, что выльется во что-то такое, что больше, чем просто необходимо для спокойной и здоровой жизни!

Вегетарианец просто растягивает отведенный ему срок жизни, как резину, но и он помирает, а мясоед сжигает жизнь быстрее, но на излишке высвобождающейся энергии придумывает колесо, паровую машину, самолеты, холодильники и телевизоры, в то время как у вегетарианца мышление занято только собой любимым, оно следит, чтобы хозяин ничего не съел вредного, чтобы ничто не мешало растягивать жизнь как можно дольше.

Но если бы такой образ жизни позволил жить вечно, я бы не задумывался, остался бы вегетарианцем. Если бы срок жизни продлился на порядок, то поколебался, и тоже, наверное, согласился: ради жизни в шестьсот-семьсот лет можно, видимо, посидеть и на травке. Но если прибавка будет всего в десяток лет, правда, при хорошем здоровье, но придется отказаться от творчества, от спасания мира, от революций и переворотов, от изобретений… ну чего-нить еще, не знаю, от великих открытий, за что мое имя войдет во все школьные учебники…

Мама удивилась, видя, как я жарю на сливочном масле яичницу с ветчиной.

– А травку что, уже не будешь?

– Буду, – ответил он. – Как приправу. И если попадется под руку.

Она вздохнула с облегчением.

– Ну и хорошо. Будешь как все люди.

Вот уж нет, подумал я молча. Я лучше всех. И докажу. Но для того, чтобы мог начать доказывать, должен жрать мясо, приправлять перцем, аджикой, пить крепкий кофе, жить на пределе, обеспечивая на этот раз не идеальное здоровье, а идеальную работу мозга. И пусть в конце концов испорчу желудок и посажу печень, но если я к тому времени что-то *совершу* или хотя бы начну *совершать,* то все эти нарушения режима будут оправданны. Нам неважно, сколько лет жил Коперник и как питался, нам важно то, что он совершил.

Появились «змейки», которые через десяток-другой лет заменят на слово «молнии». На «змейках», то есть «молниях», начали делать рубашки, куртки, наконец – брюки. Во всех юмористических журналах изощрялись на тему, как вот «молния» сломалась, и этот дурак, этот непроходимый идиот, что вместо привычных пуговиц решился вшить в брюки эту дурацкую западную «молнию», попадает в пикантную ситуацию…

Целое поколение юмористов заполняло страницы юмористических и не очень журналов, были задействованы карикатуры, юморески, эпиграммы, частушки, даже песенки, однако… однако прогресс остановить не удалось.

Хоть и очень старались.

Сегодня идем по улице, я вздрогнул, видя, как навстречу движется солидный мужик, на шее огромная странная гирлянда из бумажных рулонов, опускаясь чуть ли не до колен. Мужчина идет гордый, свысока посматривает на окружающих. Я с недоумением спросил у Шурика Тюпы, школьного и вообще приятеля:

– Что тащит-то?

Как более нахватанный, он объяснил:

– Туалетная бумага.

– Что?

– Туалетная, – объяснил он. – Ну, которой задницу подтирают.

Я не понял, переспросил:

– Но… зачем? Все ведь… газетами…

– Разврат, – сказал он с неодобрением. – Уже и бумагу начали выпускать особую!..

– А чем она особая?

– А хрен ее знает. Буквов, наверное, нету.

Мужик прошел мимо, важный, как барин. На него смотрели уважительно, завистливо. Туалетную бумагу, как потом я узнал, надо по блату, в огромных очередях, ибо туалетная бумага – это

другой уровень жизни, это вроде дворянства, а то и княжества. Ведь остальные простолюдины, как вот я, пользуются вырванными страничками из старых книг и учебников. Газеты намного лучше, там бумага тоньше, а уж туалетная… это вообще черт знает что такое, это же разврат какой-то: выпускать бумагу только для подтирания задниц!

Да и стыдно наверняка такую бумагу покупать. Я бы сгорел со стыда заживо.

Здоровому человеку хватает сутки поспать, чтобы отдохнуть от любой, самой тяжелой изматывающей работы. Я отдыхал после работы в горячем литейном цеху по дороге домой. Выходил, едва волоча ноги, с усилием держа спину прямой, а плечи развернутыми, нельзя же мужчине выказывать слабость, тащился домой, мне двадцать минут пешком, и за время дороги усталость выпаривалась, выветривалась. Я подходил к дому свеженький, полный сил и до кончиков ушей заполненный энергией. Какой отдых? Уже отдохнул, надо работать, мне ведь предначертано перевернуть мир…

Отпуска в целый месяц или пусть даже в две недели придумали как отдушину, чтобы человек, ненавидящий свою работу и знающий, что эта мука уже до конца жизни, хотя бы раз в году получал возможность отстраниться от нее, не видеть ее, вообще уехать в другое место: купаться на море, пить с бабами в доме отдыха, которые точно так же вырвались с ненавистной работы и оттягиваются по полной, спеша заполнить все отпускные дни «тем, чтобы было что вспомнить».

У меня ни разу не было такой работы, чтобы я ее ненавидел. К тому же твердо знал, какую работу ни выбираю, это все временное, мне суждено нечто великое, а вот сегодняшняя останется лишь приключением в прошлом…

Помню, как поразил фильм про войну, не то французский, не то итальянский, где профессор берет автомат и идет в партизаны. Невероятно – профессор! Для нас профессор – это всегда седой старичок с бородкой клинышком и белой «профессорской» шапочкой, абсолютно не знающий ничего, кроме науки, не представляющий, с какой стороны браться за молоток…

Но вот и в наш мир вошло незнаемое дотоле слово «ученые», уже не как нечто заоблачное, а как реальное, земное, что ходит по той же земле, ест тот же хлеб и даже, жутко подумать! – хватает и пользует женщин, как и просто люди. Более того, эти ученые из чудаковатых одиночек превратились в нечто массовое, о них заговорили, они начали помимо своих заумных журналов

выпускать и популярные вроде «Науки и жизнь», «Химии и жизнь» и множества подобных, в которых излагали взгляд на мир, постепенно навязывая нам иное понимание, иное отношение…

Одно время был даже некий перегиб в их сторону, когда показалось обществу, что ученые отвоевали себе слишком много места, это вылилось в дискуссии и даже противостояние «физиков и лириков». Многие в обществе простых человеков только тогда услышали это загадочное словосочетание – «Научно-техническая революция».

Плоды этой революции мы вскоре увидели, когда в наших домах появились ранее доступные только в храмах науки, куда простым людям вход строго запрещен, непривычные и волшебные вещи: телевизор, холодильник, стиральные машины, электропроигрыватели…

А что-то еще будет! В печати просто неслыханные обещания расцвета, которые даст на этот раз «не царь, и не герой», а наука.

В Москве началась великая стройка. О каждом ее шаге с восторгом рассказывают по радио, постоянно показывают по телевидению. Пишут в газетах и журналах, помещают интервью с множеством фотографий – самая крупная, самая высотная и самая вместительная гостиница в СССР! Для того, чтобы ее разместить, снесли целый район, называемый Зарядьем. Гостиница моментально попала в Книгу рекордов Гиннесса, как самая крупная, вместительная и даже роскошная.

Названа «Россией», что и понятно, в самом имени должна содержаться символика. В супергостиннице предусмотрены номера от средних до самых роскошных. Так как ее строят в самом центре города, в районе станции метро «Площадь Ногина», то статус ей присвоен самый высокий, выше некуда. В ней рассчитывают размещать все иностранные делегации, там роскошный кинотеатр для закрытых просмотров, там… словом, там та неслыханная роскошь и великолепие, которые должны служить лицом страны для иностранцев.

Ахая, мы рассматривали в журналах фотографии роскошнейших конференц-залов, ресторанов, баров и всего-всего, чего лишены мы сами.

Супер! Стройка века. Не только в Книгу рекордов Гиннесса, но и восьмое чудо света.

Кровати были настолько высокими, что возле них обычно ставили табуреточки, чтобы легче влезать. С решетчатыми спинками из толстых железных прутьев. И когда вдруг им на смену пришли странные кровати без спинок вообще, мужское

население впало в ступор: а куда же упираться ногами?

Эти прутья обычно постепенно прогибались наружу, что служило поводом для шуточек. Помню, один шутник, слезая с чужой жены, увидел, что ее голова пролезла между прутьями. Он сдавил слегка прутья, чтобы не вытащила голову обратно, надел штаны и ушел.

Много и долго писали о первом в мире реактивном пассажирском самолете ТУ-104, и вот он наконец взлетел… О нем тут же песни, мультики, стихи, рассказы, уж не говорю о великом множестве документальных фильмов, очерков, кинозарисовок и красочных проспектов!

Сегодня все выбегали из домов, чтобы посмотреть на невиданное чудо: вертолет! Он кружил и кружил над городом, чтобы все видели, чтобы убедились в могуществе советской науки и техники.

Настоящий вертолет, такой непонятный, непривычный. А после того, как улетел, еще несколько недель все только и говорили о странном летательном аппарате, обсуждали принципы полета. Даже старушки, что просиживают все дни перед подъездами на лавочке, и те от осуждения распущенной молодежи перешли к животрепещущему вопросу: и как же оно так летает, что может зависать в воздухе, как стрекоза?

Богатством надлежит хвастаться, потому всякий, сумевший купить магнитофон, выставлял этот громоздкий ящик в окно и включал на всю мощь динамиков.

И потом, когда их стало больше, идешь по улице и слышишь то там то здесь хриплый вой, скрежет, грубую музыку, из-за помех не сразу и различишь, чем это осчастливливает улицу обладатель магнитофона.

Когда же этих магнитофонов стало еще больше, то эти вот выставляльщики стали раздражать. Опоздали, ребята. Надо было хвастаться раньше, когда это было чудо, новинка. А теперь…

Эй ты, ублюдок, убери к такой матери свое пугало! А то камнем разобью.

У нас были коловороты, а теперь пришло невиданное чудо – дрель! Сложное такое устройство, похожее на пневматический молоток, когда животом упираешься в специальную пластинку, а рукой крутишь ручку. Система шестеренок передает движение, а на выходе сверло вращается в десятки раз быстрее, чем когда с помощью коловорота.

Ну, а всего через десяток лет придумают, как эту дрель вообще превратить в электродрель! Но я к тому времени уже постепенно переходил на литературу и всех прелестей коловорота, который делает не деревенский кузнец, а оснащенный по последнему слову науки и техники завод, не испробовал.

Ежегодно получают независимость по несколько колоний, тут же провозглашают себя великими суверенными странами. Рисуют гербы, создают армии, почти обязательно меняют названия…

Разве что Индонезия или Египет так и осталась с прежними, а все африканские колонии тут же начинают придумывать себе экзотические имена, Запад покорно меняет имена на всех картах, хотя иногда получается нелепица: Цейлон, став свободным, назвался Шри-ланкой, но чай по-прежнему экспортирует цейлонский…

Англия, разом отпустив на свободу десяток или больше колоний в Африке, всем им дала прекрасные демократические законы, списанные со своих. Увы, уже на следующий год мы увидели, как у власти становятся вожди племен и устанавливают либо монархию, либо что-то уж очень автократичное.

Более того, президенты этих новоиспеченных стран закатывали пиры, где ели своих оппонентов. Шокированные западные гости с ужасом вспоминали, что это же те самые бывшие каннибалы, которых только силой английского оружия удавалось удерживать от продолжения таких увлекательных и весьма вкусных ритуалов, но вот проклятые оккупанты ушли, и борцы за свободу наконец-то восстановили древние народные традиции!

Хрущеву меню новых президентов по фигу, главное, что удается быстренько прийти на место уходящих колонизаторов. В Москве ударными темпами и с большой помпой выстроили Университет дружбы народов, предназначенный практически только для обучения африканцев.

В это время очень кстати в одной из свежеиспеченных республик генерал Чомбе организовал переворот, захватил и убил президента Патриса Лумумбу, и у нас этому университету тут же добавили название « имени Патриса Лумумбы», чтобы понравиться Черной Африке.

В России, где последний раз негра видели при Петре Первом, когда будущий император привез будущего прадеда Пушкина, да и то был он негром или арабом – неясно, появились настоящие черные негры на улицах Харькова, Киева и многих других

городов.

На балетной арене царит Галина Уланова, но уже заговорили о молодой и очень талантливой балерине Майе Плисецкой.

В редакции отсылали рукописи, действительно РУКОПИСИ, написанные стальным пером, макаемым в чернильницу. В редакциях газет, журналов и в издательствах рассматривали романы, повести, рассказы, стихи и пр. – написанные не всегда разборчивым почерком, ведь, как известно, чем человек тупее, тем у него красивее и ровнее почерк.

Так, присланные в РУКОПИСЯХ, были приняты и опубликованы мои первые рассказы. Гораздо позже было объявлено, что материалы станут приниматься к прочтению только отпечатанные на пишущей машинке. Дело в том, что при Сталине пишущие машинки подлежали обязательной регистрации, как и радиоприемники, и потому были редкостью… При Хрущеве их стало больше, вот и правила приема рукописей изменились.

В продаже появилась пишущая машинка «Москва», в серо-зеленом корпусе. Элегантная, красивая, современной формы, как говорится, то есть с покатыми краями и обводами, как современный автомобиль.

А то моя первая машинка «Мерседес», не новая, конечно, трофейная, оставшаяся после отступления немецких войск из Харькова, похожа на старинную карету, как когда-то был похож на нее и сам автомобиль.

Более того, пишущие машинки впервые разделили на два класса: стационарные и портативные. А попозже добавится и третий класс: дорожная. Правда, дорожные постоянно ломаются, больше двух копий не дают, так что большинство выбрало золотую середину: портативные, что дает – четыре, хотя в учреждениях, естественно, везде закупали огромные стационарные. На стационарной можно зафигачить и пять и шесть экземпляров. Не потому, что она так хороша, просто по ее клавишам можно лупить со всей дури, ведь оттиск на бумаге зависит от силы удара, а чем больше заложил листков бумаги с проложенными между ними листками копирки, тем сильнее надо лупить. Стационарная выдерживает год, дорожная через неделю развалится, портативная живет в таких условиях почти полгода.

При этом бурном развитии НТР, как начали называть научно-техническую революцию, щеголяя пониманием начала перемен в человеческом обществе, то, что раньше было доступно только

жрецам в их храмах, стало доступно простому непосвященному народу: вслед за телевизорами и холодильниками теперь вот пишущие машинки, которые может приобрести любой, а не только закрытые учреждения. Правда, пишмашинку все равно надо зарегистрировать в милиции, сдав туда несколько оттисков заданного текста с указанием адреса и всех данных, ибо такая вещь – своя типография, где можно отпечатывать листовки, но все-таки… все-таки в доме такое чудо прогресса!

Потом пришла эра электрических пишущих машинок. Ну, электрические – это уже почти сегодняшний день.

На работе в бригаде, где я работал, среди слесарей вспыхнул спор о педерастах: прошел слух, что одного из инженеров арестовали по обвинению, что он – педераст, или, говоря по-научному, гомосексуалист. Спорили не о том, педераст или нет и что с ними делать, мнение было единогласным: стрелять, а лучше – вешать прилюдно, а о том, как их определяют.

Все сходились во мнении, что у педерастов задница иная, там вход сглаженный, стертый. Это каждому сразу видно, потому педерасты в общие бани не ходят: сразу выявят и отволокут в милицию.

Помню, эти дискуссии, постоянно вспыхивающие в обществе не только среди слесарей, но и в кругах интеллигенции, в конце концов вызвали и дискуссию в прессе, и наконец один из светил медицины вынужденно выступил со статьей, где, целиком поддерживая и одобряя жесткие меры партии и правительства по истреблению гомосексуалистов, все же сообщил, что абсолютно безупречных методов определения гомосексуалистов пока все еще нет, не существует, хотя некоторый прогресс намечается. Но вот заметных сразу анатомических признаков, чтобы их могли заметить и отличить даже непрофессионалы, вроде явно выраженной стертости ануса или его других изменений в результате половых актов, увы, не наблюдается, что, понятно, затрудняет выявление этих выродков с целью удаления из общества.

Это вызвало вопль разочарования в обществе, нам всем подавай явные признаки, уроды должны быть заметны издали, как вон в любом кинофильме американского шпиона узнаешь с первого же кадра, так же легко определить и того, кто пока что наш, но слишком уж колеблется и в конце концов предаст Родину.

Колебаться и задумываться нельзя, это уже шаг к измене.

По всему городу расклеены объявления, призывающие молодежь вербоваться на Дальний Восток, на Крайний Север, на

работу в рыболовецких флотилиях Северного моря, также Охотского и прочих мест освоения необъятного Советского Союза. Это – романтика, это приключения, новая жизнь, не говоря уже о высоких заработках, это строящиеся посреди тайги города, это возможность приобрести новые профессии, в том числе такие экзотичные, каких не увидишь в городе, ни в украинских селах.

Я и раньше читал эти объявления, но там непременное условие – возраст не меньше восемнадцати, но вот исполнилось наконец-то восемнадцать, и я тут же отправился на вербовочный пункт.

Конечно, чтобы завербоваться, пришлось уговорить здорового дружка, Тольку Худякова, пройти вместо меня медкомиссию, иначе забраковали бы в первом же кабинете, как и при наборе в армию, а так я получил везде «здоров», «здоров», «здоров», с заполненной карточкой пошел получать аванс и подъемные, а через три дня явился к пункту сбора с вещевым мешком за плечами. Если там и заподозрили что, то виду не подали. Через неделю нас погрузили в автобусы и отвезли на вокзал, где погрузили в такие же вагоны, именуемые телятниками.

Ехали несколько суток, хотя до Сыктывкара, куда нас в конце концов привезли, вообще-то поезда идут меньше суток. Но не товарные, каким везли нас, завербованных.

Железнодорожные станции тянулись одна за другой, одинаковые, запущенные, но всегда с исправно работающими печками, где в больших котлах постоянно кипит вода. И пассажиры выскакивали с посудой, забегали, наполняли кипятком чайники, кастрюльки, кружки.

Эти станции тянулись и тянулись, от этой надписи «Кипяток» стало рябить в глазах. Помню, один иностранец даже писал по этому поводу, что, мол, Россия настолько велика и обширна, что у русских нет возможности даже придумывать названия всем станциям, и многие из них называются одинаково: «Кипьяток»…

В Сыктывкаре сутки ночевали на пересыльном пункте, там распределили по районам, группу, в которую попал я, послали в Кебаньоль, а оттуда – на двадцать восьмой километр. Пункт по заготовке леса настолько мал, что ему не дали даже названия, а так: по километражу, на котором он находится от крохотного населенного пункта Кебаньоль.

Растерянные и огорошенные, мы обнаружили себя среди ссыльных. Тех самых зэков, кому запрещено возвращаться в старые места, а надлежит после отбытия сроков жить в лесу, рубить лес и в девять вечера находиться в бараке. Если же кто-то не явится вовремя, того снова в тюремный лагерь на солидный срок.

Нас распределили по бригадам, сперва доверили только топоры, чтобы обрубали сучья со спиленных деревьев, потом мы таскали от трелевочных тракторов тросы к уже поваленным деревьям, зацепляли петлями за вершинки, после чего трактор, натужно урча и время от времени от усилий поднимаясь на дыбы, затаскивал на щит и с трудом пробирался к дороге.

Наступила весна, кончилась золотая пора, когда спиленные деревья легко таскали по снегу. Земля размокла, и, что оказалось для меня новостью, здесь почти везде болота. Но лес продолжали рубить, углубляясь все дальше от железной дороги. Наконец мы начали строить новую ветку, спиливая деревья и укладывая их прямо на болото. Так как дорога рассчитана только на несколько месяцев, а то и недель, то строили ее не на века, но как можно быстрее.

Труднее работу трудно и представить, к тому же я пошел на самый трудный участок, где требовалось переносить и укладывать на землю ровными рядами баланы. Это когда огромное толстое дерево распиливаешь на трех-четырехметровые куски, а потом берешь их по одному и несешь в болото. Эти баланы в тайге служат шпалами. На них по-быстрому кладем рельсы, приколачиваем костылями, и вскоре бодрый паровоз начинает вывозить лес. Это в кино показывают, как носят тяжелые шпалы, ха-ха, тяжелые шпалы!

Понятно, что такой балан в несколько раз больше и тяжелее цивилизованной шпалы, что кладется на подготовленный грунт, а не в болото, как балан.

У меня, у которого врачи еще во время медкомиссии в армию признали лордоз, сколиоз и ишиас, что значит – позвоночник прогнут и вперед, и взад, и еще в сторону, ко всему прочему еще и появилась грыжа, лопнула. К счастью, успели довезти до больницы в Кебаньоле.

Местные врачи сумели разрезать живот, вырезать что-то и снова зашить. Мне запрещено отныне всю жизнь поднимать что-то тяжелее пустого чайника, и, понятно, через пару недель я снова работал на стройке вальщиком с бензопилой «Дружба», а через месяц – носил все те же баланы.

До Кебаньоля раз в неделю ходит мотовоз, это такая широкая механическая дрезина, на которой может поместиться почти два десятка человек. Если, конечно, сбиться в кучу, как селедки в бочке. Но охочих ездить в далекий Кебаньоль, который такой же поселок, разве что с магазином, набиралось мало.

Я съездил пару раз, понравилось бывать в чем-то более крупном, чем наш двадцать восьмой, а в следующий раз

отправился пешком. Всего-то двадцать восемь километров!.. Через месяц я уже научился половину дистанции пробегать, а к концу лета едва скрывались крыши моего двадцать восьмого – не поймут! – и переходил на бег. Естественно, бежал в кирзовых сапогах. И не по гаревой дорожке, а по шпалам. Иногда удавалось бежать в сторонке по твердой земле, перепрыгивая камни и выползающие наверх корни.

Заканчивал бег, когда приближались дома Кебаньоля.

Да, это именно там, на Крайнем Севере, когда я подорвался, попал в больницу и меня готовили к операции, обнаружили, что сердце в левой стороне груди померло, но отросток справа разросся и принял на себя нагрузку. Сердце отныне у меня прослушивается с правой стороны лучше, чем с левой.

Несколько лет работал в Заполярье лесорубом, чокеристом, плотогоном и пр., затем ходил по хребтам Сихоте-Алиньского хребта в составе 29-й горно-таежной геологоразведовательной экспедиции, срывался с высоких гор и тонул в бурных реках, дрался с медведем и спал на снегу…

Как уже говорил, прошел йогу, сыроедение и прочее, что помимо излечения от болячек дало и контроль над телом. Да и над собой тоже. Так что переплыть во время ледохода Вычегду – стало делом плевым. Или посидеть в лотосе на берегу Ледовитого океана при минус пятидесяти по Цельсию.

Помню, как меняли деньги в сорок восьмом, у меня тогда была трехрублевка, на которой зеленым нарисованы три бойца в зеленых касках, а вот теперь, в 1961-м, новая реформа: Хрущев велел заменить старые деньги на новые, убрал «лишний» нуль. В печати объясняли, что это необходимо для упорядочивания экономики, но все понимали, что кукурузник старается стереть любое изображение Сталина, убрать любые о нем упоминания.

Пришлось привыкать к «новым» деньгам, и долго еще потом старшее поколение спрашивало, глядя на ценники: а сколько это «по-старому»? Меня это раздражало, ну сколько можно, годы идут, о каких старых деньгах речь: о керенках, что ли? Или о катеринках?

Проезд в трамвае из тридцати копеек стал трехкопеечным, а вот пятикопеечная коробка спичек при новых ценах уже копейка, что значит, надул Хрущев, надул…

«Спирт питьевой, 96 градусов». Летом успевали привозить даже вино, но, правда, ненадолго. Во-первых, мало спроса, во-вторых, в морозы даже водка замерзает. Помню, как с удивлением

рассматривал ледяшки внутри бутылок с этикетками «Водка московская». Так что спирт – универсальное средство на все сезоны.

Именно здесь, на Крайнем Севере, где пьют все, даже дети, я как бы наперекор всему и всем перестал пить не только спирт, но и водку. Объявил, что вот такой у меня причудливый вкус: изволю только вино и пиво. И стал выглядеть в глазах зэков и наших завербованных какой-то белой вороной, почти трезвенником.

За окном ревет метель, днем потеплеет до минус сорока. А сейчас даже представить жутко, как низко упал столбик термометра. Похлопал ладонью по тумбочке, пальцы нащупали пустую пачку из-под сигарет. Выругался, уже ночь, за окном пурга и мороз, как на Плутоне, курить хочется так, что, как говорят, ухи попухли. Но и в самом деле под ложечкой сосет, будто голодаю, хотя по дурной привычке поел и на ночь, сыт…

Крутился с боку на бок, мучился, терзался, наконец не выдержал и, вскочив с постели, ринулся одеваться. В коридоре рев и грохот, порывы пурги бросают в дощатую стену не только снег, но целые пласты наста.

Меня едва не сбило с ног, я натянул шапочку на глаза и, пригнувшись, бросился к соседнему бараку. Снегу намело до пояса, уже не шел, а полз, загребая руками, как пловец. Долго колотил в дверь, наконец отворили, я ввалился в темное помещение и сразу прохрипел:

– Игнат, дай папиросу!.. Уши пухнут!..

– Черт, – ответил он с отвращением. – Не мог до утра?

– Не мог, – ответил я. – Дай скорее!

С тремя папиросами в кармане я ринулся через ночь, лютый ветер и холод обратно. Снова полз по снегу, где мою дорожку уже замело, вломился в свой барак, трясущимися руками вытащил драгоценные папиросы. Клянусь всегда иметь запас. Клянусь теперь никогда-никогда не оставаться без них…

Пальцы нащупали спички. Теперь, когда папиросы передо мной, когда я прямо вот сейчас могу зажечь и вдохнуть драгоценный дым, я перевел дыхание, голова на некоторое время не то чтобы избавилась от дурмана, но увидела, что все в порядке, и… мозг заработал.

Значит, я стал рабом привычки. Значит, уже не могу без папирос, без курения. Без водки и спирта, которые пил наравне со всеми, еще могу обходиться, но без курения…

Так же медленно я искрошил папиросы и сказал себе, что с этого момента курить не буду. Никогда.

Прошло много лет, папиросы сменились сигаретами, курить начали и женщины, появились даже дамские сигареты, «Фемина», иные сорта вообще без никотина, но меня это уже не волновало.

Я ничей не раб, даже не раб своих же привычек. В холодильнике у меня початые бутылки водки, коньяка, вина. Хочу – пью, не хочу – не притрагиваюсь месяцами. И не сосет под ложечкой, мол, надо. Я – свободен.

Здесь впервые услышал первое исполнение песни «Геологи» молодого и еще неизвестного композитора Пахмутовой. Страстно захотелось стать геологом и ходить по диким местам, находить редкие полезные ископаемые.

По радио передали ликующую весть о первом запуске человека в космос. Повторяют дату, чтобы запомнили: 12 апреля 1961 года, новая эра в истории человечества. Имя первого в космической капсуле – Юрий Гагарин. Его именовали первым в мире космонавтом, но я сразу принял это скептически, едва узнал, что этот «космонавт» ни разу ни к чему в капсуле не прикоснулся, а выполнял ту же роль, что и поднимавшиеся до него в космос собачки Белка и Стрелка.

Срок вербовки я отбыл полностью, не сбежал, как многие, а потом проработал еще два месяца сверх, тем самым доказав, что я здесь по своей воле, и… потеряв право на бесплатный билет обратно и финансовую поддержку, то есть подъемные на время переезда.

После Крайнего Севера, где я отработал сучкорубом, вальщиком леса, чокеристом и плотогоном, вернулся в Харьков, поискал, чем бы заняться, но в сером и теперь таком крохотном городе так неинтересно и одинаково, что на этот раз уже без всяких вербовок собрался повторить забег на длинную дистанцию.

Теперь уже на сверхдлинную: Крайний Север – это все-таки Европа, а зудит сделать бросок за Каменный Пояс в Азию, да подальше, подальше! К самому Тихому океану.

Подговорив одного приятеля, мы взяли плацкартные билеты, это уже шик по тем временам, и отправились в восьмисуточное путешествие на Дальний Восток. Конечный пункт – Владивосток. Правда, еще в билетной кассе отказались продать до Владивостока: режимный город, туда можно только по особым пропускам. Пришлось купить до какой-то станции, что близко, близко

Естественно, не подъезжая к Владивостоку, весь поезд опустел, к нашему удивлению.

– А как же?.. – спросил я ошарашенно.

– Что непонятно, парень?

Я помялся, сказал осторожно:

– Нам нужно во Владивосток…

– Во Владик? Идите вон на автобус.

– А он куда?

– Чудаки, – ответил мужик весело, – да все едут во Владик. И ни у кого нет пропусков. Ну, почти ни у кого.

Второй буркнул:

– Можно дождаться электрички. Она придет минут через десять, зато не надо тесниться, как в автобусе.

В самом деле, большинство осталось ждать электрички, а самые нетерпеливые побежали к автобусной остановке, куда как раз подкатил автобус. Мы же погрузились в электричку, что подошла к перрону чуть позже, и благополучно въехали в закрытый для посторонних город.

Часы не переводили, и потому ошарашивали всех, кто спрашивал, который час, разницей в восемь часов, пока не добрались до Тихого океана и не попили оттуда воды. С того момента решили считать себя туземным населением.

Дальше – обычные приключения уже крепкого молодого парня, драки, ножи, бичевание, в конце концов, когда кончились все деньги – пошли работать в 29-ю горно-таежную геологоразведовательную экспедицию. Еще она называлась Иманской. Даже Правоиманской. После чего я на всю жизнь получил право насмехаться над рассказами о трудной работе геологов. Вот у токарей или слесарей – да, трудная. Но у геологов – лафа, кайф, как сказали бы через тридцать-сорок лет.

И еще одна легенда, которую распространили кинематографисты и писатели, но которой, увы, нет места в жизни. О присутствии женщин в экспедициях. Во всяком случае, я их не видел, хотя геологоразведовательных партий повидал не десятки. Все они уходили с базы по пять человек, и в них никогда не было женщины.

Что такое женщина? Нет, сперва иначе: что такое отправиться в тайгу на геологоразведку? Это значит, что с первого по третье мая пьем и гуляем, а потом нас грузят в вертолет и высаживают в глубине тайги. Оттуда медленно движемся от пункта А до пункта Б, никогда не встречая жилья, не встречая людей вообще. И только перед ноябрем начинаем собираться в обратный путь. То есть за двое суток до праздника Великого Октября, для малограмотных напоминаю, что это отмечали 7 ноября, нас забирают. Всего лишь потому, что наступает зима, а когда снегу до пояса, не походишь по тайге в поисках полезных ископаемых.

Геологи зимой не работают, а лишь неспешно обрабатывают полученную за лето информацию. Это, конечно, тоже работа. Плюс – два месяца отпуска, но… только зимой, что и понятно.

И вот, возвращаясь к нашим баранам, как может находиться в отряде женщина, когда мы спим в одной палатке, сушимся после дождя голые у костра? Так, без женщин, мы еще вспоминаем о них в первые дни, все рассказываем случаи, кто, когда и как жарил: слова «трахал» не существовало, – а потом за неимением раздражителей постепенно успокаиваемся. Женщины исчезают даже из снов.

Да, конечно, если бы у нас были газеты, радио, если бы мы хотя бы слышали женские голоса, то нас бы продолжали мучить искушения, как святых антониев в пещерах. Но когда их нет – все спокойно.

Но что началось бы, если бы в отряде была женщина?

Геолог – самая романтичная, таинственная и загадочная из профессий. Это раньше стремились стать моряками, чтобы открывать новые земли, потом летчиками и полярниками, дабы достичь самых дальних точек земли. А сейчас осталось только побывать там, где «не ступала нога человека», нанести на карту последние реки, горы, отыскать крупные месторождения полезных ископаемых.

И хотя над планетой уже не только искусственные спутники, но и Юрий Гагарин недавно совершил полет в космос, однако этих спутников кот наплакал, да и те пока что шпионят за подозрительными объектами на чужих континентах, а до своей страны руки не доходят.

Сразу скажу, что сперва мы побывали в тех местах, где прошел Арсеньев и его Дерсу Узала, а потом углубились в настоящие дебри, где до нас в самом деле не ступала нога человека.

Наносили на карту мелкие реки, что прятались в дремучих зарослях Уссурийской тайги, наткнулись на месторождения олова, редких металлов и, конечно же, золота.

С золотом вообще невероятное: натыкаемся чуть ли не на каждом шагу. Мы, четверо европейцев, ликовали, только наш старший был настроен скептически.

И только зимой, когда вышли к базе, мы узнали кое-что о себестоимости, целесообразности и прочих скучных вещах, которые не позволят тут же начинать добычу золота там, где мы его обнаружили.

Дело в том, что золото добывают драгами. Это такие машины, высотой с пятиэтажный дом. Чтобы такую драгу

привезти на золотоносное место, нужно сперва прорубить через тайгу широкую дорогу, затем выкорчевать пни, заасфальтировать и наконец привезти на множестве тяжелых платформ эту самую драгу. Ну, а к драге помимо рабочих еще и охрану, бухгалтера и весь необходимый штат.

Если просчитать все затраты, то далеко не всякую золотоносную жилу есть смысл разрабатывать промышленным способом. А в одиночку с лоточком для промывки золотишка… ну, так далеко в тайгу еще надо добраться. Пока что вертолеты частным лицам не доступны.

Зато не раз наблюдал забавные моменты с этим самым золотом. Ну вот, к примеру, зашли в одну деревушку, надо было что-то купить, деревушка чисто украинская, на Дальнем Востоке вообще бывают области, населенные исключительно украинцами.

Чисто украинская – это в первую очередь белые глиняные стены домика. Смотрю, стоит женщина возле свежевыбеленной стены, что-то ковыряет в ней пинцетом, которым обычно щипают брови. В другой руке – граненый стакан.

Подхожу ближе – стакан на треть заполнен золотым песком. Оказывается, песок для смеси с глиной берут из ближайшего ручья, а там уйма золота. Конечно, строить тут рудник – нерентабельно, для рудника золота здесь мизер, это уже потом я убедился, что в Уссурийской тайге таких ручьев с золотым песком – великое множество.

Стена высыхает, в ней на солнце ярко блестит множество звездочек. Женщина небрежно выбирает золотые крупинки на уровне своего лица, а к тем, что ниже пояса, даже ленится нагнуться.

Идет на нерест кета. Мы сейчас по Иману поднялись наверх, свернули по его притоку. Рыба из Тихого океана по Амуру поднимается, поднимается, сворачивает в Уссури, снова идет по суживающемуся руслу до Имана, затем по Иману и вот наконец уже по мелким речушкам и ручьям старается взобраться как можно выше, буквально к истоку.

Мы с изумлением наблюдали, как по ручью двигаются, плотно прижавшись друг к другу, огромные толстые рыбины. Спины сухие, глубже опуститься не удается: брюхами и так трутся о песчаное дно.

Время от времени давление скользких тел выталкивает какую-нибудь рыбину, и она беспомощно трепыхается на движущихся спинах, пытаясь где-то соскользнуть в воду.

Вскоре красная икра начинает заполнять мелкие ручьи,

течение выбрасывает ее на берег, иногда мы двигаемся по щиколотку в красной икре, а старший, который местный, рассказывает, что в детстве с отцом ходил по местам, где икры наносит волной столько, что переливается через голенища.

К реке со всех сторон сходятся медведи, рыси, леопарды, тигры, лисы, слетаются птицы. Выметавшая икру рыба становится вялой, ко всему безразличной. Течение несет ее, абсолютно безвольную, выбрасывает на берег, где и начинается пир всякой лесной мелочи.

Звери посерьезнее, как тигры или медведи, садятся в ручье и хватают когтистыми лапами эти блестящие толстые тела. Почти все, и крупные и мелкие, нажравшись, заваливаются спать прямо тут же у ручья. Птицы наедаются так, что не могут летать, но на них никто не обращает внимания.

Конечно же, мы натаскали и сами этих огромных рыбин. С каждой икры – на тарелку с верхом. Крупная, блестящая от слизи. Вскипятили ведро воды, сполоснули, потом не могли понять, что находят в этой икре богатые придурки: каждая икринка стала такой упругой, что по одной приходится ловить на коренной зуб, чтобы раздавить. Ложку икры жуем минут пять, челюсти болят…

Не скоро разобрались, что горячей водой мыть ни в коем случае нельзя, кроме того, еще кое-какие тонкости, чтобы икра стала лакомством. Все мы с сожалением смотрели на колоссальные богатства, что вода выбрасывает на берег, но…

…за морем телушка – полушка, да рупь перевоз. Если бы вот это все каким-то чудом перебросить ко мне в Харьков, я стал бы миллионером. Но в реальности я не могу набрать даже банку, ибо ее придется носить на себе еще два месяца. А когда мы собирались к экспедицию, то даже стальные ложки заменили на алюминиевые, чтобы облегчить рюкзаки.

Снова в наше отсутствие медведь забрался в палатку и, конечно же, сожрал сгущенку. Более того, когда мы вернулись, он все еще сидел перед палаткой и, подняв банку, давил ее лапами.

Его силенки хватало, чтобы банка лопалась, а лакомство лилось прямо в подлую ненасытную пасть. Услышав наше приближение, а мы шумели, как стадо свиней, он бросил уже пустую банку и ломанулся в кусты.

Мы не успели сдернуть с плеч винтовки, медведь унесся, петляя между деревьями, как петлюровец. Когда мы рассмотрели, что он успел досуха выдавить пять банок, спонтанно возникла идея пойти по следу и наказать гада десятком пуль в ненасытное пузо.

В экспедиции у нас ничего нет для развлечения, кроме коробки с шахматами. Я играть избегаю, во мне чересчур велик инстинкт бойца. Я просто не могу проигрывать, это для меня противоестественно, начинаю сражаться и сражаться, партия идет за партией. После пятой у меня дико начинает трещать голова, чувствую жар, морда становится красной, даже буряковой, так говорят ребята, кровяное давление грозит взорвать меня и разбросать кровавые ошметки по всей Уссурийской тайге, но сколько ни убеждаю себя, что это всего лишь игра, ничего страшного, если проигрываю: не корову же теряю, как говорят все, но я не могу, не могу проигрывать!

Другие могут, я – нет!

Потому мне лучше вообще не играть.

Ни во что.

И все казино обходить по широкой дуге, отворачивая рыло в противоположную сторону.

Присел отдохнуть посреди поляны, вытащил ломоть жареного мяса, жевал, готовясь к следующему броску. Не успел доесть, по ту сторону кустов послышалось хорканье. Потом громче и громче, уже треск кустов, тяжелое дыхание, похрюкивание.

Я сидел, не двигаясь, на поляну начали выдвигаться, меня не видя, огромные свиньи. Все они деловито подбирали крупные блестящие желуди, их здесь столько, что ни земли, ни опавших листьев не видно.

Чавкая, подбирая желуди, двигаются плотной цепью, как римские центурионы. Прямо на меня надвигается огромный кабанище, ну просто каледонский вепрь, я потихоньку взял молоток, которым отбивал образцы пород, так же неслышно поднял над головой и приготовился садануть изо всей силы прямо в лоб кабину.

Похрюкивая, он приближался все ближе, и, когда уже пора бить, я заколебался. Голова кабана, как танковая башня, глазки крохотные, да это не череп, а сплошная глыба из монолитной кости.

Кабан едва не уперся рылом в подошвы моих сапог. Я сказал тихонько:

– Эй, дружище… Не оторви каблук.

Кабан рывком вздернул голову, уставился на меня непонимающе. Я все еще сидел, а он, гад, стоя на своих коротких, кривых, как у кавалериста, ногах, выше меня на полголовы. И смотрит в упор, еще не решил: стоптать меня или не стоптать… вот так сразу.

К счастью, свиньи тоже меня увидели, одна молодая свинка завизжала, а остальные бабы-дуры тут же ринулись на другую поляну. Я слышал, как разом остановились там под дубом, послышался смачный хруст пожираемых желудей.

Кабан недовольно хоркнул и, развернувшись, неторопливо пошел к ним. Когда кусты сомкнулись за ним, я перевел дыхание и медленно опустил занемевшую руку с молотком.

Часть 2

И вот наконец завершен период простейшей романтики, когда приключения ищутся наглядные, простые, то есть: ходить по нехоженой тайге, карабкаться по некарабканым горам, прыгать через пропасти, подниматься на эвересты или опускаться с аквалангом в глубины моря.

Еще там, в тайге, ощутил, что в большом индустриальном центре приключений намного больше, чем в прогулках по неброженым местам и отыскании залежей редких металлов. Только здесь приключения не столь простые и наглядные. Но их больше, они труднее и… выше. По классу выше.

Уезжая на Крайний Север дохляком, я, по сути, поставил себя перед дилеммой: либо помереть, либо вернуться на белом коне. Ну ладно, какой-то там белый конь, но чтоб не стыдно было дальше жить, а как можно жить, если даже в армию не взяли? Нужно стать таким, чтобы все видели: дело не во мне, а в тех дураках, что такого орла не заметили.

В то время нашими кумирами был Томми Коно, он из хилого заморыша, прикованного полиомиелитом к постели, превратился в мистера Олимпию и держал этот титул несколько лет. Он установил сто тридцать мировых рекордов в тяжелой атлетике, переходя из легкого веса в полусредний, оттуда в средний, затем в полутяжелый и грозился перейти в тяжелый, чтобы отобрать у тогдашнего Андреева титул абсолютного чемпиона мира. А Роберт Хайнлайн, тоже прикованный к постели, разве не сумел накачаться так, что стал чемпионом Америки по саблям? Словом, вернулся я через несколько лет с пропорциями: рост – 185 см, вес – 85 кг, размер рубашки – 54-й, джинсы – 44-й.

Как-то с приятелями лежали на пляже, к нам подбежал мужик, упрашивая чуть ли не со слезами, чтобы его выручили: через полчаса соревнования по гребле, а у него двое не явились. Всю команду снимут, а почему должны страдать другие из-за двух оболтусов? Пообещал хорошо заплатить. Мы с Худяковым поторговались и согласились. Ради антиресу.

Лодки так называемые «народные», эти я знаю хорошо, гребу прекрасно, часто катал девчонок, так что вся проблема была в том, чтобы запомнить чужую фамилию и откликнуться, когда ее назовет судья.

Как ни странно, в соревнованиях я не только не пришел к финишу последним, но вообще явился первым. После чего подошел другой тренер и пригласил у него тренироваться. Он предложил байдарку, но я видел, что на ней ездят и женщины,

презрительно отказался от «женского» вида спорта, избрав каноэ, на которое всяких там бабс не допускают.

Мастером спорта я стал за два сезона. Попутно выполнил еще и кучу нормативов по легкой атлетике, стал перворазрядником по боксу и самбо. Думаю, смог бы точно так же добиться хороших результатов, а то и вершин в любом виде спорта, но к тому времени уже начал заниматься литературой и ощутил, что одно другому сильно мешает.

Чем бы ни занимался, делу надо отдаваться целиком, если хочешь достичь вершин. Если же передо мной дилемма: стать чемпионом мира и Олимпийских игр в каком-то виде спорта или сильнейшим из писателей, то все-таки предпочитаю стать первым среди литераторов.

И я остановился в спорте: мавр свое дело сделал – из больного, изможденного всеми тяжелыми недугами подростка сделал более, чем… словом, мавр может идти, идти, идти. А вы, госпожа Литература, останьтесь. Я займусь вами вплотную.

Когда вернулся с Дальнего Востока, как раз началась эпидемия восторгов по поводу ливерпульской четверки. То ли потому, что я все-таки постарше этих битлзов, как их называли, то ли что-то еще, но их творчество не затронуло. Старый добрый рок-н-ролл ближе и понятнее, а это что-то слишком заунывное, дохлое. Да и сами они какие-то дохлые, к тому же наркоманы.

В то же время стадо есть стадо: Худяков везде с горящими глазами рассказывает, какие эти битлзы – великие музыканты, но я его пару раз поймал на том, что ни уха ни рыла не смыслит в их творчестве. Но – старается идти в ногу, быть везде своим парнем, иметь общие темы для разговоров, уметь быть общительным и нравиться. Карнеги начитался, скотина.

А мне общественное мнение по фигу: если весь мир говорит одно, а я считаю по-другому, то все в мире дураки, а я вот шагаю правильно.

А когда-нибудь и вас заставлю шагать со мной в ногу.

После прекрасной и беззаботной работы геолога, да не просто геолога – им можно считаться и в пыльной конторе, – а геолога-первопроходца по диким местам Уссурийской тайги, как-то противно идти на скучную работу… а они все скучные, если сравнивать с теми романтическими, через которые прошел: лесоруб, плотогон, геолог…

Но что я могу, если мне уже двадцать пять лет, а образование – семь классов?

Директор школы ХЗСШ, что значило Харьковская Заочная

Средняя Школа, с очень интересной фамилией Москвич, но сам еще более интересный, умный и настоящий педагог, в течение минуты, пока разговаривал со мной и рассматривал глубоко посаженными за толстыми линзами глазами, сделал верный вывод, что и отсюда я вылечу через месяц, если не через неделю. Вылечу, если у меня не будет дополнительного стимула, морковки или привязи.

– Очень жаль, – проговорил он, перебирая мои бумаги, – очень жаль, что вас… гм… что вы так и не закончили восьмой класс… Да, жаль. Вот если бы вы закончили восьмой класс, я смог бы принять вас в девятый, а так вам придется снова в восьмой… И хотя для вас привычно в каждом классе сидеть по два года, но как-то жаль, что вот так… Да, можно бы сразу в девятый, но вы не закончили восьмой, а правила есть правила… и эти правила для поступающих и продолжающих есть, есть… Вам придется в восьмой, а могли бы в девятый…

Я и собирался в восьмой, это ж понятно, что никто меня не возьмет в девятый, но его бормотание и тягомотина что-то сдвинули в моем мозгу, и я брякнул глупость, вот так сам по себе брякнул, хотя и не собирался:

– А что, если бы сразу в девятый?.. Я бы тянул…

Брякнул так, инстинктивно, но директор сразу же сказал быстро и бодро:

– Так, хорошо, записываю в девятый. Но, смотрите, не подведите меня! Я ради вас пошел на нарушение…

Я вышел за дверь и тут только понял, что меня ловко и грубо провели, как дурня, что я похож на персонажа дурацких фильмов о передовиках, где председатель колхоза или слесарный бригадир на заводе строго и отечески говорит загулявшему лоботрясу: ты ж смотри не подведи, тебе коллектив доверяет, после чего лоботряс в мгновение ока становится примерным передовиком производства.

И в то же время было восхищение таким ловким ходом. Ведь он пошел на мелкое нарушение, чтобы я чувствовал к нему благодарность и рыл землю, чтобы не опозориться!

Конечно, я закончил эту ХЗСШ за год, то есть все три класса, в заочной школе можно сдавать досрочно, я и сдал. Тем более что директор мудро набрал учителями молоденьких выпускниц харьковского университета, почти все оказались моложе меня, так что сдавать оказалось легко, ну очень легко. Легко и приятно. Одна даже родила девочку, дали ей имя Светлана, хотя какая светлана может получится у такого смуглокожего и с черными как смоль волосами? Которого в детстве дразнили цыганченком?.. Правда, мама – блондинка.

Но в это же самое время, в течение года, когда я сдавал за три класса, я судорожно искал, чем же заняться в большом городе, где не нужны геологи, плотогоны, лесорубы?

Это звучит как анекдот, но я сел и выписал на листочке профессии или специальности, в которых для успеха не требуется высшее образование. Получилось:

1. Спорт. В спорте неважно, какое у тебя образование, есть ли диплом, кандидатская или докторская степень, или же у тебя два класса образования. Достаточно стать чемпионом мира в любом виде спорта, как получишь все то, чего лишен простой человек. Чемпиона приписывают к какой-нибудь должности, где он получает высокую зарплату, а как же иначе – у нас же спорт любительский, все работают или учатся, – обычно каждый из спортсменов, достигший уровня мастера спорта, автоматом поступает в престижный вуз или универ, где его переводят с курса на курс, и он, если долго держится в спорте, успевает стать кандидатом наук, а то и доктором.

Конечно же, чемпиону дают прекрасную квартиру в Москве, дарят машину, дачу, а также всякие льготы, которых лишен «простой» человек. Да, спортсмен имеет все шансы, но, увы, я припоздал. При моей воле я смог бы стать и чемпионом мира, но опоздал, опоздал… Мне уже двадцать пять лет, а делать рывок сейчас… гм… скорее всего, чемпионом стать не успею.

2. Пение. Здесь тоже не требуется образование, и нужен голос и умение петь. Ну, это исключено, с моим голосом и моим слухом только сидеть в туалете и кричать «Занято!».

3. Музыка. Гм, стоит попробовать, здесь нет тех ограничений, как в спорте.

4. Рисование. Тоже. Ограничений нет, а диплом кому нужен, если рисуешь лучше всех?

5. Литература. Все то же самое, см. выше.

Итак, здраво поразмыслив, я решил, что рояль – это чересчур. Даже пианино – это перебор, мне б че-нить поменьше. Не балалайку, конечно, и не гитару – первая для деревенских, вторая – для пацанья, а вот скрипка… скрипка – в самый раз! Красиво, благородно. Опять же, Паганини отметился…

На следующий день я отправился в магазин, купил скрипку и самоучитель игры на скрипке. И – началось… Оказалось, что это достаточно долгий, тяжкий и нудный труд. Освоив аппликатуру, долго и старательно разучивал гаммы, в то же время почти каждый день прыгал вперед по учебнику и пытался играть «че-нить настоящее».

Скрипку забросил через пару месяцев обучения, это сейчас два месяца – один день, а в двадцать пять лет это еще почти год,

если не больше. И за год ничего не добиться? Значит, надо пробовать что-то еще.

Так как рисовал я еще с детства, то с этим пошло намного проще и быстрее. Начал с простеньких карикатур, первые, помню, опубликованы в журналах, а последние – в «Науке и жизнь» за 1966 год в 11-м номере, рядом с моими первыми юморесками. После того уже карикатурами не баловался, хотя некоторое время работал художником-профессионалом, зарабатывал рисованием.

Однажды пришло в голову, что для художников сейчас самое-самое мертвое время. Если выйти на улицу и попросить первых попавшихся прохожих назвать художников, то все в той или иной последовательности назовут Айвазовского, Шишкина, Левитана, Грекова, Сурикова, Серова, Врубеля… но все фамилии будут дореволюционные, современных никто не знает, как будто их и нет… или в самом деле нет?.. а вот если попросить назвать писателей, то половину назовут современников.

Почему художники словно бы исчезли? Все потому, что для существования художников должны существовать меценаты или как их ни назови, но богатые люди с *разными* вкусами. Потому и могли в старое время существовать разные художники, их картины раскупались.

Сейчас же у нас один-единственный покупатель: власть. И вкус у власти один. К тому же скверный.

Подумав, я бросил рисование, хотя уже укрепился как художник и попробовал писать. К счастью, подошел весьма трезво, не стал браться за романы или повести, а попробовал с крохотных микрорассказов и юморесок, которые помещались на листке школьной тетради.

Тогда, кстати, большинство писали на листках школьных тетрадей, так и отсылали в газеты, журналы и издательства.

Публиковаться начал с первых же попыток. Первая в журнале «Знання та праця», на украинском языке, № 9, 1965 год, вторая в «Технике молодежи», третья – «Наука и жизнь», четвертая – в коллективном сборнике фантастики, дальше – не помню, пошло очень много, по несколько в месяц.

С уже опубликованными рассказами пришел в местное отделение Союза Писателей СССР, здесь существует студия для начинающих, в ней я оказался, как же иначе, самым публикуемым и вообще самым-самым.

Однажды туда пришли две юные поэтессы, только-только закончившие школу, одну из них, самую хорошенькую из всех там существующих, я проводил вечером домой, это было 16 апреля 1969 года, а еще через три дня предложил ей выйти за меня

замуж. Прошло два месяца, минимальный срок, который ЗАГС дает, чтобы успеть передумать, и мы поставили печати в паспортах.

Ирина поступила в институт радиоэлектроники и поучилась там немного, но после замужества заниматься учебой совсем не хотелось, и, оставив институт, полностью посветила себя домашнему уюту и заботе о детях.

Двое детей, мальчик и девочка, беспокойная жизнь начинающего литератора. И хотя я зарабатывал почти всегда неплохо, даже много по советским временам, но все-таки бывали и трудные моменты. К счастью, не внутри семьи. Брак был таким, что не пожалел о нем ни на секунду.

В это время я писал множество юморесок, сочинял так называемые микроюморески, их охотно брали все журналы «на подверстку», сейчас в век компьютерных программ этот термин непонятен, но тогда, в век горячей печати, когда после романа, повести или рассказа оставались большие пустоты, они приходились очень кстати.

Те микроюморески, которые по цензурным соображениям не могли быть предложены в печать – из-за политических или нецензурных выражений и ситуаций, – именовались уже анекдотами и запускались в обращение free-ware, как сказали бы сейчас. Гонораром служило чувство глубокого удовлетворения, когда они возвращались ко мне, иногда дополненные или видоизмененные.

Затем, чувствуя, что пора вырастать из коротких штанишек юмориста, я начал писать полнометражные рассказы, и… сразу же пошли обломы. Рассказы начали возвращать один за другим.

Если бы до этого я не ощутил себя успешным писателем, возможно, на этом бы и закончилась моя карьера. Все-таки я не ощущал себя именно рожденным для литературы, для карьеры писателя.

Не получилось бы в писательстве, нашел бы другое поле деятельности. Если человек чего-то стоит, если у него есть что сказать, он найдет тот или иной способ выразить себя, донести до человечества свои идеи. И не обязательно этот путь должен идти через литературу.

Но, так как я уже успел ощутить, что на этом поле я силен, то сел и попробовал подумать здраво. Первая мысль, что я – гений, а все редакторы – дураки и ничего не понимают, была не то чтобы так уж отвергнута, но исходя из того, что те же редакторы охотно брали мои юморески, а сейчас почему-то не берут серьезные рассказы, наталкивает на мысль, что и я где-то не совсем так уж

во всем абсолютно прав. Возможно, и вовсе прохлопал ушами нечто важное.

Недолгие размышления привели к открытию, что рассказы я пытался писать по тому же принципу, что и юморески. То есть яркий неожиданный сюжет и хлесткая концовка. Персонажи едва названы по именам. Так же, как в анекдотах, которые я сочинял охотнее всего.

Когда это сообразил, дело пошло лучше. Даже в коротком рассказе должен быть образ, а также хотя бы скелет характера персонажа. Это в дополнение к тому, что уже присутствует в короткой юмореске: новая тема, неожиданные повороты, хлесткая концовка.

Потом, когда осваивал повесть, то ко всем этим обязательным моментам пришлось добавить более тщательную проработку образа, который нужно провести от начала и до конца произведения. И желательно, чтобы главный герой «перевоспитался». Если кого-то покоробит это слово из советских времен, то так же построены и лучшие произведения американских и европейских авторов. Просто в действие вступает основной закон литературы: герой должен уйти с последней страницы не тем ослом, которым вступил на первую. За время повести он должен что-то переосмыслить, что-то понять, в чем-то измениться, что-то для себя решить важное.

И вот так, в неудачах обвиняя себя, а не редактора, я добрался до романов, которые тоже пошли очень хорошо.

Со своими рассказами, юморесками и анекдотами публиковался по всему Советскому Союзу. Везде, кроме родного Харькова. Почему? Ну представьте, вот я вхожу в редакцию… В то доакселерационное время мой рост считался огромным, и многие спрашивали: почему не выступаю в баскетболе? Так вот, глядя на здоровенного мускулистого парня, любой редакторишко морщится и спрашивает: а что вы кончали, какой вуз, был ли там литературный или хотя бы филологический факультет? Ну как такому сказать, что вышибли за тупость и драки из 8-го класса? И на том образование кончилось? А так: написал, положил в конверт, послюнявил края и отнес к почтовому ящику. Результат: несколько сот публикаций по всему Советскому Союзу плюс постоянные передачи по «Маяку» и Всесоюзному радио.

Первая книга, «Человек, изменивший мир», вышла 100-тысячным тиражом в «Б-ке советской фантастики», Москва, «Молодая гвардия». Тоже отослал по почте, там прочли и сразу же отправили в печать. На тот момент я был самым молодым фантастом в СССР, у которого вышла книга в этой избранной

серии.

Но переводили ее много раз за рубежом вовсе не за молодость автора.

В детстве мы все играли в английский футбол. И все называли кого хавбеком, кого центрфорвардом, кого голкипером, кричали: «В офсайде!», «Корнер!», «Аут!», а уже много лет спустя то ли вышло какое-то постановление, то ли еще почему, но английский футбол стали называть просто футболом, как французскую булку – городской, а все понятные и привычное слова, как корнер или хавбек, заменили неуклюжими и очень длинными русскими.

Это повторялось со всеми заимствованиями, так точно раньше были английский бокс и китайский, но английский постепенно стал просто боксом, а китайский исчез вообще.

Доходило до курьезов: уже совсем в недавнее время в Россию, нет, еще в СССР, завезли такую диковинку, как джунгарские хомячки. Эти карликовые зверюшки вошли в моду: их держать легко, они неприхотливы, а наблюдать за ними интересно.

И вот однажды мои дети, вернувшись из зоологического музея, рассказывают мне с горящими от возбуждения глазами:

– А мы там видели такого хомяка, такого хомячищу, что просто таких не бывает!.. Вот такой огромадный! Ты не поверишь, в самом деле вот такой!.. Нет, даже еще больше!

Ну и как им объяснить, что это и есть самый обычный хомяк, что живет по всей России и всем сопредельным странам, а джунгарские – как раз необычные? Как объяснить, если слово «джунгарские» уже исчезло, а значит – это просто хомяки? Обычные хомяки?

Ленин сказал: «Коммунизм – это Советская власть, плюс электрификация всей страны», но Хрущев, который лезет во все щели и к каждой бочке затычка, дал свое определение: мол, коммунизм – это полная химизация всей страны.

И началась эта химизация, от которой всех трясло. Мы знали до этого, что химия – удел одиночек, чудаков-ученых в закрытых институтах, откуда если что и выходит, то для себя же, в смысле для государства, а нас никогда не коснется, но тут нас всех накрыло этой ядовитой волной…

Слово «химия» стало писаться с большой буквы, ударными темпами строятся заводы по производству химических удобрений, в массовом количестве появились ядовитые удобрения, которые убивали всех-всех насекомых, и в продаже впервые появились не червивые яблоки.

Правда, осторожные люди по-прежнему предпочитают покупать только червивые, это гарантия, что яблоко не отравлено ядами, а червяка можно аккуратно вырезать ножом и выбросить, зато сам не отравишься, однако большинство населения такие вот румяные, налитые соком яблоки покупают с энтузиазмом.

Появились новые сорта яблок, груш, слив, из вишен сперва появилась шпанка, так называли испанскую вишню, а потом и вовсе привезли неведомую экзотическую черешню, особый сорт вишен: крупные, сладкие, совершенно без раздражающей кислоты, с большим количеством мякоти. Забегая вперед скажу, что постепенно черешни практически полностью вытеснили привычные вишни. Теперь уже вишни воспринимаются как экзотика, а черешня – привычное блюдо.

Ежедневно идут ликующие репортажи, как с самолетов опыляют огромные площади, и от этого опыления гибнут все вредители сельского хозяйства. Строятся все новые заводы по изготовлению химических удобрений, к ним прокладываются новые железнодорожные ветки, потом оттуда в села и деревни идут эшелоны с химикатами.

На всех станциях уже высятся горы этих химикалий, которые не успели вовремя вывезти, и теперь все это превратилось в камень. Отдают под суд председателей колхозов, что берут эти химикалии, раз уж сверху заставляют, но тайком сваливают в овраги. Поля покрывали таким количеством химикатов: одни – для урожайности, другие – убивающие сорняки и насекомых, что достаточно одного дождя, чтобы в соседних реках погибала вся рыба и вообще гибло все живое.

В быт вошли слова «гербициды» и «пестициды». Одни убивают вредные растения, другие – насекомых. В том числе и пчел, что пробуют собирать мед, дуры.

А в Антарктиде уже появились пингвины, насквозь пропитанные дустом. Как известно, он нерастворим, из организма не выводится, а только накапливается, пока не задерешь лапти кверху. И через тысячи лет будет убивать и убивать, а потом еще убивать.

Но, конечно, не Хрущев на самом деле виноват, хотя это привычно связывается с его именем: просто тогда еще никто не знал минусов любой химии, а уж поголовной и тотальной химизации – так и вовсе. Во всем мире была эйфория и всеобщее ликование, надежды, что всесильная химия разом решит все проблемы.

Если правду – то она в самом деле большую часть проблем решила. И впервые сумела накормить постоянно вымирающие от голода Африку, Индию, Индонезию, Бирму и прочие

малоразвитые страны. Их вежливо называют слаборазвитыми, но на самом деле понятно, что это совершенно неразвитые, если сравнивать с европейскими.

Журналисты как одурели: чуть ли не каждый день изобретают новое название нашему времени: атомный век, век полимеров, век химии, а каждую стройку объявляют стройкой века.

Я бурчу, что это все глупо: сейчас только середина века: шестидесятые годы – как можно назвать что-то стройкой века, как будто знаешь наперед, что в семидесятые, восьмидесятые или девяностые уже ничего не будет построено?

Увы, при чем здесь глупо или не глупо, главное – сенсация, яркий заголовок, интересный текст. И неважно, что брехня, зато интересно.

В начале нашей эры население земного шара составляло около 200-300 миллионов человек. К 1000 году практически не увеличилось и оценивается примерно в 275 миллионов человек. К 1650 году достигло 545 миллионов, в 1800 году – 906, в 1900 – 1608, к 1940 году – это когда я уже был, мне исполнился год! – 2248, к 1950 – 2517, а в 1964 году равнялось 3260 миллионам человек!

Иначе говоря, за последние шестьдесят лет, на которые пришлись две неслыханные по масштабу истребления мировые бойни, – несмотря на это, население земного шара удвоилось за столь короткий срок! В ближайшие двадцать пять лет оно должно вновь удвоиться и к концу XX века достигнет примерно шести миллиардов.

То есть если я доживу до пенсии, что проблематично при такой собачьей жизни, то на Земле будет около шести миллиардов! Миллиардов, подумать только…

Нет, это не укладывается в голову.

Тараканы – звери тропические, нежные, капризные. В деревенских хатах типа нашей вечером жара побольше, чем в Сахаре, а за ночь выстывает так, что вода порой замерзает в ведре, а тараканам подай одинаковую тропическую температуру, какую дает паровое отопление.

Рассказывали про одного умника, что ходит в гости со спичечным коробком, полным тараканов, и незаметно выпускает их, чтобы и у других этого добра хватало. В нашем журавлевском доме тараканы не дожили бы до утра…

Диссиденты, диссиденты. В Харькове угрюмо бурчат, что зажрались там в Москве, могут себе это позволить. Попробовали бы подиссиденствовать не в Москве, где полно иностранных посольств, где стадами бродят корреспонденты крупнейших газет Запада, а, скажем, где-нибудь в Челябинске, Иркутске? Или, того хуже, в союзной республике? В том же моем родном Харькове?

Такой смельчак сгинул бы без следа, как и пропадали люди. Я им не прощу своего друга Костю Белобородова. Все это без огласки, все тайно, и никто не посмеет поинтересоваться: что случилось, куда такой-то исчез, потому что и спрашивающего могут преспокойно взять прямо на улице или когда вечером возвращается с работы, потренироваться на нем, обучаясь ломать кости, а также убивать голыми руками, затем отправить, как и остальных, под зеленый дерн в местном лесопарке.

Когда пришло такое странное явление с таким же нелепым словом «обои», мир изменился. Люди освинели, перестали постоянно контролировать себя, что, мол, нельзя слишком близко проходить рядом со стеной и, упаси боже, прислониться! Я уже вижу странный и дивный мир, где люди могут останавливаться в комнатах, в коридорах, как у себя дома, так и в учреждениях, прислонившись спиной к стене! Помня, что они прислоняются не нечаянно, а по своей воле! Прислоняются и – не тревожатся!!! Это будет странный, дивный мир будущего!

Как-то зимой уговорил друзей пойти на речку искупаться. Со мной отправилась большая компания, все намеревались только посмотреть, как сумасшедший Никитин полезет в прорубь, но все получилось намного интереснее. Я из тех лидеров, которые не желают быть лидерами, не умеют и не хотят, инстинктивно предпочитая быть «духовными вождями», но, однако, там, на берегу реки, я всех уговорил раздеться и полезть вместе со мной в прорубь. Правда, сперва сам прыгнул в ледяную воду, поплавал, вылез на край льдины и посидел в позе лотоса, и вот уже человек семь, оставив одежды на заснеженной лавке, полезли в темную воду…

Все были уверены, что обязательно подхватят от своего безумного поступка что-то совсем уж страшное, перед которым даже воспаление легких – пустяк, но на другой и третий день звонили в полном восторге и уверяли, как будто для меня это чудо, что не подхватили даже насморка!

С моржеванием, как и все в моей жизни, похоже на анекдот. Попал туда, как и во многое в жизни, случайно: купался с

приятелем довольно поздно осенью, нас увидел некий мужик, оказавшийся тренером, и пригласил вступить в его секцию моржевания на том берегу реки.

Секция располагала домиком, двумя лавками и удобным спуском в воду. Когда замерзала река, то кайлами и топорами прорубывали лед, вылавливали льдинки и готовили полынью для купания.

Я заметил выше по течению добротный дом, поинтересовался:

– А кто там?

– Дикие, – ответил тренер нехотя.

– Кто?

– Кто не прошел медкомиссию, – объяснил он угрюмо. – Кому нельзя купаться в холодной воде.

– А они что… купаются?

– Да, – буркнул он раздраженно, – но это уже на свой страх и риск. Мы за них не отвечаем.

Через неделю ударили морозы, река покрылась льдом. Я пришел в секцию моржевания, где врач после тщательного исследования… не забраковал. Мои физические показатели мастера спорта уже позволяют любое экстремальное чудачество. И все же из любопытства я отправился к диким моржам. Здесь дом втрое просторнее, весело топятся две печки, народ задорный, жизнерадостный, а из снаряжения помимо топоров и прочей мелочи – еще и две бензопилы.

Оказалось, что дикие не вырубают полынью, это же дикость в наше технически совершенное время, а вырезают во льду ровный прямоугольник восемь метров на двадцать пять, получается стандартный бассейн. Можно не только купаться, но и проводить соревнования, что они регулярно и делают.

Естественно, я остался у диких. Не из-за повышенного комфорта, просто больше люблю людей, которые делают все наперекор. Сам такой, а рыбак рыбака…

На этой последней волне интереса к своему телу еще раз поэкспериментировал с организмом: повышал и понижал температуру усилием воли, замедлял сокращения сердечной мышцы. С кафедры психологии поступило предложение принять участие в эксперименте, который подготавливают их специалисты.

Я согласился при условии, что они дадут мне кодовое слово, по которому я мог бы останавливать свое сердце и запускать снова. Дело в том, что к тому времени добился понижения частоты сердечных сокращений до двадцати ударов в минуту, а дальше не шло никак. А когда удавалось снизить еще на три-

четыре удара, то сердце затем начинало колотиться со скоростью чуть ли не двести ударов в минуту.

В эксперименте участвовали: молодой математик, которому надо написать статью, студентка, которой надо срочно выучить английский язык, и я, писатель, который взялся за время эксперимента писать фантастические рассказы.

Впечатлял отбор: студентке дали листок с множеством английских слов, велели прочесть, за это время ввели в транс, осторожно вынули из ее руки листок и велели прочесть все эти слова снова. И вот, держа в руках пустоту, она прочла все слова, а затем – в обратном порядке. Пара дотошных в белых халатах требовали называть седьмое слово сверху, двенадцатое снизу, четвертое в третьем столбце… справилась со всем, так как по-прежнему *видела* в своей руке листок, она первой вошла в состав группы.

Меня отобрали за умение понижать температуру и замедлять биение сердца, математика – за высокий уровень аутосуггестии. Словом, всех нас развели по комнатам, ввели в транс и… началось.

Я сидел за пишущей машинкой, передо мной простирается поверхность неведомой планеты, странный лес. Если за деревом прячется какой зверь, мне нужно только качнуться вправо или влево, чтобы рассмотреть его за стволом.

За ночь я написал рассказ, утром анализы и биопробы, которые показали, что я за ночь неплохо выспался.

Эксперимент был рассчитан на неделю, но продлился всего шесть дней. Не выдержали… экспериментаторы. Мы все трое работали, учились, занимались своими делами, находясь в глубоком сне, утром чувствовали себя как огурчики, а вот они двигались как осенние мухи. К утру шестого дня я из-за недостатка гипновнушения вышел из состояния самопроизвольно, посмотрел по сторонам, отодвинул пишущую машинку с почти законченным рассказом, пошел бродить по всему помещению.

Математик меня не заинтересовал, но студентка, молодая и яркая спортсменка, кровь с молоком, заинтересовала даже очень. Кое-как вывел ее из состояния гипноза, устроился с нею тут же на полу. Разбуженные сопением и металлическим постукиванием батареи парового отопления, в которую я упирался ногами, явились заспанные научные сотрудники…

Словом, эксперимент показал, как было записано в протоколе, что в организме человека имеются огромные скрытые резервы. Ну, это мы и без протоколов знаем. В нашем же случае математик написал статью, хотя обычно двух слов не мог связать, а изъяснялся на бумаге одними формулами, студентка выучила

английский язык, а я написал пять фантастических рассказов, все пять были опубликованы, а в то время с публикациями было очень непросто.

Но на этом мои занятия собой любимым закончились. Из болезней себя вытащил, пора делать то, ради чего появляются мужчины: улучшать мир, а я занимаюсь какой-то фигней с точки зрения эволюции – улучшаю себя, как будто я бессмертный и все эти улучшения, каких бы ни добился, не исчезнут через каких-то полста лет со мной вместе.

С этим же выёгиванием научился разводить глаза так, что смотрел стереофильмы и стереофотографии без спецприспособлений, этот же пустячок позволял в считаные мгновения определять различия нескольких рисунков. Помните такие конкурсы: дают два одинаковых рисунка и просят отыскать все отличия? Так вот, если сводишь два изображения в одно, все отличия сразу же начинают мерцать. Умею двигать глазами в таком режиме, что сливаются в полосу, и до сих пор не встретил человека, который мог бы повторить… Щупал и массировал через брюхо как позвонки, так и сердце и т.д.

Но, конечно ж, увлечение йогой долго продолжаться не могло, ибо принцип йоги: плюй на все и береги здоровье – не для людей моей породы.

Часто вижу один и тот же сон: подхожу к книжному лотку, высматриваю там чё-нить почитать, и вдруг – фантастика! Книжечка фантастических рассказов! Никто не хватает, я первым подошел и увидел… я торопливо цапаю, прижимаю к груди, достаю деньги и вдруг вижу рядом еще одну, тоже фантастика!..

Не успеваю купить, как на глаза попадается в соседнем ряду еще одна, а потом вижу сразу две! Ошалев, я торопливо хватаю их дрожащими руками, осматриваю прилавок, и – как пелена спадает с глаз: там все книги в жанре фантастики и детектива!..

От переизбытка волнения просыпаюсь, но стараюсь не раскрывать глаз, чтобы подольше удержать перед глазами сказочную картину, когда весь лоток заполнен фантастикой…

Вообще-то фантастику покупаем только на черном рынке. В магазине бывает очень редко, на каждый магазин дают по одному-два экземпляра, да и то лишь на центральные, так что понятно, кто захапает эти экземпляры.

А на черном рынке появляются либо эти же самые, что поступили в магазин: завмаги продают их через детей или родню, или же украденные из типографий. Но нас это не смущает, мы все

прекрасно понимаем, что нельзя воровать только у «своих», то есть у людей, люди ведь все свои, а вот государство – чужое. У государства воруют все, это называется «для дома, для семьи», и практически нет человека, который бы не выносил что-нибудь с завода, фабрики, стройки, конторы, института.

На этом рынке познакомился с такими же сумасшедшими любителями фантастики, из которых двое стали близкими друзьями: Володя Крестьянинов и Сережа Зайков. Оба на десяток лет моложе меня, Крестьянинов учится в техникуме, а Зайков заканчивает школу, но быстро сдружились, к нам присоседились еще помешанные на фантастике, и само самой образовалось некое содружество любителей, которые собирались у меня дома.

В отличие от всех остальных, городских, я все еще живу в частном секторе, можно собираться в саду, жарить шашлыки, рассказывать истории, пересказывать, у кого сколько книг и кто собирается жениться, а это значит, что женящемуся предстоят большие траты. Мы же, как стая хищных гиен, соберемся вокруг и будем ждать, когда несчастный начнет «чистить» библиотеку.

Да, это мы все деликатно называем чисткой, на самом же деле каждую книгу отрываем от сердца с болью и кровью. Самые серьезные испытания для любого собирателя книг – это женитьба и рождение ребенка. Во втором случае жена обычно около года сидит дома с ребенком, денег не хватает, надо быть совсем уж черствым, чтобы смотреть, как жена голодает на фоне переполненных книгами стеллажей.

К этому времени относятся мои первые пробы пера, пошло так успешно, что сразу же ребята вокруг зашевелились, начали писать и сами. Но я втолковывал, что для успеха нужно обязательно сжечь за собой мосты. Обязательно! Иначе ничего не получится.

И мы трое: Зайков, Крестьянинов и я – пошли на завод грузчиками, где загружены только мышцы, а голова абсолютно свободна. Можно придумывать, фантазировать, сочинять… Заодно мы взялись учить английский язык: брали с собой написанные на карточках слова и фразы, носили в нагрудных карманах и время от времени доставали, проверяя: так ли твердим?

И вот сказалось то правило, которое я вывел для себя насчет сожжения мостов. Через три месяца сдался Зайков: к тому времени он уже закончил не только школу, но и университет, высшее образование, предложили хорошее место на кафедре, да ну ее эту чертову работу грузчика, лучше теплое место и стабильное жалованье, чем журавль в небе…

Крестьянинов продержался целых полгода: у него за плечами

– техникум. Да ну ее, эту работу грузчика, мне тут предложили непыльную работу младшего техника по наблюдению за контролем измерительных приборов, приличная оплата… Это лучше, чем журавль в небе.

Мне, единственному, отступать некуда: семь классов образования… ну, пусть десять, это я так, бравирую, все-таки семь классов я честно высидел, почти честно, а вот остальные три класса прибавил уж очень весело, так что и считать их как-то неловко…

Словом, мне, как уже сказал, отступать некуда: так и эдак грузчиком… и потому выучил английский, попутно овладел польским, начал печататься по всей стране и стал писателем, который с тех пор живет только на гонорары.

В «Литературной газете», едва ли не самой популярной газете того времени, прочел в новостях ехидное сообщение, что в Америке, стране сплошных идиотов, вообще выкинули неслыханное идиотство, рекордное по глупости и нелепости: губернатором штата избрали известного голливудского актера Рональда Рейгана, знаменитого своими ролями лихих ковбоев в вестернах.

Затем на эту тему поехидничали другие газеты, а мы, читающие, молча соглашались: да, здесь обожаемая нами Америка в самом деле села в лужу… Ну разве можно актера в политику, ведь это же небо и земля, политики – это… политики!

На бумаге все звучит гладко, как будто перешагивал со ступеньки на ступеньку, так это и звучит в упрощенном изложении, но на самом деле, конечно, рассказы писал, еще не оставляя юморесок, а первые повести – когда был самый пик рассказов.

Просто то было такое время, что фантастику издавала только «Молодая гвардия», у нее был ограниченный лимит на это издание, что-то около десяти тоненьких книжек малого формата в год, остальные же издательства по одной-две книги в год, а этих «одних» легко пересчитать по пальцах одной руки, даже если эта рука принадлежит трехпалому земноводному.

Так что рассказы свои я пару раз пытался собрать в сборники, но удалось издать только два, остальные же остались в газетах и журналах. Впрочем, ничуть не жалею, потому что писать продолжаю, пишу не хуже, у меня нет той жадности, что заставляет собирать все вырезки со своими первыми рассказами и даже газетными заметками.

Крохотная оттепель, которую допустил Хрущев, начала выходить из-под контроля, появились непредвиденные последствия. Начало подрагивать все монолитное здание Советской власти, и напуганный Хрущев поспешил свернуть первую перестройку. А затем грянул тихий государственный переворот Брежнева, когда Хрущева свергли и отстранили, а страна на долгие десятилетия была ввергнута в болото стагнации.

У меня был рассказ «Завтра будет новый день» о том, как некий рядовой советский инженер однажды просыпается утром и с изумлением обнаруживает, что это вчерашний день, все знакомо, ничего не происходит… и на календаре та же дата, что и вчера! И на третий день повторяется. На четвертый, на пятый… наконец он привык жить в этом повторяющемся мире, где ничего не происходит нового, начал получать удовольствие от того, что все знает наперед. И только постоянные встречи с одной девушкой, с которой приходится все начинать всякий раз сначала, заставляют его искать пути выхода из этого мира. Все-таки в этом мире невозможно развитие их любви, невозможно завести ребенка, нет будущего…

По своей наивности я так и не понял, почему этот очень оригинальный и удачный, с моей точки зрения, рассказ не взяли в первый сборник «Человек, изменивший мир», что вышел в 1973 году в Москве, в «Молодой гвардии», не брали в журналы, альманахи. Взяли только в сборник «Далекий светлый терем», который вышел в 1985 году, незадолго до начала объявления эпохи перестройки и гласности. Да, взяли, подготовили, художник сделал по нему рисунок, но… в последний момент цензура выбросила этот рассказ!

По иронии рисунок к нему попал в середину другого рассказа, так сборник и вышел в продажу, что вызвало недоумение читающих: на рисунке молодой парень бежит по улице, схватившись за голову, а с календаря слетают листки с одинаковым числом. Рассказ этот называется «Абсолютный развод», у кого есть это издание, тот может взять и снова подивиться на вывихи того времени.

Я тогда еще не знал, что неосторожно употребил название «застой» и «застойное время», которое цензура поняла как прямой намек на происходящее в стране. И потом, уже через десяток или больше лет, этот термин прилип и начал употребляться достаточно широко. Уже применительно ко всему советскому строю.

Этот рассказ вошел в мой сборник «Далекий светлый терем», который издан уже в издательстве «Равлик». А еще через несколько лет после «равликовского» издания вышло сразу два

фильма на эту тему: отечественный «Зеркало для героя» и американский – «День сурка».

Компьютеры мы знали по фантастическим романам, но вот наконец в научно-исследовательских институтах появились ЭВМ, то есть электронно-вычислительные машины. Они сразу же стали модным интерьером фантастических произведений, а то и главными героями.

Эти ЭВМ занимали целые этажи, а то помещение, где вводились команды, называлось залом машинных расчетов или просто машинным залом. Для того чтобы произвести некий сложный расчет, программисты в течении трех-четырех месяцев формулировали задачу.

Так как при социализме у нас все привыкли тащить с производства: с заводов – доски, кирпичи, листовое железо и прочее-прочее, то из институтов тащили хотя бы карандаши. Так вот теперь начали тащить и перфокарты, на которых путем пробивания дырочек программируется задание для этой самой ЭВМ. Очень удобные карточки, кстати, у меня самого их был почти ящик, друзья приволокли в подарок. На этих плотных глянцевых картонках удобно записывать мудрые мысли – я к тому времени был уже писателем, ими удобно закладывать книги, на них записывал фантастические идеи для будущих произведений.

Кроме того, люди старшего поколения хорошо помнят бесконечные километры перфолент, похожие на увеличенные фото или кинопленки с их неизменными дырочками по краям, чтобы можно было цеплять зубчиками и протаскивать, наматывать.

Это в реале, а в быту мы лихо называли эти ЭВМ компьютерами, так это назвал великий Норберт Винер, наш бог тех времен… кто-нибудь знает, кто это? Да, шоуменов и «Тату» вы знаете, уверен… и эти компьютеры так же лихо использовали в фантастике.

Правда, будучи реалистом в фантастике, я никогда не использовал роботов, как, к примеру, и всевозможные «машины времени».

«При мне» – интересное словосочетание, как будто сейчас не «при мне», но так говорят, и я говорю, так вот при мне жили большими семьями в три поколения. Это был один мир со своим определенным мировоззрением, взглядами, привычками, обычаями.

Но при мне же и началось расселение в хрущевки, что привело к переходу в другой мир, абсолютно новый, с другими

законами и другой моралью. Нам почему-то кажется, что другой мир должен быть если не инопланетным, то чем-то очень уж необычным, его сразу будет видно, что он чужой, другой. И наступить должен внезапно, это как дубиной по голове, а вот такое плавное перетекание происходит незаметно и как бы не считается.

Но в больших семьях, где бабушки и дедушки, отцы и мамы, а также их дети, это в первую очередь следование определенным традициям, за соблюдением которых ревностно следит старшее и самое старшее поколение. Но как только началось отселение молодых семей, как только они зажили отдельно, как только это стало массовым явлением – сразу же изменился мир.

Первое, что мы тогда сделали, – это порвали старые прочные связи «по крови», по клану, по племени и завязали новые уже по личным предпочтениям. Конечно, эти связи не могут быть такими же прочными, как кровные или племенные, так мы обязаны в любом случае приходить на помощь «своему», а дружба по общности интересов или симпатии рвется так же легко, как и завязывается. Но мы принимали эти условия, никто не стремился к вечной дружбе или вечным привязанностям.

Мир меняется очень быстро, мы хотели меняться вместе с ним. Мы не знали еще, что это мы его меняем так стремительно.

И это из-за нас он стал таким, что в нем не остается места ничего вечному, прочному, неизменному.

Даже не знаю, хорошо это или плохо.

Перед магазином остановился возчик, лошадь привязал к столбу, а сам поднялся по ступенькам в магазин. Я шел мимо с сыном и дочкой, они сразу закричали восторженно:

– Лошадка!.. Живая лошадка!

– Да, – подтвердил я, – лошадка.

– Папа, можно ее погладить?

– Ты не достанешь…

– А можно ей что-нибудь дать?

Я порылся в авоське, вытащил кулек с сахаром, отсыпал чуть-чуть в подставленные детские ладошки. Конь наклонил голову, принюхался, лизнул, как собака, вызвав восторженный визг. Потом начал поедать сахар, а попавшие между пальцами крупинки доставал, с шумом втягивая в себя воздух.

Дети верещали в восторге, как же – огромный живой конь, настоящий конь, а я вспоминал, что совсем недавно на этом же самом месте мы не обращали на коней внимания, а вот за проехавшей полуторкой бежали наперегонки, удивляясь техническому чуду на четырех колесах. Как же, редкость,

настоящая машина. Полуторка, а потом вообще трехтонки…

А сейчас, мелькнула мысль, уже не обращаем внимание на стотонные самосвалы. Бывало, пройдет колонна «КрАЗов», «МАЗов», «КамАЗов» – никто и глазом не поведет.

А вот живая лошадь…

Построили метро, самая красивая станция, «Киевская», выходит у нас на Журавлевке. Линия протянулась из старой части города через Журавлевку в район новостройки, там вырос район численностью в шестьсот тысяч человек, нехило.

Так вот, я ехал из центральной части, дождался своей станции, вышел наверх… и расхохотался. Великолепие подземной части – просто сказочный подземный город! – резко контрастирует с тем, что наверху. Пустынная местность, кое-где частные домики, окруженные садами. Одинокая коза бродит неподалеку от входа в метро, куры гребутся в земле, яркий петух носится вокруг, распушив крылья, отгоняет прохожих.

Будучи в технике продвинутым, несмотря на гуманитарность, как сказали бы сейчас, я сам ремонтировал телевизоры, не говоря про утюги или домашнюю электропроводку.

И все время занимался фотографией. Через десяток лет с того дня, как увлекся фотографированием и начал выписывать журнал «Советское фото», где мастера делятся секретами, пришло известие, что создана суперновая технология, что позволяет делать цветные снимки!

Разумеется, я был одним из первых, кто купил пленку для цветных фотографий. С ней оказалось все то же самое, что и с черно-белой, только вместе проявителя и фиксажа еще допроявитель, остановитель и отбеливатель, а температурный режим должен соблюдаться с точностью до одного градуса.

Вода, кстати, для промывки должна быть не выше четырнадцати градусов, что вроде бы начисто отрезает возможность заниматься обработкой пленки летом. Приходилось замораживать в холодильнике лед, а потом с помощью накупленных в аптеке термометров для воды следить за температурой во всех ванночках.

С печатанием цветных снимков тот же процесс, что и с печатанием черно-белых, только в десять раз сложнее, труднее. Плюс необходимо иметь насадки из ста светофильтров, что надеваются на окуляр фотоувеличителя, да еще обязательно делать пробные снимки, чтобы подобрать необходимый цвет.

Для подбора цвета я резал один из кусков фотобумаги и подбирал на кусочках, размером чуть ли не с ноготь. Но и при

такой трате почти треть бумаги приходилось расходовать только на первичную корректировку цвета. А дальше знакомый процесс, разве что тарелок уже не четыре, а десять и нельзя промедлить с переносом из одной в другую ни на секунду. И нельзя позволить температуре даже простой воды для промывки повыситься хотя бы на два градуса.

Все чаще мне снятся странные тревожащие сны, где я двигаюсь сквозь пространство… или не двигаюсь, а просто озираю просторы?.. а мимо несутся галактики, проплывают туманности… но даже галактики совсем не такие, как на фотографиях, но *я знаю,* что это галактики, странные и жуткие… вот нейтронные звезды, а вот системы, где можно бы внедрить жизнь… но как туда дотянуться…

Просыпался в ужасе, холодном поту, сердце колотится бешено. Все существо пронизывал ужас, я только что был чем-то непомерно огромным, всеобъемлющим, сейчас же эта нить оборвалась, и даже осознание испаряется, исчезает, и только чувство сопричастности к вселенским масштабам гаснет медленнее всего….

Отношение к пишущим фантастику в СССР было наплевательское. Это видно по какому-нибудь значимому литературному собранию. На сцене длинный стол с красной скатертью, за которым важно рассаживаются писатели. Во главе стола, ессно, самый главный: пишущий на рабочую тему. Вторым садится «сельский», ведь важная сельскохозяйственная тема уступает только гегемону, рабочему классу. Третьим садится писатель, у которого главная тема – военная. Как о подвигах в Великой Отечественной, так и произведения на тему счастливой службы солдат в современной армии. Четвертым садится автор, который пишет о детях и юношестве.

Ну, а на приставной стульчик, если ему находится место, сажают детективщика и фантаста. Да, на один стульчик – двоих. Если найдется место. И все остальные посматривают снисходительно и презрительно, а залу извиняются улыбками: мол, простите нас за нашу доброту, но не могли мы погнать этих юродивых, жалостливые мы, надо бы в шею, а вместо этого мы их сажаем рядом. Тоже ведь люди, хоть и уродливые, неудачненькие, недоношенные…

Кто и стерпел бы, но не я, который работал литейщиком на заводе и не привык прогибаться даже перед заезжими министрами. Да, как это не покажется странным, но у рабочего всегда было больше гордости, чем у любого инженера. Объясняю

на пальцах: инженеров всегда переизбыток, инженер обивает пороги, чтобы приняли на работу, а слесарь, токарь или любой человек рабочей профессии задирает нос – его стараются не отпустить с завода, стараются создать условия, повысить зарплату, а на новом месте везде принимают с распростертыми объятиями.

Так вот, я всегда работал только там, где прогибаться не нужно. И куда калачом не заманишь человека, который себя любит и бережет. Так что первый же взгляд свысока озлил так, что едва-едва сдержался, чтобы не размазать наглеца и всех его приятелей по стенам литературного клуба так, чтобы потом неделю соскребали со стен.

Но – я уже писатель. А это значит, должен уметь обламывать рога… жестче. Я молча и смиренно выслушал проповедь, что фантастика – не литература и что вот если бы я сумел о рабочем классе, тогда бы другое дело, но не потянешь, это же литература, а не какая-то хвантастика…

Еще смиреннее я предложил пари, что напишу за полгода роман о рабочем классе. А это значит, что фантастика – выше, что писать ее труднее.

Конечно же, меня подняли на смех. Во-первых, романы пишутся годами, во-вторых, не с моим кувшинным рылом.

Пари было, естественно, с восторгом принято. Еще бы, так приятно обломать наглого дурака-литейщика! Я вернулся домой и сел писать. А так как я не могу без хулиганства даже в литературе, то взял и с легкостью написал роман о рабочем классе, попросту описав свою бригаду литейщиков, где я в то время работал. Потом, когда надо было сдавать в печать, взял и… не стал менять фамилии! Книга была принята к печати сперва в местном литературном журнале «Прапор», а затем в республиканском издательстве «Радяньский пысьменнык», т.е. советский писатель, аналог «Советского писателя» в Москве. Роман получил литературные премии, был переиздан, меня тут же приняли в члены Союза Писателей СССР, в ряды партии, мне дали синекуру в правлении: я стал ответственным секретарем местного отделения Союза Писателей, и мы с председателем, Владимиром Петровым, приходили на работу поочередно: он по четным, я по нечетным.

Я с торжеством пощелкал по шнобелям проигравших, надо видеть их почерневшие от горя морды! Я разом разбил иллюзии, доводы, рассказы о тайнах писательства, и в довершение всего – занял место во главе стола с красной скатертью и, расставив локти, посмотрел на всех в зале тяжелым бараньим взглядом.

Должен признаться, что так и не избавился от поганой

привычки говорить дуракам, что они дураки. А также щелкать по шнобелям. Много раз потом ввязывался в споры и всегда выигрывал, много раз мне предсказывали полный разгром, забвение, рассказывали, что тиражи моих книг «сливают» в электричках, продают по уцененке, мои рукописи уже не принимают…

Я кивал, соглашался, а потом упавшим голосом предлагал пари.

Обком партии восхотел провести красочную презентацию романа Юрия Никитина «Огнепоклонники» в доме Союза Писателей. Это и для них жирная галочка, что вырастили рабочего-литейщика, который сумел стать талантливым писателем. Местные писатели бурчали, но перечить никто не осмеливался, льстиво поддакивали.

Я, уже видя подготовку чересчур пышного спектакля, а я их не выношу, предложил пригласить на презентацию персонажей романа, которым я, повторяю, даже не изменил имена и фамилии. Наш партийный босс в обкоме по литературе Милюха сообщил секретарю обкома партии Сероштану, тот пришел в восторг, инициатива была с энтузиазмом одобрена, и… действо началось!

Со мной явилась вся моя бригада, а также с десяток работяг соседних участков. Все сильно поддатые, чтобы не сильно смущаться в таком заведении, так объяснили, пришлось это объяснение проглотить. М-да, тот скандалец там помнят даже сейчас…

Я сидел вместе с руководством на сцене за красным столом и откровенно потешался над этими убогими червяками, что именуют себя солью культуры, цветом нации и прочими красивыми словами, а на самом деле только ущербные обозленные людишки, к тому же лишенные ума и таланта, давно перегрызшиеся за места и потому пылающие ненавистью к новому человеку, который вошел на их крохотный Олимп с неимоверной легкостью, растолкал локтями и уселся на самой вершине!

Абсолютно все, как руководители обкома партии, так и все поголовно писатели, были полностью уверены, что я спешно начну закреплять успех, пойдут один роман за другим – все на рабочую тематику, буду хватать квартиры, дачи, машины, премии, бабки, должности… Они бы так сделали все поголовно, все стадо.

Да и нынешнее стадо, уже не при Советской власти, разве поступило и поступает не так же?

Я же вслед за «Огнепоклонниками» выпустил крамольную «Шпагу», попал в «черные списки» и разом потерял все. Вот так играть надо!

Да, кстати, надо рассказать, как меня принимали в ряды партии. Это отдельная песня, мне просто неловко перед теми людьми, хорошими и честными, над которыми я тогда вдоволь поиздевался. Дело в том, что обком партии с высоты указал райкому: вот такой молодой, талантливый, кроме этого – выходец из рабочей среды и вдруг все еще не член партии?

Тут же пришло строгое предписание – принять. Срочно!

Естественно, такому кандидату предложила рекомендации вся верхушка руководства: председатель харьковской организации Владимир Петров, секретарь партийной организации Виктор Лагоза и ответсек журнала Юрий Стадниченко. И вот меня ведут в райком партии…

Председатель приемной комиссии, генерал в отставке Бережной, ветеран войны, танкист, горевший в танке, с красивым мужественным лицом, испещренным белыми шрамами, посмотрел на меня буквально с ненавистью, его передернуло, прорычал:

– Длинноволосый?.. В свитере?

Виктор Лагоза, секретарь нашей партийной организации, попробовал вступиться:

– Но… это же писатель… у них, знаете ли, чуть более свободные манеры…

Председатель рыкнул:

– Но вы же в костюме и при галстуке? Пусть придет одетым как положено.

Нас вытолкали едва ли не в шею.

Естественно, я не подумал ни стричься, ни менять свитер на костюм, которого у меня, кстати, и не было. Это ведь вам надо меня в партию, а не мне. Я – писатель, а все остальное – мелочи.

Через десять дней меня повели в райком партии снова. Я все в том же свитере, с длинными волосами. Бережной скрипнул зубами, в глазах бессильная ненависть. Под стеной сидят на стульях с десяток ветеранов партии, приемная комиссия, смотрят с неодобрением.

Лагоза представил меня, коротко рассказал, кто я и что я, всячески напирая на рабочее происхождение, затем Бережной обратился к членам комиссии:

– Есть у вас вопросы?.. Мы должны выяснить, разделяет ли идеалы партии, знает ли вообще, что является основой нашей партии?.. У меня вопрос к вам, товарищ Никитин… что такое

демократический централизм?

Я подумал, подумал, пожал плечами.

– Наверное, демократия в центре внимания?

Он потемнел, с силой вдохнул, задержал воздух, после паузы выдохнул и задал второй вопрос

– С какого времени можно вступать в ряды партии?

Я опять подумал, ответил нерешительно:

– С двадцати одного?.. Нет, с двадцати трех!

Члены приемной комиссии смотрели как на марсианина. Бережной стал совсем черным, сказал хрипло:

– Полагаю, что товарищ Никитин не готов к вступлению в ряды партии. Я так и доложу в обком партии.

На обратном пути расстроенный Лагоза спросил с тоской:

– Юра, что с тобой?.. Почему ты не ответил, что такое демократический централизм?

Я огрызнулся:

– А откуда я знаю?

– Юра! Из обкома пришло указание принять тебя обязательно!.. Потому тебе задали только те вопросы, ответы на которые ты знаешь наверняка!

– Почему?

– Но это же записано первым пунктом в Уставе Комсомольца! Как и то, с какого возраста…

Я развел руками.

– Но если я не был комсомольцем? И того устава в глаза не видел?

Он ахнул.

– Не был комсомольцем?

– Если честно, – ответил я, – не довелось даже пионером. Так уж получилось. Я был второгодником, хулиганом и все такое…

– Никому не говори, – предупредил он. – Я вообще такое не понимаю. Просто невероятно… Ты не марсианин? Если кому-то еще удается проскочить мимо комсомола… ну там зэки или эвенки в тундре, то не быть пионером?.. Ладно, тогда с тобой понятно. Я даже не знаю, что и делать.

Я отмахнулся.

– А ничего не делать. Ни лучше, ни хуже писать не стану.

Однако, как потом выяснилось, из обкома пришел строгий приказ принять Никитина в ряды партии любой ценой. На следующее заседание приемной комиссии меня отвели все в том же свитере и с длинными волосами, представили ветеранам партии, после чего… проголосовали, не задав ни единого вопроса, что, конечно же, являлось нарушением.

Буквально через месяц меня избрали членом бюро горкома

КПСС. Я дважды сходил на эти мероприятия, заскучал, решил, что могу придумать более интересное времяпрепровождение.

Знающие люди предупредили, что на ближайшем партсобрании меня, как молодого коммуниста, нагрузят партийными заданиями. Я подготовился и, едва собрание началось, сам попросил слова и предложил создать Клуб Любителей Фантастики при Союзе Писателей.

– А что это такое? – спросил с недоверием Петров, председатель правления и один из старейших коммунистов.

– В стране огромное количество читающих фантастику, – пояснил я. – В Харькове их особенно много, ведь наш город – город науки, здесь университет, масса институтов, студенчество, ученые… Но из пишущих фантастику я – единственный, кто является членом Союза Писателей СССР, а теперь еще и членом партии. Я мог бы создать такой Клуб при нашем отделении Союза Писателей…

Второй, один из столпов харьковской литературной элиты, Гельфандбейн, поморщился.

– Но кому это надо?.. Фантастика – это так, пустячки…

Он осекся, поймав мой ехидный взгляд, все до сих пор ежатся от того разгрома, который я нанес своим романом на рабочую тему, доказав, что фантасту писать такие романы – одной левой.

– Это надо, – ответил я веско. – Фантастика – это о будущем? Понимаете?

Он сглотнул что-то, застрявшее в горле, смолчал. Петров поинтересовался:

– Юра, почему вы считаете, что вам удастся объединить таких любителей?

– А они уже объединены, – сообщил я. И пояснил: – У меня дома на Журавлевке регулярно собираются такие любители. Мы просто введем это в цивилизованные рамки. Разве это не лучше?

Секретарь партийной организации и председатель союза переглянулись. Оба ветераны войны, старые коммунисты, в первую очередь подумали о том, что опасно оставлять вот так без присмотра самую неспокойную часть общества: ученых и студентов, что собираются в частном секторе вдали от бдительных глаз.

Через пару дней в универе повесили объявление о создании КЛФ в здании местного отделения Союза Писателей. Как водится, под дом для писателей в любом городе отводится один из самых старейший и роскошнейших домов, Харьков – не исключение, здание просторное и удобное, но главное – есть громадный зал, где мы собирались дважды в месяц, обменивались новостями,

книгами, читали рассказы молодых авторов, обсуждали, спорили, помогали друг другу с подготовкой рукописей для печати.

Так продлилось два года, затем я отбыл в Москву на двухгодичные Высшие Литературные Курсы, оставив вместо себя заместителем Владимира Крестьянинова.

Итак, клуб фантастики есть. В двухмиллионном Харькове, огромнейшем городе, где есть метрополитен и все признаки мегаполиса, в то время был только один журнал, четыре газеты, из них только одна публиковала фантастику, там была такая рубрика «500 строк фантастики», и вел эту рубрику опять же я… Словом, при такой централизации если кто-то решался писать, то у него не было другого пути, как идти в этот один-единственный журнал, одно-единственное издательство, в один-единственный Союз Писателей.

Конечно, вполне могли существовать чудаки, что писали в стол, «для себя» и т.д., а клубы фантастики могли быть при дворовой хоккейной команде. Но если кто-то решался писать всерьез, он обязательно приходил в Союз Писателей. А кто в Харькове интересовался фантастикой, то не мог не знать о существовании огромного Клуба Фантастики при Союзе Писателей, располагающемся в Клубе Писателей, где прекрасное помещение, огромный зал, гардеробная с автографами местных и заезжих знаменитостей, роскошный бильярд и пр.

И где собирались тогда все пишущие фантастику и все заядлые любители, кто сам не пишет, но знает, любит, читает жадно, собирает дома библиотечки.

Пришло письмо от известного фантаста Генриха Альтова. Он писал, что в журнале «Уральский следопыт», где я печатаюсь, меня охарактеризовали как страстного любителя фантастики, который знает ее всю вдоль и поперек, так вот не хочу ли я принять участие в проекте «Регистр фантастических идей и ситуаций», который…

Я ознакомился с идеей, пришел в восторг, ответил торопливым согласием, после чего вскоре получил по почте объемистый пакет. Это и был Регистр, уже второй или даже третий вариант, который Альтов до того тянул в одиночку. Я подключился с великим энтузиазмом, собирал идеи и сюжеты по всей украинской фантастике, тогда ее на украинском публиковалось очень много. Бугров – завотделом в «Уральском следопыте», собирал по всем периферийным изданиям, а сам Альтов – по центральным.

Где-то с шестого Альтов пожаловался, что не успевает все

заносить в разрастающийся гроссбух, в котором уже шестьсот страниц, а ведь он еще изобретатель и уже создатель теории изобретательства, попросил меня взять на себя пополнение Регистра. Так что следующие два варианта я составлял сам, впечатывая и подшивая новые листки, а потом еще и перепечатывая весь восьмисотстраничный труд, подложив семь копирок, чтобы можно было выдать восемь экземпляров!

Конечно, бумагу приходилось брать самую тонкую, но, с другой стороны, это не художественный роман, который должен быть изячным в оформлении, это рабочий инструмент…

Несколько лет я пополнял Регистр в одиночку, потом передал его ребятам из своего КЛФ, в частности после меня пополнял Алексей Раскопыт, а я не то отбыл в Москву, не то еще куда-то меня унесло, и Регистром уже не занимался.

Все писатели, все-все, выступают, ездят на выступления в другие регионы, там пьянствуют, «укрепляя связи», и ничуть не стыдятся, что живут на эти подачки, но бурчат, что их преследуют, их зажимают, им не дают ходу. Продажная творческая интеллигенция, все критикующая, но себя обеляющая во всем. И даже не замечающая вот такой продажности.

Выступали именно все, то есть назовите любое громкое имя, «диссидента» или ярого сторонника режима – все зарабатывали на выступлениях абсолютно одинаково, урывали от Литфонда абсолютно одинаково, выпрашивали подачки от власти абсолютно одинаково, выколачивали льготные автомобили, дачи, квартиры, путевки в дома творчества и загранпоездки за счет Литфонда.

И после этого продолжали гордо называть себя творческой интеллигенцией, совестью нации. Неужели в самом деле у этого народа такая вот странная, чтобы не сказать крепче, совесть?

Подошел высокий белобрысый мужик, хитроватый, с бегающими глазками, запах одеколона смешивается с запахом алкоголя. Оказывается, не то директор по связям с общественностью, не то агент по этим же связям, поинтересовался:

– Юрий, а что это вы не подаете заявки на выступления?

– Какие? – спросил я.

– Вы не с Луны свалились? Перед читателями, понятно. За эти путевки писатели грызутся, а вы ни разу не заикнулись… даже начинающие пользуются, хотя им только половинная плата… ну что?

Я отмахнулся.

– Не хочу.

– Почему?

Я посмотрел на него, покосился на писателей в сторонке, хотел было сказать правду, что я единственный в местном отделении, кто может прожить на гонорары, но это может обидеть остальных, остальные намного слабее, но они ж не виноваты, что уродились такими неудачненькими, ответил уклончиво:

– Да просто не люблю. Писать мешает.

– Как? – переспросил он. – Это же всего полчаса-час времени! А оплата – пятнадцать рублей за выступление. Вернее, двадцать пять, но десять идет в Литфонд. Разве плохо?

Я подумал, покачал головой.

– Плохо. Если получу эти пятнадцать за выступление, то недополучу за написанное. Да вот так, мне не восхочется зарабатывать писанием, если получу на дурику.

– Это не дурика, – сказал он наставительно. – Это необходимая форма работы с читателями.

– Не, – ответил я, – не. Не стану.

Однако через неделю подошла одна юная поэтесса, самая молодая на Украине и, наверное, в СССР, и к тому же хлестко красивая, сочная, налитая румянцем. Перед этим как раз прошло совещание в ЦК КПСС по идеологии и пропаганде, где было отмечено, что в последнее время угрожающе растет средний возраст членов Союза Писателей, недостаточно молодых, и тут же на местах провели в авральном порядке прием молодых авторов в члены Союза Писателей. Принимали даже не по первым книгам, что ранее не допускалось, а вообще по рукописям, подписанным к печати. Так во многих местных отделениях появились не просто молодые, а даже очень молодые авторы, которые, естественно, дальше этой первой книги и не пошли, но на всю жизнь остались членами Союза Писателей СССР и гордо именовали себя писателями, настоящими писателями, и предъявляли красную книжицу.

– Юра, – сказала эта юная поэтесса, – я бы хотела повыступать со стихами, немного денег бы не помешало, но… одна боюсь… С толпой не хочется, затрут, да и крохи останутся, давай вдвоем?

– Нет, не хочу.

– Юра, тут подворачивается удачный вариант! Неделю выступлений, это же заработок на полгода!

– Да я не хочу… – повторил я, но она так смотрела огромными блестящими глазами с вот такими длиннющими ресницами… Разгар лета, у нее открытый сарафан, высокая грудь, а я выше на голову, дыхание мое слегка изменилось, я как-то незаметно для себя дал себя уломать, и через пару дней мы уже

ехали в городок Шостка. Это близко от Харькова, город известный прежде всего тем, что только там изготавливается вся пленка для фотоаппаратов, а на всех фильмах отечественного производства мы всегда читали в конце сеанса: «Изготовлено на пленке Шосткинского химкомбината».

Нас встретил представитель горкома партии, отвез в единственную в городе гостиницу. В фойе полно иностранцев, в основном – итальянцы и немцы, консультанты по новому оборудованию. С удивлением оглядели нас, поэтесса одета простенько, что с ее великолепной фигурой самое то, а я еще проще, что с моим ростом и шириной плеч тоже вполне, вполне, однако же нам выделили госкомовские номера, что стоят закрытыми, их открывают только в особых случаях для особых гостей из Центра.

После клоповников, какие в Хабаровске, Сыктывкаре или других окраинных городах, где мне приходилось бывать, этот поразил. Я вошел в огромный зал, уставленный как музей, изображающий быт царской семьи, постоял, а горничная вежливо произнесла:.

– Это комната для приема ваших гостей… а вот это ваш кабинет.

Кабинет оказался еще тем кабинетом, в нем не постыдились бы работать Столыпин или Витте. Огромный, богато и со вкусом обставленный, в нем, помимо массивного стола, выполненного руками мастеров, и великолепных кресел, еще и шкафы во все стены с множеством книг: все энциклопедии, справочники.

– А это ваша спальня, – произнесла горничная и посмотрела на меня выжидающе.

Наверное, я должен был посмотреть на нее, это уже потом вспомнил, что она весьма и даже весьма, для того и отобраны для этих особых номеров, но я, как дурак, засмотрелся на открывшееся великолепие третьей комнаты. Огромная, как теннисный корт, кровать, все ручной работы, все шкафчики и встроенные шкафы создавались как единое целое, даже огромное зеркало в полстены смотрится как старинное венецианское и в то же время напоминает, что самое современное, модерновое, привезено «оттуда».

Горничная, не дождавшись реакции, продолжала благовоспитанно:

– Ванная, душевая кабина и все необходимое – вон та дверь. Мой телефон на столике. Если хоть что-то понадобится, звоните, я сразу же окажусь… здесь.

При последнем слове она выразительно посмотрела на огромную кровать, но я все еще стоял ошалелый, потом

замедленно кивнул, и она исчезла, я только успел увидеть ее округлый вздернутый зад, уплывающий за дверь.

– Неплохо живут, – пробормотал я потрясенно. – Ладно, будем знакомиться…

Первым делом принял душ, а когда вышел, растираясь полотенцем, в дверь позвонили. В коридоре стоит поэтесса с большими испуганными глазами. Я отступил в глубину комнаты, она вошла, на ее лице непонятное смущение.

– Юра, – произнесла она шепотом, – мне дали такой громаднейший номер… Мне там страшно! Можно я переберусь к тебе?

– Можно, – ответил я. – Но уговор: не лягаться, одеяло не стаскивать.

Она кивнула, пообещала серьезно:

– Постараюсь даже не храпеть!

На другой день состоялось наше первое выступление. Это было в женском общежитии, весь зал из молоденьких девушек, нам подарили цветы, я сказал несколько слов и поспешно предоставил слово поэтессе. Она прочла несколько стихов, все действие заняло минут двадцать, а потом еще столько же отвечали на вопросы.

В заключение нам поднесли букеты цветов, а в ряде записок с вопросами были имена и номера телефонов. Я покосился на поэтессу, вздохнул. Увы, ничего не получится: неделя у меня будет, похоже, хоть и на роскошной, но весьма однообразной диете.

В тот же день мы выступили в общежитии строителей, там тоже поднесли цветы. В гостинице иностранцы смотрят с опаской. Уже знают, что этой вот молоденькой девушке выделены роскошные апартаменты из трех комнат, как и вот этому высокому мускулистому парню. А вот они, представители культурного и развитого Запада, живут по трое-четверо в однокомнатных номерах.

Во второй день мы выступили в пяти местах, везде букеты цветов, уже ставить негде, но, главное, я сделал открытие, как правильно поступать с бланками для этих самых выступлений. Не будучи самовлюбленным поэтом или писателем, которым только бы потоковать на публике, мое отношение к выступлениям вы теперь знаете по моему нынешнему антипиару, так вот тогда я просто заходил к председателю профсоюза, который и отвечает за то, чтобы согнать рабочих в определенное время и определенное место, опускал перед ним листок и говорил доверительно:

– Здравствуйте, нас двоих прислали выступить перед вашими рабочими. Но нам, честно говоря, не хотелось бы отрывать людей

от дела… так что вот распишитесь вот здесь, что мы у вас были, и вот печать вашу сюда, видите треугольничек?.. И мы пойдем…

Председатель профсоюза поднимал голову и смотрел на меня с опаской, в голосе надежда:

– А так… можно?

– Можно-можно, – успокаивал я, – вас же посылают на картошку, верно? Так вот эти выступления для нас, писателей, та же картошка.

Просветлев лицом, он поспешно ставил подпись и печать, пока я не передумал и не начал рассказывать о своей гениальности и творческих планах, я жал ему руку, он мне, и я торопился на другой объект.

Таким образом на третий день я сумел «сделать» десять выступлений. На четвертый, распланировав маршруты, двенадцать, благо городок крохотный, все под рукой. На пятый уже только семь, заканчиваются намеченные места. К счастью, не нужно и таскать огромные букеты, тем более что раскапризничавшаяся поэтесса теперь принимала только тюльпаны, которые я ночью рвал с клумбы перед зданием райкома партии.

Ресторанчик неплох, каждый вечер мы сидели там и наслаждались хорошим шампанским. Поэтесса цвела, ведь при месячной зарплате хорошего инженера в сто двадцать рублей мы в день заколачиваем по сто – сто сорок рублей!.. Бутылка шампанского три рубля и двадцать копеек, плюс всякие блюда еще рублей на пять – почему не гулять в свое удовольствие?

Клянусь, сказал я себе твердо, но не сгоняя с лица глуповато-самодовольную улыбку, никогда и ни при каких обстоятельствах больше не выступать за деньги. Я – человек слабый: сколько заработаю на выступлениях, столько же недозаработаю на гонорарах. Но гонорары – это за умение писать все лучше и лучше. А выступления… что выступления?

Что от них останется?

Из нас четверых, принятых за год в Союз Писателей, только я продолжал писать и писать, как будто с моим принятием в ряды ничего не произошло. Остальные трое сразу же изменились в осанке, походке, стали одеваться иначе и говорить иначе и, конечно же, сразу же пошли по выступлениям.

Хотелось бы ошибиться, но, насколько я помню по тем годам, больше никто из этих троих даже не пытался писать. Ведь самое главное – это доползти на последнем дыхании до вступления в Союз Писателей, а там уже все, хана, баста, конец: обеспечена одна из самых высоких пенсий в стране: сто двадцать рублей в

месяц, обеспечены выступления, обеспечены многочисленные льготы, как-то: получение квартир, дач, бесплатные путевки в дома творчества, особая поликлиника Литфонда, особый список для покупки автомашин и пр., пр., пр. Главное – получить заветную красную книжечку с гордыми буквами золотом: «Союз Писателей СССР»!

Как позже узнал, купив громадный «Справочник членов Союза Писателей СССР», в стране десять тысяч писателей, из них две тысячи – в Москве. Понятно же, что даже при всем книжном дефиците и даже в «самой читающей стране» ну просто не может быть столько писателей в реальности. Самые заядлые книжники могут набрать в своей библиотеке не больше полусотни отечественных авторов, просто продвинутый читатель назовет десяток, а так вообще-то знаем и читаем трех-четырех. Так что десять тысяч одних только членов с красными книжечками – это и есть эти доползшие до порога заветного дома, а теперь скрупулезно выколачивающие все-все «положенные» льготы и привилегии, ждущие счастливого времени, когда можно свалить на пенсию и получать сто двадцать рэ, в то время как остальные – сорок-пятьдесят.

В конце 70-х мне передали на рецензию рукопись первой книги молодого днепропетровского автора, инженера-конструктора Василия Головачева. К тому времени я был уже старый и толстый, маститый, заслуженный, лауреат и все такое, я начал читать повесть в несколько раздраженном состоянии, другую бы зарубил, но эта с первой страницы показалась яркой и необычной. В то время как все авторы вынуждены были писать либо под Немцова, либо под Стругацких, этот молодой автор избрал третий путь, абсолютно независимый, интересный и оригинальный.

В фантастике к тому времени сложилась нелепейшая, для любого другого менталитета, но только не для русского, ситуация: можно писать либо «за», либо «против», хотя на самом деле все, что публиковалось, не было и «за», как не было и «против», но в России всегда привыкли читать между строк, потому в каждом произведении братьев находили нечто «против», то есть против власти, а в произведениях Немцова и Казанцева – «за».

Я хорошо помню ту статью Немцова, в которой он подверг критике «Далекую радугу». В повести страшная катастрофа надвигается на планету физиков, где кроме физиков находятся их семьи, а также множество туристов, охотников и прочего люда. От первой страницы и до последней герои спорят, что спасать от

катастрофы: уникальные научные данные или произведения искусства, так как звездолет только один, все не увезет. И вот в конце концов после многодневных споров находят решение: оставить и то и другое, а спасать… кого бы вы подумали? Да, это просто невероятно – женщин и детей! А если мест мало, то одних детей.

Вся критика Немцова сводилась к одному-единственному моменту: даже в наше несовершенное время такой вопрос просто не возникает – с тонущего корабля в первую очередь спасают детей и женщин. А мужчины остаются, увы, вместе с сундуками пиастров и произведениями искусства.

Такая статья сейчас воспринималась бы просто как критика на неудавшееся литературное произведение. Чем она и была, кстати, но в то время читающая публика все написанное понимала только как либо указания партии, либо как противодействие этим указаниям. Ничего третьего в упор не видела и не хотела видеть, неинтересно, нет остроты, борьбы нет, крови и опасности не чувствуется! Ну как если бы сейчас написать, что нет на свете ни лох-несского чудовища, ни бермудского треугольника, ни ясновидения, ни телекинеза, ни чтения мыслей, ни хилеров… Вот сволочь, а, такое написать? Потому раз уж братья ходили в героях-диссидентах, хотя никаким преследованиям не подвергались, все их вещи выходили в срок, как намыленные, чего не скажешь о работах других авторов, так вот любая критика братьев принималась читающим интеллигентным быдлом только как зажим «диссидентствующих», как давление партии, как унтерпришибеевщина и даже как антисемитизм, хотя, повторяю, ни зажимом, ни антисемитизмом и не пахло, обыкновенная критика старого опытного автора на произведение более молодого, вот и все. Но так же, как сейчас любой схваченный на горячем карманный вор заявляет с пафосом, что его преследуют за политические убеждения, что в его компрометации заинтересованы «определенные силы», так тогда любая самая робкая критика в адрес Стругацких воспринималась как жесточайшие преследования со стороны Власти и чуть ли не как запреты на публикации. Как же, покажите мне хоть одну вещь, которую Стругацким запретили публиковать! А я свои покажу. Словом, Немцова затюкали, затравили, от него шарахались, вскоре старый заслуженный автор стал вообще изгоем.

На самом же деле все те авторы, что одни «за», а другие «против», – пальцы одной руки. И не случайно и те и другие разом умолкли, едва коммунистический режим рухнул. И лишь двое сильных, которых зажимали с двух сторон, и режим и

«оппозиция», требовавшие примкнуть к стаду, ведомому братьями, принести им вассальную присягу, поцеловать руку с перстнем и писать те глупости, которыми они наводнили прилавки, – только эти двое при падении партийного режима вздохнули с облегчением и начали писать и публиковаться свободно, раскованно, со все возрастающим темпом. Ну, понятно, это я так иносказательно о себе, замечательном, и о молодом Головачеве.

Я написал тогда на его повесть «Непредвиденные встречи» хвалебную рецензию, порекомендовал издать как можно более массовым тиражом, а самому автору настоятельно рекомендовал держаться избранного пути. К сожалению, при коммунистическом режиме это проделать было трудно, но власть рухнула, и теперь видно, кто чего стоит! Кстати, тогда «Непредвиденные встречи» вышла довольно быстро. С той повести и начался путь молодого, тогда еще с пышной шевелюрой, талантливого автора, а главное – так непохожего на остальное стадо, что паслось во всех журналах, сборниках, альманахах, издавало одинаковые книги на тему: как плохо быть бессмертным и как прекрасно умирать в слабом человеческом теле!

Где они, так прекрасно приспособившиеся к тому литературному времени?

Там, где будут нынешние приспособившиеся…

Роман о рабочем классе тут же дал квартиру, членство в Союзе Писателей и в рядах партии, синекуру в аппарате СП: ответственный секретарь, не хвост собачий! – две литературные премии… Меня почтительно усадили за стол с красной скатертью в самом центре, откуда я свысока посмотрел на «производственников»: ну, что, убедились, что фантастику писать сложнее? Придурки, надулись как индюки, посинели от злости. Щас, начну писать эти производственные романы и дальше, хватая дачи, машины, награды, оттеснив их на окраину…

Ессно, если бы я не был Никитиным. Тут же издал «Шпагу Александра Засядько» («Золотая шпага»), за которую Кравчук, тогда замсекретаря ЦК Компартии Украины, яростный и непримиримый сталинец, борец с украинским национализмом, а позже – президент Украины и яростный борец за украинскость, – занес в «черные списки» с запретом печататься, упоминаться в прессе и пр., т.е. я разом потерял все, что получил за производственный роман.

В Харькове от меня шарахнулись все, кто совсем недавно набивался в друзья. Образовалась мертвая зона в местном отделении Союза Писателей, и когда я выходил в коридор, оттуда

сразу же испарялись курильщики. Я тут же перестал ходить в это такое дорогое и близкое мне здание.

Снова пошел литейщиком, благо здоровье позволило бы это сделать и сейчас при необходимости. К счастью, в Москве наплевать на украинский национализм, а меня на Украине объявили одним из молодых лидеров украинского национализма. Я вскоре прошел по конкурсу на ВЛК, где тут же встал вопрос о моем исключении, но за меня поднялись вээлкашники, а это сорок литературных звезд, лауреатов Украины, Узбекистана, Грузии, и всех-всех остальных республик, и кончилось тем, что исключали преподавателей, с которыми я задирался, а мне – строгача с занесением, но об этом чуть позже.

Через два года вернулся на Украину, но там все те же «черные списки» и запрет на публикации. Пришлось эмигрировать в Россию, в Москву, но первая публикация все же только в перестройку, в 1985 г. – «Далекий светлый терем», 100 тыс. тираж, Москва, Мол. Гв. «Б-ка советской ф-ки».

Нет, об этом надо подробнее, а так черт-те что получается. Скороговорка какая-то. Все было весьма драматичнее и характерно для того времени, для той эпохи, потому стоит дать хотя бы с минимумом подробностей.

Между блистательным успехом романа «Огнепоклонники» и отбытием в Москву на учебу кое-что произошло весьма важное, к чему надо вернуться, чтобы рассказать подробнее.

Первое, это ко мне зачастили корреспонденты. Сперва центральной прессы, потом республиканской, а уж после всех – областной, ну это же понятно, нет пророка в своем отечестве, для камердинера нет героя, и все такое: в Харькове с изумлением узнали от столичных товарищей, что у них в Харькове вот взяла и расцвета пышным цветом литературная суперзвезда прямо в середке рабочего класса, что так нужно, своевременно об этом писать и писать, зарабатывая на репортажах, заполняя страницы прессы всякой херней, которую никто не читает, а пролистывает, спеша добраться до телепрограмки и уголка юмора.

По телевидению прошли инсценировки «Огнепоклонников», актеры выкладывались во всю, это не какая-нибудь хрень вроде чеховской «Чайки», то баловство, а инсценировка романа на рабочую тему – дело нужное и политически выгодное. Пару раз я сам подолгу рассказывал с голубого экрана, какой я талантливый и круче всех, но довольно быстро заметил, что всем нужно в первую очередь сказать громко и ясно, глядя в объектив, что я – из рабочих, сам трудился в бригаде литейщиков, и трудился не

потому, что меня туда послали собрать материал для написания романа, а потому, что это и была моя работа!

Я озлился и послал всех, в том числе и только что прибывших корреспондентов «Правды» и «Социалистической индустрии». Ах, мол, так я для вас что-то вроде говорящей обезьяны? Да пошли вы все, я вам докажу, что вне зависимости, кем я работал и какое у меня образование, я – лучше всех! И никто не пишет лучше меня.

И тут же написал книгу о своем земляке, Александре Засядько, соратнике Суворова и Кутузова, который изобрел ракетное оружие, разработал теорию ракетной тяги, создал ракетные войска и с их помощью взял одним залпом из ракетных установок турецкую крепость Варну, которую до того безуспешно полгода осаждали русский войска. Война после того знаменитого ракетного обстрела была спешно закончена, с Россией заключили мир, Засядько стал полным генералом, наконец-то женился. Вся его история выглядит фантастикой, но в его жизни нет ни грани вымысла, я готовил книгу сперва для «ЖЗЛ», но издал в «Молоди», украинском аналоге «Молодой гвардии».

Конечно, книга выглядела крамольной, редакторы это видели, но их, как и меня защищало мое пролетарское происхождение. К тому же я недавний лауреат, в прошлом году (1978-м) переизданы «Огнепоклонники», снова триумф и еще одна литпремия, а премии, как известно, даются только своим проверенным товарищам. Так было тогда, и так, как вы все знаете, сейчас…

Книга отпечатана, первые экземпляры, как положено, кладут на стол пламенного ленинца-коммуниста, борца с украинским национализмом, секретаря ЦК Компартии Украины по идеологии и пропаганде Кравчука… да-да, того самого, кто после отделения Украины «перестроился» и в течение одной секунды из пламенного интерналиониста стал пламенным националистом, борцом за украинизацию Украины.

Что делает Кравчук? Прочел первые главы, пришел в ужас и велел весь тираж, что все еще в типографии, уничтожить. Дальше развивалась весьма детективная история, ибо до пленума партии два месяца, другие люди из партаппарата звонили директору и требовали подождать, так как есть вероятность, что Кравчука снимут. Директор, оказавшись между двух огней, каждый день изобретал причины, почему тираж все еще не порезан в лапшу: то рабочие запили, то машина сломалась, то ножи затупились.

Наконец Кравчук буквально перед пленумом приехал в типографию и лично проследил, чтобы весь тираж уничтожили в его присутствии. Однако за эти два месяца рабочие наперебрасывали через забор столько книг, что на черном рынке

ими торговали беспрерывно. Я тогда с гордостью говорил приятелям, что моя книга стоит в несколько раз дороже, чем модные тогда сборники Гумилева, Ахматовой, Киплинга, Цветаевой. И еще эту книгу продавали в киоске «для своих» в здании ЦК Компартии Украины. Я сам там купил экземпляр. Хотел два, но не дали: дефицит!

Однако меня внесли в «черные списки», а это означало запрет публикаций где бы то ни было, запрет на упоминание моего имени (похоже, в некоторых изданиях эти люди все еще остались до сих пор, вы сами знаете, где фамилию Никитина нельзя даже упоминать), я лишился сразу и работы в аппарате Союза Писателей и… словом, оставалось только идти снова в литейный цех, потому что я привык получать хорошие деньги, а в литейном платят примерно впятеро в сравнении с инженером и втрое – с квалифицированным слесарем.

Но еще до внесения меня в «черные списки» из Москвы пришла разнарядка на одно место на двухгодичных Высших Литературных Курсах в Москве. Как ни морщились местные авторитеты, но я оторвался от них на целый порядок, и кого посылать – иного мнения быть просто не могло. Мои документы были отосланы в Москву, я со дня на день ждал сообщения о зачислении.

Я ждал и ждал. Но все сроки прошли, и тогда я догадался, в чем дело, пошел на дикий шаг, который кажется просто невероятным разумному человеку: взял экземпляр «Шпаги Александра Засядько» и послал бандеролью на адрес ВЛК в Москву. И приписал, что вот за эту книгу я и занесен в «черные списки».

Большое спасибо, да что там спасибо – неимоверная благодарность проректору ВЛК Николаю Горбачеву и отдельно – ректору Литературного института Пименову. Дело в том, что вдогонку за посланными в Москву документами из Украины пришла партийная директива с указанием, что Никитин – инакомыслящий, неблагонадежный, принимать на ВЛК нельзя, вместо него пришлют другого. Такое же указание Горбачев получил из партийных органов. После чего он сказал: а ну-ка, посмотрим, что это за такой неблагонадежный, что написал. Если слабо пишет, то в самом деле неблагонадежен…

Он взял «Шпагу Александра Засядько», раскрыл и стал читать. Прочитав главу, не отрываясь, он нащупал спинку стула и сел, продолжая читать. И так прочел по меньшей мере половину книги. После чего сказал твердо: я его приму, несмотря на все указания!

И – я был принят на ВЛК.

Конечно, сыграла роль и некая удача: дело в том, что книга начинается со слов: «Преподаватель баллистики подполковник Кениг решил сократить путь к выходу из училища и пошел через зал для фехтования. Сюда он редко заглядывал, ибо упражнения со шпагой нелепы человеку, привыкшему рассчитывать траектории огромных чугунных ядер. А ядро сшибет с ног слона, не только человека со шпагой или чем-то еще колющим-рубящим в руках…»

Николаю Горбачеву, проректору ВЛК, одновременно подполковнику артиллерии, это тоже казалось нелепым, он привык рассчитывать траектории артиллерийских снарядов и считал артиллерию богом войны. Начало книги его зацепило, а дальше у меня написано так, что не отпустит любого, будь это полковник, домохозяйка или школьник.

Я был принят на ВЛК. Подчеркиваю, несмотря на указание сверху не принимать. Тем самым было показано, что и партийная машина не всесильна, сильные люди могли выстоять, а прошедший войну Николай Горбачев был очень сильным человеком и мог вступиться за совершенно незнакомого человека уже только потому, что считал того правым.

Не зная, что я «крамольный» и только чудом попал на ВЛК, наши члены партии предложили меня в секретари партийной организации, но руководство мудро сочло такое слишком уж большим вызовом партийной бюрократии Москвы, умело подготовило и провело собрание, в результате секретарем избрали Мишу Казидуба, хорошего и сильно пьющего, что еще больше придавало ему симпатии, поэта из Украины.

Общежитие Литинститута располагается на улице Добролюбова, дом одиннадцать, старинное шестиэтажное здание с очень высокими потолками. Пять этажей отданы студентам, шестой – слушателям Высших Литературных Курсов. На шестом этаже всего сорок комнат, это число задает количество принимаемых слушателей: сорок человек.

Потому же и ведут этот набор от начала и до конца в течение двух лет, потому что новых могут набрать и поселить только тогда, когда эти освободят помещение.

Шестой этаж – элита. Уже по тому, что каждому по комнате, в то время как на этажах ниже студенты живут по двое. Кроме того, у нас стипендия – триста рублей в месяц, это при зарплате рядового инженера в сто двадцать.

Чуточку вернемся, первый день в общежитии Литинститута

начинался тоже очень-очень интересно. Я не стал бы о нем упоминать, хотя я и там герой и красавец, что естественно, ну вот такой я. Однако эту стекляшку отберем потому, что она необходима, как очень-очень характерная деталька того времени.

Последний день августа, завтра уже первое сентября, идет 1979 год, начнутся занятия, а сейчас я торопливо сложил вещи в отведенной мне комнате, спустился вниз, надо успеть что-нить купить на ужин. В холле молодые парни, сильно поддатые, пытаются прорваться по лестнице наверх, их удерживает старушка-вахтерша, еще несколько студентов вызвали лифт и ждут, когда спустится. Ну не могут наши будущие поэты и писатели подниматься по лестнице! Целых пять этажей для студентов в шестиэтажном здании!

Вахтерша кричала возмущенно:

– Возвращайтесь в свое общежитие!.. У вас там что, своих девушек мало?

– А мы хотим поэтес, – нагло ответил один, крепкий красномордый парень громадного роста. – Они у вас тут все раскованные, свободные…

– И умелые, – добавил второй и захохотал. – Очень даже…

– Уходите!

– Мамаша, не шуми…

Несколько бледных парней стоят наверху, прижимаются к стенам, никто не решается пикнуть. Вниз сойти боятся, хотя явно намеревались выйти на улицу. Только один, крепкий, как бычок, черноволосый, с курчавыми волосами, сбежал по ступенькам и крикнул гневно:

– Да как не стыдно разговаривать так с уважаемой женщиной?

Говорил он с сильным кавказским акцентом.

– Да пошел ты, чурка!

Черноволосый резко и быстро двинул его кулаком в морду. Тот, не ожидавший удара, завалился на своих дружков, но тут же выровнялся, заорал что-то грязное матерное. Я быстро сбежал и сбил с ног его соседа, потом развернулся и сшиб второго. Мы дрались вдвоем, затем еще двое парней сверху вступили в драку.

Схватка была жестокой, хотя мы вчетвером дрались против восьмерых. Кровью забрызгали кафельный пол, работяг избили и выбросили с крыльца. За последним с такой силой захлопнули дверь, что тот не успел убрать ногу, и ему перебили дверью голень. Кость хрустнула, как мелкая ветка, какие я ломал в тайге для костра.

Избитых пришлось забирать на двух машинах «Скорой помощи», но начавшийся скандал замяли, тем более что со

стороны избитых работяг письменных жалоб не поступило. Там же в холле мы осмотрели друг друга: четверо, что бросились в драку за честь наших женщин, которых мы еще не видели, но все равно уже наших.

Черноволосый протянул руку.

– Сиявуш Сархан-оглы.

– Юрий Никитин, – ответил я, пожимая руку.

– Бадрутдин Магомедов, – сказал третий, светловолосый и голубоглазый с внешностью истинного арийца.

– Абдулла Шер, – назвался четвертый.

Мы посмотрели укоризненно на остальных, человек пятнадцать парней высыпало смотреть на драку, где мы дрались с толпой, но никто не осмелился нам помочь. За женщин Литинститута вступились, повторяю: Сиявуш – азербайджанец, Бадрутдин – кумык, Абдулла – узбек и я… украинец. В смысле, я прибыл от Украины, как Сиявуш от Азербайджана, Абдулла от Узбекистана, а Бадрутдин – от Дагестана. И – ни одного русского, хотя русских парней на лестнице, у лифта и на этаже выше стояло, со страхом наблюдая, еще человек, как я уже сказал, пятнадцать, если не больше.

С тех пор мы сдружились, нас начали называть четырьмя мушкетерами. Сиявуш как-то подсчитал, что из нашей четверки обязательно что-то общее у троих, а у четвертого – нет. К примеру, трое мусульман, четвертый – нет, трое поэтов, четвертый – прозаик, трое членов партии, четвертый беспартийный, трое с высшим образованием, четвертый – нет, у троих мальчик и девочка, у четвертого – две девочки… и так далее, до бесконечности. Даже трое черных, как жуки, а четвертый – светлокожий блондин, как и положено… кумыку.

А теперь та характерная деталь, ради которой поместил этот случай. Почему ни один из русских не вступился за женщин?

Со мной получилась, как всегда со мной получается, веселая штука: до меня в этой комнате жил самый хозяйственный человек во всем предыдущем выпуске, уже не помню, как его звали, энергичный такой украинец с полтавской фамилией. Он сообщил, когда я вселялся, что оставляет мне в подарок все хозяйство, которое он накопил за два года учебы: кастрюли, сковородки, тарелки, чашки и все тому подобное.

Как потом выяснилось, одних только сковородок оказалось штук тридцать: от гигантских чугунных, которые нужно поднимать двумя руками, до крохотулечек, где помещается одно перепелиное яйцо. Так что я первые два-три месяца все это хозяйство раздавал всем, кто изъявлял желание им

воспользоваться: в первую очередь, конечно, Абдулле Шеру, знатоку Корана и Шекспира, прекрасному поэту и переводчику, а также прекраснейшему кулинару, что мы ценили, ясно, намного больше.

Мы – это Бадрудтин, Сиявуш и я, всегда торчали за спиной Абдуллы, когда он готовил сразу на четырех сковородках, и канючили: ну хватит, уже готово, пора жрякать, ну что ты там возишься, переготовится же…

Дело в том, что я – единственный во всем выпуске ВЛК, кто ни разу так ничего себе и не приготовил на этой кухне. Лишь в первые дни решил было сварить яйца, налил в кастрюлю воды, положил туда два яйца и поставил на огонь. Стоять там же на кухне и ждать – глупо, ушел в свою комнату, но в общаге не бывает так, чтобы дошел туда, куда направляешься, так что я зашел к одному, потом к одной, затем с кем-то что выпили…

С кухни наконец потянуло дымком. Я, уже забывший о поставленной на огонь кастрюльке, случайно шел мимо и тут увидел на огне оплывающую, как воск, раскаленную кастрюльку. Из нее вьется дымок. Подбежав, я увидел на дне два догорающих уголька.

– Ну что же никто не выключил? – закричал я.

На кухне у других плит находилось несколько человек. Кто-то ответил смущенно:

– Извини, Юра… Но кто же знал, что это не какое-то национальное блюдо…

С тех пор я уже не брался готовить, лопал то, что готовил Абдулла, а готовил он просто сказочно, потом кормился у студенток, а затем и у всяких разных москвичек: вдобавок к нехилой стипендии я много публиковался в московских журналах, брал на рецензии рукописи, успевал работать много, все это давало еще около семисот рублей в месяц, так что никому должен я не оставался.

Литинститут состоит из трех корпусов: здание для студентов, здание для Высших Литературных Курсов и столовая. По возрасту и внешности мы практически не отличаемся от студентов, но овеяны неким ореолом: ведь мы все *уже* писатели, даже члены Союза Писателей, молодая писательская элита, а после окончания этих двухгодичных курсов нас всех поставят директорами издательств и главными редакторами этих же издательств и литературных журналов, то есть уже сейчас мы – будущее литературное начальство, от которого зависит судьба их рукописей.

Просто неловко видеть в их глазах смесь ненависти, зависти

и заискивания.

Первая лекция по литературе. Преподаватель, степенный седой профессор, неспешно читает что-то о языке. Я вслушался, насторожился, изумился, тихонько оглянулся. На всех лицах одинаковое выражение радостного изумления. По рядам пополз шепот: «Ого!.. Что он говорит?.. У нас бы за это не только выгнали, но и посадили…»

Это шептали и литовец, и грузин, и белорус, и казах. Уже потом я ощутил, что это и есть великодержавная русификация. Вроде бы никакого насилия, а всего лишь больше свободы здесь, в России. Там на местах двойной гнет: из Москвы и плюс свои местные царьки, а здесь можно и поговорить свободнее, и запрещенные книги почитать: для нас, слушателей ВЛК, большие льготы в области посещения закрытых отделов библиотек и всевозможных архивов. Вот так и утекают мозги из других республик в Россию, желательно в Москву. А в Москве потихоньку забывают свой язык, свою культуру…

Собственно, я уже не чувствую себя украинцем, после того, как украинцы от меня в испуге отвернулись, как эти подлые трусы в общежитии Литинститута, и еще после того, как Россия приняла меня на ВЛК, несмотря на посланные вдогонку из Украины указания.

Но все-таки симпатии к Украине тлеют, тлеют. И гаснуть не собираются.

Сегодня первое общее партсобрание всех коммунистов Литинститута, от вээлкашников и преподавателей до студентов. За это время, не помню, сколько прошло: от пары недель до пары месяцев, но уже как преподаватели, так и уборщицы знают, кто из нового состава ВЛК силен, а кто просто так, кто пойдет дальше, а кто сопьется…

…и вот рядом со мной села очень красивая девушка, элегантная и одетая не просто прекрасно, но строго и со вкусом, я ее встречал в библиотеке института, она выдавала книги. Пока шел скучный отчетный доклад о проделанной за истекший период работе, она быстро проверила тетради с уроками по английскому языку. Оказывается, несмотря на молодость, преподает, как сообщила мне мимоходом, на курсах по изучению английского, а тогда таких курсов на всю Москву раз-два и обчелся. Закончив с тетрадями, от нечего делать предложила сыграть со мной в слова. Я, чемпион, охотно согласился, она выбрала слово и, демонстрируя суперинтеллект, обыграла меня с такой легкостью и с таким преимуществом, что просто чересчур,

такое может быть только по хорошо выученным словам.

Я присматривался к ней, умной, красивой, быстрой, очень работоспособной, уже занимающей какое-то положение. Попутно и как бы невзначай обронила, что у нее очень богатые родители, у них связи, а у нее огромная отдельная квартира в центре города…

В действие вступила стандартная московская схема: местная семья внимательно высматривает среди приехавших в Москву учиться талантливых провинциалов, затем намеченного знакомят с хорошей поспевшей москвичкой, заключают брак. Если при любой сделке якобы одна сторона проигрывает, то при подобных выигрывают обе стороны, выигрывают много.

Провинциал сразу получает прописку, что значит возможность жить и работать в Москве, этом закрытом городе, куда другие только мечтают попасть, получает место для жилья, московская родня жены заботливо решает все семейные и бытовые проблемы, а ты, дорогой, работай, работай, работай. Мы поможем подниматься по служебной лестнице, у нас везде связи. Мы, московские семьи, давно проросли корнями во все структуры, ты только продолжай с тем же напором, с каким начинал!

В то же время московская семья защищена надежно: брак в течение пяти лет любой суд признает фиктивным, и мужа-провинциала в тот же час лишат московской прописки и права на жилье. А за пять лет даже тот, кто лелеял мечту пожить с москвичкой, встать на ноги да освободиться, чаще всего смиряется с судьбой. К тому же и жена чаще всего оказывается вполне нормальной женщиной, и ее родители помогают всерьез, ведь он – локомотив, тащит их всех.

Из каждого потока ВЛК один-два, а когда и больше остаются в Москве подобным способом. Весьма нечестным, на мой взгляд, ибо большинство к этому времени уже давно женаты и обросли детьми. В Литинституте на последнем курсе всегда начинается суета, в спешке ищут подходящие браки, то же самое в университете, в любых институтах, где учатся провинциалы.

Один из виднейших советских писателей, лауреат Сталинской… то бишь Государственной премии, ветеран войны и близкий друг Николая Горбачева, проректора ВЛК, читал нам лекцию, а потом, оставив нас после лекции, начал рассказывать, как он однажды ездил за рубеж и что там видел. Всех это раздражало, все потихоньку бурчали и отводили взгляды – только я, конечно же я, идиот! – встал и попросил закончить на этом, так как нам сейчас идти на овощную базу перебирать картошку, а мы еще не успели перекусить.

Лауреат взбеленился, едва удар не хватил: еще никто и никогда перечить не смел! Тут же наорал на меня, затопал ногами, его затрясло, побагровел, брызгал слюной, я взбеленился сам, поднялся снова и сообщил, что я тоже – член Союза Писателей СССР, тоже лауреат литературных премий и не позволю на себя орать даже Господу Богу…

Разговор набрал обороты, кончилось тем, что лауреат заявил, что либо он, либо этот Никитин, которого и так приняли на ВЛК вопреки настойчивому совету компетентных органов отказать в приеме. Меня посылали к нему извиняться, я отказался. Наверху подготовили приказ о моем отчислении, и тогда оставшиеся мушкетеры: Сиявуш, Абдулла и Бадрутдин, заявили, что тоже уходят с ВЛК, возвращаются в свои республики, где расскажут, как обращаются с писателями из национальных республик, Юра – ты же свой, ты же не русский, ты – украинец!

Подключилась к этому скандальному делу и наша эстетствующая группа во главе с прекрасным тонким поэтом Володей Арро из Ленинграда. Тоже пошли к ректору, объяснили, насколько увольнение Никитина нанесет ущерб репутации Литературного института. Ведь лауреат явно не прав, все слушатели ВКЛ присутствовали при том инциденте, пойдут разговоры…

Скандал закончился тем, что ну никак не могло произойти ни в одной республике, кроме России, ни в одном учебном заведении, кроме Литературного института: преподавателя-лауреата уволили, а мне, чтобы не заносился, влепили строгий выговор… без занесения. А ректору Литинститута Пименову отдельная и самая горячая благодарность за то, что он пошел на неслыханный шаг: встал на сторону правого, а не сильного. Приказ о выговоре провисел год, а потом все благополучно затихло.

И я окончательно стал русским писателем. И с того дня на украинском больше не написал ни строчки, что для студента, вообще-то, что с гуся вода. А то и как орден за отвагу.

Нас разделили по жанрам: прозаики в одну кучку, поэты в другую, а была еще секция драматургов. Самая многочисленная, конечно, у нас, прозаиков. Преподаватели напирали на язык, на совершенствование языка, на работу с языком, на обогащение языка. Все это подтверждалось такими весомыми аргументами, а я был настолько захвачен и ошеломлен перспективами, что с головой ушел в это самое совершенствование, очень быстро стал сильнейшим по виртуозности языка, по красоте и утонченности метафор и прочих завитушек речи.

Мои произведения, разбираемые на семинарах, профессора зачитывали вслух, ставили в пример. Не скажу, что это нравилось остальным, все мы – соперники, но язык произведения – такая простая и доказуемая вещь, что профессионалам все же видно, кто сильнее, кто слабее.

И только на втором году учебы я заподозрил, что нам преподали только азы. То ли потому, что сами преподаватели не знают ничего выше, то ли потому, что остальное трудно и преподавать и еще труднее доказывать. Очень легко написать: «У попа была собака», а потом доказать на примере, что от перемены порядка слов, кардинально меняется смысл. Это доказать можно не только уже подготовленному слушателю, какими являемся мы, но и любому грузчику. Причем доказать легко, грузчик вынужденно признает и согласится.

А вот начинать доказывать, как создавать образ, что на порядок выше, чем виртуозное владение словом, сложно даже для самых подготовленных. Уже потому, что образ можно создавать десятками, если не сотней способов, все эти приемы еще не разобраны и не классифицированы, преподавать их дьявольски трудно… и, кроме того, придется преодолевать неприятие доводов: никто из нас не любит, когда его учат. Особенно не любят писатели. Ведь каждый уверен, что именно он призван учить других. Вообще учить и вести человечество.

Во всяком случае, абсолютное большинство наших вээлкашников так и осталось до конца жизни «овладевать языком». С сочувствием замечу, что для них и эта простая задача оказалась не по плечу: никто из моих сокурсников так и не отметился даже в виртуозном жонглировании словами. Из всего курса впоследствии встречал только имя Владимира Арро, драматурга, он стал председателем Ленинградской писательской организации, но как насчет собственно литературы, просто ничего не знаю.

Я же, отложив строгать завитушки в языке, начал строить большие формы.

При системе, когда писатель может издавать не больше чем одну книгу в три года, прокормиться на гонорары трудно. Для этого писатели старались пристроиться на работу в издательства или журналы. Таким образом и работа близкая к специальности, и близость к кранику, где можно и самому отхлебнуть, и приятелей подпустить слизнуть каплю, в то же время отпихнуть тех, кто не желает кланяться. Того же Никитина, к примеру.

И хотя была сверху спущена директива, что автор не может публиковаться в журнале чаще, чем дважды в год, а в

издательстве – раз в три года, но пристроившиеся в издательствах изобрели способ, названный перекрестным опылением: ты печатаешь меня в своем журнале, я тебя – в своем.

То же самое в издательствах. Сразу заметили, что кого бы ни приняли редактором, тот сразу же начинает писать и публиковать книги. Даже если никогда в занятиях литературой замечен не был. Публиковать свои бесконечно слабенькие книжонки, публиковать огромными тиражами, а ведь издательству выделялось бумаги, строго по плану, определенное количество! Больше расходовать просто невозможно, какие бы гениальные произведения ни появились.

Надо ли говорить, что, когда пришла пора коммерческих изданий, все эти редактора-писатели, как и кукольные диссиденты, разом исчезли без следа? А вместе с ними и собутыльники, среди которых распределяли оставшуюся бумагу?

При этой системе, понятно, у меня публиковаться практически не было шансов. В то же время очень не хотелось идти в грузчики или укладывать асфальт на дорогах. Я продолжал писать. Талантливый и неглупый человек всегда найдет выход, я попросту начал продавать свои рукописи тем, кто уж очень хотел стать писателем, но… не мог. Ума и таланта не хватало, скажем прямо, чего хитрить?

Я продавал рукопись за ту же цену, которую получил бы в виде гонорара. Мой клиент платил мне по получении рукописи, а уж как будет устраивать – не мое дело. Обычно они делали так: приходят, кладут рукопись на стол и говорят, мол, гонорар меня не интересует, я его отдаю полностью вам. Вы только опубликуйте… Понятно, что с такими заявлениями приходят в редакцию постоянно, потому редактор начинает читать весьма скептически, но вдруг видит, что рукопись очень даже ничего, можно публиковать, даже похвалят, что отыскал талантливого автора.

Если даже кто из редакторов и догадывался, что автор не совсем автор, никто не выступал с разоблачениями. Такое ничего не даст, зато хорошая сумма будет потеряна, так что рукопись публиковалась, потом «автор» приходил ко мне еще за одной, так как только для подачи заявления в Союз Писателей СССР требуется две книги, дескать, одна может быть случайностью. Я передавал вторую на тех же условиях, и… вскоре вот еще один новый член Союза Писателей СССР, который сразу же бросается пользоваться всем набором льгот, которыми при Советской власти пользовался любой писатель: выезд в зарубежные поездки за счет Литфонда, бесплатные дома творчества в Коктебеле,

Пицунде, Переделкино и других прекрасных местах, элитные больницы и поликлиники для писателей, спецталоны на продукты, особая билетная касса во все театры, квартиры вне очереди, машины, дачи, участки под них и многое-многое другое, чем я никогда не пользовался.

Таким образом в члены Союза Писателей СССР с моей легкой руки поступило несколько человек. Я не считаю это каким-то проступком, ибо в Союзе Писателей СССР насчитывалось десять тысяч этих самых членов. На Кавказе, к примеру, в члены Союза Писателей вступали целыми аулами. Раскройте старый справочник членов Союза Писателей, там фамилии «Алиев» или «Алимов» встречаются в сорок раз чаще, чем «Иванов» или «Петров». Даже чаще, чем «Коган» или «Рабинович». Так что не надо, не надо о том, что такое хорошо, что такое плохо.

Конечно, я никогда никому не назову этих людей, условия сделок блюду, а с системой власти договор о честной игре не заключал. Как она со мной, так и я с нею. Таким образом я жил безбедно, зарабатывал именно на писании повестей и романов, набивал руку, не терял форму, и, когда пришло время ломки старого строя, я был готов, мускулы в порядке. А те, которые все по блату, по знакомствам, по связям, – при нынешнем гамбургском счете забились в норки и жуют втихую сопли да пишут пакости в Интернете на сайтах более успешных, прячась под разными никами.

Неприятный момент – наркотики. Хотелось бы полностью обойти его, но тогда те, кто знает меня с тех времен, ехидно спросит: почему обходишь острые углы? Хочешь быть чистеньким?

С наркотиками познакомился еще на Крайнем Севере среди зэков, большинство курили «план» или анашу, а когда приехал оттуда – в городах все носятся с какими-то битлами, заговорили о свободе секса, одновременно с этим нахлынуло влечение более мощными наркотиками. Нет, совсем не та волна, что захлестывает теперь, но я был в числе первых, кто присосался к этому ручейку.

Естественно, из простого любопытства, других причин не было. Мужчинами вообще движет любопытство и жажда пойти за горизонт, узнать новое, незнаемое, а я этим наделен сверх меры. Так что и в Харькове, а потом в Москве, где Литинститут… ах, Литинститут – свобода всех от всего!

Так вот, бросить наркотики мне было куда труднее, чем курить. Но бросил. Сам, без всякой помощи. Просто я все время помнил, что я – ценность, что рожден что-то совершить, что-то

доказать, что-то сделать, а наркотики заставляют сойти с беговой дорожки в самом начале!

Потому, как побывавший в том мире, и говорю всем, кто еще не пробовал: *не надо.* Не нужно и приближаться к тому миру. Тем более, не нужно вступать через порог даже одной ногой в надежде, что только посмотрите, а там можно уйти. Увы, скорее всего, уйти не успеете.

Если для того, чтобы стать курильщиком, надо выкурить хотя бы пару пачек сигарет, а чтобы превратиться в алкоголика – выпить пару ящиков водки, да и то ими становится далеко не всякий: мое выпитое измеряется не ящиками, а заполненными складами или доверху груженными «КамАЗами», то с наркотиками все намного опаснее.

К сожалению, наркоманом можно стать с одной-единственной дозы. А вот вырваться из этого мира очень трудно. Не у всех есть такая сильная доминанта, как потребность творить, строить, ломать, перестраивать мир, совершать революции или контрреволюции. Абсолютное большинство жаждет просто хорошо устроиться в жизни, получить непыльную работу, где напрягаться не нужно, а жалованье чтоб побольше, побольше. Вы помните классическую формулу успеха, которая гордо и хвастливо звучала то у одного, то у другого: «Классно устроился! Платят хорошо, а делать ничего не надо». Вот эти наверняка попадут с первой же дозы. И чтобы вытянуть их – потребуется штат суперспециалистов, да и то… вытянут ли?

Так что еще раз – не надо. Ни разу. Если устал, голова не варит – поможет чашка крепкого кофе. Кофе подстегивает меня вот уже много-много лет и вполне справляется с задачей. Или, как сказали бы врачи, убивает. Да, убивает меня уже полвека. Сейчас я пью по восемь чашек в день, мой кофе крепкий и такой густой, что можно буквально намазывать на хлеб. Чашки большие – из таких пьют чай. Правда, давление все выше и выше, но, во-первых, недавно в кофе нашли и что-то очень ценное, что укрепляет здоровье, а во-вторых, перекрывает главное: я работоспособен с утра до ночи, голова всегда ясная, никогда никакого «устал, голова не работает».

Закончив ВЛК, я вернулся в Харьков, где по-прежнему в инакомыслящих, лишенный всего, что получил тогда с легкостью. Мыкался некоторое время, собрался снова на завод в литейный цех, но затем «вернулся к старому», продолжил работу «под черным плащом»: продавал рукописи богатым ребятам из торговли, у которых уже «есть все», за исключением красной корочки, а с членским билетом Союза Писателей СССР они

получают доступ во многие закрытые заведения, в престижные дома творчества, им открываются зарубежные поездки, появляется возможность общаться с теми людьми, кто умрет, но не допустит в свое окружение торговца. Ну вы поспрашивайте, какая при Советской власти была репутация у торговцев.

Так с моей легкой руки и в Харькове несколько человек стали членами Союза Писателей СССР, а я получил возможность продолжать жить писательским трудом.

Как-то, удачно продав рукопись, веселый и с двумя толстыми пачками купюр в карманах, я возвращался к себе на Журавлевку, когда из телефонной будки донесся веселый женский голос:

– Юра?.. Погоди минуту!

Торопливо повесив трубку, выскочила яркая девушка со смеющимися глазами. Я молчал, рассматривая ее с удовольствием: юная, созревшая, в открытой блузке с голыми плечами и обнаженной полоской животика, в короткой мини-юбочке. Тугая красиво очерченная грудь, понятно, не признает лифчиков, да эти штуки ни к чему с такой идеальной формой, вот только соски уж очень оттопыривают тонкую ткань. Чистое открытое лицо со смеющимися синими глазами кого-то напомнило.

– Я Линда, – назвалась она, – моя мама – Оля Онищенко!.. Твоя одноклассница!

В сердце легонько кольнуло, ах да, вот почему она показалась знакомой: та же синеглазость, непривычная для девушки с полтавской фамилией, округлость лица… да и вообще они с Олей – как две капли воды, а разница только в ультрасовременной одежде, когда уже и открывать, кажется, нечего, в то время как Оля была… не скажу, что старомодной, но тогда все ходили в длинных юбках, яркие цвета считались развратом, кофточки обязательно с длинными рукавами, даже волосы открывать считалось неприличным.

– Рад тебя видеть, – сказал я, – ты очень похожа на маму. А где она?

– С отцом с утра умотали на дачу, – прощебетала она. – Не знаю, что за удовольствие возиться с грядками?.. А они там все выходные…

Разговаривая, она взяла меня под руку, мы пошли по направлению к трамвайной остановке, потом лицо Линды вдруг озарилось улыбкой до ушей, глаза засияли, она с силой потащила меня в сторону.

– Ты на трамвай? Нет, сперва заглянем на минутку к нам!.. Я расскажу родителям, что у нас побывал наш знаменитый земляк. У нас на самом видном месте твои книги. Подумать только –

писатель! Мама сгорит от любопытства. Да и отец… ты, может быть, его вспомнишь, Игнат Сухоруков? Он закончил вашу школу на три года раньше, жил тогда на Ольгинской…

Игната я вспомнить не мог, тогда все, кто был старше хотя бы на год, воспринимались стариками, а младшие – малявками. Существовали только свой класс и параллельные, я с иронией подумал о таком восприятии времени, не слишком и сопротивлялся, когда Линда затащила по дороге в их домик. Это совсем рядом с остановкой и когда проходит трамвай, посуда в комнате позвякивает.

Все та же обстановка, словно и не прошло столько лет, но это смотря у кого как оно идет. Это я успел исколесить всю страну, сменил тридцать две профессии, у меня две трудовые книжки с вкладышами, еще чуть-чуть – и пришлось бы в отделе кадров заводить третью, я бывал на коне и под конем… и еще побываю, а здесь жизнь если и не стоит, то течет… очень медленно.

Линда крутнулась посреди комнаты, спросила весело:

– Что будешь: чай, кофе?

– Да ничего не надо, – пробормотал я.

– Ну ладно, – решила она, – тогда сразу и приступим.

Стоя передо мной лицом к лицу и глядя в глаза, она взялась за края маечки и легко сняла через голову. Тугие белоснежные яблоки тут же заалели красными ореолами. Я все еще смотрел туповато, Линда засмеялась и начала расстегивать на мне рубашку.

Брюки я снял уже сам. Яркий солнечный свет льется в раскрытое в сад окно, колышет занавеску. Линда раскинулась на постели нагая, загорелая, белые полоски кожи подчеркивают глубину загара. Алые кончики начали приподниматься, сужая красные кружки, грудь достаточно крупная, при ее-то худобе, ребра проступают сквозь кожу, животик плоский, хотя и с необходимой для изящества тоненькой полоской подкожного жира. Треугольник золотых волос… наверное, как у ее мамы, но те я никогда не видел. Тогда видеть женщину обнаженной считалось развратом, все происходило только в темноте, а сейчас яркое солнце, а Линда, перевернувшись, ловко уселась на меня верхом, в глазах смех.

– Не спеши, – сказала она понимающе, – нас никто не торопит. Понаслаждаемся…

Да, похоже, она прочла больше книг, чем я. Мне тогда хватило одной-двух, чтобы ощутить полное преимущество над сверстниками и воспользоваться в полной мере, а потом читал уже другие книги, мужчина – не мужчина, если не развивается, не двигается по лестнице эволюции вверх, развивая мозг и тело, а

женщинам важнее читать эти книги… Хоть они все начинают делать позже, чем мы, но в чем-то они нас превосходят.

Я отдался ей во власть, а Линда, разгораясь, показала себя во всей свободе и раскрепощенности, которой даже бравировала и всячески подчеркивала. Я отвечал всем и на все, страшась показаться старомодным, ведь я сам двадцать лет тому проповедовал эти свободы, а сейчас вот они меня догнали. Стало жарко, оба вспотели, Линда придумывала что-то и свое, чего я не читал ни в одних книгах по технике секса, и наконец мы, выложившись одновременно, распластались, как выпотрошенные рыбы, часто дыша, нагрев воздух в комнате еще градусов на пять.

Потом она ходила голенькая по комнате, сейчас лето – жарко, сделала кофе, не потрудившись надеть даже трусики, мы пили из крохотных чашек, сидя на кухне, я подумал, что сейчас вот исчезает это когда-то пугающее слово «разврат», приходит новая формула, которую старшее поколение все еще не принимает и не примет: все, что делают в постели мужчина и женщина, – нормально и законно, ничего развратного в этом нет. Разврат – это когда мужчина с мужчиной или женщина с женщиной, а мужчине с женщиной можно и допустимо все.

Она подошла к окну и, чуть отодвинув прозрачную занавеску, от мух, выглянула в сад. Яркий солнечный свет буквально пронзил ее, на краях тело загорелось алым, словно протуберанцы на поверхности Солнца. Ее тело выглядело сотканным из молока и меда, я отставил чашку, чувствуя, как снова в низ живота толчками пошла тяжелая горячая кровь.

Только сейчас сообразил, что я всегда смотрел на общество со стороны, абсолютно не стараясь в него вжиться. Абсолютная свобода в школе, где не готовил уроки *никогда.* Выбор профессии грузчика, а затем и прочих, где не надо пресмыкаться, уживаясь. Ну, на всех предприятиях перед праздниками выгоняют из контор всяких там служащих с высшим образованием на уборку мусора, но никогда еще мусор не заставляли убирать грузчиков. Или литейщиков.

Мои однокашники даже не замечали, что пресмыкаются, это у них называлось уживаемостью и нахождением своей ниши в обществе.

Я своей ниши не искал.

Да и сейчас… я сам их создаю.

Помню, в столовой ВЛК один из наших подходил ко мне, наклонялся и шепотом желал приятного аппетита. Только через несколько дней до меня дошло, что## он хотел этим показать.

Худяковы снова собираются в отпуск к морю. Полгода копят деньги, рассказывают всем, как поедут отдыхать к морю, потом едут, отдыхают и загорают там две недели, а по возвращении полгода рассказывают, как они ездили в отпуск к морю. Следующие полгода начинают готовиться к новой поездке, у каждого советского человека раз в году отпуск, и у каждого только две возможности: поехать к морю или же поехать в Прибалтику и сходить в Домский собор, чтобы потом полгода рассказывать о пребывании «в Европе».

Правда, можно отпуск проковыряться на даче, но таких презрительно не замечают, это не интеллигенты.

И совсем уж дико выглядят странные особи вроде меня, которые за всю жизнь ни разу не «отдыхали», то есть не ездили к морю, не ездили ощутить себя европейцем и даже не копались на приусадебном участке.

Мы, слушатели ВЛК, тем не менее – учащиеся, а это значит – нас тоже касается всесоюзная разнарядка насчет «картошки». Нам объяснили, что за два года обучения нам нужно будет один (!) раз побывать на овощной базе, после чего руководство Литинститута поставит галочку, что мы свой гражданский долг выполнили.

Посмеиваясь над этой глупостью, мы двинулись на овощную базу. У меня еще оставался осадок после неприятного разговора с лауреатом Сталинской премии и тем, что последовало, но по дороге развеялся, наконец прибыли, нам объяснили, что надо пересмотреть виноград – весь ли хорош, и в каком состоянии бананы. Посмеиваясь еще больше, мы сели жрать этот виноград и бананы и тут обнаружили, что поблизости трудятся, обдирая листья капусты, потрясающе красивые девушки!

Не просто потрясающе, а… ну просто слов нет, насколько. Самые смелые из наших вээлкашников решились наконец приблизиться, представились, кто и откуда, а девушки сообщили, что они из ГИТИСа, актрисы. Они, в отличие от нас, работают здесь уже второй месяц. И еще им предстоит в самом деле перебирать грязную картошку месяца полтора. На робкую просьбу дать телефончик, тут же написали, более того – напросились прийти в гости к нам прямо в общагу.

Я видел, как наши обалдели, у них никогда таких красоток не было, вообще в их городах, селах и аулах таких не бывает, а тут вдруг такое… да не снится ли?

На другой день, не дожидаясь выходных, красавицы-актрисы начали появляться у нас в общаге…

И тогда только я понял, что мы, вот такие, какие есть, уже

чего-то да стоим. Ведь мы уже члены Союза Писателей СССР, почти все мы – лауреаты местных премий, но самое главное в том, что нам всем от двадцати пяти до тридцати пяти, а путь наш только начинается. Писатель, в отличие от спортсмена или геолога, с каждым годом пишет лучше, сам становится умнее и мудрее, а это значит, что и произведения поднимаются на новые уровни.

Иное дело – актрисы, у которых так много зависит от внешности, молодости. И потому чисто по-женски стараются прислониться к сильным и крепко стоящим на ногах мужчинам.

Мы, оказывается, чего-то стоим, сказал я себе. Уже стоим. Вот так только и поймешь свое место в обществе, когда посмотришь на себя глазами другого человека.

Как я уже говорил и еще скажу, я никогда не получал от Союза Писателей, вернее, от приналежащего ему Литфонда квартир, дач, автомобилей, никогда не ездил к Коктебель, Переделкино, вообще не ездил по бесплатным или льготным путевкам в дома творчества. И вообще ни по каким не ездил. Однажды мне попытались всучить чуть ли не силой путевку в престижный дом творчества, я засопротивлялся: работать не так скучно, как отдыхать, ну что я, голых баб не видел, да еще пьяных? Для этого не надо ехать так далеко, не верю, что там в чем-то лучше, все они одинаковы…

Тогда сразу еще не понял, почему вдруг начали сперва издали закидывать дерьмом, а потом, осмелев, уже и в открытую. Оказывается, что посмел выделяться, что, гад такой, стараюсь выглядеть чистеньким, а вот мы, «все нормальные писатели» вроде бы хуже, а ты, гад, хочешь быть нам постоянным укором? Так не будешь, щас и тебя дерьмом закидаем, чтоб не выпендривался. И чтоб другие видели, что и Никитин в таком же говне, как и мы все. А раз все в говне, то это и не говно вовсе, это так, норма. Все нормально!

Ну что мне мешало хотя бы поддакнуть, согласиться, что да, в издательствах засилье тупых редакторов, принимают либо по блату, либо своих, а так как мест все же ограниченно, то талантливым авторам никак не пробиться? И стал бы я сразу милым и симпатичным абсолютному большинству. А когда вот так заявляю, что талантливо написанную вещь заметит любой редактор, то тем самым косвенно всех отвергнутых обзываю, говоря мягко, не совсем талантливыми. И потому сразу же поднимается раздраженный вой, что этот Никитин просто дурак, сам писать не умеет, а печатается только по блату, у него и строчки кривые, и ноги, и у кого-то шубу украл…

Да лучше бы поддакнуть, это понятно, но что-то вот не дает – и все. Ступор какой-то. Как вот говорят, рука не поднялась, язык не повернулся, так вот это самое: не могу поддакнуть, согласиться или хотя бы промолчать. Ну на фиг лезу со своим просветительством к тем, кому на свету неуютно? И все-таки лезу. Наверное, в самом деле дурак.

В обществе, где существует давление власти, возникает естественный протест снизу, чаще всего бессильный и беспомощный, но все же протест. Ловкие люди тут же воспользовались и этим обстоятельством, умело играя на слухах, что вот они только что написали великолепную и умную книгу, но ее ни за что не издадут, потому что там есть острые места…

Если же рукопись все же проходила в печать – эти люди умеют пробивать и проталкивать, – то тут же распространялся слух, кто «все самое интересное» вырезала цензура. И что автор находится чуть ли не в «черных списках». Я прекрасно знаю, что эти авторы никогда-никогда и близко не были к «черным спискам», но общественному мнению нужны герои-борцы, и вот эти люди прекрасно имитировали борьбу с деспотическим режимом, в то время как настоящие борцы влетали в «черные списки», отправлялись в лагеря, попадали в психушки.

Я застал и присутствовал при очень мерзкой игре весьма ловких ребят от литературы, что сумели поставить себя в роли борцов. Это автоматически зачислило в их читатели всех, кто ненавидел эту гребаную власть, а ненавидели ее практически все. Кто сумел всех, кто не принимал присягу им личной верности, немедленно объявить врагами демократии, прислужниками тоталитарного режима, гадами и сволочами, которым вполне этично вредить всеми методами, шельмовать, придерживать их рукописи, хулить в прессе, не давать нигде ходу.

Кстати, даже сейчас в Ленинграде, а теперь Санкт-Петербурге, писателями, к примеру, считают только тех, кто сидел и сидит с открытым ртом на определенных семинарах, а остальные авторы как вроде бы и близко к литературе не стояли. Ничего не забыли и ничему не научились, как сказал кто-то о Людовиках. В Питере смена режима тоже не заставила по-другому посмотреть на реальность и увидеть, кто есть ху на самом деле.

Тема бессмертия в литературе – запретная тема! Почему, зачем – понять я не мог, но всегда сражался против этой нелепости. И хотя это походило на сражение муравья со стадом слонов, все же я не отступал и… вот оно пришло время и бессмертных троих из леса, и трансчеловеков, и вообще

рассыпались железные стены запретности.

Но тогда нельзя было сказать доброго слова о бессмертии, разрешалось только пинать его, уничтожать, изничтожать, оплевывать, обличать, а также обязательно доказывать, что нет ничего прекраснее человеческого тела, что только в человеческом теле надо жить и оставаться в нем всегда и при всех обстоятельствах. Для подтверждения этого идиотского тезиса шли косяком, как рыба на нерест, рассказы и повести, где к умирающему калеке приходит ученый и умоляет либо переселиться в тело киборга, либо в тело выращенного клона, и почти всегда герой гордо отвергает и умирает. А в тех отдельных случаях, когда поддается слабости и переселяется – надо же дать что-то интересное! – вскоре горько раскаивается и обрывает жизнь самоубийством.

Меня всегда это удивляло, а потом и начало бесить. Культ человеческого тела – это эллинизм, кто знает, тот сразу вспомнит, кто такие эллинисты. Это те, кто предал свой народ и вместе с греками уничтожали его усердно, а потом еще встащили свинью на алтарь, сварили и съели.

И не фиг кивать на Библию, мол, каким Бог сотворил человека, таким должен и помирать, – это дурость и непонимание: под руководством Бога человек совершил обрезание, то есть редактировал созданное Богом, что значит положил начало изменениям. Потом начали делать костыли, искусственные зубы, челюсти, протезы, сердечные клапаны, пошли пересадки сердца, почек…

Читая рассказы, как умирающий калека отказывается от бессмертия, я всякий раз спрашивал себя: неужели это только я такой урод, что вот прямо сейчас, будучи молодым и сильным, здоровым, мастером спорта, у которого жизнь впереди, взял бы и охотно переселился бы в тело киборга или даже гигантского компьютера? Ведь это же столько новых возможностей, это же так много можно узнать, ощутить, совершить!

Ессно, на меня смотрели с отвращением, а рассказы о бессмертии, где оно не топталось ногами, мне тут же заворачивали. Да, я допускаю, что и такая идея о бессмертии, как о его неприемлимости, может существовать в литературе, но это жутко, когда она объявляется единственно верной и вообще – единственной! С одной стороны – тоталитарная власть, с другой – эта литературная мафия, преследующая свои узкоклановые цели и растаптывающая всех, кто не поцелует кольцо на руке дона.

Да ладно-ладно, я же не указываю пальцем?

Распухли грудные железы. Боли нет, но подходит весна, а там

наступят летние месяцы, когда придется снять верхнюю одежду, а у меня эти безобразные наросты…

Сходил к врачу, тот стал весьма серьезным. Позвал коллег, посовещались и немедленно переправили в институт онкологии. Там взяли анализы и довольно скоро прозвучало слово «cancer». К счастью, еще сравнительно ранняя стадия, хоть и не самая начальная. Приговор: срочно срезать обе грудные железы. Немедленно, пока не дало метастазы. Я ощутил отчаяние: а как же на пляже? Для кого-то пустяк, есть же люди, что вовек не видят моря или реки, но я родился на берегу реки, плаваю как рыба, стал мастером спорта по гребле, привык красоваться на пляже… Если сынок богатых родителей может бахвалиться отцовской машиной, то чем еще бахвалиться бедняку, как не своей мускулистой фигурой, если она есть? Но если срежут грудные мышцы, я буду настолько обезображен, что никогда-никогда уже не выйду в одних плавках на пляж, да и с женщинами… гм… хоть снова возвращайся к старым временам, когда обязательно надо было погасить свет до того, как начнешь раздевать женщину и раздеваться самому.

Сейчас, когда фигура для меня уже ничего не значит, хотя я по-прежнему поддерживаю ее в форме, я решился бы на операцию без колебаний. Ну, наверное бы, решился. Но мы все проходим через возраст, когда внешности придаем чересчур большое значение. Да что там внешности: разве не у нас в стране совсем недавно шла жестокая война за узкие брюки? Разве я не участвовал в этой войне со всем пылом и яростью, достойными лучшего применения?

Но мой дедушка умер от рака, не дожив до пенсии. Еще от рака умер дед Савка, и тоже очень рано. У моей мамы опухоль из мозга удалили сравнительно вовремя, и хотя она оглохла на одно ухо и постоянно слышит с той стороны шум, однако выжила, справилась, приспособилась к новому образу жизни, сейчас прекрасно себя чувствует. Так что рак у нас – наследственное.

Да, я отказался от операции. Даже на химию не пошел, а там же в институте глотал по два десятка одних таблеток, по два – других, чистил организм, жрал траву и молодые листья с деревьев, плюс – дикая уверенность фанатика, что со мной ничего не случится, что выживу, не умру, небо не допустит, чтобы я ушел из жизни раньше, чем совершу нечто предназначенное и предначертанное.

Не так важно, великое или малое, но главное – я не совершил, чувствую, что не совершил. Значит, я должен, я обязан жить!

Моя наглость и сверхуверенность в том, что я нужен, что без

меня все мироздание застопорится, звезды перестанут вращаться, – сработали. Очень медленно опухоли начали спадать. Правда, лето пришлось пропустить: показаться на солнце – вызвать новый неконтролируемый рост опухолей, но к осени почти все пришло в норму, а зимой уже я сам не находил признаков опухолей.

Для меня главное было в том, что, как сказали бы сдвинутые на йоге, я вышел на качественно новый уровень самосознания или самообладания, уж не знаю, как вернее. На этот раз я не изнурял себя сыроедением, не так уж и чистил организм: в основном твердил себе как баран, что я – здоров, у меня все не просто великолепно, но и становится все лучше и лучше.

Это – сработало.

Читая жизнеописание Уинстона Черчилля, который курил жуткие сигары и ежедневно выпивал смертельное для нормального человека количество виски, наткнулся на интересный абзац: «…факторы, которые сумели нейтрализовать пагубные воздействия Уинстона на собственное здоровье. Это – постоянное и крайне прямое, сохранившееся на всю жизнь стремление заниматься лишь теми делами, которые его интересовали: смолоду он был в школе крепко сечен розгами, и не раз – за нежелание учить те предметы, что были чужды ему. Учителя считали его тупицей. Но зато книги, которые увлекали его, он мог читать и штудировать часами».

Все-таки приятно натыкаться на людей, достигших успеха, которые вели себя точно так же. Меня розгами не секли, но только потому, что такое наказание в советских школах уже отменили, зато оставляли на второй год, а потом вовсе исключили из школы. И тоже учителя считали меня тупицей, хотя я уже тогда знал ряд предметов лучше, чем они. И книг читал столько, что вынужден был одновременно записываться в несколько библиотек, потому что больше двух книг на руки не выдавали. И если приносил слишком рано, библиотекарь всегда намекал, что книги вообще-то надо было бы и читать тоже.

Помимо художественных книг я обожал читать научно-популярную серию, где так увлекательно рассказывали о физике, астрономии, геологии, палеонтологии, математике, о грядущих чудесах науки, как, например, дальновидение, впоследствии осуществленное и названное телевидением…

Но с точки зрения тупенького среднего человека – дурак. Одно утешение, что дураками считали и Дарвина, и Ньютона, и Линнея, а родителям их рекомендовали взять их из школ и попробовать учить чему-нибудь попроще. Например, ремеслу

плотника.

Очень серьезная беда: просто физически не могу давать взятки. За всю жизнь никогда и никому не давал взяток. Как результат: в каждом издательстве, где я публиковался, при Советской власти у меня вышло только по ОДНОЙ книге. После первой полагается делиться гонораром, после этого будет открыт доступ к следующей. Нет, гарантии не будет, все равно обивать пороги, носить подарки всемогущим редакторам, лебезить и кланяться, однако доступ будет открыт, и через три-четыре года книга – возможно! – будет опубликована. Но у того, кто не делится, такая возможность закрыта навсегда.

Я так не делал. Нет, денег не жаль, я ими сорил вовсю, но, повторяю – у меня что-то с психикой: просто не мог дать взятку, рука не поднимается, язык немеет и ноги деревенеют. Вот просто не мог, и все. Не только морально, это еще как-то переборол бы… наверное, но когда рука немеет – это серьезно.

Возможно, я – единственный автор в СССР, который никогда не давал редакторам взяток за публикацию.

Почему публиковался везде, кроме Харькова? В Харькове надо давать взятку, а так послал рассказ по почте… Вроде и дал бы, да вот живу в другом городе…

Потому и копилась, крепла и разбухала сконцентрированная ненависть всего объединения издательской-писательской элиты к единственному, осмелившемуся жить не по их законам. Редакторы ненавидели и распускали порочащие слухи в отместку за то, что посмел не подчиниться их законам, писатели – что единственный оказался незапачканным, укором им всем. И потому всюду громко говорили, что Никитин – ничтожен как писатель, что это не больше чем случайно попавший в литературу сталевар, что умеет жонглировать двухпудовой гирей, но не в состоянии переставить пару слов, что за него пишут другие люди… и т.д. и т.п.

Правда, в одном издательстве, в «Молодой гвардии», вышло две моих книги: «Человек, изменивший мир» в 1973 году и «Далекий светлый терем» в 1985 году. Дело не в двенадцатилетнем перерыве, а в том, что первая вышла в так называемой «космополитической» редакции, когда у власти в издательстве стояли еще уцелевшие «шестидесятники», а потом, когда их вымели начисто, издательство наполнили «патриотами». Названия условные, ибо взятки брали и те и другие одинаково и по одной таксе. То были люди, умело приспособившиеся к условиям: одни играли в оппозицию, другие в преданность власти. Так, шестидесятники умело приспособились к волне

оттепели и уже не смогли сменить поведение то ли по тупости, то ли ждали, что вот-вот все изменится, как обещало забугорное радио, а «патриоты» – ловкие чиновники, использующие волну патриотизма в своим мелких целях.

Передачи власти в издательстве не произошло: «космополиты» уволены все до единого, «патриоты» встали на их места, и уже никто не знал, что Никитин осмелился нарушить Закон и не выплатил долю за позволение издать книгу. Но после той книги, «Далекого светлого терема», я понимал, что путь к изданию мне перекрыт и здесь. А публиковаться больше негде, в СССР фантастику издавала фактически только «Молодая гвардия». Остальные издательства выпускали почти исключительно коллективные сборники.

Потому за власть, что пришла потом, после краха Советской власти, я голосую обеими руками. Впервые рукопись не надо пробивать, проталкивать, обивать пороги, лебезить перед чиновником в кресле редактора, следить за прохождением по всем этапам, а то ведь могут выкинуть из темплана в любой момент и поставить книгу того, кто дал взятку!

Впервые я просто приношу рукопись, ее читают, затем подписываем договор, на каких условиях ее издадут. Мне не приходится следить за сроками, издатель сам старается опубликовать как можно быстрее, это же его живые деньги! Он же старается издать тиражом как можно больше, он же старается забросить партии книг в самые дальние уголки.

Впервые от писателя требуется всего лишь то, что и должно требоваться от писателя. Умение писать. Писать хорошо, интересно. Только писать, а все хлопоты берут на себя люди, которые больше умеют… ну, справляться с этими хлопотами. А писатель должен только писать.

Это ответ, почему мне при Советской власти приходилось «пробиваться», почему тогда гремели совсем другие имена, после падения Советской власти внезапно умолкнувшие – как государственники, так и так называемые диссиденты. Это ответ, почему у меня сейчас вдруг такой взлет, тиражи, успех! Просто впервые в издательствах стали поступать «по-честному». И не от внезапно проснувшейся честности в прежних не очень-то изменившихся людях, а благодаря новым экономическим взаимоотношениям.

Но… ведь тот редактор, который первым от меня потребовал взятку, прожил спокойную счастливую жизнь и умер от старости, окруженный почетом. Даже со стороны тех, кто давал взятки, кто отчислял долю за публикации. Для них это было нормально, что

они платят, а он берет. Сами поступали бы точно так же на его месте. Да и на своих местах поступают так же. Каждый старается устроиться у хоть самого маленького рычажка или краника.

И что же?.. Разве это справедливо? Как я похож на ту школьницу-девственницу, что написала растерянное письмо в «Юность»!

Ну конечно же, нет, это несправедливо. Но кто сказал, что жизнь должна быть обязательно справедливой? Это я такой баран, что вот уже шестьдесят пять лет стукнуло, но все еще не хочу уживаться с этим миром – подавайте идеальный! Да нет его, нет!.. И вряд ли когда-то будет.

Впрочем, почему нет? Наверное, кроме меня, такого вот придурка, есть и другие шизаки, похожие на меня. Только мы не знаем о существовании друг друга. А так наш мир тоже существует.

Более того, он влияет на тот, обычный. Не будь нашего мира, ваш обычный мир стал бы куда гаже и ужаснее.

В продажу поступили странные такие пузырьки с особыми забеливателями: такой белой и быстро высыхающей краской, которую тоже особой такой крохотной кисточкой можно нанести на неверно напечатанную букву. Там появится белое пятно, более белое, чем бумага, а спустя какое-то время, когда краска подсохнет, можно будет там снова напечатать букву. Правда, очень трудно попасть именно в то же место, потому даже при всей виртуозности и долгом примеривании правильная буква все же оказывались выше или ниже, или же, что хуже, налезает на предыдущую букву, или касается следующей.

Но все-таки появление краски – большой прогресс, все-таки раньше приходилось листок вытаскивать, соскабливать неверную букву обломком лезвия безопасной бритвы, их называли «чиночками», а потом впечатывать заново. А если учесть, что печаталось обычно через копирку, другого способа получить копию не было, разве что снова печать по буковке все заново, то это нехило – всю процедуру повторять и на копии! А если копия не одна, то на всех. Правда, редкая машинка могла дать больше трех копий. «Москва», к примеру, и третью давала такую бледную, что едва различались буквы.

Анекдот тех дней, непонятный в век принтеров: «Доктор, у меня член к концу дня чернеет, что делать?» – «Кем работаете?» – «Я директор». – «Скажите своей секретарше, чтобы не подтиралась копиркой».

Герои боевиков жутко орут, когда их пытают. А ведь было

время, когда это считалось позором. Люди в самом деле, не только в кино под пытками не просто держались стойко, не выдавали тайн, но и смеялись, пели, издевались над противниками. Именно это считалось стойким поведением. Так поступали даже простые воины, простые бойцы, красноармейцы или белогвардейцы, солдаты Красной Армии…

Но вот пришло время, когда даже самым суперагентам при отправке во вражеский тыл уже не дают ампулу с цианистым калием, а говорят: «Все равно признаешься, так что выкладывай все сразу, а то еще вдарят…»

Пришло новое слово «коктейль», а также «кофе с коньком». Причем даже в кафе и барах рюмку коньяка вливали прямо в чашку с горячим кофе, не соображая, что спирт тут же улетучится. Коктейли сперва пили, как и вино, стаканами, потом пришла мода пить через соломинку. На столах появились пучки оранжевых соломинок, много позже их научились заменять пластмассовыми трубочками.

Кириченко сел за стол, потянулся к солонке, щедро посолил мясо и молча принялся есть. Я подумал, что где-то в середине семидесятых годов уже по этой детали сразу бы выловили инопланенянина. Или человека, заброшенного в наше время из другой эпохи. Тогда по всему миру как раз прошла эпидемия «Соль и сахар – белые враги», из-за чего солевая и сахарная промышленность едва не кукукнулись, выжили только за счет поставок в арабские страны.

А у нас, в Европе, тогда солью и сахаром почти не пользовались, а если вот так кто-то прилюдно положит в чашку чая ложечку сахара или посолит мясо, он всегда с извиняющейся улыбкой чем-то объяснял свой странный поступок.

Потом, ессно, эта эпидемия прошла, вернее, сменилось какой-то другой: не помню, то ли что яйца есть смертельно вредно, там обнаружили смертельный для человека холестерин, то ли принялись пить только прокипяченную и отстоянную воду, удалив все соли, но уже все снова жрали сахар в три горла, солили всласть, а яйца, что ж… Через два-три года обнаружилось, что холестерин организму необходим, минеральные соли тоже необходимы, а опасными оказались некие загадочные нитраты.

Он говорил с мягким украинским «г», и я вспомнил старое взрывное «гэ», по которому отличали москвичей и которое теперь кануло в прошлое. Мягкое украинское «г» теперь доминирует по стране, вытеснив в русском языке все остальные варианты, а сам

язык стал единым от Карпат и до Владивостока, ибо сперва радио, а потом телевидение быстро принесло единый стандарт даже в самые глухие села.

До чего же много зависит от воспитания, окружения, отношения!.. Одному из наших инженеров, что работали не то в Перу, не то где-то еще в Южной Америке, оказывая братскому помощь какому-то из местных народов не то в борьбе, не то в подъеме очередной плотины, подарили щенка. В те времена правила в нашей стране были строгие, но это не посчитали взяткой, тем более что подарили уже на прощание, у трапа самолета.

Инженер, не будучи собачником, щенка привез, но не занимался им, а просто выпускал во двор. Жил он на третьем этаже, щенок на своих кривых лапках ковылял вниз, во дворе писал и какал, а потом бежал обратно и скребся в дверь. Вырос он в какую-то уродливую мелкую тварь, похожую на большую отвратительную крысу. Или на урода-поросенка.

Таких собак у нас во дворе не было, да и вообще не знали. Инженер решил, что над ним подшутили, а бабы на лавочке у подъезда сразу поняли, что гады капиталисты подсунули негодный товар. Но на Руси калек и уродцев жалеют, так что этого щенка, а потом взрослого пса все тоже жалели, гладили, иногда подкармливали. Он целыми днями носился во дворе вместе с дворовыми собаками, играл с детьми в песочнице, облизывал всех пенсионерок на лавочке, всем незнакомым вилял хвостиком и говорил: я свой, я хороший, я бедненький…

Правда, собакам спуску не давал, хотя сам и не задирался. Но когда на него «наезжали» псы даже покрупнее, дрался отчаянно, от обидчиков клочья, и скоро ни один пес не смел на него посмотреть косо. Инженер про него забыл вовсе, выпускал утром, когда уходил на службу, пес целый день во дворе, на детской площадке с детишками, что тоже любили его, таскали за уши и за хвост, кувыркались с ним в песочнице. Инженер работал допоздна, но пес чуял его приход, всякий раз ухитрялся почуять заранее, бросал любую игру и кидался навстречу.

Тот делал небрежный жест, мол, да люблю я тебя, люблю, и бедный пес прямо помирал от счастья. Они уходили в дом, и там пес оставался до следующего утра. Шли годы, пес постепенно старел, хотя оказался на редкость долгоживущим, как и положено непородным собакам. И вот когда он уже был старым, хотя и не совсем дряхлым, больше предпочитал не кувыркаться с детьми в песочнице, а лежать у ног старушек на лавке и слушать их пересуды, вдруг в газетах появилась информация о новой очень

дорогой породе собак, что ввозят в Россию новые русские, это ж собаки-убийцы, людей едят, убивают направо и налево. Вдобавок были помещены фотографии этих исчадий ада…

Новый управдом наткнулся на этого пса, ужаснулся, поднял крик. И что надо в намордник и на поводке, и строгий ошейник с шипами, и вообще держать вдали от населенный мест, а то щас вызовет милицию, и его пристрелят. Бабы подняли хай, за любимого и коротконогого уродца встали стеной, а про газеты сказали дружно, что там всегда брешут. Управдом не сдавался, вызвал милицию. Все это было днем, инженер на работе, бабы защищали уродца сами, а когда кому надо было отлучиться, выставляли взамен себя троих-пятерых соседок.

Кажется, битва длилась почти месяц. Но уродца отстояли. И жизнь, и свободу, и право бегать без намордника. Правда, он уже не бегал, ходил степенно, больше лежал на солнышке у подъезда, в ожидании любимого хозяина, но по-прежнему старался лизнуть в лицо каждого ребенка, всем приветливо вилял хвостиком, а каждый взрослый нагибался и гладил это неудавшееся противненькое существо с поросячьей мордой.

Что добавить? Ну не знали бабы, не знали, что это – ужасная собака-убийца!.. А когда узнали, было поздно. Да и пес не знал, никто ему такую «правду» не сказал.

Часть 3

В Харькове я по-прежнему в «черных списках», работы нет. Однако после прекрасной творческой жизни что-то не тянет идти укладывать асфальт или возвращаться в горячий литейный цех. Набравшись отваги, я отправился в райком партии и заявил как можно тверже, что намерен сняться с партийного учета, т.к., здесь мне работы нет, а я не могу допустить, чтобы государство зря потратило столько денег на мое двухлетнее обучение в самом элитном заведении Советского Союза.

Но одно дело заявить, что вот щас возьму и уеду из города, где меня в упор не видят те, кто совсем недавно угодливо кланялся, другое – суметь сделать. Конечно, всегда можно уехать в тайгу или на лесоразработки, но я уже не вижу иной жизни, кроме как в Москве, где простор, где буйным и дерзким можно разгуляться всласть.

Однако Москва – город закрытый. Проще попасть во Владивосток или Комсомольск-на-Амуре, чем в Москву. Попасть в нее, то есть получить прописку, можно либо только по вызову высоких партийных боссов, а для этого надо быть, как я уже писал раньше, чемпионом Олимпийских игр или секретарем обкома партии, вызванным на повышение в центр, либо… по женитьбе.

Люди должны помогать друг другу, особенно если дело касается борьбы с угнетавшей нас системой. Я принялся искать варианты фиктивного брака, выехал с приятелем в Москву, избегая появляться в тех местах, где есть незамужние женщины, что будут оскорблены одним только словом «фиктивный», переночевали у его знакомых, в мою комнату в полночь пришла дочь хозяев, в результате чего там через девять месяцев родилась хорошенькая девчушка, сейчас заканчивает университет, зовут Марина.

С утра мы отправились искать варианты фиктивного брака, именно фиктивного, только фиктивного, ничего больше. После ряда поисков, когда снова и снова я повторял, что мне нужен только фиктивный, я плачу за него оговоренную сумму, это чисто деловая сделка, удалось найти вариант, который позволил обойти существующие запреты. Для этого мы развелись с Ириной, я приехал в Москву и вступил в брак с Нелей Немировской, недавно приехавшей из Челябинска, прекрасной женщиной, которой остался верным другом на долгие последующие годы.

Прожив в Москве год, выдержав пару проверок: в самом ли деле у нас брак настоящий или же обманываем родное государство рабочих и крестьян, мы развелись, я снова вступил в

брак с Ириной и перевез ее с двумя детьми в Москву, где к тому времени являлся обладателем комнатки в коммунальной квартире по адресу: улица Горького, дом двенадцать, корпус семь.

Помню, перебравшись в Москву, я вошел в свою комнатку в огромной коммуналке, бросил на пол матрас, а пишущую машинку поставил на подоконник. Больше в комнате ничего, все остальное мое имущество: чайник и кое-какая посуда – на кухне. Там ветхий столик, оставленный предыдущим хозяином, но мне как-то по барабану, что этот стол видел еще коронацию Александра Третьего.

Через неделю, будучи по делам в Москве, зашел один из молодых харьковских поэтов. Аккуратненький, в дешевом костюмчике, при галстуке, улыбающийся, что значит – Карнеги штудировал, хорошо пострижен, чисто выбрит, словом, дама приятная во всех отношениях. И вот он, улыбающийся, переступил порог моей коммуналки, и: надо было видеть его лицо!

– Юра… ты здесь… живешь?

– Да, – ответил я жизнерадостно. – Напротив Моссовет, видел?.. И памятник Юрию Долгорукому рядом. Улица Горького, главная улица Москвы и вообще – страны!

– Да, но…

– Здорово, да? – спросил я ликующе. – До Красной площади – пять минут пешком!.. Вон башни Кремля… Эх, дом загораживает… Но все равно, я живу на улице Горького! Вот там Тверской бульвар, где наш Литинститут…

– Это хорошо, – проговорил он растерянно, – но… у тебя что, больше ничего?

Я огляделся, пишущая машинка на подоконнике, лист заправлен, пачка чистых листов наготове рядом с машинкой, а с другой стороны – листы с отпечатанным текстом.

– А что мне еще?

– Но… у тебя нет мебели!

Я еще раз осмотрелся, удивился:

– Ух ты, в самом деле. Ладно, как-нибудь поправим. Сейчас не могу.

– На нуле?

– Хуже, – ответил я честно. – В глубоком минусе. Да ладно, первый раз, что ли? Выкарабкаюсь.

Но по его лицу видел отчетливо, что никогда-никогда уже не выкарабкаюсь, что не надо было в Москву, не надо задираться с властью, не надо крамольничать. В Харькове я был писателем номер один, можно бы жить-поживать да пользоваться

положением. А здесь мне полные кранты: в Москве много хищных щук, затопчут слоны, забодают бизоны, сожрут злобные гиены.

Кто-то из древних мудрецов сказал: если до двадцати ума нет, то и не будет, если до тридцати жены нет, то и не будет, если до сорока лет денег нет, то и не будет. Последнее – самое важное: без ума и жены прожить можно, а без денег и положения любой мужчина уже не мужчина. Но мне сорок, а это значит, что уже конец, осталось только лечь и помереть. Теперь, по возвращении в Харьков, можно объявить всем, что с Никитиным покончено! И пусть в местном отделении Союза Писателей СССР устроят на радостях неофициальный прием с половецкими плясками, организуют карнавал и праздничное шествие и по центральным улицам.

А день объявят праздником для местных писателей.

В продаже пакеты с молоком в полтора процента жирности, в два с половиной, три с половиной и, самое лакомство, – шесть процентов! Мы все, естественно, старались брать шестипроцентное, однако оно в продаже появляется редко. И тут же сметается с прилавков.

Ко мне в Москву приезжали посмотреть, как я устроился, как коллеги по харьковскому отделению Союза Писателей СССР, так и просто мои дорогие друзья. Как-то приехала Светлана, в Харькове она заведовала общим отделом райкома партии и выписывала мне партбилет. Я повел ее показывать Москву, завел по дороге в ближайший магазин на Тверской, тогда еще улице Горького, это оказался «Сыр», там, конечно, очередь, но в продаже нарезанные и завернутые в грубую серую бумагу куски сыра.

Светлана не поняла, почему я отмахнулся от пакета с нарезанными ломтиками сыра и потащил ее к соседнему отделу.

– А там что?

– Тоже сыр, – объяснил я. – Только это костромской, а тот вологодский. Костромской мягче, тебе понравится.

Она посмотрела на меня исподлобья.

– Зажрались, москвичи… Костромской, вологодский… Имена какие-то. У нас знают только одно название: сыр. И когда появляется в продаже, его тут же сметают.

– Здесь тоже не всегда, – признался я. – Но сейчас конец месяца. Да и то, видишь, все уже нарезано и расфасовано. Больше одного пакета не дадут.

– А если я снова стану в конец очереди?

– Можно, – согласился я, – но, во-первых, очередь громаднейшая… во-вторых, в третий раз уже не встанешь. И

заморишься, и продавец так посмотрит, а то и откажется отпускать, очередь его поддержит…

Она покачала головой.

– Все равно зажрались! Подумать только, два сорта сыра!

– Иногда бывает сразу три, – сообщил я гордо. – Чеддер тоже появляется. Солоноватый и кисловатый такой, пикантный сыр. Но он совсем редко.

– С ума сойти, – вздохнула она. – Мы на Украине сыра годами не видим. А тут каждый месяц несколько сортов!

В Союзе Писателей СССР, согласно статистике, средний возраст писателей – 62 года. Средний возраст писателей-коммунистов – 71. А средний возраст членов парткома вовсе за 80 и далеко за восемьдесят. Это значит, что на заседания парткома почти никто не является: болеют или просто недомогают, доползти не в состоянии.

Положение сложилось совсем уж дикое, и тогда, чтобы как-то разгрузить пиковую ситуацию, двоих самых старых из парткома вывели, не дожидаясь, пока помрут, а на их места избрали самых молодых и достаточно ярких писателей-коммунистов, у которых безупречные личные дела: Петра Кириченко – он в писатели пришел из военных летчиков, и Юрия Никитина – этот прямо из литейного цеха.

Ну, а раз нас ввели в партком не ради наших красивых глаз, то и нагрузки на наши плечи обрушились чуть ли не все, которые несет на себе партийная организация. Самой малой и необременительной из них был прием партвзносов: мы с Кириченко сидели в самом прекрасном помещении ЦДЛ, теперь там валютный бар, и принимали от прозаиков их копейки. Хотя, конечно, время от времени некоторые выкладывали целые пачки крупных купюр. И так бывало не одноразово, как у меня, а из месяца в месяц. Такое впечатляло, тем более что максимальный размер партвзносов – всего три процента.

Появились полиэтиленовые пакеты, в которые в магазинах заранее расфасовывают творог, сыр, всякие овощи. Дома, выложив творог, любая хозяйка старательно выворачивает пакетик, тщательно моет под струей горячей воды и подвешивает прищепкой на бельевой веревке. Нередко, зайдя в гости, видишь на кухне или в ванной целый ряд таких пакетиков в процессе сушки.

Но пакетики все накапливались, я вспомнил тот случай с одноразовыми пробками, когда их тоже старались как-то приспособить. Эти пакеты тоже вполне новые, годные для

наполнения снова и снова. И люди *предыдущей эпохи* ну никак не могут примириться с нелепой мыслью, что такие вот пакеты – *одноразовые!* Это же расточительность, безумная расточительность!

Любому человечку нужно что-то для самоутверждения. Для большинства спасительным кругом является диплом о высшем образовании. Таким образом человечек – неважно, как он получил эту бумажку, – как бы приподнимается над теми, кто ее не получил. Потому для ничтожеств всех мастей было так важно, что у них – высшее, видите ли, образование, а вот у Никитина – его нет.

Увы, это же самое мнение разделяли и начальники отдела кадров. Не раз мне предлагали высокие посты в издательствах, а потом с изумлением узнавали, что у меня нет диплома о высшем образовании. Наконец один из приятелей сказал раздраженно:

– Я знаю, что для тебя это только повод для хвастовства, но… не пора ли кончать?

– С чем? – спросил я.

– С твоим бездипломьем!

– А что не так?

– Да все не так. Пора тебе одипломиться.

– Зачем?

– А чтобы ты, гад, был как все. И не выделялся из нашей серой массы.

– Это понятно, – сказал я, – но а мне лично зачем? А себя прекрасно чувствую.

– Это мешает карьере.

– Писателя?

– Нет, но нам хорошо бы иметь на высоком посту своего человека. А ты с твоей изумительной биографией подходишь как нельзя лучше. Уже не говорю о твоей работоспособности и прочих данных.

– Ну, спасибо…

– Не за что. Давай займемся этим делом. Ты родом из Харькова, да? Родителей проведывать ездишь?

– Да, – ответил я, – конечно, но…

– Никаких «но». Ты поступаешь в какой-нибудь тамошний вуз, я позвоню, чтобы приняли, а там экстерном или еще как…

Я пожал плечами.

– Ну, если от меня ничего не потребуется…

– Ничего, – заверил он. – В какой вуз, говори! Или в университет?

Я подумал, вспомнил, где среди студентов одни молодые

девушки из сельских школ.

– Педвуз!

– Отлично, – сказал он. – Подыщи фотографии три на четыре или сходи сфотографируйся, это на студенческий билет, а все документы и заявление от твоего имени мы сами сделаем.

– И заявление?

– Да, – повторил он сердито. – Я же знаю, что от тебя вовек не дождешься.

Через месяц я поехал проведать маму, а заодно зашел в педвуз и узнал, что уже прошел экзамены и зачислен в студенты первого курса. Среди учащихся оказался еще один из породы самцов: мелкий сельский парнишка, очень робкий и стеснительный. Остальные же все – вчерашние десятиклассницы сельских школ, чистенькие, ненакрашенные, с длинными толстыми косами до пояса, глупенькие и наивные.

Ректор сообщил, очень стесняясь, что экстерн у них запрещен, меня могут только провести по всем курсам, не предъявляя никаких требований. Нужно только дважды в год появляться в стенах института и хотя бы разок пройтись по коридорам, чтобы меня увидели. Условие обременительным не показалось, тем более что гостиницу я снял рядом с педвузом, прекрасный просторный номер, да и все складывается как нельзя прекрасно…

Так я, приезжая дважды в год на сессии, дошел до конца третьего курса, оставалось немного, вот-вот у меня окажется без всяких трудов диплом о высшем образовании, но тут грянула перестройка, пошла набирать обороты, наконец-то наступил тот строй, когда от человека требуют показать не бумажку, а то, чего он стоит, и я махнул на институт, что не больше чем развлечение, да и то самого простенького нижепоясного уровня, больше в свой педвуз не показывался.

Пошли слухи о видеомагнитофоне, смутные, противоречивые, даже невероятные. Но ведь когда-то не верили в возможность простого магнитофона, однако же речь удалось записывать, теперь это просто, у всех дома кассетные магнитофоны. Но видео… Еще понятно, как можно записать речь… хотя нет, непонятно, но уже привычно, а вот как записывать изображение, картинку? Непонятно, никто не может объяснить.

Но все-таки первые видеомагнитофоны, «Электроника-12», появились в продаже, и разговоров о них стало еще больше. Правда, в продаже появились не в свободной, их, как и все ценное, можно было только «доставать», и вот я, который никогда ничем от Союза Писателей не пользовался, кроме «Книжной лавки писателей», написал заявление, что видеомагнитофон мне

нужен для работы, что я буду записывать нужные телепередачи и внимательно по несколько раз просматривать для писательского анализа…

Меня записали на очередь, и всего через полгода пришла открытка из магазина «Электроника» с извещением, что я могу прийти и выкупить. Когда все процедуры с оформлением документов и подтверждением моего права купить вне очереди закончилось, я уплатил 1200 рублей, столько стоит «Электроника-12», и вышел на улицу. Там сразу же начали подбегать шустрые ребята и предлагать мне за него три тысячи. Кстати, средняя зарплата тогда по стране была сто двадцать рублей. Так что первый советский видеомагнитофон обошелся мне в десять месячных зарплат среднего советского инженера.

Забегая вперед, скажу, что первый компьютер, 286-й, с тактовой частотой в три мегагерца, обошелся в четыреста зарплат инженера.

В продаже были советские видеокассеты, ценой пятьдесят рублей, и немецкие – за шестьдесят. Я, как бы хорошо ни зарабатывал на литературе, но прикидывал: сколько смогу купить кассет за месяц, чтобы не остаться голодным.

Этот видеомагнитофон был огромным ящиком, что едва-едва влезал в самый огромный из чемоданов. А запихивать приходилось часто: чтобы переписать фильм, надо тащить на другой конец города к такому же счастливому обладателю этого чуда.

Через несколько лет появилась новинка «Электроника-15», немного компактнее. В продаже стали появляться, в комиссионных, японские видеокассеты. Более того, если первые видеокассеты были по тридцать минут и по часу, то эти уже по полтора часа, а потом даже по два.

Это удивительно, невероятно, волшебно, но – наступил совсем другой мир! Если по телевизору фильм надо еще дождаться, не пропустить, а потом сиди и смотри, не отвлекайся, то теперь пришла абсолютная развращающая свобода! Кассету с фильмом можно запустить в любое удобное время. Более того – в любой момент можно остановить, пойти на кухню, поставить чайник, а потом вернуться и запустить с того момента, на каком остановил. Более того, можно перемотать пленку назад и рассмотреть эпизод или движение внимательнее…

Это дивный невероятный мир!.. Кассеты идут нарасхват. Кассеты советского производства продаются по-прежнему по пятьдесят рублей, а импортные – уже по восемьдесят. При средней зарплате в сто двадцать рэ в месяц это было, как мы

считали, очень неплохо. Кто мог предположить, что это сверхчудо, действительно чудо из чудес… вспомним кинопередвижки черно-белого кино!.. что это чудо исчезнет с той же скоростью, с какой ворвалось в наш мир?

Исчезнет, *устарев.*

Генсек Брежнев, которого называли не иначе как Леонид Ильич, постепенно терял связь с реальностью, уже повесил себе на грудь четыре звезды Героя Советского Союза, а также все ордена и медали, какие только существуют. По несколько штук. А потом перешел на иностранные. За рубежом быстро раскусили эту детскую слабость к побрякушкам и награждали его по каждому поводу и без повода: жалко, что ли? Зато этот маразматик за красивый орден уступит какую-нибудь страну в Африке или, наоборот, пришлет на пару десятков миллиардов долларов больше оборудования и оружия в арабские страны…

В конце концов места для орденов на мундире уже не оставалось, разве что цеплять на спину и на брюки. Наконец он преставился, как и все советские генсеки: на работе. Единственный из всех наших отцов нации Хрущев – умер на пенсии, но не сам ушел, а отстранили в результате переворота, а так и Хрущев впал бы в маразм на посту генсека и успел бы наломать дров, уже не отличая правую руку от левой, как было с Брежневым.

После Брежнева пришел не Горбачев, как думают многие, как после Сталина – не Хрущев. Генсеком избрали Черненко, этот прогенсекствовал совсем недолго, ничем не отличился, а когда помер от старости, тоже на боевом посту, на его место встал Андропов, глава КГБ.

Этот начал с того, что постарался закрутить гайки. Для начала банды в штатском стали останавливать всех на улицах и проверять, почему не на работе. Ужесточили условия приема на работу и вообще ужесточили везде и все, до чего смогли дотянуться.

Но помер и он, тоже на боевом посту, как и товарищ Сталин. Тогда старичье в Политбюро то ли совсем вышли из ума, то ли решили всерьез похоронить СССР, но избрали генсеком такое странное и нелепое существо, сразу ставшее предметом насмешек, как Михаил Горбачев.

Этот начал с того, что объявил перестройку, ускорение и гласность. Ускорение должно было бы выражаться в том, чтобы догнать и перегнать Америку, я сразу вспомнил мое детство и станки «ДИП», то есть «Догнать и перегнать», на которых работал в юности. Еще тогда говорили, что догнать догоним, но

перегонять постыдимся, чтобы американцы не видели наши голые задницы.

Гласность по-горбачевски выразилась в том, что когда случилась чернобыльская катастрофа, и весь мир кричал и писал о ней, когда радиоактивное облако покрыло всю Европу, то у нас в печати только через две недели в газете промелькнуло скупое сообщение: мол, на Чернобыльской АЭС случилась небольшая утечка радиации, не волнуйтесь, все путем. И потом с такой неохотой, под давлением неопровержимых улик, начали скупо цедить сквозь зубы о небольшой такой, совсем крохотной аварии, прям-таки пустячке, не стоит о нем даже разговаривать, что вы, право…

Еще Горбачев печально отметился в борьбе с алкоголизмом, велев вырубить по всей стране виноградники. В анекдотах сразу отметили самую заметную особенность генсека: никогда не говорить ни «да», ни «нет», а «я посоветуюсь дома с Раисой Максимовной и тогда смогу ответить».

Но удержать страну от развала уже не смог, и развалили ее… книги. Книги, которые начали спешно публиковать в результате «гласности». Страна по-прежнему голодает, по-прежнему недостает абсолютно всего: от шагающих экскаваторов до иголок, но повеяло ветерком свободы – из печати выходят ранее запретные книги Солженицына, Гумилева, Ахматовой, косяком пошли воспоминания репрессированных, начали публиковаться массовыми тиражами Чейз и Кристи, которые раньше проходили только по периферийным журналам… Этого оказалось достаточно, чтобы, когда в Москву вошли танки путчистов, все та же голодающая и ободранная страна взяла сторону демократии.

Да, чтобы в страну хлынули товары с Запада, должно пройти время. В магазинах по-прежнему пусто, но книги начали издавать немедленно, и этого хватило, чтобы страна сделала окончательный выбор. Возможно, для нормальной европейской страны нужно заполнить магазины и резко повысить зарплату, чтобы народ предпочел именно этот строй, но для России именно свобода чтения оказалось решающим доводом.

Горбачев вел борьбу не только с пьянством, вырубая виноградники, но и с тлетворным образом западного образа жизни, проникающего уже не ручейками в СССР, а хлынувшего бурными реками. К примеру, с порнографией, в которую занесли все фото, книги, фильмы – где присутствовала обнаженная или даже полуобнаженная натура.

Особенно свирепствовали в отношении тех, кто успел обзавестись видеомагнитофоном. Милиция перестала обращать

внимание на участившиеся грабежи и убийства, зато с утра до ночи собирала сведения о людях риска, купивших эту вещь проклятого Запада, хотя и собранную советскими людьми на советском заводе и купленную за рубли в советском магазине.

Днем собирали сведения, а вечерами выходили за охоту. Следили за окнами жертвы, ждали, когда там погаснет свет, что значит – сели, гады, смотреть порнуху… а что же еще стоит смотреть? После чего заходили мелкими группами в дом, вырубали по всему зданию электричество и, оставив одного стеречь рубильник, чтобы никто не включил раньше времени, врывались, выбивая кувалдой двери, в квартиру жертвы.

Свет приходилось вырубать, объясняю для нового поколения, чтобы кассета застряла в лентопротяжном механизме. Освободить ее в неработающем видеомагнитофоне – непросто, занимает время, этого как раз и не давали сделать молодцы, кувалдой вышибающие двери.

А дальше просто: по рации передавали, что уже можно врубить свет, и с торжеством вытаскивали кассету. Практически любой западный фильм объявлялся порнухой. К примеру, в печати широко освещался показательный процесс по поводу одного мерзавца, который осмелился – подумать только! – смотреть гнуснейший порнографический фильм «Крестный отец». Этот гад получил заслуженные пять лет строгого режима… А потом в той же печати через пять лет промелькнуло скромное сообщение, что закон о запрещении смотреть в домашней обстановке любые фильмы наконец-то отменили и что отмена как раз совпала день в день с полным отбытием срока тем показательным гадом, который, оказывается, вовсе не гад, а просто нормальный человек, который смотрел, что удивительно, вовсе не порнуху, а кинематографический шедевр мирового уровня!

Так что, когда Михаил Сергеевич в очередной раз выдвинет свою кандидатуру в президенты России, напомните ему и про вырубленные виноградники, и про этих вот сволочей, с которыми он так рьяно боролся. И которых сажали за то, что смотрели фильмы с обнаженной натурой. И которых не спешили освобождать досрочно за хорошее поведение, как сплошь и рядом поступали с убийцами, насильниками, грабителями.

О том, что и государственники и «оппозиция» – лишь умело устроившиеся в обществе люди, устроившиеся совсем не по таланту, а по гибкости совести и ловкости лизания, говорит их судьба после краха Советской власти. Казалось бы, вот наконец-то свобода, пишите и публикуйте все то, что у вас в столах, а также

все то «лучшее, что было вычеркнуто бесчеловечной цензурой»! Но оказалось, что и в столах ничего нет, одни разговоры, и цензура вычеркивала как раз дрянцо, а не шедевральные строки.

И разом погасли все те имена, которых превозносила как власть, так и якобы оппозиционная интеллигенция. Оказалось, что это всего лишь «устроившиеся». Если бы среди них оказался хоть один в самом деле талантливый или хотя бы чуточку одаренный, он писал бы и публиковался еще чаще, а произведения без цензуры расцвели бы, к радости и ликованию читателей. Умолкли, умолкли все! А если какой одиночка еще и пробовал публиковать свои новые шадервы, то разочарованная публика сразу видела, что без поддержки партии или, наоборот, оппозиции – далеко, ох как далеко этим вещам до шедевров!

И – спадал флер очарования отважных ратоборцев с властью.

В моем детстве мы ходили бить тюринских и расшкинских. Потом – городских. Такой же рецидив в Москве в начале перестройки, когда одно время парни из крохотных Люберец держали в страхе всю Москву. Отличительная их примета: клетчатые штаны. В самой Москве находились умники, что решили смимикрировать и тоже пошили клетчатые штаны, чтобы боялись. Но так как ходили в одиночку, их тут же ловили и жестоко избивали, мстя.

Потом, конечно, центровые собрались и вломили люберецким раз, другой, третий. Все-таки в центре больше крутых парней, больше настоящих спортсменов, а не просто качков. Не помогли люберецким ни их подвалы с железом, ни засланные в их ряды для поддержки группы из КГБ: их мочили и размазывали по стенам так же просто, как и тупых качков, тем самым доказывая, что народ страшился мрачной славы КГБ, а сами кэгэбэшники оказались, тьфу, слабаки, трусы и, как показали события вскоре, во многом предатели и перебежчики.

Появились пластмассовые бутылки. Народ рассматривал как диковинку: легкие, из какой-то синтетики, неважно какой, но сразу же пошли слухи, что эта пластмасса ядовита и тот, кто покупает в таких емкостях, вскоре отравится.

Но нам жизнь не дорога, покупали. Из-за этих бутылок происходит другой болезненный перелом в сознании: пластмассовые бутылки оказались одноразовыми! Их нельзя, вот горе, сдавать в приемные пункты. Их там просто не принимают. Их надо, подумать только, выбрасывать. Даже слово такое поганое появилось: утилизировать.

Сперва такие бутылки все же накапливались. К любому

зайди, у него этих бутылок… Тем более что пришло и другое полезное новшество: эти пластмассовые бутылки вскоре начали оснащаться не привычными уже жестяными колпачками, а пластмассовыми крышечками, что держатся на резьбе. Причем сразу видно, что никто не открывал бутылку с самого завода, там такое крепление, а если попытаешься открыть, то – щелчок, тоненькая полоска пластмассы, что удерживает пробку в неподвижности, рвется. Крутишь дальше, пробка по резьбе уходит вверх. Использовать ее можно многократно, так что хозяйки старались покупать всякие экзотичные пепси и кока-колы в больших емкостях, а потом держали в них домашние продукты.

На базарах сметливые бабки начали продавать молоко сразу в таких пластмассовых бутылках из-под всяких импортных прохладительных.

Сын напрасно пытался отмазаться от армии: хоть в десантники и не взяли, зато записали в стройбат. А там чеченцы и узбеки, которых в стройбатах большинство, установили власть кулака. Когда избитый и с поломанными ребрами бежал из части, дорожная милиция сняла его на станции Тайшет, то, видя его состояние, сперва позвонили мне в Москву, а уже потом – в воинскую часть.

Ирина тут же вылетела в Тайшет, где милиция опять же поступила мудро и человечно: составив акт, в каком виде сняли беглеца, передали этот акт Ирине и посоветовали ни в коем случае не отдавать офицерам, которые уже прибыли за беглецом.

А я тем временем ринулся в военную прокуратуру и добился посылки чрезвычайной комиссии для расследовании этого мерзкого дела. Конечно, комиссию долго отказывались посылать под множеством предлогов, я настаивал, ходил к Язову (Яузову, «Ярость»), теребил, привлек к этому Союз Писателей СССР, и вот наконец комиссия из Москвы в воинской части в Сибири.

Суд длился почти полгода. По пути выяснялось, что вся воинская часть работает на офицерских фермах, где разводят свиней. Это самые счастливые, остальные заготавливают лес на продажу. Этим жрать вовсе нечего: едят кузнечиков, жуков, ящериц, любую живность, что удается поймать, едят молодые побеги… Все они выглядят страшнее, чем узники Бухенвальда.

Комиссия узнала и про «танкистов», так называют тех беглецов, что, убежав из части, даже не пытались уйти на поездах, а прячутся в Братске и других городах в канализационных люках. Горожане знают о них, многие жители берут в магазинах по лишней булке хлеба и, завидя слегка отодвинутый люк, бросают туда хлеб.

Однако редко кому из «танкистов» удается пережить зиму

Полгода пришлось и работать, чтобы оплачивать гостиницу и содержание в ней Ирины и сына, и постоянно следить, чтобы суд не замяли, не прервали, не отложили снова и снова, чтобы теперь уже военные не отмазались…

Но для меня страшное напряжение привело к тому, что начало болеть сердце. Все сильнее и сильнее. Наконец боли стали такими дикими, что я, всю жизнь ненавидевший любые лекарства, начал горстями поглощать все, что в изобилии на полочке у Ирины: валокордин, корвалол, кордигит, нитроглицерин. А когда они начали заканчиваться, я выползал в аптеку и закупал столько, что хватило бы на средних размеров больницу.

Боль чуть отпускала, но никогда не оставляла. Иногда от жуткой рези в груди я почти терял сознание, но, сцепив зубы, заставлял себя держаться. Нет времени идти к врачам: каждую минуту Ирина может позвонить из Братска и, рыдая, сообщить о новой задержке. Нужно быть готовым, проглотив горсть лекарств и держась за сердце, выйти из дому и снова идти в московскую, то есть всесоюзную военную прокуратуру.

Полгода все это длилось, мучительные и бесконечные полгода, а когда все закончилось, воинскую часть расформировали, Ирина привезла сына в Москву. Его перевели в подмосковную часть, где из-за близости Москвы и возможных комиссий порядки гораздо строже. Когда его наконец-то доставили в подмосковную часть и там оформили, прикрепили, боль постепенно начала отпускать. И снова не до врачей, сложности и здесь, под Москвой, нужно улаживать, нужно все делать самому, но это уже совсем другой уровень, так что боль постепенно утихла. А в Сибири офицеры рыдали слезами размером с картофелины: лишились рабов и крупных свиноферм!

А через год на ежегодном осмотре – в Литфонде для писателей ежегодная диспансеризация! – врач, рассматривая кардиоленту, спросил с удивлением, почему в его записях ничего нет о моем инфаркте миокарда, который случился у меня, судя по шраму, десять-двенадцать месяцев тому назад?

Еще в 1976 году на Всесоюзном семинаре молодых писателей-фантастов я познакомился со Станиславом Гагариным, писателем-моряком, штурманом, веселым и шумным человеком и, как это нередко бывает в писательской среде, беспробудным пропойцей.

Когда началась горбачевская борьба за трезвый образ жизни, в Союзе Писателей сопротивлялись, как могли, но бесконечно откладывать нельзя, из ЦК партии настаивали, пора создавать

Общество Трезвости, они уже созданы во всех учреждениях, на всех предприятиях, заводах, остался неохваченным только Союз Писателей…

Чтобы дело не сорвалось, на это мероприятие прибыли из ЦК высшие иерархи партии, уселись за стол с красной скатертью и буравили сидящих в Большом зале острыми взглядами. Мы, рядовые члены партии, сидим и злимся, но, что делать, дисциплина обязывает, вот сейчас и у нас будет создано это дурацкое Общество по Борьбе За Трезвость…

Гагарин сидел крайним у прохода, и пока председательствующий подробно рассказывал, морщась, как будто постоянно глотал хинин, что это за Общество и зачем оно, Гагарин раза четыре выпадал на ковровую дорожку. Его поднимали, усаживали, он отхлебывал из бутылки, начинал дремать и снова с грохотом рушился в проход. Это, конечно, вызывало веселое оживление.

Наконец председательствующий предложил называть кандидатуры тех надежных товарищей, которые могли бы возглавить это трудное и такое нужное стране и обществу дело.

И тут из зала кто-то выкрикнул:

– Станислава Гагарина!

По рядам прокатился смех, еще несколько голосов закричали с энтузиазмом:

– Гагарина!

– Станислава!

– Станислава Гагарина!

Других кандидатур не было. Фамилию Гагарина вписали в листок для голосования. Мне кажется, что это был единственный случай в истории Союза Писателей, когда и правые, и левые, и западники, и славянофилы, и безродные космополиты, и пламенные патриоты, словом, все-все единогласно и без драк проголосовали за названного человека. Взаимная неприязнь и соперничество отступили перед ненавистью к тупым жирным рожам, что пришли к нам в ЦДЛ как хозяева, сели во главе стола и указывают нам, что и как делать в нашем же доме.

Как уже сказал, кандидатура Гагарина прошла без единого «против» или воздержавшегося. Вступил в силу третий вариант борьбы с деспотичным режимом: когда не очень хочется в лагеря, но и выполнять не жаждется, тогда остается только принимать идею партии и правительства с восторгом и начинать выполнять ее так ревностно, что реализация принесет вреда больше, чем если бы лечить болезнь не брались.

Гагарина попросили занять место за столом на сцене. Его соседи по ряду с трудом подняли бывшего штурмана, тяжеловат,

тяжеловат, сумели довести под хохот зала до сцены и усадили за стол. Там Гагарин благополучно заснул.

Очнулся он лишь под заключительное слово товарища из ЦК партии, что вот, мол, теперь и Союз Писателей охвачен мероприятием. Привстав, Гагарин провозгласил зычным голосом штурмана, привыкшего перекрикивать шум бури и рев судовых двигателей:

– Желающих записаться в общество… прошу остаться! Мы это дело… отметим, отметим…

И выразительно пощелкал пальцами по горлу.

Появились первые челноки, что хлынули за рубеж в туристические поездки, откуда привозили массу импортных товаров. Все это сдавалось в комиссионные магазины, и хотя всегда директора комиссионок были королями, но сейчас наступило их золотое время: впервые в комиссионные сдавали совершенно новые импортные вещи!

Правда, вскоре это кончилось, так как можно стало открывать кооперативные магазины, которые торговали новым импортным товаром. Комиссионки захирели и отмерли.

Началось кооперативное движение, меня попросили поприсутствовать от Союза Писателей и парткома на заседании в Воениздате, где решалась судьба литературного объединения «Отечество».

Как выяснилось, его председатель Станислав Гагарин, воспользовавшись открывающимися возможностями, организовал при Воениздате литобъединение, издал несколько книг, которые принесли огромную прибыль, и на лакомый кусок, ессно, набросились крупные хищники. Я там, пожалуй, был единственным, кто не согласился с этим слишком откровенным захватом, но абсолютным большинством голосов Гагарина сняли, объединение перешло в другие руки.

Забегая вперед скажу, что в новых руках оно благополучно померло, а после того собрания неунывающий Гагарин позвонил мне и пригласил принять участие в создании нового объединения. Конечно же, тоже «Отечество». Место уже присмотрел при детско-спортивном клубе в Одинцово, где он жил. В том здании сняли половину этажа, заключили договор с местной фабрикой, что решилась профинансировать первое издание, и мы взялись: Гагарин – директор, я – главный редактор, набрали команду и быстро выпустили первую книгу, сборник военных приключений.

На книгу мы затратили около рубля, продали по пять, тираж

– двести тысяч. Таким образом получили миллион, из них чистая прибыль – восемьсот тысяч. Это еще тех рублей, советских, когда, как уже говорил, зарплата инженера равнялась ста двадцати рублям. Расплатившись с фабрикой, тут же запустили еще несколько проектов.

Увы, с Гагариным работать становилось все сложнее. Из всего состава я один защищал этого теперь угрюмого, озлобленного и болезненно подозрительного человека: я единственный, кто помнил веселого и бесшабашного, абсолютно бескорыстного, который беспечно раздавал гонорары нуждающимся приятелям, а то и не приятелям вовсе. Ему неловко было быть при деньгах, когда другие голодают, но… поговаривают, что ему «вшили ампулу», я никогда не допытывался, так ли это, но ранее часто поддававший… это я вежливо, потому что Гагарин, как и Юрий Олеша, никогда не бывал трезв… так вот этот новый Гагарин к моменту нашей новой встречи уже не пил совершенно. Ни капли. И одновременно сменился его характер удалого и беспечного забияки на злобный нрав болезненно подозрительного человека.

В «Отечестве», где я был главным редактором, придерживались несколько… однобокой линии. В частности, публиковали только отечественные «Военные подвиги», даже нейтральная Агата Кристи считалась агентом международного империализма. Мне надоело спорить, я молча организовал и зарегистрировал фирму «Змей Горыныч», подал в газету объявление о подписке на семитомник англо-американской фантастики, дождался, когда до выхода газеты осталась пара дней, и ушел из «Отечества».

За это время я перебрал свою библиотеку англо-американской фантастики, у меня около пяти тысяч книг, из них отложил в сторону те, которые наметил для издания, в первые тома вошла трилогия Урсулы ле Гуин «Волшебник Земноморья», известной у нас только по двум-трем рассказам, а также те книги, авторов которых у нас не знали, несмотря на бешеную популярность во всем мире.

Увы, у нас были популярны лишь Бредбери за «разоблачение капиталистического строя», Агата Кристи – за «разоблачение высшего класса западного общества» и Чейз – «за разоблачение среднего класса», который тоже, оказывается, состоит только из бандитов, проституток, наемных убийц, мафиози, и вообще там все гады, которые только и делают, что предают и убивают друг друга.

Все эти годы я собирал англо-американскую фантастику. Но

так как на русском выходили единицы, я собирал на английском. В Харькове таких магазинов нет, а в Москве – два. Даже не магазины, а букинистические отделы книг на иностранных языках. Один в «Академкниге», что на улице Горького, там на втором этаже всем иностранным заправлял знаменитый Ян Янович, знаток этой литературы, а второй был на улице Качалова, именно здесь перед магазином собирались любители этой литературы, обменивались, покупали друг у друга, а главное, перехватывали всех направляющихся в магазин сдавать книги.

У Яна Яновича я стал одним из первых, если не первым, кто отбирал книги для себя в подсобке, а остальные поступали в продажу. В магазине на Качалова, сейчас Малая Никитская, тоже стал одним из, если не первым, и таким образом моя библиотека росла быстрее, чем у кого бы то ни было. Причины особого отношения просты: для девочек я приносил сверхдефицитные билеты в театры… напоминаю, в ЦДЛ существовала особая театральная касса для писателей, где продавались билеты на все дефицитные спектакли. Девочки, что жадно тянулись к искусству, с визгом хватали эти билеты, а я взамен пасся в подсобке, отбирал для себя книги.

И вот, когда пришло время формировать семитомник англо-американской фантастики, у меня было из чего выбрать. Я мог бы набрать на сто томов избранной фантастики, так как не было книги в моей библиотеке, которую не прочел бы от корки до корки… и когда-нибудь составлю все сто, если все пойдет так, как задумано.

Генсек Горбачев попытался, подобно Хрущеву, чуть-чуть отпустить вожжи, допустить уже «горбачевскую оттепель», но если Хрущеву все-таки удалось удержать страну в колее Советской власти, то нынешнее слабое и никчемное существо только беспомощно лепетало что-то анекдотическое, разводило ручками и обещало посоветоваться с женой, чтобы потом принять решение, так что страна развалилась буквально внезапно, ошеломив как своих политологов, так и оставив с раскрытыми ртами специалистов США: те пророчили СССР еще долгие годы жизни и наступательного движения.

Первыми ринулись в новую жизнь, ессно, мы, писатели, и бандиты. Писатели и при Советской власти жили по рыночной системе: купят – не купят рукопись, а если купят, то деньги выдают целиком, а как их используешь – государство не отвечает, хоть пропей за один раз, хоть растяни на пару лет до следующего гонорара. Бандиты – такие же нарушители закона, как и писатели, разницы мало.

Так что спешно начали создавать кооперативы именно писатели и бандиты. В стране, абсолютно разучившейся работать, очень трудно найти тех, кто готов работать, а не увиливать от работы, но это компенсировалось тем, что в стране требовалось абсолютно все: от целлофановых пакетов до металлургических заводов, так что деятельность, хоть и со скрипом, шла и, более того, приносила немалую прибыль. В начале такой вот кооперативной, а затем – частно-предпринимательской деятельности прибыль достигала не пяти процентов, как сейчас на Западе, не двадцати или тридцати, а трехсот – восьмисот, а нередко и больше, даже намного больше. Чуть выше я уже приводил пример, во сколько обошлось издание всего одной книги в «Отечестве» и сколько мы за нее получили. Так вот, в тот период такую прибыль давала любая деятельность в любой сфере.

И еще одна особенность: налогов тогда еще не было. Да вот так, не было. И не то что уклонялись, а просто еще не придумали, как их собирать с таких лиц. Просто тогда постоянно уговаривали в прессе, что «надо делиться». Каждый раз, когда ни бросишь взгляд на экран, там берут интервью у какой-нибудь пары, что идет в театр, или у бомжа, что сидит пьяный в канаве, и все в один голос заявляют, что предприниматели «должны делиться».

А вот хрен в задницу, отвечал я. Мы работаем по шестнадцать часов в сутки, без выходных и праздников, а вы, мать вашу, все отдыхаете, в кина ходите да по пляжам?.. и я должен отдавать вам то, что я заработал, чтобы вы прогаживали и дальше, как прогадили всю страну?

Правда, огромные деньги, что зарабатывались с такой легкостью, с такой же легкостью и просачивались сквозь пальцы. Во-первых, никто из нас не был опытным дельцом, во-вторых, при той неразберихе, неустроенности и неурядице многое разворовывалось – ведь мы же вышли из СССР! – нарушались условия поставки бумаги и картона, типографии брали сумасшедшую предоплату, а потом делали вид, что впервые нас видят, бумкомбинат в Кондапоге вдруг вставал на ремонт, а комбинат в Сыктывкаре без предупреждения менял профиль, и заказанная и оплаченная нами бумага вдруг снималась с производства.

При массе желающих издать книги типографии не просто заламывали цены, но и не подписывали никакие договора, где хоть один пункт их к чему бы обязывал. Юридической службы, как таковой, еще не существовало, а когда две фирмы составляли договор, то в посредники брали обычно бандитов, которые обязывались за процент строго следить за соблюдением договора

и наказать виновного.

Надо сказать, что бандиты условия соблюдали строго, что и понятно: на этом держалась вся их репутация.

Несколько поколений родилось при Советской власти, а это значит, что памяти о той, прошлой жизни при старом капитализме уже не осталось. Все годы рождались и жили при строжайшей иерархии социализма, когда сверху решали абсолютно все, кого и куда переводить, перемещать, повышать. Невозможно было перепрыгнуть хоть какую-то ступеньку. К примеру, всем было понятно, что я могу руководить любым крупным издательством или журналом, такие предложения периодически делали, но с изумлением и огорчением обнаруживали, как я уже говорил, что у меня нет диплома о высшем образовании! А диплом об окончании ВЛК формально не считается высшим образованием, хотя и дает больше, чем несколько университетов.

И вот с началом этого нового мира вдруг оказалось возможным создавать свое дело, хотя бы из самого себя, и называть себя директором, даже генеральным директором!

Да, это было время именно генеральных директоров. Люди не понимали комизма, когда торопливо заказывали визитки с непременным титулом «Генеральный директор».

Но в тоже время у остальных отношение к таким директорам оставалось соответствующее. То есть «настоящими» директорами могут быть только те, что назначены вышестоящей властью и утверждены в райкоме партии. Все остальные – жулики, потому можно их указания игнорировать, постоянно требовать повышения жалованья, обзывать по-всякому, а все, что есть в фирме, разворовывать, разваливать, осуществляя благородное дело борьбы с буржуями.

Фирмы, организованные энтузиастами, разваливались все до единой от нежелания все еще советских людей работать на буржуев. И хотя Советская власть – тоже буржуй, но это некий абстрактный буржуй, вроде мирового зла, с которым не поспоришь, а эти – вот они, вчера такие, как и мы бедняки, а сейчас вдруг сколотили фирмы, пытаются начать свое дело, стать богатыми. А вот шиш вам, а не богатство! Не дадим.

Ну, а те ребята, что поэнергичнее, сразу же начинают присматриваться, как такую фирму расколоть изнутри, чтобы возглавить не самую бедную половинку, как суметь с ее счетов перевести на свой деньги фирмы. В этих условиях первоначального накопления капитала выживать могли только фирмы, организованные братками. Там не только поощрение

рублем, но и кнут, которого абсолютно не существовало у порядочного предпринимателя. А у братков не поворуешь, враз достанут и на счетчик поставят.

Все это, конечно, осознавалось потом, на горьком опыте и на собственной шкуре. А пока немногие энергичные, каким-то чудом уцелевшие или, вернее, все еще не растоптанные, принялись искать пути приложения сил при внезапно обрушившейся свободе. Естественно, у меня не могла возникнуть мысль заниматься торговлей или производством тракторов. И вовсе не потому, что считаю торговлю делом постыдным, как внушалось при прежнем режиме. Просто для меня нет выше и благороднее дела, чем издавать книги, чем я и занялся в числе первых. Во всяком случае, моя фирма, ЧП, частное предприятие, была создана и зарегистрирована в тот же день, как был подписан указ о разрешении частных фирм. До этого, напоминаю, могли быть только кооперативы и товарищества.

Как грибы возникали фирмы со звучными иностранными именами. Терпеть не могу ходить в ногу, я назвал свою фирму, как уже сказал, «Змей Горыныч». С такими бумагами пошли мои ребята на утверждение, и везде, в том числе и в милиции – тогда там регистрировать надо было в обязательном порядке, – приняли с восторгом. Эти бумаги пропускали без очереди, утверждали без проволочек и обязательных взяток, подкупленные оригинальным и нестандартным названием.

Денег, ессно, нет, я объявил подписку на семитомник англо-американской фантастики, начали поступать первые деньги…

…и – все оборвалось. Деньги поступать перестали, перестройка идет дальше: почта внезапно решила брать с проклятых кооператоров дополнительно 10%. Пока спорили, инфляция обрушилась как снежная лавина. Деньги почта так и не перечислила на счет фирмы. Тем временем подходили сроки, в которые мы обещали выпустить книги. Раз уж фирма создана, я отвечаю за привлеченных людей. Пришлось занять под дикий по нынешним временам процент: двадцать пять процентов… в месяц! В долларах. У тех ребят, которые в случае неуплаты просто перережут глотки.

Вот так-то. А потом, когда все-таки рухнуло, весь долг я принял на себя лично, как вот сейчас Россия приняла весь долг бывшего СССР, и продолжал отдавать из своих гонораров.

А деньги на почте, продержав два года, почта же начала отправлять обратно.

Ирина, моя жена, уже года два живет безвыездно в Евпатории, помогая там часто болеющей матери. Вообще Ирину мои друзья

почти не видели, так как она появляется в Москве редко.

Подходит время выхода из типографии первой книги. К нам в офис, что находился в каморке нашего художника, явились представители крупнейшего книжного магазина из Перми, две женщины: директор и лучший продавец – ослепительно красивая молодая женщина, которую все сразу же окрестили «Мисс Пермь» по аналогии с как раз проходящим первым в России Международным конкурсом красоты, где самой красивой все мы единогласно считали представительницу Перми.

Пока вели переговоры, а потом утрясали пункты договора о поставке книг в Пермь, мы с этой суперкрасавицей, что сразу покорила мужчин «Змея Горыныча», смотрели друг на друга блестящими глазами. Многое стало понятным без высоких слов. Когда наш главный редактор уединился с директором набрасывать черновик соглашения, я поинтересовался у Лилии, так звали эту красавицу, как насчет того, чтобы бросить эту дикую Пермь, как я бросил не менее дикий Харьков, переехать в столицу мира и галактики Москву, где она будут помогать мне с тиражом, так как издавать я могу, а вот торговать, увы, надо учиться. Как поневоле учились большевики, перехватив власть у Временного правительства.

– Я приеду, – ответила она, глядя мне в глаза.

– Когда?

– Я должна вернуться в Пермь, чтобы взять расчет в магазине.

– Хорошо, не затягивай.

И снова ничего друг другу не сказано, мы же зрелые люди, мы все понимаем и чувствуем, кому можно доверять, кому нет. Она уехала в Пермь, там сообщила о своем желании взять расчет и ехать в Москву. Абсолютно все: подруги, родители, просто родня, знакомые, коллеги и сослуживцы – все в один голос и одинаковыми словами уверяли, что она круглая дура, если поедет, в Москве пропадет…

…и Лилия тут же приехала… оставив мужа и двух детей: так как в Москве их деть некуда, у нас ни кола ни двора, детям пришлось остаться с бабушкой и дедушкой. И начали мы без красивых слов и сердечных клятв нелегкую жизнь частных предпринимателей, плюс в России, плюс с постоянно меняющимися правилами, с дефолтами, чудовищной инфляцией, произволом властей и всесилием мафии.

Когда началась перестройка и все с нею связанное, я отошел от ЦДЛ, будучи выше головы занят своей фирмой, но взносы платил исправно, а когда парторганизация самораспустилась, спрятал партбилет в сейф.

Когда встретился с Лилией, и она переехала в Москву, то, смущаясь, попросила положить ее партийный билет ко мне в сейф. Я открыл, она увидела, что в пустом сейфе только и лежит единственно ценное – мой партбилет.

Вбежал довольный Дима, наш главный редактор.

– Класс!.. такая акция, такая акция!

Я насторожился.

– Что там?

– Фирма МММ заплатила московскому метрополитену за три дня вперед! И теперь проезд для всех бесплатный!

В комнате раздались довольные вопли, пошли разговоры о лихости и крутости фирмачей, я ощутил, как во мне сразу начинает расти злость и раздражение.

– Да пошли они!.. Я все равно буду платить за проезд!

Все сотрудники фирмы, мы тогда снимали офис в библиотеке на Солянке, смотрели на меня с великим удивлением и непониманием.

– Юрий Александрович! Почему?

– Да потому, – отрезал я с еще большим раздражением. – Не хочу, чтобы кто-то за меня платил!

– Но ведь уже заплачено!

– Ну и пошли они с этой платой! Я не хочу быть должным этим купчикам!

– Почему купчикам? МММ занимается экспортом компьютеров. И комплектующим к ним.

Я отмахнулся.

– Какая разница? Замашки купеческие. Нет, я не принимаю их… оплату. Я… предпочитаю платить сам.

И к великому удивлению своих сотрудников, я бросал пятачки в щель отключенного автомата, мне пытались объяснять, что все «уплочено», я отмахивался, не вступать же в дискуссии с бабкой-контролершей, и бегом спускался по эскалатору, чувствуя себя свободным… Ну как объяснить, что если принять кем-то оплаченный проезд хотя бы в метро или троллейбусе, то уже становишься несвободен по отношению к тому человеку?

Мне кажется, вот такая моя щепетильность тоже побудила некоторых практичных сотрудников уйти поискать другие места, хотя, повторяю, платил я щедро, ничего не оставляя себе.

Родители… Пока они живы, мы отделены ими от небытия, как прочным забором. И знаем, что у нас есть еще по крайней мере лет двадцать жизни в запасе. И сколько бы родители ни жили, у нас эти двадцать лет лежат неизрасходованные, хотя

сами растем, взрослеем, даже старимся. Но как только из жизни уходят родители, наш счетчик включается…. И вот пошли расходоваться уже наши неприкосновенные годы…

Этим ли я руководствовался, или же за своими якобы сугубо рационалистическими рассуждениями прятал любовь к матери, которая так мало видела в жизни хорошего и так мало ела сладкого, что я при каждом удобном случае ездил в Харьков, навещал, а когда выяснилось, что мать уже практически ничего не видит, тут же взял билеты и привез ее в Москву, поместил в клинику Федорова.

Операция прошла успешно, но мать сама все испортила, когда бросилась поднимать соседку по палате. Дело в том, что после операции на глазах нельзя даже пукнуть, не то что поднять чайник или наклониться: соседка это помнила, а вот моя мать слишком уж привыкла помогать людям себе в ущерб… Решила помочь подняться соседке… и швы разошлись, меня срочно вызвали в клинику, необходимо делать вторую операцию.

Пришлось еще одну, задержалась на неделю, но все-таки обошлось, в Харьков вернулась окрыленная, ликующая, зрение вернулось на удивление стопроцентное. Издали приветствовала соседок на Журавлевке, хвасталась сыном-писателем.

Потом я привез мать на более длительный срок, в клинике стоматологии удалили последние корни, поставили белые сверкающие зубы. И снова мать вернулась на Украину хвастливая и довольная.

Однако через пару лет я сказал, что хватит там сидеть, забираю в Москву.

Через полгода и Ирина свою мать перевезла в Москву, теперь живут втроем в двухкомнатной квартире, ей выпала нелегкая роль ухаживать за своей и моей матерью, моих гонораров хватает, чтобы содержать всех троих, так как за три года жизни вне Украины ни моя мать, ни мать Ирины так и не сумели добиться получения элементарной пенсии. Хотя одной за семьдесят, а второй почти девяносто. Обеим предписано для получения гражданства России собрать по сотне справок, начиная с того, что у них нет СПИДа, что не служили в германской разведке, не возили наркотики из Афганистана в Боливию, не имеют порочащих связей с подпольем в Зимбабве.

И так – по сегодняшний день!

А мы с Лилией с головой окунулись в бурный водоворот книгоиздания в ту жуткую пору безвластия, абсолютной безнаказанности, преступности, наглого рэкета, беззащитности от властей и бандитов, дефицита бумаги, оборудования, очередей в

типографию…

Еще не успели подготовить первую книгу, как жена художника потребовала, чтобы мы не занимали художественную студию его мужа, который, кстати, работает у нас главным художником, получает неплохую зарплату. Пришлось снять под склад помещение на улице Солянка в здании библиотеки. Там издали и разместили первые тома «Англо-американской фантастики», там же и выдавали подписчикам. Для офиса, где работали техреды, редакторы, художники и верстальщик, сняли квартиру в Подсосенском переулке, проработали там с полгода. Работали до глубокой ночи, а когда народ расходился, мы – Лилия и я – едва успевали вернуться последним поездом метро на ул. Горького, уже, кажется, снова переименованную в Тверскую. Наконец я решил, что глупо ездить так далеко только для того, чтобы завалиться в постель. Ночевать проще тут же в офисе, сэкономим пару важных часов, а их всегда недостает действительно работающим людям.

Сказано – сделано, с утра отправились в офис с намерением после работы остаться там ночевать. Поднялись, на лестнице двое наших, бледные, с вытаращенными глазами. Дверь распахнута.

– Что случилось? – вскрикнул я.

– Дверь… взломана, – сказал один.

– Вы заходили?

– Только заглянули…

– В милицию сообщили?

– Нет, ждали…

– Быстро за милицией!

Милиция прибыла с собакой, а когда я пообещал половину найденного отдать в пользу сотрудников отделения, прибыло еще несколько человек. Увы, удалось отыскать только выброшенный ломик, которым взломали дверь. Ночью прошел сильнейший ливень, к тому же воры ушли крышами.

Я со злостью подумал, что судьба дает наглядный урок. Вот что значит опоздать на один день. Всего на один день. Ведь собирались же остаться ночевать здесь уже дня три и только сегодня решили твердо. Но – опоздали. Мораль: когда решился, не откладывай на потом.

Офис обворовали полностью, вынесли все, даже утюги и всю косметику Лилии, над чем она ревела. Я жалел больше всего над потерей видеокассет. Два видеомагнитофона унесли – плевать, они теперь в свободной продаже, но фильмы пока что огромная редкость, в СССР – тогда это еще был СССР! – поступают единицами. Чтобы найти новый фильм и переписать – только переписать! – нужно приложить столько усилий, что проще

прорыть подземный ход из Москвы в Бомбей. У меня насобиралось пятьдесят четыре видеокассеты, столько я сумел собрать за пять лет, и кто знает, сколько понадобится, чтобы восстановить потерю!

Через пару лет этих кассет в любом киоске стало как грязи. А в цене они упали примерно раз в сто. Любители покупали их обычно уже десятками.

С того дня мы с Лилей ночевали только в офисе, являясь днем директором и продавцом, а ночью – сторожами.

Одной из самых важных фигур издательства всегда был техред. Женщина, вооруженная толстым справочником и огромной сложной линейкой, на которой промаркированы деления и она снабжена особыми полиграфическими значками. Существует сложная система соответствия высоты букв, расстояния между ними и между строками, а также размер заглавия и расстояние от него и до начала текста, а также много-много еще чего, что просто невозможно запомнить даже самому техреду, потому он и не расстается с толстым справочником.

Все мои попытки предложить какие-то другие варианты расположения текста натыкались на железное: «Не положено!» и «По ГОСТу можно только вот так!». Наконец я, озлившись, ну не люблю рамки, не люблю! – уволил нашего техреда под благовидным предлогом: появились компьютеры, а книги стали верстать сами, ориентируясь на свой вкус, а не на устарелые нормы.

С компьютерами пришли программы для верстки, где все эти параметры уже введены заранее. Если, скажем, я задаю свое значение, то и все остальные автоматически подстраиваются, где-то уменьшая, где-то растягивая, убирая висячие строки, перебрасывая куски с одной страницы на другую.

Пришел удивительный мир, сладость которого может понять только тот, кто сталкивался с горячим набором. Что это? Не буду рассказывать, как наборщики подбирают буквы вручную по одной, а потом отливают большие металлические листы, с которых и печатают затем книги, скажу более простое, но наглядное: вы сдали рукопись, она прошла все инстанции, вы долго и кропотливо поработали с редактором, наконец она уже подготовлена в печать, получены первые оттиски… нет, не верстка, до этого были так называемые гранки, и тут редактор говорит: та-а-ак, надо сократить двадцать две страницы…

– Почему? – пугаетесь вы. – Что-то неправильно?

– Все правильно, – успокаивает редактор. – Просто лишние страницы.

– Почему?

Если он в хорошем настроении, то объяснит несмышленому автору:

– В листе тридцать две страницы. Это называется печатный лист. Если книга крупного формата, то таких страниц – шестнадцать. Но в нашей – тридцать две. Нельзя же, чтобы последние десять страниц шли пустыми?

Когда вы наконец понимаете, что книга сшивается из блоков по тридцать две страницы, а редактор может показать вам аналогичную книгу, вы робко предлагаете лучше дописать нужные десять страниц, чтобы двадцать две и десять дали нужные тридцать две, однако редактор объясняет, что издательству отпущено на год определенное количество бумаги, все уже распределено заранее на три года вперед. Добавить вам печатный лист, то есть тридцать две страницы, это урезать у другого автора.

Словом, мы застали весь тот же технологический набор, что и во времена Гутенберга. Точно так же печатали «Искру» дедушки Ленина и книги издательства Сытина.

И вот теперь…

Теперь при компьютерной верстке достаточно задать чуть больше расстояние между буквами, буквально на микрон, человеческий глаз не заметит разницу, в строке будет не шестьдесят две буквы, а шестьдесят одна, что автоматически добавит на книгу несколько страниц. Еще можно чуть-чуть увеличить расстояние между строками: не тридцать восемь, а тридцать семь – это еще несколько страниц. Есть и другие возможности: к примеру – поиграть со шрифтами, так что некогда важнейшая и востребованная профессия технического редактора ушла туда, куда ушли извозчики, трубочисты, специалисты по изготовлению карет.

Выпустили первый том, разобрали в первые два-три дня, подготовили и выпустили второй, третий… На четвертом произошел обвал: президенты России, Белоруссии и Украины решили раздробить СССР на отдельные страны.

Первую книгу печатали в Харькове: все-таки я кое-что знал в своем родном городе, потому начали с обкомовской типографии «Глобус», тем более что тамошние расценки намного ниже московских. Первый том везли с приключениями, «КамАЗы» ломались и застревали в сильнейшую метель, но весь тираж привезли в целости. Помещение под склад сняли в воинской части, объявили о раздаче по абонементам, выстроились очереди. Это был радостный день!

А через пару дней склад обворовали. Как выяснил нанятый для этой цели детектив, прибыли машины под руководством одного чернявого парня. По описанию мы узнали одного из «своих». Вывезли почти половину тиража. К счастью, подписчикам успели раздать их долю первого тома, а украли ту часть, которую мы планировали для свободной продажи.

Четвертый том тоже везли из Харькова, где печатался тираж, и… встали на границе. Это был тот решающий день, когда Украина голосовала: быть ей суверенной или же остаться в составе СССР? Сутки наши «КамАЗы» стояли, ожидая подсчета голосов, и вот… ура-ура, Украина проголосовала за независимость от проклятой России, от проклятых москалей, что постоянно ее грабят. Все книги были тут же реквизированы. «КамАЗы» вернулись в Москву пустыми, а весь тираж в двести тысяч экземпляров украинская… нет, таможни тогда еще не было, а та милиция, что исполняла роль первых пограничников, сдала в местную книготорговую сеть и деньги присвоила.

Конечно, может быть, присвоила не все, а с кем-то поделилась, но мы не получили ни копейки. Для нас это был страшный удар, так как накоплений еще не делали, все вкладывали в производство. Это был первый опыт частно предпринимательской деятельности, оглядываться не на кого, все делалось впервые, плюс в обществе постоянно менялись правила, начала бешено расти инфляция.

Но мы выжили, ибо тогда если прибыль бывала меньше, чем сто процентов, то за такое дело и не брались. А книгоиздание на первых порах давало четыреста процентов прибыли.

Работа кипит, Лилия успевает заниматься производством книг, а вечерами готовит. Ей в помощь пригласили милую такую женщину, забыл ее имя, они вместе убирали по дому, и вот однажды эта женщина очень мягко заметила:

– Лилия Анатольевна, я намного беднее вас, но я все-таки эти пакетики… выбрасываю.

Лиля, сгорая со стыда, собрала «лишние» пакеты и чуть ли не со слезами понесла в мусорку. Очень трудно примириться с конфликтной мыслью, что надо, именно надо, выбрасывать вполне пригодные вещи.

А картонные – даже еще не пластиковые! – стаканчики разных размеров из-под творога, которые Лиля старательно мыла и складировала, не имея сил выбросить? Когда попытался отправить в мусорное ведро, бурно запротестовала, жалко, а потом придумала, что отправит в Пермь папе и маме, будут

выращивать рассаду, а потом высадят в почву.

Я смолчал, прошло какое-то время, потихоньку выбросил. Лиля заметила не сразу, немного подулась, потом с великой жалостью начала выбрасывать и сама.

Купили компьютер. 286-й, самый настоящий, не эти примитивненькие «Синклеры», «Коммодоры» и «Амиги». У этого компьютера, который обошелся в четыреста зарплат инженера, повторяю это с удовольствием, была сумасшедшая тактовая частота – в три мегагерца! Более того, на передней панели есть кнопка с надписью «Турбо», и если на нее нажать, то компьютер начинает работать с удвоенной частотой, быстро и с ужасным шумом разогреваясь: в шесть мегагерц!

Правда, долго работать в этом режиме нельзя: компьютер перегреется и сгорит, но мы время от времени прибегали к этой суперскорости.

Следующий компьютер купили уже с тактовой частотой в двенадцать мегагерц. С приобретением этого компа совпадает появление удивительной программы, так называемой оболочки, резко ускорившей и упростившей работу с компьютером. До этого приходилось в DOCe писать все команды, а в этой новой программе, названной по имени создателя Питера Нортона просто Нортоном, нужно всего лишь подвести курсор к словам, выстроившимся в столбик:

copy
replace
delete
undelete

и любому множеству других, затем просто нажать Enter. И – все! Команда будет выполнена. Не нужно подробно писать, к примеру, что этот файл нужно скопировать из этой директорию в эту, а всего лишь кликнуть…

Правда, нестандартные команды приходилось все же писать вручную, Нортон не может предусмотреть все. К примеру, я и сейчас безошибочно напишу такую команду: arj x – v имя (раскручивает все подряд).

А кто знает, что она означает?

То-то, не знаете.

А это следствие того, что программы росли очень быстро, за ними не успевали не только флоппи-диски, но и более вместительные на 1.47, что оставались еще очень долго. Первые игры помещались на одной такой дискете штук по десять-двадцать, потом еще по пять-семь, знаменитый «Принц Персии» занимал уже четыреста килобайтов, а затем пришла

супердлинная игра «Crime wave», что не уместилась на дискету, так как занимала 1.6 мегабайта. Вот тогда впервые пришла необходимость как-то умещать такие программы в ограниченное пространство.

Разработчики пошли по двум путям: придуман первый архиватор arj, что сжимал программы в меньший объем, и созданы резалки, что резали программу на указанные доли, а потом, когда по частям перенесешь на другой компьютер, сшивали обратно в одно целое.

К примеру, мне не раз приходилось резать программу Windows и переносить дискетами емкостью в 1.47 мегабайта. Требовалось примерно восемнадцать таких дискет. К счастью, тогда Windows был не настолько велик, как сейчас, и на харде емкостью в сорок мегабайт места хватало на все-все.

Это приходилось делать часто, очень часто. Я уже никогда не забуду команду arj a – v1440 имя, и даже вот такую: arj a – r – vva – v1440. Ну-ка, кто скажет, что это такое? А тогда эту команду и во сне помнил тот, кто работал с компьютером.

Изобретено экзотическое приспособление, сперва настолько скверно работающее, что многие отказывались с ним работать. Это добавочный манипулятор, названный мышью.

Да и намного удобнее с клавиатурой, где пальцы уже сами знают и находят нужные горячие клавиши, знают комбинации, а мышью еще надо поймать сам курсор, а потом этим курсором отыскать нужную строчку в Нортоне.

Потом, намного позже, появилась еще более продвинутая оболочка, названная Windows'ом. Мы все бурчали на лишние графические навороты, хотя, конечно, всех впечатляло, что? когда на экране нажимаешь на значок пиктограммы, она слегка залипает. Ну прямо как в кино, но это же отжирает память, тут и так не знаешь, как еще ее разгрузить, то и дело выгружаешь из памяти разные программы…

После ряда модификаций Windows надолго закрепилась и приобрела хорошую репутацию версия 3.11. Хотя, конечно, это был полный разврат. Все-таки, когда мы работали в DOCe, то писали команды, как и положено белым людям, но с появлением Нортона уже можно не уметь писать, достаточно уметь читать: прочел название команды, выделил ее стрелками и жми Enter, а то и вовсе подвел мышкой курсор и щелкнул дважды. Ну, а суперразврат – это когда необязательно даже уметь читать: и неграмотный в состоянии понять картинку в этой новомодной и навороченной графической оболочке Windows 3.11 и ткнуть в нее курсором.

Это было время, когда клавиатуры у компьютеров заменялись через две-три недели. Ни в одном офисе не выдерживали больше месяца, ибо машинистки, которых пересадили с механических пишущих машинок «Москва» или «Оптима», продолжали колотить по клавишам с прежней силой. К тому же первые игроки, гоняясь за первыми шамусами или диггерами, почему-то считали, что от силы удара по клавише зависит мощь выстрела или удара меча, и потому клавиатуру приходилось выбрасывать раньше, чем игру проходили даже до середины. И хотя тогда десяток игр помещалось на дискетке емкостью 1.47 мегабайта, все-таки на этот десяток требовалось столько же и клавиатур.

Западные дистрибьютеры сходили с ума, не понимая такой диспропорции, но наконец не стали спорить с русскими парадоксами, умом Россию не понять, плюнули на все расчеты и завезли в эту загадочную страну вагоны клавиатур. Увы, за это время обладатели компов приноровились стучать по клаве потише, и снова западные фирмы понесли убытки и вовсю проклинали эту непредсказуемую страну.

Вторую кражу не переживем. И хотя достаточно было остаться на ночь одному, но у нас уже два-три компьютера, а это такое счастье, что приходилось на дежурство не назначать, а милостиво разрешать, как будто вручал путевку на Кипр. Ведь можно всю ночь играть, играть, играть…

Напомню, что тогда еще не было таких понятий, как save, и тот же шедевр Мичинера, как «Принц Персии», я и сейчас могу пройти с закрытыми глазами. Да-да, все пятнадцать уровней. Потому что после гибели приходилось начинать снова и снова, и просто недопустимо погибнуть уже на ранее пройденном левеле. И проходил бесчисленное количество раз снова и снова.

Появился Wolf, что потряс компьютерный мир, а чуть позже вышла знаменитая Lands of Lore, где впервые применена карта. Это очень облегчало прохождение, ибо раньше приходилось брать школьные тетради для математики и рисовать по клеточкам схемы подземных тоннелей, как, к примеру, в Eyes of Beholder.

Зрение портилось медленно, но все же ухудшилось наконец так, что я уже не могу разбирать документы, которые подписываю. Пришлось обратиться в клинику Федорова. Там сделали анализы, врачи долго переглядывались, один сказал с недоумением:

– Странно. Катаракта обычно наступает в значительно более позднем возрасте…

– Нервный стресс? – предположил второй.

Посмотрели на меня.

– У вас бывают нервные стрессы?

Я сдвинул плечами.

– Знаете ли, пью на ночь чашку крепчайшего кофе и сплю без задних ног. И вообще я толстокожий, как слон.

– Да?.. Но внутри могут происходить незаметные изменения. У вас были какие-то нервные срывы, продолжительное нервное напряжение?

Я покачал головой.

– Нет. Все, что происходит, с этим я справляюсь одной левой.

– Но не сейчас… Полгода назад или год? Два года? Ведь катаракта растет медленно.

Я снова хотел пожать плечами, но вспомнил причины, вызвавшие инфаркт, ответил осевшим голосом:

– Ну, вообще-то да, было. Даже вспоминать, гм…

Довольно быстро отправили на «карусельку», где каждый из врачей делает свою часть операции, затем меня передавали другому, третьему, четвертому, пока не прошел по всему кругу, около дюжины врачей, и каждый что-то резал, скоблил…

Вообще-то жуткое ощущение, когда глазное яблоко начинают скоблить, снимая с него стружку, как с луковицы! Чувствуешь хруст, как будто режут молодой капустный кочан. Веко опустить невозможно, распорка держит надежно. Анестезия минимальная, нужно, чтобы оперируемый был не только в полном сознании, но бодр и весел, так лучше и оперируется, и заживается.

А потом, держась за стеночку, ползешь в свою палату. И там отлеживаешься положенное время.

На втором глазу тоже катаракта, однако молодая, такие оперировать не берутся. Пусть еще утолщится, помутнеет, вконец ослепну, тогда операцию можно сделать. А пока что мешающая видеть пленка слишком тонкая, такие оперировать противопоказано.

Когда настало время выписываться, Лилия приехала за мной, конечно же, заблудившись, так как в Москве не так давно, еще и опоздала, как положено красивой женщине. А я, как водится у настоящих мужчин, ждать не стал, сел в подъехавший автобус и, с пересадкой, добрался до офиса.

Позвонил один из старых знакомых еще по советским временам, теперь он хозяин большого книжного магазина, естественно фантастики. Попросил приехать и встретиться с читателями, мол, у них ежемесячно проводятся такие встречи, уже побывали… и назвал ряд фамилий. Из которых я,

естественно, ни одну не запомнил, что-то очень новое. Рассказал, что в этих случаях обязательно заранее дают сообщение о предстоящей встрече в газете, что интересуется книгами, у них там постоянная рубрика, приходят читатели, там есть чай и кофе. Уютная обстановка, столы и стулья…

В те времена я еще выписывал ту газетку, видел такие объявления и по мере того, как подходила встреча, ожидал увидеть о сообщение о предстоящей встрече с Никитиным там-то и во столько-то. Такого сообщения не было, позвонил в магазин, там заверили, что все в порядке, встреча не отменяется, а сообщение просто… ну, наверное, не успели сдать в печать.

Я приехал, в самом деле милый магазин, столы, стулья, приветливая барменша наливает чай и кофе. Правда, за столиками народу маловато, но ничего, родные все, мы же все любим фантастику, значит – братья, сел, мы начали разговор. Правда, сразу удивила откровенная враждебность окружения, но мою толстую шкуру этим не пробьешь, с тем же дикарским радушием я рассказывал о фантастике, отвечал на вопросы, в конце встречи расписался на стене и отбыл.

Через пару недель в той же рубрике в той же газете появилось сообщение о состоявшейся встрече с «фантастом Никитиным». Только тогда до меня, как до жирафы, дошло, что случилось на самом деле. В магазине до меня уже происходили встречи многих пишущих в этом жанре, о каждой в газете предупреждали заранее, что состоится встреча со «знаменитым писателем-фантастом…», «писателем…», «крупнейшим писателем в жанре фантастики…», и только единственный Никитин не удостоился слова «писатель», хотя как раз он единственный является членом Союза Писателей с семьдесят седьмого года, а кроме работ в жанре фантастики, имеет ряд книг в твердой прозе, в историческом жанре.

Все стало понятно. Братством мы были, когда нас было мало и когда нас давила и презирала власть. А теперь, когда сво-бо-да, тут же началась грызня.

Естественно, вскоре тот магазин захирел и закрылся, вот что значит принести интересы читателей в жертву каких-то интриг, а та газетка начала стремительно терять тираж, который с нескольких миллионов сократился до тысяч. По теме добавить можно еще, что фамилия «Никитин» исчезла даже из рубрики «Сигнальные экземпляры». Да-да, той самой рубрики, где должны появляться и появлялись сообщения о книгах других авторов.

После этих грязных трюков я полностью отказался от всяких интервью, выступлений и прочей ерунды, что впоследствии назвали раскруткой и пиаром. Теперь, после падения Советской

власти есть возможность напрямую обращаться к читателям, так зачем мне посредники? Кто силен, тот силен!

Затем, при этой бурной жизни, хозяину приспичило продать квартиру, нам пришлось срочно искать другое место. Сняли в детском садике на первом этаже часть крыла. Заняли его книгами, там же и ночевали, охраняя книги.

В детском саду Лилия предложила робко, что хорошо бы завести собаку или кошку, я задумался, кого из них, ибо здоровый инстинкт сильного всегда заставляет о ком-то заботиться, а когда дети вырастают и разлетаются, то потребность заботиться о ком-то, менять пеленки и вытирать нос все равно остается…

С детства подбирал котят и щенков, приносил домой, выхаживал. И периодически у меня жили то кошки, то собаки. Но вот, когда в очередной раз восхотелось завести дома что-то такое вот, петовое, бесполезное, но приятное, задумался: кошку или собаку?

Сперва хотел было кошку, потом понял, что руководствуюсь прежде всего трусливой мыслью, что с кошкой просто меньше хлопот: не насрет на улице, не гавкнет на прохожего, а тот не закричат мне: уберите собаку, ходят тут всякие без намордника… а потом, уже став кошатником, начну искать себе оправдания и буду рассказывать о загадочной натуре кошек, о непостижимости кошачьего характера, потому кошек предпочитают собакам… И уже совсем было решился пойти на Птичий рынок и купить котенка, как, проанализировав доводы, понял, что движет мною обыкновенная обывательская трусость. Конечно же, кошка в любом случае не нагадит на тротуаре: сидит в квартире, а за собаку надо отвечать… отвечать же никто из нас не любит.

Потому многие заводят кошек, а затем начинается обязательный процесс поэтизации своего выбора, своей позиции. Начинают придумывать разные фантастические версии о гордости кошек и рабскости собак, о непостижимом уме кошек и прочих их достоинствах. Ну это как если человек, не в состоянии выбраться из бедности, начинает говорить, что он и не старался достичь достатка, ибо бедность – не порок, а все богатые – сволочи.

Поэтизация своего образа жизни необходима, иначе человек если не удавится от тоски, то в лучшем случае наживет себе язву. А так ходит гордый, мол, всех денег с собой не заберешь, зато я свободный, ну и что, если я в говне, – зато душа у меня чистая…

Так вот я плюнул и разрешил Лилии сходить в клуб и прибрести щеночка. Замечательнейшего боксерчика,

толстенького, веселого, игривую девочку, которую назвали Хрюкой. Чуть позже Хрюка стала одним из главных персонажей в «Ярости».

В это время, как уже говорил, мы жили на складе, снимаемом в помещении детского сада, работая днем директорами и грузчиками, а ночью – сторожами. С утра у нашего крыльца собиралась толпа малышей, которые писклявыми голосами просили выпустить гулять Хрюку. Мы выпускали, и они во время прогулки носились по огромной огороженной территории. А вечером, когда родители приходили их забирать, взахлеб рассказывали, что здесь живет громадная собака, с которой они играют. Чтобы успокоить родителей, пришлось показать им громадного пса, трехмесячную Хрюку, которая дальше забора детского сада еще никуда не выходила. Эта охранная собака лезла ко всем на ручки и могла зализать до смерти любого вора.

А ночью в зарешеченные окна бросали камни неизвестные, преисполненные справедливого пролетарского негодования, что кто-то пытается жить лучше, чем они, газгольдеры духовности и богатства загадочной русской души. Я выскакивал и стрелял в темноту из газового пистолета. Грохот, как от настоящего, пролетариат разбегался: вдруг да эти проклятые кооператоры попадут в кого и в темноте. А жить хочется и пьяному, и ленивому.

Из детского сада нас попросило испуганное слухами о криминале руководство детского сада. И хотя мы платили исправно, вели себя тише воды, однако своя шкура дороже, нас торопили, мы сняли новый склад. В это время кампания против мафии закончилась, дирекция детского сада уговаривала нас остаться, но мы уже уплатили аванс за новое помещение, так что перебрались и со складом, и с офисом.

Мафия в нашей стране нашла самую лучшую в мире почву. Мы все – сторонники мафии. Даже если сами в этом не признаемся. Ведь все семьдесят лет полиция, ну пусть милиция, и власти были окружены страхом и ненавистью. Милиционером пугали детей. От власти ждали только арестов, обвинений, неприятностей. И всякий, кто ей сопротивлялся, считался героем. Стыдно было украсть у кого-то кошелек или хотя бы щепочку, но с завода или института можно было воровать все, что сумеешь унести, – никто из коллег слова не скажет, не осудит и тем более не выдаст, ибо это принадлежало власти, той самой ненавистной власти!

Если в старом правовом государстве, к примеру в Англии,

власть обманывают только преступники, то в России, кроме них, долгом совести считали ее обманывать и бороться с нею интеллигенция, писатели, ученые, словом, лучшая часть общества! А средний слой, который не был ни ворами в законе, ни писателями с мировым именем, попросту итальянил, бил баклуши, делал вид, что работает, а сам воровал у власти все, что мог.

И сейчас, когда к власти пришли те же партийные чиновники прошлых лет, а передадут ее только своим детям и внукам, к власти осталось такое же отношение.

Бабулька, что пришла и предлагала деньги в долг под крохотный процент. Продала квартиру, а деньги боится вложить в банки и фонды: лопнут, предлагает нам. Мы отказались, ибо нельзя рисковать чужими деньгами.

Сафаров, начальник нашего транспортного цеха, пришел на работу веселый, рассказал с энтузиазмом:

– Мир меняется!.. Я когда сюда шел, такое видел!.. Бабка ковыляла себе, а когда увидела шикарный мерс на той стороне, так сразу выпрямилась, гордо так подошла, а водитель выскочил, дверь перед ней распахнул! Я еще заметил на заднем сиденье двоих быков.

Я кивнул, почти не слушая, а наш главный редактор насторожился, переспросил:

– Бабка была не в сером драповом пальтишке?

– Верно, – кивнул Сафаров. Засмеялся. – Что, знакомая?

– В какой-то мере, – ответил главный медленно.

Сейчас в пример ставят Чехию, где преобразования были проделаны в кратчайший срок, теперь это самая благополучная страна Восточной Европы. Всего лишь три года длился спад, а сегодня Чехия переживает небывалый подъем.

Экономисты гадают о «чешском чуде», да что там гадать: там президентом стал Вацлав Гавел, которого коммунисты бросили в концлагерь, а у нас президентами становятся те, кто сажал Гавела и других в лагеря, сжигал их книги.

Как бы Ельцин ни рядился в тогу демократа, но как был секретарем обкома партии, так им и остался. А к чему эти секретари обкомов привели страну, уже видим.

Мы продолжали выпускать англо-американскую фантастику в подписных томах и отдельными книгами, начали готовить детективы и дамские романы. Дело расширялось, приходили новые сотрудники, десятки переводчиков трудились день и ночь,

а квалифицированные редакторы готовили книги к печати.

К слову сказать, это отмечали все подписчики и покупатели, наши книги были едва ли не самыми удачными по исполнению и грамотными. Здесь сказалось то, что я знал в Союзе Писателей всех, кого стоило бы привлечь, и в числе первых привлек Томберга. Мы познакомились еще в те старые дни. Он тогда принимал партийные взносы у переводчиков. Сейчас я привлек к работе его, а он – лучших и наиболее профессиональных переводчиков, только членов Союза Писателей, которые ранее переводили Хемингуэя, Селинджера, Джойса.

Это уже потом придет эпоха малограмотных мальчиков, что переводят тексты с помощью компьютерной программы! Напоминаю, что мы, «Змей Горыныч», работали тогда, когда не было еще ни «ЭКСМО», ни АСТ, ни каких-либо ныне существующих коммерческих издательств.

Пришли на рынок на Цветном бульваре, Лилия ходила ошеломленная, старалась купить все подешевле, и вот наконец мы зашли в молочный отдел. Купили молока и сметаны, в это время одна немолодая продавщица обратилась к Лилии:

– Доченька, купи сливок!

Лилия растерянно переспросила:

– Что?

– Сливок, доченька, – повторила продавщица, – очень хорошие сливки. Свежие!

– Что? – переспросила Лилия. Ее нежные щеки залило жарким румянцем. – Что купить?

– Сливки, – повторила продавщица уже растерянно, – хорошие сливки… Свежие…

Уже и соседние продавщицы и продавцы начали прислушиваться. На перекрестье взглядов Лилия совсем залилась краской. Я поспешил на выручку:

– Ничего, у нас сливки зовут обычно вершками. Да, мы берем.

– Сколько?

– Да эту бутылку и берем. И ту, что побольше, – тоже.

Расплатившись, мы забрали покупки и поспешно вышли. Я шепотом объяснил, что такое сливки, глаза Лилии наполнились слезами.

– Ну что тут такого?.. Да, я в самом деле никогда не видела сливок! И что, это позорно? Ты же знаешь, мы были бедными, очень бедными. У меня никогда не было ни одного платья, купленного в магазине: сперва мне шила мама, а потом уже я сама!.. Этот комбинезон, который тебе так нравится, я сама сшила! И плащ на мне тоже сшит своими руками!

Я сказал торопливо:

– Лиля, все в порядке, все в порядке… Но ты выглядишь так, что тебя можно на рекламу рыбьего жира. У тебя настолько чистое юное лицо, словно всю жизнь питалась экологически чистыми и сбалансированными, а фигура у тебя такая, будто у тебя десять тренеров по шейпингу!

Дома я разлил сливки по стаканам и смотрел, как Лилия, мать двоих детей, впервые в жизни пьет их. Я чувствовал, что у меня самого наворачиваются слезы на эту несправедливость жизни: ну почему, почему она обделяла этого прекрасного ребенка так долго? Ну что это за жизнь, когда взрослый человек, очень даже взрослый, не знает даже слова «сливки»? И что за страна, где целые регионы живут, по сути, за чертой голода, и это считается нормой?

Но дальше случилось то, что обязательно должно было случиться в фирме, где хозяин не вор в законе, что любого достанет и посадит на нож: один из самых близких и доверяемых в фирме решился прокрутить собственную операцию, пользуясь моим полным доверием, и тем самым лишил ее всех денег.

Лиля долго плакала, она вообще легко ударяется в слезы, а сейчас в самом деле горько и тяжело. Даже у меня, толстокожего, ком в глотке.

– Да, – сказал я зло, – нас подставили те, на кого уж никак не могли подумать. Даже не подставили, а именно предали! И сейчас, когда мы на нуле… и даже ниже, чем на нуле, нам теперь не тягаться с могучими концернами. У них есть власть, связи, помещения, техника, производство. Но что-то есть такое, чего у них нет, а у нас есть…

– Что? – спросила она с недоверием.

– Головы, – ответил я почти свирепо. – Есть поле деятельности, когда никакие связи и власти не помогут. Когда садятся двое за шахматную доску, то побеждает тот, кто сильнее. Здесь не помогут ни связи, ни хитрости, ни подлости! На этом ринге мы побиваем и свое жулье, и американцев, и немцев, и всех-всех на свете. Для того, чтобы написать картину, нужно всего лишь холст и краски. Для того, чтобы написать книгу, нужно лист бумаги и огрызок карандаша. Издать мы сумеем… а там мы выкарабкаемся снова. Нужно только издать то, что будет раскупаться и что принесет прибыль. А там посмотрим, когда схлестнемся на равных!

Она смотрела с надеждой. Потом вздрогнула, вскинула брови:

– Но где взять такой суперроман?

– Да, – ответил я, – в этом все дело.

– У тебя… есть какие-то идеи?

– Ты же знаешь, я ими всегда полон.

Мокрые дорожки на ее щеках не высохли, блестели, но пока запруда век уже сдерживала новое море слез.

– Да, но…

– Лиля, – сказал я, – нас осталось двое. Мы не сдаемся. Но попробуем зайти с другого конца. За четырнадцать лет, которые я был под запретом, а затем в забвении, я все время от времени писал. Садился… нет, не за стол, стола у меня никогда не было, а примащивался либо с пишущей машинкой на коленях, либо на подоконнике, но все же писал. Мне было обидно, что вся Россия знает легенды о рыцарях Круглого стола, но редкий слышал о великом воине и маге Олеге Вещем, мало кто знает славянские легенды о богах и героях. Я составил такое…

Теперь мокрые дорожки начали подсыхать. Она спросила все еще сиплым голосом:

– И что у тебя есть?

– Два-три романа готовы к печати, – ответил я. – Они, кстати, уже попутешествовали по издательствам, но везде был отказ… И еще три-четыре написаны на две трети. Плюс куча рукописей с романами, сделанными до половины.

Она смотрела с удивлением, затем в глазах блеснула надежда:

– Ты хочешь…

– Да, – ответил я. – Мы создаем новое издательство. Маленькое, крохотное. Всего ты и я. Ты директор и… все остальное. Вплоть до уборщицы. Нет, включая. А я по старой памяти буду грузчиком. Возьмем в банке или не в банке денег под процент, купим бумагу, запустим мою книгу. Если удастся выпустить крохотных тиражик и продать, то мы выживем. А дальше… Мы все равно выживем! У нас есть отвага, мы умеем работать по двадцать часов сутки, у нас есть мозги!

Слезы начали высыхать, она спросила жадно:

– Как назовем?

– «Равлик», – ответил я, не задумываясь.

Ее глаза стали как блюдца:

– Что это еще за равлик?

– В древнерусском языке так называлась маленькая улитка. Крохотная! Так, кстати, и сейчас называют на украинском, польском и прочих славянских языках. Равлик может стать Змеем Горынычем, если сумеет пройти через множество бед, опасностей, препятствий.

Она замедленно кивнула, я видел как отчаяние в ее

прекрасных глазах уступает место расчетливому выражению:

– Да, а потом, если сумеем встать на ноги снова, мы возродим своего Змея. Если прямо сейчас подать на регистрацию… Как ты назвал свой роман?

Вопрос застиг меня врасплох. Я пожал плечами:

– Пока никак. Там речь идет о трех простофилях из Леса, которые выходят в мир, подобный нашему. Просто трое из Леса.

– Пусть будет «Трое из Леса», – решила она.

– Пусть. Я всегда пасую с названиями.

– Но их вроде бы придумывают в самом начале…

– Кто как. Я обычно в последнюю минуту, когда надо сдавать в издательство.

Выпускаем «Трое из Леса», расходится неожиданно «на ура». Похоже, англо-американской фантастикой уже обожрались. Все-таки за советское время нас приучили к высококачественной пище, по крайней мере в жанре фантастики: переводили только лучших, плюс переводчиками выступали прекрасные писатели, как знатоки языка иностранного, так и виртуозы своего. В результате переводные произведения часто получались выше классом, чем оригиналы.

Сейчас же лучшее уже выбрали, хорошего нигде не бывают горы, а теперь пошли на-гора цистерны дерьма, которого в американской фантастике тот же процент, что в любой другой. И, наконец, читателю восхотелось хоть чего-то и отечественного. Это я так, объясняю, хотя, конечно же, хочется сказать, что у меня намного лучше, круче, интереснее… как оно на самом деле, конечно же, и есть.

И хотя тиражи «Троих из Леса» невелики, но повторяем их и повторяем, прибыль стопроцентная, хватает платить за квартиру, офис и склад, выплачивать чудовищный процент: двадцать пять процентов… в месяц! Лилия наконец-то оделась с головы до ног в настоящую фирменную одежду, а не ту, которую сама шила по выкройкам из журнала «Бурда». Конечно, не Версачи, но все-таки концы с концами уже сводим.

– Теперь я наконец-то могу показаться своим, – прошептала она, вертясь перед зеркалом в магазине.

– Родне?

– Не только. Всем, кто отговаривал.

– Ехать в Москву?

– Ехать к тебе. Ни один человек не сказал: езжай! Все говорили: пропадешь, дура. Не смей!

Я развел руками.

– Считаешь, что новой одежды достаточно?

– Ну хоть что-то. Представляешь, что обо мне в Перми рассказывают?

Я невесело засмеялся.

– То же самое, что обо мне в Харькове.

Выпустили «Трое в Песках», а затем и «Трое и Дана», вторую и третью книгу моего цикла. Уходят на улет, читатели требуют продолжения. Я встал перед трудной дилеммой, надо выдавать те книги, что хорошо расходятся, это азбука выживания, но в то же время я в первую очередь – писатель. А это значит, что я самое свободное, независимое и сварливое существо на свете, которое знает все и как, и никто ему слова поперек не скажи, не указывай, не учи, даже не намекивай, что кто-то что-то может знать лучше.

Словом, у меня две уже начатые книги совсем на другую тему, и совсем не хочется писать то, что читатель требует. А вот возьму и напишу не то, что он хочет, а то, что ему нужно!..

Еще через пару лет после колоссальной трескучей рекламы могучее и богатейшее питерское издательство «Северо-Запад» выпускает роман Семеновой «Волкодав». В рекламе роман именуется «русским Конаном», что, собственно, верно, сюжет почти полностью повторяет два американских фильма: «Конан-варвар» и «Конан-разрушитель». Правда, видеомагнитофоны пока еще редкость, а фильмы только на пиратских кассетах, так что «Волкодав» без всяких помех провозглашен первым произведением в русском фэнтези, а Семенову объявили родоначальницей русского фэнтези.

Мои читатели возмущались, как же так, я успокаивал: мол, я – марафонец, и весна покажет, кто где срал. В нашей стране и в нашей неразберихе и не то возможно. Мне, собственно, это до фени, кто есть кто, кого как назовет в угоду своим интересам финансовая группа, но пройдут годы, оглушительная реклама стихнет, дурман развеется, и читающие увидят, кто есть ху.

Уже потом, глядя с высоты опыта и прожитых лет при новой власти, понял, что моя профессия творческого человека позволила в числе самых первых создать частное предприятие… и моя же щепетильность человека свободной профессии погубила его.

Присмотревшись, в бизнес перешли люди из райкомов, горкомов, парткомов. Кто-то приватизировал типографии, заводы, склады с бумагой и картоном, кто-то – сразу даже заводы и многоэтажные здания. Они сразу начали вести дела так, как вели и раньше партийные: по трупам, по трупам, по трупам… Тогда еще не было киллеров, но конкурентов, которые у них же

покупают бумагу, у них же снимают помещение под склад для книг и под офис, можно убивать и по-иному.

Их можно, что называется, подставить, их можно подвести тысячью других способов и выставить виновными, а в уже купленной ими газете купленный журналист напишет, что если не умеешь вести дела, то не берись. Человеку не важно, как и почему книга не вышла вовремя, ему дай ее любой ценой. Любой. ЛЮБОЙ. Страшноватое слово, а? Но звучит гордо, а если не вдумываться в страшный смысл, то можно лихо петь: «Нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим!»

Прекраснодушные мечтатели, которые первыми начали как перестройку, так и бизнес, сгинули. Одни в концлагерях, других вытолкали за рубеж, а героем стал отец водородной бомбы, лауреат Сталинской, Ленинских и прочих премий, который к концу карьеры в некоторых аспектах перестал соглашаться с методами построения коммунизма.

И что же? Да ничего. Каждому свое. Может быть, и лучше, что совестливых более беззастенчивые вытеснили… даже попросту вышибли с рынка. И меня в том числе. А то и сам бы постепенно стал таким.

А так снова пишу книги.

Народец стандартен и одинаков, как доски в заборе. Слепо копируют друг друга, даже не подумают сделать шаг вправо или влево.

Более консервативного занятия, чем книгоиздательство, похоже, вообще не существует. Ну, разве что пришла иная техника. Даже дедушка Ленин не трогал книгоиздание, это дядюшка Сталин взял и приказал перевернуть корешок, чтоб у нас и это было не так, как на проклятом Западе.

Перевернули. Выросло новое поколение, и вот уже следующее воспринимает такое расположение букв как само собой разумеющееся и единственное верное, ведь все, что спускалось сверху, принималось свято. А потом недоумевающие спрашивали: а что, разве не так было?

Кстати, не так было и в России до Советской власти.

Когда мы начали выпускать книги, я сразу же велел повернуть надпись на корешках. Естественно, что все простые и даже очень простые люди восприняли как крамольное «вверх ногами», хотя именно нынешнее расположение букв и есть это самое стояние на ушах. Вот самый простой пример, как легко навязать населению целой страны что-то совсем нелепое, оправданное только идеологией и жаждой отличаться от проклятых капиталистов!

И когда мне задают вопрос: почему располагаете надписи на корешках «вверх ногами»? Я молча указываю на полочку с англо-американской фантастикой штатовских и британских изданий.

Так что те, у кого сохранились книги издательства «Равлик», могут увидеть все эти ультрасовременные новшества, которые я ввел в полиграфию. Увы, не прижились, люди очень даже консервативны. Куда пихнешь, туда идут.

Но корешков было мало. На последней страничке Сталин распорядился печатать все выходные данные: имена редакторов, корректоров, художников и пр., чтобы можно было сразу привлечь, кого надо, а кого и сразу к стенке. Тогда же начали печатать абракадабру из непонятных сокращений, означающих учетно-издательские листы, авторские листы, печатные листы, гарнитуру, сорт бумаги и пр., пр., пр.

Как пародию на эти порядки я велел печатать еще и фамилии бухгалтера, дворника, слесаря и машинистки. Читателями принято было «на ура», а когда я решил все эти уч.-изд. Лист. и пр. заменить на простое и понятное для читателя количество слов, знаков и абзацев в книге – восторгу не было предела, ибо сразу каждый видел, чем книга отличается от предыдущего издания: в самом ли деле что-то «добавлено и дополнено»! Кстати, читатели восприняли это с восторгом, а вот издатели – кисло. Тогда многие в условиях книжного дефицита старались напечатать поскорее и побольше, тексты растягивали, раздували, набирая крупным кеглем и бессовестно используя интерлиньяж, им уже никак нельзя было подхватить подобное начинание!

Несмотря на фотонаборные машины и приход компьютеров, производство книг не менялось. Мне это казалось нелепым, возникли кое-какие идеи, как все изменить, чтобы все в ногу с веком, но к этому времени интерес к изданию книг начал угасать, проще лежать на диване и сочинять романы, и я оставил реформы в мировом книгоиздании.

Святость, таинственность и гипертрофированное значение секса в прошлом было обусловлено всего лишь невежеством и незнанием, что же это такое и как с этой таинственной силой справиться. Даже опытные женщины не знали того, что узнают чуть ли не с детского садика нынешние особи женского пола. Эти прекрасно знают насчет опасных дней, а в остальное время заниматься любовью можно без предохранения.

Кроме того, не было противозачаточных средств, я прекрасно помню, что в итоге все женщины проходили через кровавую и жестокую необходимость абортов. И снова абортов. И снова. Со времен древних египтян и до моего времени способ не изменился,

но за период моей жизни произошло повзросление человечества.

Теперь, когда каждая школьница знает технику секса, преспокойно относится к этой довольно простенькой радости, хоть и приятной, тем более – легко доступной, таинственность и сакральность утеряна. Человечество поднимается на другую ступеньку. Начинает ощущать радости слаже, сильнее, тоньше, выше по качеству.

Правда, потеряно то жутковато-сладкое ощущение таинственности и недоступности. Ну что ж, без потерь на пути прогресса не бывает. Зато приходит что-то иное, чего не знали тогда. К примеру, компьютерные игры, сноуборд, дельтапланы…

В нашей коммунальной квартире за десять лет моего проживания две семьи получили квартиры, а двое хозяев просто померли. Каждый раз одна из освободившихся комнат автоматически присоединялась ко мне, так как в моей мы прописаны вчетвером: я, Ирина, сын и дочь. За это время сын и дочь выросли, закончили школы, сын женился и развелся, дочь вышла замуж и тоже развелась, но оба – вот уж не москвичи с их хваткой! – прописали в мою квартиру, с моего разрешения, понятно, своих супругов.

Так что однажды в моем распоряжении оказалась вся шестикомнатная квартира с кухней в двадцать метров, потолками в четыре и расположением на улице Горького, дом двенадцать. Для неграмотных напоминаю, что адрес Моссовета – ул. Горького, дом тринадцать. Теперь, ессно, ул. Тверская.

Дети, понятно, возжелали жить отдельно и восхотели разделить квартиру. Началась отвратительная грызня за сантиметры, всем нужно больше, всем нужно больше. Я спорить, как вы уже чувствуете, не стал. Согласился на раздел, добавил только, что это последнее, что для них делаю, более того: отдаю все, себе не оставляю ни сантиметра, буду снимать квартиру.

Обычно родители отправляют детей снимать жилье, а сами остаются в старом гнезде, но у нас все наоборот: я ведь моложе и сильнее, чем мои дети, потому с Лилей ушли и десять лет скитались по квартирам. Друзья-корчмовцы бывали у нас в гостях и всякий раз ахали в ужасе: да как можно так жить? Это же… это же невозможно!

Особенно ужасался Петя Кириченко, мой друг по Союзу Писателей. У него и квартира, и машина, и дача – все от Союза, а у меня не только ничего нет, но еще и долг более чем сто тысяч долларов, которые должен отдать крутым ребятам, счетчик тикает, проценты набегают. За время скитаний мы постепенно уменьшили долг со ста двадцати тысяч долларов до пятидесяти, и

в это время пришел один из читателей, который начал уговаривать нас бросить заниматься издательским делом, а продать права на издание своих книг крупному издательству.

За это время мы уже выпустили семнадцать книг.

И мы призадумались.

Стремительно появляются суперновые технологии хранения данных, как, к примеру, стриммеры, затем пошла мода на зипы. Это дискеты, по размерам аналогичные привычным на один и сорок семь, только вдвое толще. На них удавалось помещать от десяти до сорока мегабайтов. Но и стриммеры, и зипы исчезли, уступив место новым дисководам под дискеты, формой аналогичные тем же привычным на один и сорок семь, но на которые помещается сто двадцать мегабайтов.

Эти дискеты и дисководы тоже исчезли, не выдержав конкуренции с новыми революционными и стремительно удешевляющимися дисководами на CD. На лазерные диски помещается шестьсот пятьдесят мегабайтов, а в каждом человеке живет стремление взять то, что больше, мощнее, круче. Сидиромы победили, хотя все еще оставались дорогими игрушками. Потом удалось достичь двукратной скорости чтения, затем четырехкратной…

Увы, шестикратной скорости, как писали в солидных изданиях все ведущие специалисты, достичь не удастся: слишком велика вибрация, чтение станет невозможным… Однако же в реальности как-то незаметно была достигнута и шестикратная, и восьми, и двенадцати, и сорока, а затем заговорили о возможности создания записывающего дисковода, то есть потребитель сможет не только читать, но и записывать на лазерные диски сам…

А потом новый виток – перезаписывающие.

Мы все ликовали, когда печатные машинки втихую были переставлены на шкафы, а их место заняли отчаянно визжащие матричные принтеры. Сперва шестиигольные, затем двенадцати, а потом уже и не помню, были или не были тридцатидвух – их заменили первые лазерные, что работали без визга, скрипа и пробивания бумаги.

Купили сканер, это такое устройство размером со шкаф, что в состоянии прочесть текст книги или скопировать фотографию.

У нас был приятель Миша, менеджер компьютерной фирмы, что всегда держал нас в курсе компьютерных новостей. В одно из своих посещений он с восторгом рассказывает о новом

графическом чуде: особом графическом ускорителе, что помогает выводить изображение на экран монитора быстрее и качественнее. Это называется графический видеоускоритель Voodoo, просто супер, такие чудеса творит!

Лиля слушала с восторгом, глаза горят, как у голодного котенка, перед которым поставили широкое блюдце со сметаной… но пока не дают, торопливо спросила:

– А когда они будут у нас, в России?

– Уже первая поставка, – сообщил он возбужденно. – Вчера получили образцы, всю ночь гоняли на всех тестах, а потом оторвались на кваке!.. У нас как с ума все посходили!

Лиля выпалила умоляюще:

– Миша, принеси!..

Я прервал, не давая Мише ответить:

– Перестань! У тебя сапоги дырявые. И курточка протерлась.

– Да что тебе курточка?

– А сапоги? – возразил я. – Трещина такая, что уже не пальцы, вся ступня вот-вот вылезет!

Она сказала жалобно:

– Да похожу я еще в старых сапогах, похожу!.. Ну давай эту Вуду купим, а? Ну давай!

Я отмахнулся.

– Марш на кухню. Сделай нам по чашке кофе и по бутерброду. Большому.

Она ушла, Миша провожал ее вытаращенными глазами. Из кухни донесся визг кофемолки, Миша перевел потрясенный взгляд на меня. В глазах блеснула влага, губы задрожали.

– Что за… – сказал он плачущим голосом. – Как она… Да еще такая красивая! А вот моя, моя… как только за комп, сразу же то сходи в магазин за селедкой, то пойди выбей ковер, то еще какую-нибудь хренотень… Сама компьютер ненавидит, боится подходить, от него ж радиация, и вообще – это зло… А как Лиля, такая молодая и красивая, ослепительно красивая!.. и вдруг интересуется компьютером?

Я кивнул на второй комп.

– Видишь шнур? Мы по локалке режемся. Но чаще вдвоем идем бить гадов. Я с мечом впереди, она с луком за моей широкой спиной. А когда я бью мелких гадов, она все собирает в сумочку, лечит меня, вовремя подбрасывает аптечки… Вдвоем красота! Попробуй.

Сказал и осекся, в глазах Миши заблестели настоящие слезы. Ну что я такое ляпнул, не подумав, он же сказал, как жена смотрит на комп, такую не переделаешь…

Очень люблю сам делать сценарии. Начал с Warcraft'a, понравилось. Мои карты оказались куда интереснее, чем те, что делали умельцы из Близзарда, я еще тогда ощутил, что все игры делают пока что одни программисты, в командах недостает не только художников, но, самое главное, – умелых сценаристов.

И потом, когда начали появляться игры уже отечественных команд, снова убедился, что программисты у нас великолепные, но абсолютная дурость и неумелость тех, кто должен придумывать игры, все их талантливые наработки превращает в навозные кучи.

Первые книги делались энтузиастами. К примеру, рисунки к первым «Троим» и «Ярости» делал совершенно бесплатно талантливый художник Вадим Кондратьев. Это уже потом, через несколько лет, когда встали на ноги, смогли заплатить, но в начале все работали над проектом, не думая о пачках баксов.

Кондратьев решил опробовать «мыльницу», начал фотографировать когда мы с Лилей вышли его провожать. Я усадил Лилю на плечи, она визжала в страхе, он снимал, но здесь слишком густая тень от деревьев, я перешел на другую сторону улицы, там солнечно, и пока переходил через проезжую часть, машины отчаянно сигналили при виде такого зрелища, Лиля верещала.

Я встал на одной ноге, вторую загнул в йоговской позиции, положив стопу на колено. Это фото поместили на заднюю обложку книги «Трое в Долине» издательства «Равлик», после чего сразу же начались насмешки в «Корчме», что это, мол, фотомонтаж, Никитин даже книгу не поднимет, если толстая.

Озлившись, я предложил скептикам прийти в центральный магазин «Библио-глобус», где я все повторю перед сотней зрителей, пусть будут свидетелями. Так и сделал: несмотря на жуткую простуду, что изнуряла уже с неделю, посадил Лилю на плечи и попрыгал на одной ноге, поплясал, демонстрируя, что это совсем просто.

Это тоже засняли, я фото поместил на сайт, пусть заткнутся. Почему-то всем подросткам кажется, что в шестьдесят лет человек должен обязательно ходить с палочкой. Да хотя, если честно, я разве думал иначе?

Телефонный звонок, я снял трубку, задыхающийся голос в мембране:

– Я в троллейбусе… три остановки… встреть меня… много сумок…

Я свистнул Хрюку, быстро спустился на лифте, а когда подошли к остановке, как раз подкатил троллейбус. Лиля едва вышла, нагруженная пакетами и сумками, еда на всю фирму, я подхватил две трети, Лиля сказала с неловкостью:

– Хоть не звони… Так смотрят, так смотрят…

– А что не так?

– Да просто… Когда ты вчера позвонил, все начали оглядываться, не понимают, откуда музыка какая-то электронная в салоне…

Я смолчал, все объяснимо, трудно представить, что человек, сумевший приобрести мобильник, едет в троллейбусе. Первые мобильники, о ужас, самые дешевые – две тысячи долларов. Мобильник если и не дороже автомобиля, то уж точно по классности и респектабельности впереди автомобиля, а не позади. Любой в здравом уме сперва приобретает автомобиль, а мобильник потом, но никогда наоборот. Тем более, что по цене мобильник и автомобиль почти равны. Человек с мобильником в троллейбусе нонсенс, нелепость.

Петр Кириченко, земляк, с ним в партбюро поочередно принимали партвзносы в секции прозаиков, часто заходит в гости, сочувствует, у него все три слагаемых успешности жизни при Советской власти, у меня же не только не было ни квартиры, ни машины, ни дачи, но еще и сижу в жутком долгу, выплачивая только по процентам две тысячи долларов в месяц.

Он ахал, сочувствовал, соболезновал, учил жить, подсказывал, где лучше снять квартиру, а последнюю квартиру мы вообще снимали по его наводке у его приятеля в его же подъезде и на его этаже дверь в дверь, так что вечерами он заходил и учил жить. Сегодня вот долго и подробно рассказывал, что надо ходить гулять в лес, чтобы разрабатывать сердце, у нас, писателей, оно слабеет без нагрузок.

Я в беспомощности разводил руками.

– Петя, у тебя квартира, машина, дача, а у меня ни черта… ну не имею я права, не имею – заниматься здоровьем! Я должен выкарабкиваться, зарабатывать. Мужчина не должен думать о здоровье. По крайней мере, до тех пор, пока не встанет на ноги и не поставит всех, от него зависящих.

– У тебя какое давление? – спросил он.

– Сто семьдесят на сто, – ответил я неохотно.

– Это в состоянии покоя, – сказал он. – А когда подвигаешься, пройдешься?

– Двести на сто десять, – признался я с неохотой, – но все равно чувствую себя терпимо, так что не стану сейчас им,

проклятым, заниматься. Когда-то вытащил себя из ямы, потом еще и еще, и, если придется, вытащу снова. По крайней мере, надеюсь.

Он покачал головой, лицо строгое, очень серьезное, в глазах отеческая укоризна. Он моложе меня лет на семь, но чувствует себя старше, так как ведет себя серьезно, а вот я… несерьезно даже очень.

– Здоровье не купишь, – сказал он. Подумал и добавил наставительно: – И не вернешь, если растратил. Лучше присоединяйся, будем вместе гулять по парку. У нас тут близко чудесный парк, перед китайским посольством, большой пруд, хорошие, просто прекрасные пешеходные дорожки…

Я с неловкостью развел руками.

– Извини, я лучше покаторжаню себя за компьютером. Надо вылезать из ямы. Мне будет стыдно из-за таких прогулок перед Лилей, да вообще перед всем миром! Мужчина в первую очередь должен думать о том, чтобы содержать близких и всех, доверившихся ему. Я считаю, что басню насчет равноправия полов придумали те слабаки и лодыри, которые не могли работать за себя и женщин. А вот когда вылезу…

– А если не вылезешь?

– Тогда уже не будет стыдно. И никто винить не станет. Скажут, старался!

По радио сообщили, что население планеты перешло рубеж в семь миллиардов человек. И, несмотря на то, что население Европы стремительно сокращается, еще стремительнее растет в Китае, Индии, Индонезии, арабских странах. Скоро они хлынут через теперь уже прозрачные границы…

В очередной приезд детей Лилия повела их в магазин на Новом Арбате. Что еще можно было тогда показывать детям, когда в Москве уже есть все, а в глубинке… В магазине тогда была прилавочная система, и тетка за прилавком – это царь и бог. Встали в разные очереди, чтобы быстрей все купить, Алеше она сказала: купи вот эти йогурты – очень вкусные, а с Никитой пошли за колбасой, так вот, возвращаясь, слышит дикий вопль продавщицы, побежала, смотрит, Леха стоит красный, как помидор, и не может сказать, забыл название, прилавок уже далеко, а продавщица, матерая урожденная москвичка, которая не пойдет работать ни на фабрику, ни на стройку – для этого были лимитчики, а теперь гастарбайтеры, – обрадованно набросилась с насмешками, что такой здоровый, а не знает такого простого слова.

Вернулись, он красный от стыда, едва не в слезах. Лилия сама расплакалась от унижения. Я стиснул зубы, утешал, как мог, однако подивился и великой силе природы: тогда Лешка был мальчишкой – кровь с молоком, сейчас это голубоглазый блондин ростом в метр девяносто, похожий на Дольфа Лундгрема, здоровый и чистый, как и его младший брат, превосходный спортсмен, что догоняет и по росту, и по силе, оба в маму, и, когда идут с нею рядом, никто не поверит, что это сыновья, выглядят ее братьями. Но все трое только в Москве узнали и сливки, и первый раз в жизни поели мяса и масла вдоволь, в то же время эти коренные москвичи, что питались в три горла и не утруждали себя работой, почти все сплошная гниль, болеют всеми болезнями, спиваются и заканчивают жизнь в канавах.

Лилия в свое время отказалась от предложений работать манекенщицей и фотомоделью, а ее уже взрослые дети – Лешка и Никитка – подрабатывают на подиуме, демонстрируя модную одежду, разгружают вагоны, могут принять заказ и занести концертный рояль на любой этаж, прыгая через ступеньку.

– Счет идет не по тому, – сказал я, – кто сколько хлеба съел, а кто сколько вырастил. Мы – стоим много.

– По почему они так?

– Всех сволочей не перебить, – пояснил я, – хотя хорошо бы… Но в основном эти сволочи – просто идиоты. Они даже не понимают, что сволочи. Им просто повезло родиться в стране, где слово «москвич» приравнивается практически к дворянству со всеми их льготами. Но мы, приезжие, похороним всю эту сволочь!.. Мы похороним всю эту мразь, Леша. И даже самый тупой из жителей Москвы постыдится говорить о себе, что он – «коренной москвич».

Когда нечего противопоставить влиянию сильного автора, то остается только говорить высокомерно и с сожаленьицем в голосе, что идеи и сюжеты – это одно, а вот, на беду, автор не дотягивает даже до среднего уровня, потому что не владеет… языком. Другие авторы владеют, а этот не владеет.

Я всегда смотрю на эти выпады с огромным интересом. Не столько эти повторяющиеся доводы любопытны, а реакция тех, на кого направлено. Ну не может человек возразить, что, дескать, ничего подобного, язык тоже хорош! Не может!

Это просто классическая иллюстрация к дядюшке Фрейду: это же признаться, что вот я такой умный, а не замечаю, что язык не совсем, не совсем… Другие замечают, а я – нет. Вывод: я не умный. Потому насчет тезиса о слабости или корявости языка я в любом случае должен соглашаться, чтобы не выглядеть совсем уж

тупым.

Да и понятно, говорит такой конформист себе в оправдание, язык в самом деле не может быть идеальным, предела совершенствованию нет. Вон тот же Никитин в своей «Как стать писателем» привел примеры, где у Бунина и Чехова целая куча этих «Он кивнул своей собственной головой», у Толстого корявых фраз вообще уйма, так что когда говорят, что у такого-то с языком хреново, надо соглашаться, что и у Никитина язык тоже ни к черту… Хоть я и не вижу корявостей, как и не вижу изысканности языка у других авторов, которые сами себя превозносят на всех форумах в Интернете, укрывшись под десятками ников, но все равно безопаснее согласиться, чтобы не выглядеть… да, не выглядеть. Но зато выглядеть эдаким, да, выглядеть.

Нервное напряжение, сопутствующее судебному процессу в воинской части, закончилось, и… катаракта на втором глазу, проклятая, тут же перестала расти. Так я и ходил с одним полуневидящим глазом, пока технология не заявила медикам, что уже могут снимать и самые сверхтонкие пленки.

Правда, зимой я шарахнулся на льду, привычно вскочил, отряхнулся пошел, раз уж ничего не сломал, а то, что ударился головой, – фигня, голова у меня чугунная. Вот только через пару дней начал все хуже и хуже различать буквы на мониторе, пока не перестал различать сам компьютер.

Опять-таки в клинику Федорова, оказалось, что от удара в уже оперированном глазу произошло отслоение сетчатки, и еще какая-то чепуха посерьезнее, так что гарантировать восстановление зрения никто не может, хотя можно попробовать сделать операцию лазером, эта такая новинка, бывают и удачные результаты.

Я подписал бумаги, что гарантий не жду, все на свой страх и риск, претензий иметь не буду. После короткой операции, в самом деле безболезненной и какой-то несерьезной, глаз сперва различил контуры кабинета, затем номера на дверях, а по дороге обратно – мы ехали в переполненном автобусе – я любовался красотами природы.

Позже мне сделали операцию по удалению катаракты уже на другом глазу. Я снова лег в клинику. Небо и земля – теперь такая же операция прошла в одно касание, никто не оставил меня отлеживаться неделю, а посидите, товарищ… или господин, как вам удобнее, в коридоре десять минут, а потом можете добираться домой. Свободны. Операция – раз плюнуть, все равно что ногти постричь. На одном пальце.

Величественное здание ЦДЛ. Кроме писателей туда нередко ходят на закрытые просмотры те, кому удается получить желанный пригласительный или гостевой билет. Все проходят мимо вахтера, величественно кивнув ему или просто мазнув равнодушным взглядом, и вот только у меня, одного-единственного, всякий раз требовали предъявить билет, а затем долго и подозрительно рассматривали его на свет, как поддельную стодолларовую купюру.

Однажды я озверел, развернулся и, едва сдерживаясь, чтобы не наорать на злобную старую фурию, сказал с нажимом, проникновенно глядя ей в глаза:

– Тридцать лет хожу в ЦДЛ. Последнее время перед перестройкой приходил уже на работу, в партком. И всякой раз мне кричали вслед: «Ты куды, ресторан не работает!» Откройте тайну, пожалуйста, что во мне такого, что подразумевает, будто я и сейчас, когда мне далеко за шестьдесят, иду именно кутить и дебоширить?

Вахтерша смешалась, а я посмотрел на себя в дверное отражение, подумал, что в какой-то мере ее ошибка простительна. По внешности какой из меня писатель, я и сейчас больше смахиваю на пирата. Разве что уже не рядового, а так это капитана быстроходного клипера.

Одна приятная дура сетует, что вот бы ей родиться в прошлом, как бы ей было хорошо. Я – смолчал.

– Как здесь все отвратительно, – сказала она, морща нос. – Экология не в порядке…

– Надо же, – удивился я.

– Как ужасно, да? – спросила она. – А этот бензин на дорогах, тяжелые металлы, что оседают в траве…

– Которая растет по обочинам дорог, – уточнил я. – Потому вдоль всех шоссе полосы по сотне метров, которые нельзя использовать под пашни.

– Вот-вот! Это ужасно, правда.

– Правда.

Она вздохнула.

– Я опоздала родиться.

– Что?

– Говорю, я хотела бы родиться раньше.

– Когда? – спросил я.

– Ну, хотя бы… хотя бы лет на сто раньше! Тогда не было еще озоновой дыры, атомной бомбы, загрязнения атмосферы…

Она щебетала и щебетала, я… смолчал. Я помню, что было

тогда, когда не было озоновой дыры, атомной бомбы и загрязнения атмосферы.

Сидим уже не с кружками пива, теперь в руках у нас удлиненные такие стаканы, в которых пиво хорошо просматривается на свет, видна вся красота благородного напитка. Мы все трое выжили в ту, доперестроечную эпоху, уцелели в перестроечную и вот теперь наслаждаемся всеми красками жизни. В советскую эпоху существовали, как в монастыре, жили, как говорится, высокой духовной жизнью, а на всякие приятные мелочи жизни нам всячески помогали не обращать внимания. Очень даже помогали.

– Мы столкнулись с уникальнейшим явлением в области мышления, – говорит с апломбом Кириченко. – Его, этого явления, просто не могло существовать ни в Средние века, ни в начале двадцатого века, которые уже прошлый век, ни даже каких-нибудь пятьдесят лет тому!..

– Ну-ну, – спросил Иван Михайлович иронически, – что это за явление?

– Скажу, что это за явление, скажу. Раньше думали своими головами, правда, новость?

Иван Михайлович обиделся.

– А теперь я, значит, не думаю?

– Не думаешь, – отрезал Кириченко. – Ты – выбираешь! Да-да, выбираешь из десятка предложенных тебе лучшими экспертами и специалистами мнений. Или решений. Или реакций, неважно. Это было немыслимо в те, допотопные века. А сейчас именно так. Куда бы ты ни обратился мыслью, о чем бы ты ни задумался, тебе не надо всякий раз мучительно напрягать мозги: над этой проблемой, даже если она возникла только сегодня утром, уже успели поработать лучшие специалисты… да не родного двора, а всей планеты! И дали ряд решений. Пусть даже разных, пусть даже взаимоисключающих! Но они уже лежат перед тобой: глубоко аргументированные, четко отграненные, хорошо уложенные в афористичные фразы… Выбирай! И ты… выбираешь. Не только потому, что в самом деле не в состоянии с ними тягаться, они сформулированы лучше и четче, а потому, что какое-то из этих мнений действительно совпадает с твоим. И ты его берешь, начинаешь им оперировать, как своим. Таким образом, даже ты, умный вообще-то человек…

Иван Михайлович иронически поклонился.

– Благодарю-с!

– Даже ты, умный, я ж не спорю, признаю, но и ты выбираешь из готового, а не формулируешь свое. Я хочу сказать, что пришло

новое время, время выбирателей! Новая формация людей. Новый стаз. Впервые формируется целое поколение… а потом это станет естественным!.. когда человеку нет острой необходимости вырабатывать свое личное мнение. Проще взять готовое и сделать личным… Юра, а ты чего молчишь?

Я отпил, развел руками.

– Это покажется не по теме, но… послушайте. Помню, мы когда собирались за столом, то всегда пели. Все мы знали массу песен. Пели в застолье, пели в саду, пели на улице. Когда идешь, бывало, отовсюду несутся песни. Поют мужчины, поют женщины, поют все… Но вот выпустили первые магнитофоны. Помню, такие громоздкие ящики с бобинами лент, что постоянно то рвались, то спадали кольцами… Появились первые записи песен. На свадьбы и застолья стали приносить эти ящики… Главное, никогда не заморятся, как приглашенные гармонисты, никогда не капризничают, поет и поет… Да и, если честно, те магомаевы, ободзинские, утесовы и прочие бунчиковы пели все же лучше, чем мы, с нашими простецкими голосами. Так и повелось, что везде, где раньше пели сами, стали включать магнитофоны. А потом эти ящики стали вовсе переносными, а вместо катушек пошли кассеты, да и записи стали чище, глубже, их стало больше!.. И что же? А то, что теперь никто нигде не поет. Да и зачем? Достаточно протянуть руку и ткнуть пальцем в клавишу. А то и вовсе с переносного пультика. Ведь эти профессионалы поют лучше нас. А песен много, выбирай на вкус!

По их глазам вижу, что да, хоть говорю правду, но мы все предпочитаем слушать профессионалов, чем друг друга, но в чем-то я все же сволочно прав, гадко прав. Собственные песни мы потеряли. Ну так ведь это хорошо, что потеряли? Неужели я лучше пою, чем Магомаев или Паваротти? В чем же дело, почему все равно разрастается чувство глубокой и непоправимой потери?

Кириченко слушал, слушал, наконец заговорил, и голос его звучал по-деловому:

– Это ламентации или как?.. Да, теперь мир такой. Будем бороться? Это мы можем, даже сможем!.. Или же воспользуемся реалиями в своих интересах?.. Если очень долго и умело будем призывать людей опомниться и начинать думать самим, то после известных усилий… немалых!.. несколько человек начнут все же думать. На некоторое время. Если же воспользоваться реалиями и нам, то сможем отшлифовать свое мнение, свое видение проблем. Короче говоря, философию твоего скифства, Юра!.. И выложить на ту полку, где обычный среднекультурный и среднеобразованный выбирает свою точку зрения. Если наша точка зрения… давайте назовем ее Идеей, будет подана хорошо,

ярко, свежо, то какая-то часть населения клюнет. Если же ненавязчиво сумеет намекнуть, что все остальные точки зрения – дерьмо собачье, а умные – только мы, скифы, то выиграем голосов больше, чем… не знаю, даже если бы раздавали на улице пачки долларов!

Я помалкивал. Мне нравится, когда мне начинают доказывать то же самое, что прочли в моих книгах, сперва спорили и ругались, а потом приняли. После выхода книги «Скифы» в Сети появились сайты скифов, написаны молодыми энергичными ребятами Устав и Программа молодого скифа, начали создавать движение… на карте Антарктиды появилось государство Иммортия, есть даже князь Иммортский. Но беда в том, что сейчас самое никакое время всеобщей разочарованности в любых идеях, любых начинаниях, любых проектах.

Народ еще не успел надышаться «свободой от всего», все еще жадно смотрит порнуху, какие уж ему Уставы и Программы, когда он счастлив расписывать стены непристойными надписями и приговаривать: принимайте меня таким, какой я есть!

Старшего поколения в Интернете не видно. Отчасти потому, что боятся компов и Сети, но не это главное, я сам приучил к компьютерам и Интернету человек десять-двенадцать из моего поколения, однако и они, пользуясь Сетью, на форумах не показываются.

А что мы там будем делать, Юра, отвечают. Там молодые и наглые, бесцеремонные, сразу на «ты», а это неприятно, и кроме того…

Да, вот именно «кроме того». Интернет с момента возникновения заполнили ребята школьного и студенческого возраста. Все старшее поколение воспринимается как досадная помеха, которую нужно поскорее растоптать, убрать с дороги, дабы не заслоняла горизонт. И как-то принято было шельмовать, что ли, вешать таких собак, которые вроде бы и не пробегали рядом, надо было где-то ловить на стороне и тащить сюда, пыхтя и обливаясь потом, чтобы все-таки навесить и сказать ликующе, что все так и было.

К примеру, довольно долго в Интернете распускали слухи, что Никитин никакого КЛФ в Харькове не создавал и вообще там не стоял и близко. Зачем, почему, не понимаю. Но это доказывалось на самых посещаемых форумах в русскоязычном Интернете. Естественно, особенно усердствовали те ребята из Харькова, которым так хочется быть Первыми, а также Основоположниками пусть хотя бы в местном харьковском масштабе.

На тех конвентах фантастики, что собирались в Харькове, они рассказывали, что в Харькове о Никитине слыхать не слыхали, что вот этот КЛФ, где их принимают, – первый и единственный, а Никитин в Харькове вообще и не жил, это самозванец какой-то, надо его проверить по списку «Разыскивает милиция».

Я отмалчивался, но сейчас скажу пару слов на эту тему.

Первый КЛФ был создан в середине шестидесятых в Харьковском университете, но там это был не сам Клуб Любителей, а место, куда приглашали именитых писателей. К примеру, я был на встрече с Лемом, Бердником, рядом других заезжих авторов. Встречи эти были нерегулярные, что понятно, а быстро меняющийся студенческий состав не позволял создать устойчивый клуб.

Затем была попытка создания КЛФ при Доме Ученых. Хороший старинный особняк, множество удобных залов разной вместимости, доброжелательный персонал Дома. Создателем Клуба был некий Новиков из обкома комсомола, он любил меня показывать приходящим чинам и говорить с подъемом:

– Вот Юрий Никитин – простой сталевар, а какой прекрасный сборник фантастики написал!

С третьего раза я научился поддакивать:

– А представляете, какой шедевр написал бы работник обкома комсомола?

С десятого раза до него дошло, умолк, а потом и вовсе перестал со мной здороваться.

Этот клуб собрался аж три раза. Первый раз – учредительное, а потом еще дважды, при последнем, кстати, разворовали библиотечку, на том КЛФ там и закончился.

Третий, как здесь уже говорилось, я создавал уже единолично. При местном отделении Союза Писателей СССР. Этот КЛФ собирался дважды в месяц, пропусков не было. И просуществовал он не меньше десятка лет, это знаю, а как дальше – не ведаю, может быть, и сейчас существует. Первые годы я сам руководил, только на время учебы на ВЛК оставил своего заместителя, а потом, по возвращении, снова взял бразды правления в свои недрогнувшие руки деспота. И когда в конце концов уехал в Москву, это было в 1983 году, КЛФ работал в полную силу.

Я не стану называть людей, которые посещали мой КЛФ и которые получили путевку в литературу, не хочу мешать им рассказывать, что никакого отношения они к Никитину не имеют, что Никитин для них ничего не сделал, и вообще Никитин никакого КЛФ в Харькове не создавал и вообще здесь не стоял.

Это было прекрасное время, я вспоминаю его с

удовольствием. Кстати, один из моих противников, не стану называл его имени, отыскал в Инете вот такую ссылку: http://fandom.rusf.ru/klf/klf…harkiv…1.htm. Там один из ветеранов харьковской фантастики говорит о КЛФ в Харькове и роли Никитина в нем.

Сейчас у меня КЛФ уже в Москве, опять же при Союзе Писателей, в центральном писательском доме, в знаменитом ЦДЛ, где мы вот уже несколько лет собираемся каждую третью субботу месяца в 17 часов в Малом зале. Вход свободный.

Лучше, чем ЦДЛ, как вы понимаете, места для собраний любителей литературы просто не может существовать.

Московский КЛФ создавался, как и харьковский, стихийно, как бы сам по себе. Сперва мы, наобщавшись в интернетовской Корчме, как-то решили встретиться вживую, выбрали кафе в районе Тишинской площади. Потом встречались еще, каждый раз обрастая народом: когда в кафе, когда на природе, как, к примеру, у пруда напротив китайского посольства, однажды даже на Горбушке, когда она была еще дикая, в скверике…

Предпоследний раз встретились в подсобке магазина «Центрполиграфа», где и договорились об официальном создании КЛФ. С того времени и доныне встречаемся в Центральном Доме Литераторов в Малом зале каждую третью субботу месяца, за исключением летних каникул, в семнадцать часов ноль-ноль минут. Вход свободный, так что любителей приходит много. К сожалению, две трети предпочитают отсиживаться в кафе там же в ЦДЛ, но что им сказать? Я сам убегал с лекций ВЛК и лишь спустя многие годы пожалел, что не слушал виднейших специалистов в области литературы, откуда многое мог бы взять для себя.

Но убегают не все: другие сидят и внимательно слушают. И пишут рассказы и повести, уже с учетом сказанного. А те, что в кафе, пусть пьют и гордятся своей продвинутостью. Кому-то же надо будет потом мыть мерседесы тех, кто сидит на лекциях?

И вот из той же оперы: ну что заставило одного из ме-е-елких таких критиков, мелких во всех отношениях, обвинять меня в ФИДО, это предтеча Интернета, что я создал фирму по типу МММ, только еще раньше, собрал деньги по подписке и скрылся, обманув подписчиков.

У лжи вообще-то короткие ноги, все рано или поздно вскрывается. В «Змее Горыныче» работало несколько человек, я помню их имена, фамилии, лица. Я помню заведующую отделом на почте Максимову, которая и отправляла почтовые переводы

обратно подписчикам. Горький смех в том, что наша фирма в глаза не видела тех денег!.. Почта продержала их два года *(два года),* а что такое два года в то время, когда подписка была по 15 рэ за том, а через три месяца инфляция уменьшила стоимость рубля в десятки раз?.. Но дело в том, что почта восхотела получить добавочные деньги еще и с нас, проклятых кооператоров, и не отдавала переводы, а мы доказывали, что подписчики уже уплатили за работу почты, платили не 15 р., а 15р. 20 коп., то есть и за почтовые услуги. Так, незаконно удержанные государственным учреждением, деньги пролежали, повторяю, два года на почте. Наконец почта сдалась и решила выдать нам деньги, я же ответил им, зачем нам эти 15 рэ в те дни, когда книга стоит 150 (это примерно, цен не помню, но что-то неимоверно много), а отвечать надо будет за книгу? Возвращайте обратно. Завотделом (или даже почтой, не помню, но фамилия ее – Максимова, ищите, кому интересно) не знала, как выкрутиться, ей же отвечать за эти суммы, которыми сумели воспользоваться или нет – точно не знаю. И тогда мы заплатили из своих денег, денег фирмы, чтобы почта вернула переводы.

Но, приученные предыдущими годами Советской власти, если деньги посланы, то обязательно попадут адресату, подписчики обвиняли «Змея» в присвоении денег. Москвичи могли убедиться, зайдя на почтамт, что их деньги в самом деле застряли там и в «Змее» не побывали, но основная масса подписчиков ведь иногородние… Да и как-то хочется верить, что украли. А в то, что их деньги пролежали на почте, где ими даже не сумели воспользоваться, хотя бы как-то прокрутить (тогда еще не умели!), и обесценились совсем по-идиотски, поверить неинтересно.

Три месяца почта переводила эти 15 р. обратно, а нам раз в неделю приносили очередной ящик с туго перевязанными брикетами квитанций. Потом мы трижды перевозили эти ящики с квитанциями: цены на аренду складов нам все повышали, приходилось искать подешевле. Ящики таскали Саша Жуков, Сафаров, Марина Гольщух, Любаша, еще одна Марина и пр., а видели эти пачки квитанций все, кто заходил в нашу фирму, я охотно демонстрировал, а этих людей было много. В основном мелкие и крупные книжные оптовики тех лет. В конце концов эти квитанции через пять лет (!) мы сожгли во дворе очередного склада, ибо накладно таскать из одного снимаемого места на другое, ведь все время были готовы к отчету и гордились тем, что не присвоили ни копейки! И готовились продемонстрировать любой проверяющей комиссии и очень жалели, что так ни одна зараза не пришла и не проверила.

Но то, что я велел вернуть деньги с почты взад, окончательно поссорило со мной ребят, и они ушли, желая показать, как надо без слюнтяйства работать жестко, напористо, без церемоний. Я не жалел об их уходе, в самом деле не создан для бизнеса, к деньгам отношусь прохладно, ибо уже вкусил более высокую радость творчества. Получая немалые гонорары даже от ЦП (это было до черного обвала), я все годы скитался по квартирам, только три года назад купил однокомнатную в Южном Бутово, там самые дешевые, да и ту тут же подарил, мне хватает личного велосипеда. Кто меня знает, а таких немало, знает и какую чертову уйму родственников содержу, хотя меня никто к этому не принуждает.

Все вскроется, как постепенно вскрывается.

Но пока вскроется, многие из именитых уходят из общения в Инете. Слоны могут разделаться со стаей шакалов, но их тявканье раздражает. И тогда слон просто ходит по Инету, пользуется его ресурсами, но не называет своего имени.

К чему вроде бы это вспомнил? Ведь говорят же, кто старое помянет – тому глаз долой. Но не договаривают, что тому, кто забудет – долой два.

Это и напоминание, что за свой базар отвечать все-таки надо, иначе долой всю юриспруденцию, никто ни за что не отвечает, да здравствует беспредел… да и просто приятно ткнуть носом в несбывшиеся предсказания. Ведь бурными рукоплесканиями приветствовали пять лет тому заявления некой ясновидящей на одном антиникитинском сайте, что имя Никитина через пять лет уже забудется полностью… срок истек в прошлом году, его книг никто читать не будет и т.д. Я ничего от этого щелчка не имею, не так ли? Но приятно ткнуть носом, приятно. Почему я должен отказывать себе в таком невинном удовольствии?

Ныне утихли многие, но лишь потому, что, несмотря на все предсказания, утопить не удалось. Не только не забыли имени Никитина к 2000 году, как уверяли эти шибко шустрые, но и укрепляется гад, без всяких усилий укрепляется, без интервью, рекламы, раскрутки! А секрет прост, только они им не владеют: писать надо лучше.

На их предсказание предскажу я: не только не забудут и в ближайшие пять лет – это я такой скромный, – но через эти пять моя черная гнусная фигура будет отбрасывать намного больше тени! Намного. А всякие там антиникитинцы будут там, где им и положено быть, в дерьме. КЛФ при ЦДЛ займет такое же место, как мой харьковский КЛФ занимал среди остальных клубов фантастики, неупоминание о которых мне поставили в вину,

чтобы хоть как-то вывернуться. Как будто помню о крохотных клубиках и клубочках, возникавших при заводах и институтах и существовавших, как мотыльки, одно-два заседание! А если и вспомню, то стоят ли они упоминания? Мой харьковский просуществовал много лет, перевернул горы, существует и доныне, возможно. Этот московский КЛФ станет центральным, однако всю эту мелкую окололитературную гнусь не пустим и на порог.

А для самих предсказателей и для тех, кто это сейчас читает, это серьезное напоминание, что даже друзья через пару лет уже могут стыдиться соседства с таким «предсказателем», а в минуту ссоры скажут язвительно: да ты и про Никитина предсказывал… и что получилось?

Нет, я не имею конкретно Никитина, но за злые дела и поступки рано или поздно отвечать приходится. В той или иной степени клеветники всегда плохо кончают. А мне же просто приятно и через пять лет ткнуть носом некого господина L в сообщение, которое он на этой неделе занес в собираемое на меня досье. Ну, где через пять лет, то есть в 2009-м, популярность моих книг будет еще выше. Я-то знаю, что вы не сомневаетесь, но разве не приятно через пять лет посмотреть на их перекошенные разочарованием рожи? Разве не приятно будет напомнить? И то мое напоминание тоже будет названо… ах, как будет названо!..

Хотя… написав это, подумал, что слишком оптимистичен. У нас как-то сложилось, что каждый дерется в одиночку. А те, кто едет рядом, норовят в момент схватки исподтишка ударить в спину или шарахнуть по затылку. Что делать, отличительная особенность России…

Ладно, я это знаю и потому всегда дерусь в одиночку. И выбрал вид боя, где помощь и поддержка не нужна.

А вот началось несколько обратное… Один из тех, кто пускал слухи и поливал грязью, то ли поумнел, то ли решил, что, раз не удалось утопить тогда, теперь такого слона не утопишь, прислал емэйл… с извинениями. Как вы понимаете, для России и это подвиг: ведь здесь умолкнувший клеветник уже считается благородным, ведь перестал гадить, чего же еще от человека надо!

Он не понял, да и многие из читающих сейчас не поймут, почему я его послал навстречу пожеланиям трудящихся. Не принял то есть извинения. Как же – человек извинился! Покаялся!

Поясняю свою максималистскую для российского менталитета позицию: человек, который в самом деле понял ошибочность своих предыдущих… утверждений – видите, как я

мягко? – должен извиняться не шепотом по личному емэйлу, а там же, где и гадил. И пусть это извинение будет одноразовым, хотя гадил в течение ряда лет, но это все-таки не шепотом по емэйлу, тайком, дабы соратники не увидели и не оплевали перебежчика или хотя бы отступника.

Умолкнувший клеветник не считается автоматически обеленным. Не считается, не считается! Юридически он ненаказуем… видимо, но что сказано, то сказано.

И вот таких извинений, шепотом по емэйлу, недостаточно.

Не знаю, но меня идиоты все еще раздражают. Особенно – напыщенные. Пора бы, конечно, принять как данность, что большинство населения Земли – идиоты. А раз они в абсолютном большинстве, то это уже не идиоты, а нормальные общечеловеки, на них рассчитано большинство телепрограмм, для них поют, танцуют, острят, проводят футбольные матчи, снимают фильмы и устраивают по улицам шествия святого Патрика.

Вот сейчас один такой, явно считает себя умным, а как же, попавшись на удочку моих противников – а я их продолжаю множить и теперь! – спрашивает с невинно открытыми глазами и зелеными пузырями из носа: «А скажите, почему вы, автор романов на тему о рабочем классе, вдруг начали писать фантастику?»

Этот еще сказал просто «автор романов на тему о рабочем классе», а другие так и вовсе добавляют «многих». В смысле, автор многих романов на тему о рабочем классе.

Ну как вам эти шедевры? И вот я, вздохнув, начинаю объяснять, что я начинал как юморист, за несколько лет собрал кучу премий и первых мест на конкурсах юмористов, публиковался всюду, потом писал фантастику, переводился за рубежом, издал в Москве стотысячным тиражом «Человека», он и сейчас все еще издается, а уж потом на спор с местными литераторами написал роман «Огнепоклонники» на рабочую тему. Нещщасные смели вякать, что фантастику писать легко, что фантастика – не литература, а вот они – магистральное направление… И еще посматривали так это свысока! Я взялся написать за полгода, написал за четыре месяца, выиграл пари, за книгу получил кучу литературных премий, гору жабьих шкурок, место в Союзе Писателей СССР и в рядах, должность ответсека организации, а это власть и бабки, и много-много чего еще.

Конечно, я тут же всем этим спрашивальщикам предлагаю пари – что делать, азарт никак не вытравлю! – ставлю тысячу долларов против одного, что если отыщут еще хоть один мой роман на производственную тему, то я выплачу эту сумму и

вдобавок сделаю двойное сальто с двадцать четвертого этажа на асфальт.

Увы, никто даже не берется спорить. Трусы. Долларом боятся рискнуть.

Я всю жизнь стремился упростить быт, и когда на Крайнем Севере научился бриться без мыла и крема, то так и осталось на всю жизнь. И сейчас, когда бреюсь трехлезвийной бритвой «Gillette», я всего лишь чуть смачиваю лицо водой из-под крана, снимаю щетину, споласкиваю бритву и закрываю кран.

Все, я выбрит.

Поймал себя на том, что раздраженно кривлюсь: в ближайшем к дому гастрономе что-то совсем мал выбор в отделе сыров, не больше двух десятков. Еще раздражает очередь в кассу: по два, а то и по три человека. А вот в «Перекрестке», что за два квартала, там этих сыров полсотни, к любой кассе подходи, обслужат моментально, все вежливые, улыбаются.

В «Стокмане» еще богаче, выбор неимоверный, на сыры из коровьего молока уже и не смотрим, но из козьего – десятки разных сортов. Никаких очередей, свободно подходишь к любой полке, набираешь в корзину и неторопливо идешь к кассе, где уже улыбается навстречу молоденькая кассирша.

На миг промелькнуло воспоминание, как покупал сыр со Светланой, когда она обвиняла москвичей в зажратости. Тогда медленно продвигающаяся очередь в сто человек считалась нормальной. А если появлялся «дефицит» – очередь увеличивалась в несколько раз. В очереди стояли за всем. Если приходилось стоять сутки, неделю или месяц – записывали номера, чтобы могли отлучиться, а потом найти свое место в этой нескончаемой цепи.

А потом чаще всего звучало, что товар кончился. И неизвестно, когда будет.

Массово сносятся чудо строительной мысли совсем недавнего времени – хрущевки. Теперь жить в них считается не счастьем, как совсем недавно, а наказанием. Зажрались, как сказала бы бабушка.

Наверное, надо ставить даты написания романов. А то открывает какой-нибудь новичок, скажем, «Ярость» и начинает сыпать восторженными или обозленными письмами, уверенный, что я вот только-только написал эту книгу и она все еще у меня в мозгу. Не объяснять же каждому, что написано еще в начале перестройки, а вышла в 1997-м, там даже персонажи те, которых сейчас не вспомнят – к примеру, Яузов – кто из того времени его не узнает? – а после «яростной» серии я написал еще ряд серий, не говоря уже о десятке отдельных романов!

Почему-то у читающих ощущение, что если прочли вот сейчас, то и автор написал только что. Хотя, с другой стороны, наверное, должно быть приятно, что любое произведение воспринимается таким свежим, как будто только что написано!

Немного цифр и дат.

Новый рывок начал только с 1992 года, когда выпустил «Трое из Леса». В следующем, 1993-м, повторил дважды или трижды издание «Троих из Леса», а также издал «Трое в Песках» и «Трое и Дана». В 1994-м к ним добавились «Святой Грааль», «Стоунхендж» и «Гиперборей».

В 1997 году вышла «Ярость», вызвавшая столько шума. Она постоянно переиздается и сейчас, читатели, которые берут ее впервые в руки, ахают: ух ты, как своевременно!.. Знали бы, как «своевременно» это звучало в 1997-м и что это повлекло!

В том же 1997-м начал проект «Княжеский пир», в котором вышло две моих книги, а молодых ребят, на которых рассчитывал, – что-то около десятка или чуть больше, не считал. «Яростную» серию продолжил в 1998–1999 гг. еще тремя книгами, и, когда ее наконец-то признали и взяли для публикации в крупное издательство, я на этом ее закончил. Я победил, этого достаточно, а без борьбы просто подбирать вылетающие из кассы гонорары – неинтересно, по проторенной дорожке пусть идут другие, которые назовут себя патриотами, имперцами и множеством других красивых и звучных слов, не вспомнят, с чьего толчка началось, – подобная забывчивость характерна для России, в этом особенности национальной литературы и вообще национального характера.

«Как стать писателем» – издал в 1999-м.

«Скифы», «Изгой» и «Баймер» вышли в 2000-м, «Скифы» надолго задержали в издательстве, там выкручивали руки, пытаясь заставить отказаться от этой вещи, но я к этому времени оказался чересчур силен, так что после конфликта в издательстве упорствовавшего редактора уволили, а книга все-таки вышла. После ее выхода в стране начали создаваться общества скифов, был написал Устав молодого скифа, Программа по скифизации, а во всесоюзной переписи часть населения объявила себя скифами.

«Баймер» тоже произвел шоковое впечатление: почему-то большинству казалось, что я все еще пишу гусиным пером, а при виде компьютера крещусь мелкой щепоткой и плюю через левое плечо, поминая дедушку Перуна. Да и весьма даже непривычный взгляд на баймы…

Дальше вроде бы скандальных не было, только в 2001-м вышла «Имаго», что вызвало взрыв негодования.

В «Корчме» выразили сомнение, что Никитин может и дальше писать на старые добрые темы меча и магии, возраст дает знать, теперь будет только выдавать в год по книге, да и то скучно-нравоучительные, учить молодежь, как жить, и я, принимая вызов, в 2002-м написал «Артанию», «Придон» и «Куявию» – историю великой любви.

Ну, а в 2003-м вышли «Чародей звездолета «Агуди», где ни чародеев, ни звездолетов, ни агудей, а было нечто другое, взрывное, как бензовоз, влетающий в костер, а также «Иммортист» и «Зачеловек», вызвавшие раздраженный вой. Очень даже, надо заметить, многоголосый, озлобленный и… полный разочарования, что все еще силен, все еще идет своей дорогой и никому не кланяется, старый монстр.

Обращение к тем, кто обвиняет, что щас спешно строчу продолжения «Ярости», чтобы зашибить бабки: придумайте что-нибудь не такое глупое. ВСЕ, кто читал те книги, знают, что я писал и печатал их за свой счет, когда ни одно из издательств не решалось принять к изданию. Но как только наконец, через годы, взяли, она пошла на улет, и можно было бы наконец ЗАРАБАТЫВАТЬ, я тут же завязал с этой серией! И больше не написал ни одной книги. Предложил продолжить ее молодым ребятам. Кое-кто, как вы знаете, уже успел даже опубликовать.

То же самое было с моим единственным романом на «рабочую» тему. Я им ДОКАЗАЛ, СУМЕЛ, получил за него больше, чем остальные даже мечтали, и… тут же написал крамолу, за которую потерял все полученные пряники и слетел со всех постов. О чем, понятно… вы не поверите, ни на секунду не пожалел, ибо для меня все это были только легкие приключения.

Так что в отношении меня СТАНДАРТНЫЕ обвинения не катят. Давайте НЕСТАНДАРТНЫЕ!

Премии, конвенты и прочее. Сразу отвечу на этот вопрос, вдруг да будут меньше спрашивать в будущем. Бесспорно, проще добиться признания у собутыльников, чем у совершенно незнакомых людей. Вот вы читаете и оцениваете этот текст, к вашей оценке не примешивается то, что я с вами пил, что еще буду пить на очередном конвенте, в таких случаях как-то неловко сказать, что книга – говно. В данном случае вы скажете об этой книге все, что думаете, ничто не помешает сказать о ней именно то, что думаете. А вот о книге собутыльника… гм… постараетесь найти слова одобрения. В любом случае, даже если о ней такие слова найти просто невозможно. Впрочем, в таком случае можно придумать, это же не спорт, где сразу видно, кто есть кто, где не

соврешь в оценке.

Я не стремлюсь, чтобы меня признала кучка собутыльников и осыпала премиями имени своей тусовки. Более того, старательно избегаю. Конечно, это не добавляет популярности в их глазах, а, скажем мягко, – очень даже наоборот, здесь дикая ненависть к посмевшему не принимать их правила, но когда я их принимал? Писатель должен быть свободным.

А все эти смешные премии выглядят нелепее, чем расшитые золотом ризы на раскормленных попах или звенящие ложки и вилки на груди танцующего шамана. Они действуют разве что на своих, стоящих в том же круге, хлопающих в ладоши и принявших правила их смешной игры.

А читающие книги прекрасно видят, кто король.

Хрюка заснула на диване, Лилия собирается раскладывать его на ночь. Говорит мне обыденно: «Перекладывай ребенка». Я осторожно подвожу ладони под псяку, приподнимаю и, стараясь не потревожить, быстро переношу в кресло, укладываю там, а сверху прикрываю покрывалом. И лишь потом приходит в голову, что выгляжу смешно: ведь это все-таки собака, всего лишь собака. Большая, молодая, сильная. Скажи ей: марш на кресло, сейчас же вскочит, перебежит туда и, свернувшись калачиком, снова заснет. Но осталась у нас эта потребность заботиться о ком-то, как заботились о детях, как перекладывали их, заснувших в креслах или на диване, в детскую кроватку…

Коротко о квартирах, общий, так сказать, обзор: после того, как ушли, оставив детей делить роскошную шестикомнатную квартиру на Тверской, мы с Лилей снимали в Подсосенском переулке, но вскоре хозяин решил ее продать, пришлось подыскивать другое место, нашли в детском саду, где разместили тираж книг и сами жили там, превратившись заодно в охранников. Затем прокатилась «чеченская волна» с фальшивыми авизо, заложниками и прочими вещами периода Первого Передела Собственности, испуганное руководство детского сада от нас потребовало срочно освободить помещение, мы сняли на улице Красина, где прожили с полгода. У коренных москвичей, где давно уже система «айн киндер», накапливаются квартиры от умерших бабушек и дедушек. Их обычно сдают, а на вырученные деньги живут безбедно. Там прожили меньше года, пришлось съехать, хозяйка ежемесячно поднимала плату. Но деньги впрок не пошли, заболела раком, жадность до добра не доводит, и вновь мы искали квартиру и нашли в доме на Малой Грузинской. Там прожили пять лет, хозяйка, ее звали Нина, сдала охотно, хоть мы

и с собакой, но у нее самой овчарка, понимает, что собака – не страшно. Так и жили, платили шестьсот долларов в месяц. Конечно же, сдала за пятьсот, но на следующий месяц, как водится в России, повысила плату: все трое – она, муж и сын – любители приложиться к бутылке. От армии сына отмазывала, и поэтому арендная плата повышалась регулярно. Потом муж умер, она продолжала пить вдвоем с сыном. Не раз пьяный сын звонил и требовал по телефону, чтобы немедленно заплатили еще за пару месяцев вперед, а то «придет и выгонит».

В ту пору он пристрастился еще и к наркотикам, вскоре помер от передозировки, что, понятно, не случилось бы в армии. Мать продала квартиру, в которой мы жили, пила. Пропила удивительно быстро, затем продала и ту, в которой жила, после чего скиталась бомжихой, затем бесследно исчезла, как это нередко в Москве.

Но мы съехали раньше: как только подняла плату за аренду до семисот долларов. Сняли квартиру на Планетной, платили двести пятьдесят, но, ессно, такая у нас страна, квартиросъемщик абсолютно не защищен, уже со следующего месяца хозяин увеличил на пятьдесят, а позже еще… А потом еще. Там прожили год. В этой квартире у нас и умерла Хрюка. Возможно, не столько от старости, как от частых переездов. Собаке сложнее привыкать к новому окружению и другим собакам, где уже двор и дом поделены на сферы влияния. Кстати, с каждым переездом проблемно найти квартиру, чтобы пустили с собакой, даже такой замечательной, а она это все прекрасно понимала. Писали объявления такого плана: «Семья россиян из двух человек с очаровательной собакой снимут…»

Последняя квартира – по наводке старого друга по Союзу Писателей СССР Петра Кириченко: однокомнатная квартира дверь в дверь с его квартирой. Хозяин сдал только на год, так что у нас во весь рост встала проблема успеть купить квартиру за этот срок, так как изнурительные долги уже выплатили, вышли сперва на «ноль» – для кого-то трагедия, а для нас – великий успех, ибо сперва нужно было подняться от огромного минуса в сто двадцать тысяч долларов долга до уровня нуля! Теперь можно думать о следующей ступеньке к «благосостоянию».

Часто приходил в гости один любитель здоровой жизни и всякой эзотерики по имени Саша. Агитировал за правильное питание и режим дня. Я горько смеялся: сейчас заниматься здоровьем – все равно что в квартире, где пожар, выйти на балкон и упражняться на свежем воздухе с гантелями. Увы, восемь чашек крепчайшего кофе, чтобы не свалиться, а кофе пью чайными чашками, в то время как чай – компотными. Компот не пью,

предпочитаю пиво. В результате кровяное давление 170 на 100, это в покое, и 200 на 120 при ходьбе.

Приходилось вкалывать, вкалывать, но – квартиру в самый последний месяц, даже в последнюю неделю, купили! Самую дешевую, на окраине, в Южном Бутово. За восемнадцать тысяч долларов. Через год, когда прошел слух, что в этом районе будет метро, стоимость подобных квартир взлетела до сорока тысяч. Хоть однажды судьба не подставила ножку, а сделала нечаянный подарок.

За всю свою жизнь я выбирал для жилья только верхние этажи.

Вид из окна всегда замечательный: взгляд не упирается в окна напротив, всегда смотрю поверх крыш вдаль, вижу перспективу, дальние районы, парки, леса, дороги с крохотными автомобилями…

Друзья удивляются, не понимают. В объявлениях о купле-продаже всегда это неизменное: «первые и последние этажи не предлагать», почему же, мол, ты так, что за чудачество… Ну как объяснить, что в таком случае надо мной никто не топает, не заливает, не бросает окурки на мой балкон, из домов напротив не видят, как хожу голым, а когда обедаю на кухне, рядом с грохотом не катится по трубе говно вышеживущего соседа?

Жил на самом высоком в Харькове, потом на ул. Горького, дом двенадцать, корпус семь, на шестом, выше только крыша. Потом на квартирах, всюду выбирал самый верхний, эту книгу начал на семнадцатом, и опять выше только крыша, с удовольствием посматривал свысока на остальные дома поменьше, это же так прекрасно, когда взгляд ни во что не упирается, а заканчиваю сейчас в доме напротив, тоже на самом верхнем, на двадцать четвертом!.. Зато какой вид, какой вид… В том и прелесть высокого дома, чтобы смотреть на окрестности и видеть все-все, а какой смысл в доме с двадцатью четырьмя этажами жить на пятом или десятом и смотреть в занавешенные окна дома напротив?

Из долгов выбрались, Лилия сказала, что теперь можно и ребенка бы, мол, кто знает, будет ли еще возможность, если захотим завести именно «нашего», откладывать не стоит, как все время откладывали из-за тяжестей жизни. Поколебавшись, чуть было не согласился, но после долгих раздумий и споров сам с собой уговорил перейти наконец-то на новую ступеньку или взять новый рубеж в жизни: наконец-то начать жизнь и для себя. Это не совсем верно, конечно, и раньше жил не только для детей, но и

чуточку для себя, еще чуточнее для общества, но все же львиную часть времени и энергии был ведом мощным родительским инстинктом, который гласит: ты – никто, ты всего лишь строительный материал для будущих поколений, ты должен это постоянно чувствовать и отдавать всего себя детям, детям, детям, ибо они – будущее, а ты – прошлое. И на все твои великие замыслы и свершения можно выделять время только после того, как дети накормлены и спят, когда все их проблемы решены, как пеленочные, так и детсадовские, школьные, институтские, сердечные и даже семейные…

Но мои дети и дети Лилии, наши дети, растут и заводят своих детей, у них все в порядке, не пора ли наступить инстинкту на горло и «пожить для себя», что значит выбрать в качестве поводыря не слепой нерассуждающий инстинкт родителей, а накопленную мудрость зрелых людей?

Конечно, какое-то время льстило бы внимание, мол, смотрите, Никитину далеко за шестьдесят, да и Лилия… гм, в ее возрасте уже не рожают, у Никитина внуки в институтах, скоро правнуками обзаведется, но все-таки родили еще, значит будут своего ребенка подкидывать уже взрослым внукам, когда будут бегать на дискотеку? Но если я всю жизнь не стремился к вниманию, *такому вниманию,* то тем более оно мне не требуется сейчас. Поступаем, как нужно нам, а не журналистам.

Вместо ребенка обзавелись щеночком: отыскали дочь Хрюки, подыскали ей красавца жениха, а из щеночков выбрали самого красивого. Я назвал его Барбосом. Ессно, народ удивлялся и даже возмущался: как это, породистую собаку, клубную, элитную и вдруг – Барбосом!.. Пришлось объяснять, что моя девочка по имени Барбос и другая девочка по имени Барби – тезки. У них один общий предок – грозные и великолепные по фильмам варвары, barbarians, что владели миром. От них пошли имена: у нас – Варвара, а на Западе – Барбара. Уменьшительное – Барби.

Интеллигентные соседи тут же стали звать нашего щеночка Барби. Я понимаю, что им самим хотелось бы свои имена тоже как-то облагородить под Ричардов, Генри или Бушей. Лилия зовет ее Барбуся или даже Буся.

– Барбос! – командую я. – Ко мне!

Все оглядываются, ожидая увидеть огромного лохматого пса, неухоженного, в сосульках грязной свалявшейся шерсти, а ко мне мчится сверкающее оранжевое тело, за километр видно, что элитный щенок, прекрасно развитый, толстолапый, крупноголовый, веселый и здоровый.

Среди писем по емэйлу сегодня одно из Харькова: «Юрий Александрович! Я буду в Москве по делам с понедельника по среду. Можно с вами повидаться? Мама много рассказывала о вас, нашем знаменитом земляке. Крис Сухорукова. Это по бабушке!..»

Я порылся в памяти, имя ничего не говорило, пока не вспомнил, что Оля вышла замуж за Игната Сухорукова, у Линды девичья фамилия должна быть Сухорукова. Вряд ли сейчас она Сухорукова, наконец, она – дитя времени, а это значит, сменила этих фамилий несколько, а ее дочь сообразила, как назваться, чтобы я вспомнил.

«Хорошо, – отстучал я ответ. – Можешь в понедельник или во вторник вечером. Запиши телефон, позвони предварительно, чтобы я не ушел в булочную или гулять с собакой».

Через три дня раздался звонок, я поднял трубку.

– Юрий Александрович? – прозвенел веселый голос, который показался знакомым. – Это Кристина из Харькова, я вам писала…

– Привет, Кристина, – ответил я. Взглянул на часы. – Если еще не передумала, то можешь приезжать прямо сейчас.

– А как к вам добираться?

– Записывай адрес. Южное Бутово…

Она старательно записывала, перепрашивала, уточнила, сколько туда добираться в это неизвестное Бутово, а я пояснил, что есть даже два Бутова: Северное и Южное. Северное – это лютый холод, метели среди лета и поездки на оленях, а Южное – что-то вроде Кипра и Флориды. Добраться можно на легком метро, остановка как раз напротив дома, в котором живу.

– Буду через полтора часа, – прощебетала она. – Я верно посчитала?

– По три минуты на каждую станцию метро, – подсказал я. – На пересадку с линию на линию – еще три. А уж сколько и где пешком – считай сама.

– Буду точно!

Я сомневался, что приедет в самом деле так уж точно, когда это женщины отличались пунктуальностью, это как будто и не женщины, однако в четверть девятого раздался звонок в прихожей. Я привык, что дверь открывает Лилия, но она только что ушла гулять с Барбусей, у них там в лесу собирается целое общество собачников, нельзя пропустить, чешут языками и гуляют вместе, рассказывая друг другу наперебой, какие у них замечательные собачки.

На экране домофона хорошенькая мордашка, дальше коридор пуст, а в мордочке угадываются знакомые черты. Я отворил, девушка в самом деле удивительно похожа на маму и бабушку, только одета стильно, лицо почти без косметики, зато четко

подведены линии губ и век татуажью, кожа настолько фарфорово чистая, словно продукт высокой технологии, а не простого слияния сперматозоида с яйцеклеткой.

– Я – Кристина, – назвалась она. – Вы очень похожи на свои портреты на сайте, только наяву моложе!

Это комплемент, понятно, вряд ли так на самом деле, какой дурак выставит на сайт фото, где он выглядит старше, ведь теперь фотографий можно нащелкать сотни и выбрать одну подходящую, а остальные смахнуть одним движением пальца.

Я отступил, пригласил ее войти. Она вошла, красивая, элегантная, похожая на дорогой автомобиль, в котором воплощены все суперновые технологии. Духами пахнет чуть-чуть, создавая впечатление, что это не духи, а ее собственная здоровая кожа.

– Ого, у вас шикарная квартира!

– Да так, терпимо…

Она прошлась, рассматривая ее с живейшим интересом, я пригласил на кухню, кивнул на кофемолку.

– Хочешь кофе?.. Или чаю?

Она помотала головой.

– Если есть, лучше соку.

– Есть, – ответил я. – Какой предпочитаешь?

Тут же рядом со всеми кухонными принадлежностями стоит элегантная соковыжималка, а на столе – огромная ваза с фруктами.

– Есть еще морковь, свекла, – сказал я, – но они тут в ящике.

– В самом деле можно морковный?

– В самом, – ответил я гордо.

Загрузил несколько морковин в прозрачную емкость, включил, послышался негромкий звук. Крис с интересом наблюдала, поинтересовалась:

– А где же Лилия?

– Недавно ушла гулять с собакой.

– Возле дома?

– Зачем? – ответил я гордо. – Здесь с любой стороны чистый лес!.. Утром она гуляет два часа, а вечером, как вот сейчас, полтора.

– Да, – согласилась она, – я когда ехала, любовалась лесом. Думаю, здесь очень приятно гулять…

Она чуть придвинулась вместе со стулом, я добавил еще несколько морковин, на стакан сока требуется много, а я всегда с гостями и сам пью, чтобы им было свободнее, раскованнее, не сразу ощутил, как тонкие пальцы скользнули по ноге к развилке. Послышался легкий металлический звук расстегиваемой

«молнии» на моих джинсах.

– Ого, – произнесла она с удовлетворением, – какая быстрая реакция…

Я стоял неподвижно, голова опустела, с такой скоростью кровь отхлынула от мозга к причинному месту. По телу пошло животное тепло, сама собой сработала мускулатура, которая обычно спит. Крис тихо засмеялась, ее пальцы умело убирали лишнюю одежду. Я сказал с усилием:

– Крис… не нужно…

– Почему? – удивилась она. – Разве это не приятно?

– Приятно, конечно, – признался я, – однако…

– Так что же? Мы никому не скажем.

Я смотрел сверху вниз на ее запрокинутое лицо, в ясные глаза и сексуальный рот, губы в самом деле не накрашены, следа не останется, сказал чуточку охрипшим голосом, приходится бороться с собой, сильным и древним:

– Но я-то знать буду?

Она поиграла пальцами, пропуская в каналы порции горячей крови, в глазах веселое удивление.

– Иногда я удивляюсь вам… людям, которые создали этот мир.

Пальцы все еще не убирала, и я сам не хотел, чтобы убрала, но в то же время противился и продолжению игры, это предательство, Крис посматривала снизу хитренько, прижавшись щекой к ноге, приоткрыла рот и провоцирующе проводила кончиком алого красного язычка по выпяченным губам.

Я с огромным усилием качнул головой.

– Нет. Это нехорошо. Не нужно.

Она засмеялась.

– Ну, что за аскетизм! Я этого не понимаю. И никто из моего поколения не поймет. Мы – другие.

– Сок готов, – ответил я. – Со льдом или без?

Ее пальцы медленно и нежно вернули все обратно, это удалось с трудом, там отчаянно сопротивляется, не понимает, ошалелое и обиженное моим предательством, ее пальцы двигаются еще неспешнее, давая мне возможность передумать, заскрипела «молния», застегивая брюки. Я тяжело вздохнул, гордый собой и в то же время остро сожалеющий, что понятно, повернулся к соковыжималке. В стеклянной емкости красный, как кровь, сок колышется на уровне литра, я разлил по большим полулитровым стаканам. Крис взяла без протестов, в такую жару пить нужно много, чтобы кожа оставалась молодой и упругой. А по чистой коже, ясным глазам и блестящим волосам чувствуется, что питается экологически чистыми продуктами, какой там

алкоголь, если отказалась даже от кофе и чая. Другое дело – биодобавки, гормональная подпитка в любом виде…

Она взяла стакан, пошла осматривать квартиру, понемногу отпивая сок.

– Это все твои книги? – спросила она, ее взгляд скользил по книжным полкам. – Здорово. Вы, старшее поколение, умеете работать. А мои сверстники только и спешат развлекаться.

Она теперь на «ты», любая интимность сближает, и я чувствовал, что, хотя мы и не согрешили, вернее, я не согрешил, это поколение такие пустячки грехом не считают, все-таки между нами установилось некое тепло, некий интим и даже общий секрет. Я все еще чувствую ее пальцы там и, грешен, еще долго буду их вспоминать, чувствовать, а ночью еще не раз приснятся, плюс продолжение, ведь над сновидениями мы не властны.

– Да, – ответил я. – Работать не так скучно, как отдыхать.

Она пробежала оценивающим взглядом по книгам, покачала головой.

– Здорово. У нас на Украине твои книги в каждом магазине, но я не думала, что их столько.

– Работаю, – ответил я скромно.

Она пила сок медленными глотками, поднялась, прошла вдоль книжных полок. Интимный момент уже забыт, мы в этом времени, когда сексу придается именно то значение, которое заслуживает: мелочь, пустячок, вроде как выпить стакан соку или почесать спину. Неважно, в каком кафе или о какой столб. С восторгом посмотрела на гигантский экран ЖК-телевизора и с недоумением – на digital recorder.

– А эту штуку я еще не видела…

– Ничего удивительного, – утешил я. – Только-только появились. В Россию еще не поставляются.

– Но как у тебя?

– Добрые люди привезли.

– Хорошо, когда есть друзья.

Я ухмыльнулся.

– Для них я тоже друг.

Она расхохоталась.

– Да? А я слышала о тебе совсем другое. Злой, нелюдимый, тупой литейщик…

– Я сам о себе эти слухи распускаю, – объяснил я серьезно. – Так удобнее. Меньше дурачья липнет с расспросами. Да и в друзья никто лишний не набивается. А те, кого допускаю ближе, знают меня настоящим… Вот смотри, как удобно записывать! Отметил в телепрограмме, а таймер все вовремя переключит и запишет, даже не включая телевизор. Хард на пятьсот гигабайт,

это триста фильмов можно вогнать…

– Любишь работать в тишине?

– Нет, у меня обычно все громыхает.

Она показала пальчиком на последнее издание «Земли».

– Подаришь с надписью?

– Конечно.

– Тогда напиши… Лилия скоро вернется?

– Минут через сорок.

Она преувеличенно грустно вздохнула.

– Эх, сколько бы мы успели, ух… Ладно, уйду через пять минут, потому напиши мне…

Она диктовала, я покрутил головой, но уж ладно, если Лилия никогда не увидит эту надпись, то пусть, этот подписанный экземпляр благополучно уедет в Харьков и никогда не попадет на глаза моим нынешним близким. Я все-таки человек старой морали, для меня некоторые понятия не то что бы уж совсем нерушимы, но все-таки стараюсь не нарушать. Конечно, жизнь интереснее, когда нарушаешь, но со временем начинаешь понимать, что еще чуть-чуть больше нарушителей – и миру кранты. А когда гордо стоишь столбом, когда все плывут по течению, то начинаешь даже чувствовать гордость своей непокобелиностью.

После цикла «Трое из Леса» меня зачислили в славянофилы и язычники, после «Ярости» – в исламисты, после «Скифов» – в идеологи скифизации, после «Имаго» в некого гуру, что создает свою религию, а после «Земли», которая совсем недавно вышла из печати, уверенно заявили, что продался Западу. В этом растерянном и довольно продажном мире у людей начисто отсутствует вера, что на Земле есть хоть один человек, который никому не продался, что он и так на вершине власти, ибо писатель – властитель дум, это он навязывает свои мысли, взгляды, идеи всему человечеству!

Все намного проще: я остро ощущаю, что родился вот в этот отрезок бесконечного времени в этом уголочке пространства на планете Земля в двуногом существе, тело которого служит для меня скафандром, вместилищем и одновременно тюрьмой. Как только износится этот скафандр, погасну и я. Увы, ускользнуть из этого отрезка времени и появиться на тысячу лет раньше или позже – невозможно, как и поменять скафандр. Значит, надо с достоинством нести этот крест и выполнять ту задачу, которую поставила Природа или, кто предпочитает другой термин, Творец. Тело мое возникло в регионе, где говорят на языке, называемом русским. Но если я в этом регионе, я обязан его и

развивать, способствовать, чтобы он тоже внес свою копеечку в общую копилку, положил свой кирпичик в общее здание цивилизации.

Но, конечно же, я понимаю, что это частная задача, а главная – развитие всего рода человеческого. О нем и надо заботиться в первую очередь. Если бы оказалось иначе, я бы возник, к примеру, в теле спрута, газового гиганта или насекомого.

Писать становится труднее, так как уже нет того азарта и желания посоревноваться, показать себя, что было для меня второй натурой лет сорок назад, а сейчас свойственно молодым коллегам. Сейчас пишу спокойно… умно, так сказать, без всплесков эмоций.

На моем примере вы видите пенсионера, который уже не хочет работать, ибо устал… а хочет отдыхать, то есть спокойно и безмятежно резаться в компьютерные игры. Да-да, я первый из поколения пенсионеров, что уже не забивает козла на площадке перед домом, а режется по Интернету в баймы, перекраивает с помощью встроенных редакторов игры по своему вкусу, чтобы угостить изящным сценарием, как сигареткой, таких же… Увы, пока я такой один, угощать некого, разве что коллег лет на тридцать моложе, но лет через двадцать-тридцать старики-пенсионеры будет сидеть перед компами, как в старину на завалинках, резаться в дефматчи в онлайне, а их энергичные внуки будут грызть гранит науки и с презрением поглядывать на нихренанеделающих дедушек.

Я выбрал сферу деятельности, где сильный человек никогда не проиграет. Никогда! Если он предпочтет, скажем, политику или карьеру в бизнесе, то всегда может сложиться ситуация, когда, к примеру, премьер-министр окажется перед выбором: поставить на пост меня, умного и талантливого, или же своего туповатого племянника? Нечего и говорить, что в таких случаях никакие таланты не помогут.

То же самое и в бизнесе. Стать директором крупной кампании или банка можно только у бездетных хозяев. Но даже у них могут найтись племянники, так что всю жизнь прозябать под властью ничтожеств?

И так – в любой сфере деятельности.

Но… есть та сфера, где никакие связи не помогут. Это творчество. Если я пишу хорошо, то с каких бы должностей меня бы ни снимали, мои романы «снять» невозможно, а читателя невозможно заставить вместо Никитина читать племенника хозяина издательства.

Это премьер-министра можно снять, и завтра о нем никто не вспомнит, но писателя снять или уволить невозможно.

Мы с Лилей возвращались с велосипедной прогулки. Она посмотрела на небо:

– Жуть, ни единого облачка! Поквакай, что ли?

Я с сомнением огляделся по сторонам.

– Не поймут.

Она тоже огляделась, хихикнула:

– В самом деле.

Мимо шла, степенно жестикулируя, солидная супружеская пара. Похоже, бывшие руководители области или большого района. Партийные руководители. Тот же взгляд мимо и чуть свысока, но с готовностью милостиво улыбнуться простому народу.

– Дома поквакаю, – пообещал я. – А ты покажешь свои высохшие крылышки.

Странный разговор, если со стороны, особенно учитывая, что он длится уже много лет. Однажды, когда жену звали Ириной, а не Лилией, мы часто ссорились, притираясь характерами, она меня назвала жабой мексиканской. Я насторожился, ибо жаба – понятно, оскорбление, но почему мексиканская? Потребовал объяснений. Она молча показала журнал «Наука и жизнь», где в большей статье о жабах-итаниях помещены красочные фотографии толстой и великолепной в своей безобразности жабы. Жаба понравилась, мы сразу помирились, а я с той поры гордо именовал себя жабой. Мир все еще звал друг друга лапушками, кошечками, пупсиками, барсиками и прочей сладкой херней, только я в пику всем назвался жабой. А ее назвал хомяком, за ее страсть к домовитости. Время шло, вместо хомяка появился кузнечик, хотя с хомяком осталась крепкая теплая дружба, но я своей жабистости не менял. По утрам говорил, просыпаясь, довольно «ква!», хвастался, какие у меня лапы с перепонками, какое перламутровое брюхо и какая великолепная спина в бородавках. Стали появляться игрушки, изображающие самых разных жаб. И вот через каких-нибудь тридцать сорок лет начался прямо жабий бум: пошли мультики, картинки, кулончики, брелки, скульптурки из камня, дерева, пластмассы, металла. Лиля накупила этих жаб, и теперь они в каждой комнате смотрят на меня из цветочных горшков, выглядывают из-за книг, сидят на краю ванной, и как-то постепенно получилось, что я о жабах знал уже больше, чем иной профессор-жабист, а жаб жалел больше, чем вымирающих пингвинов или пушных ондатр.

Мой кузнечик получил такое прозвище за длинные

великолепные ноги. Я назвал их прыгательными и убедил, что кузнечик куда красивше, чем избитые кошечки, птенчики и всякие лапочки. Понятно, что она знает о кузнечиках теперь не меньше, чем я о жабах, считает кузнечика своим тотемом, на стенах фото самой разной саранчи, хоть статуэтки еще не выпускают! – и начинает рассуждать, что вселенную создал Великий Кузнечик и что вообще-то собирался населить ее кузнечиками, так как они по его образу и подобию…

Я смеялся, она очень хорошо вошла в роль, и даже внешне чем-то становится похожей на кузнечика. Пусть, это красивые насекомые. К тому же хороший корм для жаб. А рассуждения о Великом Кузнечике не более, чем забавны. Понятно же, что мир был создан Великой Жабой!

Не так ли появились все Муравьевы, Жуковы, Снегиревы, Голубевы, Петуховы, Тараканова, Ястребовы, Волковы, Медведевы и многие-многие другие, избравшие себе вот так тотем, а потом уже не силах с ним расстаться? Все понятно, да? Мир создал он, Господь Бог, но дальше уже мы ведем мир, руководствуясь своими вкусами, желаниями, стремлениями. А он лишь выполняет наши желания.

Так что будем… осторожны.

Я пришел из мира, который был понятен даже неандертальцу. Не говоря уже о том, что сам я из племени не то полян, не то еще кого-то… я до сих пор вижу перед глазами наши хатки под соломенными крышами!.. но все, что было тогда сделано, все самое сложное, было понятно первобытному человеку.

К примеру, самые сложнейшие и точнейшие швейцарские часы дать Архимеду или любому другому механику того древнего мира, он раскроет их и тут же поймет принцип действия. Это колесико цепляется за это, это за другое, двигают стрелки, а все их заставляет двигаться вот эта туго закрученная пружинка…

Так же точно он поймет принцип действия паровоза, парохода, пулемета или самой мощной пушки, даже устройство автомобиля, ибо там нужно всего лишь понять принцип действия двигателя внутреннего сгорания, а это понятно и древнему греку.

Но на мое поколение пришелся первый качественный скачок техноэволюции. Тут уже Архимеду не понять ни работу телевизора, ни видеомагнитофона, ни компьютера, ни простого радиоприемника. Да, соответственно, никто из моих сограждан тоже не знает, как работает телевизор, магнитофон или холодильник. Хотя бы потому, что никто даже не знает, что такое электрический ток.

Отвечают просто: «Как работает? Да очень просто: вот тут

включаешь, а здесь нажимаешь, и – все! Каналы переключаются…»

Если еще в мое время все абсолютно знали, как работает то или иное устройство, а по поводу новинок мучительно старались понять их работу, как та дама, что не могла понять, как доходят телеграммы из Европы в Америку сухими, но сейчас… да, целое поколение уже не только не знает, но и не стыдится не знать. Это не в осуждение: я сам не знаю устройство кристаллов и чипов в моем компе, но пользуюсь!

Ребята в Южном Бутово перехватили на дороге, сунули книжку для автографа. Два парня и девчонка, явно общая, теперь это нормально, лица всех троих усеяны бусинками и кольцами: в носу, на переносице и даже на щеках.

Я смолчал, но, видимо, по взгляду все поняли, один сказал запальчиво:

– Сейчас это клево!.. Старшее поколение не понимает…

Я покачал головой:

– Вот сейчас ждете, что этот старый пердун начнет зудеть о том, какая молодежь пошла не та, какие все гадкие… черт-те что творят… Эх! Как раз напротив. Это не ваше поколение, а мое совершило сексуальную революцию, добилось свободы полов, свободы в прическах, одежде, модах. Но мы добивались этого через тюрьмы, через побои в милиции, через увольнения с работы, а из университета так называемых стиляг исключали!.. А чем вы рискуете с этими кольцами или когда красите голову в зеленый цвет?

Ребята переглянулись, один буркнул с неуверенностью:

– Ну, фыркают…

Девчонка хихикнула:

– Ничем… И это здорово!

Я указал на ребят.

– А им хотелось бы, чтобы хоть какая старушка фыркнула неодобрительно. Но не больше, не больше… А то вдруг еще палкой вдарит. Кольца в носу – этого достаточно, верно? Бросаете вызов современному обществу!

– Да, – пробормотал один. – А разве не так?

– Разве это вызов? – спросил я. – Если кого и раздражаете, то не революционностью, а как раз ее отсутствием! Вы не молодежь, а старики – старые, слабые, робкие. Да попробуйте что-нибудь покруче!.. Скажем, принять ислам и отстаивать среди людей, которые по тупости ничего не знают, кроме своего огорода и своего православия. Не нравится ислам? Тогда попробуйте восстановить славянское язычество, выберете место и поставьте

столб Сварогу или Перуну, восстановите касту волхвов и воинов… И это не нравится? Тогда возглавьте борьбу против ислама, против язычества, потому что ислам – давно сила, а язычество набирает силу теперь. Но у самых крутых из вас революционности и вызова обществу хватает только на то, чтобы разбить стекло у припаркованного на ночь у обочины автомобиля, украсть приемник или даже влезть и прокатиться с ветерком. Да и то по пьянке, у трезвых даже на такое отваги не хватает!

Он испуганно отшатнулся.

– Нет-нет. Мы так не делаем!

– Ну вот, – буркнул я, вспоминая, как в детстве грабили ларьки и магазины, – даже на это смелости нет….

Так недолго и поверить в то, что вся цивилизация подчиняется моей воле. Я ненавидел галоши и кальсоны, и их не стало. Ненавидел пиджаки с подкладкой из конского волоса – их не стало, пришли те, о которых мечтал – джинсовые куртки.

Восхищался США и ненавидел СССР: США вошли в силу, а СССР исчез. Жаждал много фантастики на прилавках – вот она, появилась наконец. Похоже, Творец меня любит, раз уж убирает из мира те мелочи, что меня раздражают, а значит – потребует от меня потом чего-то серьезного, когда придет пора расплачиваться. И вот сейчас я, прекрасно понимая, что он расчищал передо мной дорогу… могу ли предаться простейшим радостям, которые почему-то называют человеческими, хотя они свойственны именно животным: вкусной еде, отдыху, сексу?..

В мире, где правил партаппарат, где в писательском мире ценилось не умение писать, а умение пробиться в печать, завязать отношения с редакциями, у меня не было шансов, и Творец уничтожил для меня эту систему, заменив ее такой, где начали ценить именно книги, а не умение автора подлаживаться под всемогущего издателя. И мои книги пошли по нарастающей вверх. Без всякой раскрутки, рекламы, без интервью в газетах – медленно, но с каждым годом все шире по стране, с каждым годом все больше тиражи, с каждым годом все больше влияния. Естественно, он что-то потребует от меня взамен, а я, похоже, уже делаю то, что Он от меня ждет.

Для того, чтобы иметь возможность публиковаться, многие авторы устраивались в издательства редакторами, младшими редакторами, техническими работниками, хотя бы курьерами. Все это давало больше возможностей, чем приход «со стороны». Некоторые, пройдя всю лестницу взяток, унижений и соглашательства, поднимались на самый верх: становились главными редакторами и директорами. Разумеется, с одобрения

ЦК КПСС – высокие кандидатуры утверждались только там.

Этим открывался доступ к неограниченным публикациям, государственным премиям, раздаче слонов. Имена пробившихся гремели в печати и по телевидению, а обладатели этих имен всегда за столом с красной скатертью.

Положение было безвыходное, приходилось продолжать продавать рукописи, тем и жил, после чего Бог увидел, что мне хреновее некуда, и разрушил эту систему. Пришла та, о которой мечтал в детстве. Я пишу что мне нравится и как мне нравится, а издательство звонит и спрашивает тонким голосом: ну когда же вы, любезный Юрий Александрович, да закончите свою новую книгу? Вы ж не забудьте, что у нас гонорары выше, чем у конкурента, и тиражи больше… А я генеральским басом отвечаю так это вальяжно: да-да, вот через две недели заканчиваю, скину на емэйл. Мне тут же: гонорар вам выплатим сразу же, как принесете, весь до копеечки! А то хотите, выплатим все авансом?

Конкурентные издательства, кстати, не забывают периодически проверять: не ухудшились ли мои отношения с издательством, не могу ли я соблазниться на их посулы и перейти к ним… Ну разве не жизнь для писателя?

И вот сейчас, рискуя снова нарваться на обвинение, что Никитин впадает в маразм, повторяет то, что уже говорил как-то, я все же повторю: пишите хорошо, пишите лучше, пишите интересно – и вам не придется «пробивать» рукопись! Поймите, хорошо написанная рукопись так же нужна издателю, как и вам. Ни один издатель не отвергнет рукопись, что принесет ему прибыль. И вам хорошо написанная принесет славу, тиражи, высокие гонорары.

Рак унес двух молодых и очень агрессивных ребят, что особенно яро набрасывались на меня в Инете, пробовали заваливать спамом, порнухой, от одного осталась пара книг, от другого – пиратская библиотека. Нельзя сказать, что меня порадовала их смерть: я предпочитаю, чтобы враги жили долго и видели, что посрамлены.

Я не знаю, как Творец уничтожит то положение дел, какое сейчас доминирует в мире, но оно мне активно не ндравится, а это значит, что ряд гнойников будет уничтожен. Не знаю как, однако это будет сделано.

Я отмахнулся:

– Да пустяки, просто клякса.

– А что такое клякса? – спросила она.

Я открыл рот и… закрыл. В самом деле, как объяснить, что

такое клякса, человеку, родившемуся в век компьютеров? Даже устаревшие ручки, которыми иногда все еще пишут, давно шариковые, заправленные пастой, что в принципе не могут оставить клякс. А кляксы – это из мира Пушкина и Дюма, когда писали гусиными перьями, макая в черную жидкость, чтобы эта жидкость была видна на белой бумаге. Эту черную жидкость так и называли – чернила, ибо она чернила, зачернивала. Понятно, что надо было быть виртуозом, чтобы макать самый кончик пера. Иначе либо подцепишь черной жидкости слишком мало, хватит на одну букву, либо много – и тогда с кончика пера сорвется крупная капля, что безобразным пятном расплющится на бумаге, испортит уже написанное.

Я жил в период, когда гусиные перья стали заменять стальными, но чернильницы остались еще те, пушкинские. Мы с этими чернильницами ходили в школы, бережно держа их в специально сшитых черных, под цвет пролитых чернил, мешочках. В специальных коробочках носили стальные перья с расщепленными концами, а в тетрадках были обязательные «промокашки», листы особой пористой бумаги, которую следовало тут же очень осторожно приложить поверх только что написанного текста. Очень осторожно, ибо текст сам по себе сохнет обычно очень долго, можно нечаянно размазать.

Были фабрики, выпускающие эти стальные перья всех видов и фасонов, чернильницы, а бумкомбинаты выпускали «промокашки». Помню, уже давно перешли на шариковые ручки, а школьные тетради еще многие годы снабжались обязательной вкладкой в виде «промокашки».

– Да ерунда, – ответил я. – Забудь о кляксах, их больше не будет. Забудь о промокашках, они исчезли и не вернутся. Забудь о пресс-папье. О чернильницах… О многом не стоит даже вспоминать.

Я застал время, когда рукописи, посланные в журналы и издательства, возвращались авторам в толстых конвертах с пространным и профессиональным разбором и комментариями. Потом, когда пишущих стало намного больше, в журналах появилась такая надпись «Рукописи, присланные в редакцию, не возвращаются и не рецензируются». Однако это не распространялось на провинциальные, да и столичные на какое-то время поневоле отказались от таких строгостей, ибо резко сократился ручеек «самотека».

Потом, правда, потихоньку вернулись к невозврату, ибо начали опираться на «своих» авторов, прикормленных, известных, работающих по заказу.

На какое-то время редакции вздохнули с облегчением, ибо возврат рукописей ложился тяжелым бременем на отдел рассылки, который приходилось расширять с каждым годом.

Сейчас же, с приходом электронной почты, в редакции и издательства хлынул все усиливающийся поток рукописей. Само слово «рукопись» стало звучать странно, ибо автор попросту свой рассказ, повесть или роман рассылал по сотням адресов одним нажатием кнопки. Наступил парадоксальный момент в издательском деле, когда не то что рассылать, но даже прочесть поступающие рукописи невозможно! Вместо трех-четырех ежемесячных рукописей в 60-х, вместо тридцати-сорока в 80-х, сейчас приходит тридцать-сорок тысяч. Понятно, что в данном случае в большинстве редакций даже не заглядывают в почтовые ящики.

В детстве занимался муравьями. Сколько я себя помню, в моей жизни были муравьи. Бегали по комнате, на подоконнике подбирали от меня подарки: крупинки сахара, волоконца мяса или рыбы, пойманных и чуточку придушенных мух, все это утаскивалось в щели между подоконником и стеной.

Там живут тетраморимы, а во дворе быстрые и рыжие муравьи, что обычно уживаются с тетраморимами, но когда с кормом трудно, то начинают охотиться на них, хотя обычно с этими стойкими и упорными бойцами стараются не связываться.

Потом я ходил в лес и приносил оттуда в ведрах с крышками муравьиные кучи, стараясь их приучить жить в нашем саду и питаться гусеницами и прочим зверьем. Часть муравьев все-таки ухитрялась выбираться из-под крышек, и когда начинали ползать в транспорте по спинам пассажиров, я спешил потихоньку пробраться к выходу. Старался акклиматизировать в саду фулигинозусов, защитить их от живущих во дворе упорных в бою тетраморимов…

Удалось приучить жить в саду лазиусов фулигинозусов, а вот желтых лазиусов, тихих и боязливых муравьев, убежденных вегетарианцев, держал в цветочных горшках. Этих не надо было окружать водой, им там нравилось, никуда сбегать не пробовали. Толстенькие, медового цвета, неторопливые, они степенно гуляли по листочкам, следили за своими муравьиными коровами, собирали мед, остальное время деловито копались в земле.

Кампонотусов я поселил в огромном пне. Это самые огромные в Европе муравьи, красные с черным, очень красивые, тоже неторопливые, сознающие свою мощь, царственные и могучие.

А вот теперь, когда у меня… квартира уже из другого мира, я

с горечью понимаю, что не могу вот так же завести муравьев, чтобы они свободно ходили, засылали друг к другу шпионов, наблюдали друг за другом, а при удачном стечении обстоятельств еще и пытались совершить набег.

Дом моего детства был… жилищем древнего славянина. Все натуральное, все из подручных материалов. Все сделано своими руками. И муравьи ходили везде.

Но сейчас у меня в квартире два компьютера и ноутбук, домашний кинотеатр, DVD-рекордер, мобильники, пульты управления… что, если муравьи залезут вовнутрь в поисках тараканов или иной живности? А залезут обязательно, они везде должны обследовать, а потом проложить определенные трассы. К тому же как в таких условиях пользоваться пылесосом?

Так что теперь у меня по экрану бегают подобные муравьишки, строят крепость, защищают, разводят тлей, то бишь коров на фермах, оберегают, совершают набеги на обнаглевших соседей, расширяют крепость, дают отводки… Прекрасная real-time strategy, замечательная графика, навороченная, многоплановая, с возможностями многолинейной дипломатии, доминантности и субдоминантности до шести порядков. И снова я занимаюсь ими, строю, защищаю… увы, это не то, но до чего же приятно…

Что-то часы начинают сползать на запястье, то ли я схуднул, что маловероятно, то ли браслет тянется, несмотря на его металличность. Все-таки давно я эти часы ношу, купил в перестройку, тогда был самый писк моды и технического совершенства. Но, если честно, последний раз смотрел как на часы, то есть на показания стрелок, недели две-три назад.

Время сейчас не показывают разве что пепельницы, да и то не уверен, так как давно не курю, пепельницы у меня нет. Вот сейчас стучу по клаве, и под этими появляющимися буквами внизу экрана сменяются цифры с указанием не только часов и минут, но какой день недели, число, месяц и даже год. Поднимаю глаза: над плитой встроенный таймер с крупными цифрами и программой: когда предупредить, что надо выключить плиту или перевести на другой режим работы. Чуть правее телевизор, под ним DVD-рекордер, на табло сменяются цифры точнейшего времени, сверка со спутником. Время бежит на пульте кондиционера, на вытяжке, на кухонной и прочей так называемой бытовой аппаратуре.

Даже ночью, проснувшись в полной темноте, вижу зеленые цифры, что висят как будто в воздухе: крупные, отчетливые, чтобы рассмотрел спросонья.

По улицам куда не идешь, взгляд натыкается на всякого рода табло, где попеременно то температура воздуха, то время на

данный момент. Такое табло считается хорошим тоном устанавливать над входом в магазины, в учреждения, спортивные залы, даже над подъездами домов, которые рангом чуть выше хрущевок.

Уж не говорю, что, когда в авто, показания времени горят постоянно, перемежаясь с температурой за бортом, а голос по авторадио постоянно напоминает, сколько сейчас часов и сколько минут. Даже когда мобильник звякнет или молча задергается, как недовольный хомяк в кармане, то и тогда взгляд прежде всего выхватывает показания времени.

Собственно, человек, у которого есть мобильник, а у кого их теперь нет, уже не нуждается в часах, как показателе времени. Сейчас мобильник по размерам именно те часы, которые торжественно вынимал из кармана мой дедушка и на которые я смотрел с благоговением. Нынешний человек не нуждается даже в фотоаппарате, он встроен в мобильник. Сейчас в мобильнике – даже киноаппарат, так что наручные часы пора оставить носить только тем мужчинам, что вставляют кольца в нос, вешают длинные серьги, красят щеки и пудрят носик.

Сейчас ребенку непонятно, почему вот эти шарики мы называем глазными яблоками, ведь яблоки – это ого-то какие! – но мы, старшее поколение, помним, что совсем недавно большинство яблок были именно такого размера. Их еще звали райскими яблоками или, сокращенно, райками. Эти райки были размером немногим крупнее вишни. Примерно с нынешнюю ягоду черешни.

Именно такие яблоки росли в раю, потому их и называют райскими. А уж потом человек, не довольствуясь такой мелочью, вывел постепенно более крупные, более сладкие, более сочные. И все еще выводит.

Иногда вижу сны, странные повторяющиеся сны: я хожу по местам, которые хорошо знаю, помню, я могу сказать, что где, за каждым углом и деревом… но, проснувшись, я прекрасно отдаю себе отчет, что никогда там не бывал. Никогда. Но эти сны посещают меня снова и снова. Как будто я там жил, долго жил, потому знаю так хорошо…

Старый могучий дуб постепенно перестает творить облака так же мощно, как делал раньше, вот уже высится на просторе огромный, рассохшийся, с корявыми, распростертыми во все стороны ветвями, уже без листьев, но мертв лишь только издали, потому что вокруг уже пробиваются из земли, поднимаются

молодые отростки прямо из его же корней.

Старый ствол, не в силах перегонять тонны воды к листьям, высох, иссох, однако молодые побеги из его корней – зеленые и сочные, они продолжают его жизнь. Все правильно, все по закону восхождения к вершинам: слабые деревья должны исчезать с лица земли, а могучие и сильные давать потомство, чтобы и среди них самые сильные продолжали эволюцию.

У меня много этих зеленых побегов. Одни растут в Харькове, другие – на Крайнем Севере, на Дальнем Востоке, в Москве, за рубежом, в Западной Европе и на азиатском Востоке.

Все верно, но дивлюсь себе и мудро устроенной эволюции: все вроде бы делаю всем наперекор, всегда заступаю за черту, иду вопреки обществу, нравам, обычаям, комильфу и всем канонам, но через много лет выясняется, что именно так и надо было, что только этот путь верен, все остальные, которые «правильные», – ложные!

Ну как тут не поверить в направляющую длань Творца, Провидения, эволюции или хотя бы всевидящего и связанного с Высшим Разумом глубинного инстинкта в нижнем утолщении спинного мозга?

Да, помню, как утро начиналось с бодрого марша, звенящего восторгом голоса диктора, возвещающего о запуске нового металлургического завода, о беспосадочном перелете из Москвы на полярную станцию, о новых способах закалки стали, о новых сортах яблок, новой плотине…

А сейчас с утра в новостях о первой брачной церемонии в православной церкви, где священник обвенчал гомосеков, о легализации проституции, о новых видах презервативов и фаллоимитаторов, освященных нашими иерархами церкви и виднейшими политиками.

Правда, есть еще сообщения по Интернету, это там вылавливаю о новых чипах, о нанотрубках, о стволовых клетках – именно то, что, по моему мнению, люди должны бы узнавать по первым каналам телевидения, где идут бесконечные дискуссии с привлечением членов правительства: хорошо ли заниматься оральным сексом сразу после анального, или же сперва лучше все-таки оральным, а потом анальным?

Третий удар: еще через десяток лет после пластиковых пакетов – одноразовые шприцы. Непросто выбрасывать уже не пакеты, ладно, эти выбрасываем, правда, приспособили надевать на мусорное ведро и выбрасывать затем с мусором, хоть какая-то польза, но – настоящие инструменты! Все-таки шприц – это не

клочок склеенной пластмассы, шприц – это сложный инструмент…

И вот теперь наше сознание подготовлено ко всему. Даже если придется выбрасывать автомобили, мебель, компьютеры – выбросим. Ведь отбросили же не только вещи – что вещи? – но и такие понятия и моральные принципы, на которых держался мир тысячи лет?

В романе «Огнепоклонники», изданном в 1977 году, я впервые использовал в качестве персонажей своих друзей по работе. Как я уже писал выше, взял всю бригаду целиком и, что уж совсем неслыханно! – даже не изменил их имена и фамилии.

Но хулиганская выходка удалась, во всяком случая нам, участникам, пришлась по нраву, а то, что липовые творцы в местном отделении Союза Писателей морщились и ужасались нарушению литературных норм и канонов, – по фигу.

И вот когда пришла идея «Скифов», я не колебался по поводу персонажей. Правда, предупредил в Корчме, что хотел бы сделать, и заручился согласием каждого, таким образом в качестве главных героев появились активные корчмовцы Константин Крылов, Егор Холмогоров и многие-многие другие. Они хороши уже тем, что у каждого свой узнаваемый характер, даже своя внешность, своя манера речи.

Правда, в предисловии написал честно, что дикую идею романа придумал я сам.

Такой же трюк повторил с романом «Имаго», где героями выступают корчмовцы нового поколения: к этому времени Крылов, Холмогоров и другие уже основали свои сайты и ведут свою работу над усовершенствованием рода человеческого. А вот новое поколение у меня с автоматами и гранатометами в руках борется за воцарение новой идеи, что разом осчастливит мир и приведет его к всеобщему миру и благоденствию.

Да и в других моих романах встречаются узнаваемые корчмовцы. Не все, конечно, а наиболее характерные и яркие из них, начиная с «Зубов настежь» и заканчивая «Имортистом». Но если в «Скифах» они так и остались под никами, то в остальных уже с реальными именами и фамилиями.

В школе часто читали о нашем великом путешественнике Миклухо-Маклае, который открыл в южных морях острова с дикими папуасами и высадился там, один, прихватив с собой только револьвер и винтовку. Когда проснулся, был окружен дикарями с копьями. И как он уживался с людоедами, которые считали его богом, после того, как он продемонстрировал им

силу огнестрельного оружия. И как он доказывал в научных кругах, что папуасы – тоже люди, и что волосы у них растут не пучками, а как у людей, и все остальное у них, как у людей, и что нет высших и низших рас…

И вот теперь эти папуасы выпускают компьютеры последнего поколения, мы закупаем у них также жидкокристаллические экраны, чипы, телевизоры и самую навороченную технику, которую сами производить не в состоянии. Мы, наследники Миклухо-Маклая.

Сегодня прочел высказывания одного автора о глупости и ничтожности романов «Скифы», «Имаго», «Имортист». И довольно аргументированное обоснование, почему глупо, почему плохо, почему все не так.

Я спорить не стал, почему спорить и о чем спорить? У этого автора все правильно, все ровно, никаких проколов. Он пишет, как и все стадо: о войнах магов, о сражениях некромантов с чародеями, чародеев с волшебниками, союзов эльфов и гномов против сил Тьмы, о наследниках престола и войнах за наследство. И, конечно же, как герой сопровождает принцессу из пункта А в пункт Б, спасая, защищая и побивая, попутно обеспечивая победу Светлых Богов над Темными.

Ну что сказать? У него действительно все аргументировано, все вычищено, все вылизано. Нет проколов и ухабов, читатель идет не просто по проторенной тропе, а плавно скользит по бархатному полотну шоссе, где ни одной выемки, ямочки, где все известно наперед, все истерто до блеска.

И как с таким разговаривать на равных?

Каждый ищет то, что хочет.

Со мной читатель идет в новые миры, с ним – в старые, проверенные. Я не хочу сказать, что всем ходить надо именно в мои, но это и не значит, что нужно ездить только по одной и той же старой дороге до бесконечности. Хотя, конечно, чтобы выглядеть русским интеллигентом, то так, конечно, безопаснее.

Эдэм дас зайне.

Нельзя сравнивать книги для разных групп. Понятно же, что у «Троих» или «Княжьего пира» читателей больше, чем у «Имаго» или «Имортиста». И понятно же, что в любой момент я могу сесть и написать, к примеру, «Возвращение Томаса» или «Передышка в Барбусе-2». И тираж у этих простеньких книг будет побольше, чем у Странных Романов. Но пацанва скажет, что вот наконец-то Никитин стал снова писать лучше.

Однако же книги, подобные «Троим», пишут и другие, хоть и

послабее:-), а вот подобные странным романам не пишет никто. Никто! Всего лишь потому, что такие вещи писать невероятно сложнее.

Я пишу потому, что всегда беру задачки потруднее. Но время от времени решаю и задачки параллельные. К примеру, когда в форумах высказали и поддержали идею, что о любви могут писать только до тридцати лет, потом уже все, не смогут, я выдал трилогию о Придоне, Иггельде и Черныше.

Умолкли:-)

Смешно читать простенькие вещи недалеких авторов, когда отчаянно выдают желаемое за черт-те что, в романах, когда бессмертный бог или бессмертный король эльфов бросает на фиг свое бессмертие, чтобы стать… простым человеком. Этих вещей всегда были стада, да и сейчас непуганые идиоты выдают их больше, чем селедка мечет икры.

Когда в «Троих» я вывел героев в современный мир, а потом повел дальше в будущее, абсолютное большинство читающих возмутилось, не приняло: дайте нам все те же сладкие грезы о прошлом, которое нам понятно, которое потому не пугает, а мы будем читать, чувствуя полное превосходство над ситуацией…

Но я упорно гнул свое, уводя тройку героев все дальше, во Вселенную, в пугающее будущее. Объединял в одной саге и фэнтези о сказочном прошлом и жесткую сайнс фикшн о неизбежном будущем. Это, конечно, читающих шокировало, никто не отваживается на такие эксперименты, однако писатель обязан экспериментировать, чтобы не оставаться на уровне пишущих в каком-нибудь восемнадцатом или там диком двадцатом веке.

Так же, как большинству из нас не хотелось взрослеть, переходя в страшноватый и трезвый мир взрослых, так же большинство читающих с негодованием восприняли переход троих героев из Леса в современность, а затем и в будущее. В том детстве, где Средневековье, колдуны, драконы и похищенные принцессы, – так уютно, знакомо и защищенно! А в современности, где высокие технологии, которые трудно понять, – странно и страшно. И очень неуютно. Гад этот Никитин, что пишет такое. И книги эти – дерьмо. Пиши снова про колдунов и рыцарей: мы так хотим забраться с головой под одеяло и не видеть окружающего мира!

Во все века старшее поколение знало и умело больше, чем младшее. Во все века, тысячелетия. Вплоть до сегодняшнего дня,

когда практически во всех семьях школьники и подростки с легкостью владеют компами, Инетом, настраивают бытовую технику и поясняют тупым родителям, как пользоваться новыми стиральными машинами, кофеварками, грилями, пылесосами, настраивают им даже телевизоры, видеомагнитофоны, обучают пользоваться продвинутыми мобильниками и даже простыми телефонами, ибо они на взгляд старшего поколения совсем не простые, а жутко усложненные.

Но это только на взгляд старшего поколения. Для младшего – это норма. Они готовы усваивать и более сложное.

Перестал слышать комаров. Раньше их противный звон слышал за километр, а вот сегодня лежу в постели, ночь, темно, Лиля уже спит, забросив на меня длинную ногу. Она некоторое время еще пыталась бить их, едва заслышав звон, но только распугивала.

Я чувствовал легкое прикосновение к коже, выжидал мгновение, шлепал по тому месту и под кончиками пальцев находил крохотный влажный комочек. Но звука подлетающего комара не слышу. Даже если садится мне на ухо. Выходит, высокие частоты от меня уже отрезаны?

Но слышу пока что нормально. Никто не замечает, что у меня что-то со слухом. Но что будет дальше? Так и будет постепенное наступление глухоты с очень высоких нот на средние, а потом и на басы? И мне грозит слуховое устройство?

Один из читателей взялся выполнить роль литагента и пошел по издательствам, предлагая книги уже пользующегося большой популярностью Юрия Никитина. С «ЭКСМО» чуть-чуть не сошлись в варианте оплаты, а «Центрполиграф» принял все условия и тут же выплатил крупный аванс.

Мы передали ему все пятнадцать романов, которые уже выходили в «Равлике», и с того дня началась работа уже на другое издательство. Нет, в «Равлике» еще издали что-то около трех или пяти книг, потом подошло время снова кормить, поить и давать взятку проверяющим из налоговых органов, так что решили, что под этой ношей хребет бедного «Равлика» хрустнет и окончательно сломится, потому лучше ему закрыться раньше.

В «Центрполиграфе» дела шли хорошо, книги там выходили около пяти лет, но с каждым годом тиражи становились почему-то все меньше, хотя я чувствовал, что пишу ничуть не хуже. К тому же постоянные неприятные моменты, типа того, что, когда я написал «Ярость», началось то, что могло бы происходить только в оккупированной стране, где на перекрестках вражеские танки, а

по улицам ходят патрули победившего врага.

«Центрполиграф» в испуге отказался наотрез, Лилия прошла по издательствам и предложила эту книгу, но любое издательство, выражая готовность взять «Трое из Леса», сразу же отказывалось от «Ярости».

Мы начали публиковать крохотными тиражами за свой счет. По одной книге в год: «Ярость», «Империя Зла», «На Темной стороне», и всякий раз меня с испугом и изумлением спрашивали: а не боюсь ли я, что меня арестуют и посадят на большой срок? А то и подведут под расстрельную статью? Ведь я пишу про *американцев,* с которыми дерутся наши солдаты! Это же и пропаганда войны, и межнациональная рознь и все такое…

Какое еще нужно доказательство того, что прошла Третья Мировая Война, в которой мы проиграли вдрызг, и сейчас побеждены, оккупированы, ибо этот же спрашивающий безропотно смотрит штатовские фильмы, где американцы пачками уничтожают русских солдат? Причем эти фильмы идут не там, в США, что само по себе было бы войной, ведь настраивают общественное мнение своей страны против России, но уже здесь, в России, что самый первый признак оккупации! Здесь, в российских кинотеатрах российские зрители смотрят, как бравые ребята из-за океана уничтожают толпы русских, что только глупо мечутся из стороны в сторону, стреляют в небо, трусливо разбегаются, но все равно попадают под пули штатовских героев, что никогда не промахиваются!

Помню, когда вышла последняя или предпоследняя книга этой серии, как раз вышел фильм из бондианы «Золотой глаз», его тут же показали и у нас по всем каналам телевидения в самое лучшее время, там герой уже в Санкт-Петербурге мочит русских вовсю, затем захватывает наш тяжелый танк и на нем носится по всему тесному городу, старому историческому центру, давит не только автомобили, хрен с ними, но и рушит дома вместе с жителями, превращает их в руины, сносит памятники. К примеру, Медный всадник от удара оказывается на башне танка, и так по городу… напоминаю, уже не Ленинграду, а Санкт-Петербургу, то есть уже не по коммунистическому городу, уже враг все-таки Россия, а вовсе не Советский Союз, не коммунисты.

В американских фильмах бравые штатовские вояки убивают русских по всему свету, убивают даже по всей России: начиная от Сибири и Заполярья и кончая улицами Москвы. И – ничего, для русского интеллигента это вполне нормально, но если отечественный автор напишет хоть строчку, что русский солдат убил американского вояку, то русский интеллигент в панике: как можно такое писать? Как можно?

И перепуганный шепот обывателя: а вы, мол, не боитесь, что вас за ваши книги сегодня же ночью арестуют и посадят? Как за что, за вот такие книги…

В «Как стать писателем» я уже рассказывал о том, как издательство ЦП, в котором я в те годы публиковался, наконец предложило купить первые два романа, но при условии, что приглашенный со стороны человек объединит их в один, перепишет заново, уберет всю идеологию, сделает боевичок, где две группы русских спецназовцев дерутся… друг с другом, за это мне заплатят… 100 тысяч долларов! Напоминаю, что хоть это происходило до знаменитого черного дефолта, когда рубль обрушился чуть ли не до нуля, такие деньги и тогда были огромные.

Я отказался и продолжал издавать за свой счет, занимая под немалые проценты у темных и далеких от идеологии ребят, а Лилия продолжала предлагать в издательствава. Всюду отказы, наконец откликнулось оперативное, быстрое и молодое «ЭКСМО». Узнав, что у пользующегося популярностью у читателей Никитина есть непристроенная книга, тут же заплатили аванс, получили книгу, прочли, ужаснулись… печатать отказались и даже денег не потребовали обратно. Я пытался вернуть, ненавижу быть должным, но в «ЭКСМО» благородно заявили, что это их прокол, они и понесут убытки.

Чтобы не быть должным, я отдал им только что написанную «Я живу в этом теле». Ее отказались принять в ЦП, потому что в романе нет ни одной погони, ни одного убийства, даже ни одной драки или ссоры. А также нет магов, колдунов, бермудского треугольника и всей той лажи, на которую клюют домохозяйки, все еще называющие себя русской интеллигенцией. В «ЭКСМО» опубликовали… в серии «Абсолютное оружие»! Кто читал «Я живу в этом теле», поймет, в чем прикол.

После того как тираж разошелся, а «ЭКСМО» переиздало книгу в другой серии, «Наши звезды», ЦП сдался окончательно и сказал, что отныне будут брать все книги Никитина, неважно, в каком жанре напишет. Кроме, конечно, книг серии «Ярость».

Правда, прошло еще пару лет, и «Центрполиграф» все-таки взялся выпускать «яростную» серию, однако к тому времени я окончательно созрел для смены издательства. Прошли переговоры с «ЭКСМО», туда отдали новые романы и те, на которые заканчивается срок договора с ЦП, пошли первые тиражи… все они оказались почти на порядок выше, чем в «Центрполиграфе». Чем это вызвано, не берусь комментировать, но по результатам за 2002 год, по подсчетам книготорговых организаций, моих книг продано больше, чем любого другого

писателя-фантаста.

Кстати, «Ярость» издана большими тиражами и в «ЭКСМО». И ничего, небо не упало на землю. Ничего не случилось. Разве что отношение населения ко всяким разным вопросам несколько изменилось, что я скромно записываю и на свой счет.

Я, еще работая на заводе, составил приличную библиотеку на английском языке и заметил значительный процент книг о короле Артуре и его окружении. Потом, когда пришли видеомагнитофоны, посмотрел несколько мультфильмов вроде прекрасного «Меч в камне» и множество фильмов, вы их наверняка смотрели тоже: с топовыми голливудскими актерами, поставленные лучшими режиссерами…

Но подобное же циклу о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола существует и у нас! Князь Владимир и его знаменитые пиры, где точно так же собирались богатыри: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и его семьдесят знаменитейших героев. Там же были как могучие колдуны, оборотни, так и интриги, заговоры, попытки переворота и прочее-прочее. И все это собиралось в течение веков, наслаивалось, концентрировалось вокруг князя Владимира и его знаменитых пиров, они же – военные советы с богатырями и героями.

Цикл о князе Владимире и его богатырях у нас был разработан в те века намного богаче и красочнее, чем скупые упоминания о короле Артуре, однако же наша тема на том и угасла, а вот англичане, а потом все англоязычные: американцы, новозеландцы, канадцы и австралийцы – начали разрабатывать артуровскую тему, появились рассказы о короле Артуре, повести, романы… Этих романов становилось все больше и больше, наконец критики отметили, что в год выходит пять-семь романов «артуровского цикла».

Тогда я и предпринял попытку возродить старый былинный цикл: написал романы «Княжеский пир» и, чуть позже, – «Главный бой», в предисловиях дал правила, по которым следует делать романы. Из-за важности этих правил повторю их здесь в той форме, в какой были опубликованы, потому что серия не умерла, в нее еще можно писать, а для этого нужно знать основные правила:

1. К участию допускаются все – и маститые, и начинающие, без ограничения по полу, возрасту, национальности, политическим и религиозным убеждениям, кривизне ног и форме ушей.

2. Пожалуй, самое важное правило: не навреди другим

авторам, не навреди самой серии.

3. Участник проекта должен написать роман объемом не менее 110 тысяч слов. Больше – пожалуйста, меньше – нет. Примите как данное. Если нужны подробные объяснения, см. пункт последний. Романом называется произведение в малограмотной европейской традиции, то есть без разделения на повесть и собственно роман.

4. Исходной точкой повествования является двор князя Владимира до принятия христианства. Двор представлен в былинной традиции – с богатырями и прочими сказочными персонажами.

5. Исходным миром является тот, что описан в романе «Княжеский пир». Это не означает, что действие должно происходить только при дворе, – достаточно завязки или другого соприкосновения.

6. Рекомендовано включение в виде эпизодических лиц героев других романов цикла. Допустимо использование в качестве главных героев эпизодических героев Никитина (без его согласия) и других авторов (по согласованию – кроме тех случаев, когда автор объявляет своих героев в общее пользование). В любом случае недопустимо убивать или калечить чужих героев и, само собой, унижать их достоинство.

7. Настоятельно рекомендуется предварительно прочесть книги предыдущих авторов (основоположника серии – обязательно!), дабы избегнуть досадных недоразумений. Ведь там уже дана внешность основных героев, декорации теремов, с какой стороны терема крыльцо, а с какой – коновязь и пр.

8. Образы – героические.

9. Сюжеты – героические.

10. В отношении серии действует правило богов: ведь писатели – тоже творцы. Даже с прописной – Творцы. То есть сделанное одним богом другой бог отменить не вправе. Если, к примеру, Афина ослепила Тересия, то сочувствующий ему Аполлон не волен вернуть зрение, зато в его воле было наделить даром прорицания и ясновидения.

11. Действие также происходит в пределах Киевской Руси (за очень редким исключением переносясь, в случае необходимости, в тридевятые страны), при этом «заграница» – в русской сказочно-былинной традиции. Доля «чужеземья» определена в 5 процентов. (Здесь, помню, был вопль со стороны жулья: хотелось больше. А в идеале – чтоб вообще русским духом и не пахло. Как же, о западных или восточных землях им писать куда приятнее! Патриоты, мать их… Кстати, что-то я не читал романов о короле Артуре, где его рыцари шастают хотя бы по Европе, не говоря уже

о Японии, Руси, Атлантиде…)

12. А это правило не относится к самой серии, но из-за ряда случаев стоит напомнить: первым и самым строгим редактором себе должен быть сам автор. Никакие веские причины не являются оправданием, чтобы принести рукопись невычитанную, невычищенную, сырую. Редактор не будет переписывать чужую рукопись, а автор не сможет бегать за каждым купившим его книгу и объяснять, что вот этот момент нужно понимать вот так-то, а здесь нужно представить себе вот это. Роман должен быть готовым к печати!

13. Не знаю, надо ли это писать, но все-таки роман должен быть написан еще и добротно. Конечно, уже слышу возражение: как, по заказу да еще и хорошо? Много хотите… Да, вы правы. Хотим много.

14. Роман должен быть написан «специально в серию», а не адаптирован из чего-то, что в других издательствах поперли в шею… То есть обязательны все реалии серии, а герой обязательно должен побывать при дворе князя Владимира, встретиться с другими героями, в том числе и героями других авторов.

15. В доме повешенного не говорят о веревке, то есть запрещена любая пропаганда христианства, как и контрпропаганда. Только славянский красочный языческий мир, его обычаи. Никаких христианских проповедников, миссионеров. Как и других религий, понятно.

16. Недопустимо использование явно чужеродных сказочных элементов, не встречающихся в русских сказках и былинах, – троллей, баньши и т.д.

17. Запрещена откровенная эротика (порнография), как чуждая тому суровому миру (или нашему представлению о нем).

18. Запрещены снижение образов, пародирование. Среди недоумков это все еще кажется особым шиком: изобразить Суворова придурком, Авдотью Рязаночку – шлюхой, рассказать, что Чайковский и Достоевский были геями, и т.д. То есть снизить их до своего уровня и своего окружения. Как бы сравняться с ними и тем самым самому стать таким же великим. Увы, это наш характер: самим карабкаться трудно, проще других к себе в грязь…

19. Запрещено брать в качестве основных героев главных героев других авторов. Что понятно, верно? Ведь автор, может, сам в этот момент сочетает его узами священного брака, а у вас вдруг да заметят с другой женщиной. А вот обмен второстепенными героями или заимствование как раз приветствуется. Многие авторы делают эти перекрестные ссылки друг на друга, в эпизодах используя чужих героев. Тем самым серия скрепляется дополнительно. Разумеется, все это с уведомлением и согласованием друг с другом.

20. Естественно, запрещено убивать, калечить или как-то менять характеры героев других авторов. Кроме понятного авторского права, важна целесообразность: могут возникать нелепицы и несостыковки.

21. Для некоторой корректировки рекомендуется почаще вспоминать блестящий двор короля Артура с его рыцарями Круглого стола, а также монастырь Шао-Линь. Двор князя Владимира – это третья точка легендаристики на мировой карте.

И большинство из того, что недопустимо при дворе короля Артура или в монастыре Шао-Линь, также недопустимо и при дворе князя Владимира.

Я уже не помню, сколько вышло книг, но у меня самого на полке больше десятка. А я их не собирал специально. Молодые ребята взялись с достаточным энтузиазмом. Сейчас, по прошествии лет, начали говорить о неудаче с циклом «Княжеский пир». Мол, серия ведь прекратила свое существование! Но, простите, нет на свете бесконечных серий. В серии «Княжеский пир» опубликованы романы молодых ребят, у которых до этого не было ни одной книги! У большинства не было вообще даже опубликованных рассказов.

Так что огромное спасибо «Центрполиграфу» за внимание к молодым, за поддержку, за доверие, за возможность выйти на ринг и показать себя! Другое дело, что не откликнулся ни один из уже крепко стоящих на ногах литераторов. Ну, вы же знаете, как у нас в России: любим поговорить о патриотизме, но на свое поплевываем, предпочитаем иностранное, как книги, так и товары. Это не Япония, где, чтобы поддержать своих, не покупали дешевые и качественные американские товары, а брали свое паршивенькое и в конце концов подняли экономику на те высоты, откуда могут поплевывать.

Неловко от того, что постоянно ставили ЦП в неловкое положение, сами того не желая. Там рукописи принимали как… рукописи, то есть хоть и не написанные от руки, но все же на машинке, а Лилия принесла на дискете, а уже следующий роман предложила послать по емэйлу, чтоб, значит, не возить дискету на другой конец города, это же смешно, когда можно текст переслать за полминуты. На том конце провода наступило замешательство, потом неуверенно переспросили непонятное слово, еще раз, а когда Лилия, догадавшись, объяснила, что такое Интернет, там смущенно объяснили, что у них такой штуки нет.

Лилия привезла дискету, объяснила преимущества Интернета еще раз, как же, мол, без него, у вас же три этажа заполнены людьми, сидящими перед компьютерами, вам же самим работать легче… Вызвали штатного компьютерщика, велели найти провайдера и срочно вступить в этот непонятный Интернет.

Но этим не закончилось, ибо следующий роман, который они благополучно получили по емэйлу, не смогли прочесть. Оказывается, в то время как я постоянно апгрейдивал хард и софт, у них стояли старые версии прог, а Word и вовсе самый первый, в то время как я прислал в последнем. В следующий раз Лилия привезла иллюстрации художника на зипе, а там даже не

поняли, что это такое. Не могли раскрывать архивированные, тогда еще не было самораскрывающихся, вдобавок я присылал то в появившемся zip'е, то в rar'е, а в издательстве едва-едва освоили только первый arj.

Мы каждый раз смущались, ибо нам казалось естественным, что если мы, семья из двух человек и одной собаки, это имеем и умеем, то тем более должны иметь и уметь более богатые и сильные организации. Увы, прошли годы, прежде чем начали появляться емэйлы, а потом и свои сайты у телеканалов, банков, крупнейших газет и радио.

А ведущие на центральных каналах телевидения учились выговаривать трудные и непонятные «тридаблю…» и приглашать зрителей посетить только что открывшуюся страничку в Интернете.

Я с тоской смотрел на богато уставленный стол. Сейчас январь, а на столе бананы, яблоки, мандарины, апельсины, грейпфруты… Черт, как бы это все перекинуть в детство, когда бегал вечно голодный! Когда смолотил бы все и поглядывал по сторонам: нет ли где еще? А сейчас того нельзя, этого нельзя, да на это лучше не смотреть… Нет, печень и желудок в порядке, но сейчас все, что ни сожрешь, тут же откладывается лишними килограммами, пузо через ремень, шнурки не завязать, да и вообще зеркальная болезнь во всей красе…

Уже набирал незаметненько десяток кэгэ, спохватывался, поспешно сбрасывал, но эта опузелость подкрадывается тихонько, украдкой, а на столе в вазах – изобилие. Которое не видывали не только европейские короли, но и восточные шахи!

А стол – всего-то обычный стол среднего по достатку жителя большого города.

Кровяное давление – двести на сто двадцать. Это многовато, даже чересчур. Норма – сто двадцать на семьдесят. Сто сорок на девяносто – уже повышенное, надо к врачу. Сто шестьдесят на сто – пора в стационар на лечение, а тут живу, как на вулкане…

Правда, когда выезжаю на велосипеде, да часиков пять по лесу вверх-вниз по чертовым корням и рытвинам, то возвращаюсь уже с давлением сто на сорок. Говорят, это тоже смертельно опасно. В смысле такой резкий перепад.

Мой вес от сидячей жизни опять достиг ста килограммов. Для кого-то это и терпимо, ничего не могут сделать. Я подумал, выбрал время между двумя заседаниями КЛФ в ЦДЛ и прекратил жрать. За месяц сбросил двадцать килограммов, получилось даже меньше нормы: мой рост – сто восемьдесят пять, можно бы

восемьдесят пять… если по старым понятиям, но сейчас я уже не грузчик, можно и поменьше мускулов, так что пусть останется отныне и навеки восемьдесят.

Когда явился за очередное заседание, все спрашивали: что случилось, как удалось похудеть так быстро?.. Какая методика? Какими жиросжигающими добавками пользовались?.. Я загадочно улыбался. Не могу же прямо сказать этим несчастным: жрать надо меньше!… Увы, не поймут. Им надо есть много, но чтобы худеть.

Да, кстати, с резким сбросом лишних двадцати килограммов давление стало сто двадцать на семьдесят. Рекомендую метод, если кому нужно.

Огромные краны с подвешенными гирями ломают последние хрущевки, такие крохотные и жалкие рядом с современными домами, где и потолки высокие, и кухни громадные, и жилая площадь впятеро больше. А совсем недавно эти хрущевки были последним писком прогресса! Как им радовались, как люди ликовали…

«Сплошная химизация» сейчас воспринимается как жуткий кошмар: люди отказываются покупать даже генетически измененные продукты, а про всякие протравленные химикатами нет и речи – их просто не примут к продаже.

Дни рождения, ессно, никогда не отмечал. Свои дни рождения. Зато отмечал дни рождения Пифагора, Александра Македонского, Гильгамеша, Гомера, вполне заслуживших, чтобы их дни отметили не только мелким шрифтом в календаре. Их дни рождения отмечать тем удобнее, что никто не знает, когда они родились, так что отмечать можно в любой день, когда восхочется, так что я заранее объявлял, что такого-то числа день рождения Архимеда, надо почтить память великого человека, и мы собирались с вином и пивом, устраивали застолье, а потом метание топоров в колоду и прочие забавы.

Теперь же, в Москве, с этим стало труднее. Нет, со днями рождения великих все так же, но уж больно ширилось движение, чтобы непременно отметить и мой личный день рождения, ведь прежняя отговорка уже не катит, что, мол, еще надо, еще ничем не заслужил, а праздновать день рождения заурядейшего человечика – смешно и глупо. Теперь вы, Ю.А., уже чего-то да достигли, что-то да значите, так что извольте соответствовать, то есть принимать гостей, улыбаться и кланяться, отвечать на поздравления, принимать совершеннейше дурацкие подарки, которые надо потом в квартире выставить на видное место в знак уважительности к дарящему…

А если, мол, юбиляр сам не приглашает на свой день рождения, мы это расценим как проявление скромности и вломимся к нему без всякого приглашения, благо дату уже знаем, а там уж изволь принимать по протоколу и заведенному обычаю.

Да чтоб я пошел на такую хрень? Правда, с возрастом стал совсем мягким. Нет чтобы матом да бейсбольной битой по голове, теперь заявляю за два-три дня, что лежу страшно болен, с высокой температурой, весь в прыщах, заразное, наверняка из Гонконга, птичий грип, никого не желаю видеть и не желаю, чтобы кто-то меня видел в таком состоянии. Отмазка срабатывает даже для тех, кто знает, что отмазка: а вдруг не отмазка? В его возрасте уже положено так вот ныть и болеть. Пятьдесят на пятьдесят, что не брешет.

Все-таки прав Платон, мы – растения. Или существа с плоскими ногтями. И всех нас от колыбели и до конца ведет, не отпуская ни на миг, мощный инстинкт. А то, что называем разумом, это так – смех один. Это даже не слуга, бегающий на побегушках у инстинкта, а так, зудящий где-то в сторонке комар, на который инстинкт даже внимания не обращает. А если и позволяет пожужжать поблизости, то если жужжание не мешает.

Все, что мы делаем, это по велению инстинкта. Он настолько пронизывает каждую нашу клеточку, что просто не соображает, что у нас ничего, кроме инстинктов, нет.

Помню, когда в детстве смотрел фильмы, там почти в каждом был такой штамп: немцы наступают, благородный дядька бросается к пулемету и кричит детям, обычно двум: «Уходите, я их задержу!» Дети нехотя отползают, а потом бегут задворками или кустами, если в лесу, а взрослый остается на верную смерть, останавливая наступающих немцев.

Вот сколько я тогда пересмотрел этих фильмов и всегда, отожествляя себя с главным героем, остающимся вот так, не понимал его поступка. Да какое мне дело до тех двух детей, я буду драться за себя. А когда будет возможность отступить – отступлю! И мне неважно, успеют те сраные дети убежать за это время достаточно далеко для спасения или нет!

И вот так жил, жил, жил, жизненные соки из земли перекачивал по стволу к ветвям, поил и кормил организм, остатки сбрасывал, матерел, и вот однажды снова попался на глаза такой же эпизод про «Спасайтесь, а я их задержу!»… уже приготовился презрительно скривиться: да плевать мне на тех детей, своя шкура дороже… как вдруг что-то остановило.

Да, остановило. Я ощутил, к своему изумлению, что а вот ничего подобного: лягу за пулемет и буду стрелять в

наступающего врага, чтобы дать возможность молодняку убежать, спрятаться, спастись, а потом размножаться, не давая прерваться моему роду. Или не обязательно моему, но – «нашим».

Это можно объяснить как-нибудь высокопарно, сказать о моей возросшей сознательности, чувстве долга или какой-нибудь еще хрени, но на самом деле инстинкт, который управляет нами, сказал властно: ты, существо, уже достигло той стадии, что наплодило кучу детенышей, разбросало свои семена по всему свету, так что теперь твоя задача не столько продолжать их разбрасывать, а постараться уберечь те ростки, что уже взошли.

Именно это меняет мировоззрение, а из эгоиста, спасающего шкуру, делает радетеля за Отечество или хотя бы за свой клан или тейп.

Интересно, что даже те простенькие мечты и грезы, которые возникают в затуманенном сознании перед сном или сразу после сна, тоже очень-очень разные у разных стазов организма под названием «человек»!

Вот сегодня лежал, мысли вяло текут во всех направлениях, начинают складываться в яркие картинки. Некоторое время наблюдаю за сюжетом, который разворачивает передо мной постоянно работающий мозг, внезапно поймал себя на том, что все эти грезы, видения, сюжеты – очень уж отличаются от… прежних.

Первые мечты подростка были о том, как побиваю, побеждаю, как говорю умно и красиво, каков я на белом коне, как умею читать мысли и всех вижу насквозь, как добиваюсь великих побед, все мне рукоплещут и ставят золотые памятники во весь рост на всех площадях своих столиц. По всему миру, конечно.

Потом, когда вырос, взматерел, когда пошли дети, я все так же погружался в сладкие грезы, но уже не обо мне, а о близких, об Ирине, о детях…

И вот теперь ощутил, что все чаще в грезах вижу, как красиво, умно и звездно ведет себя Эля, как победоносно идет Леша, как побеждает на соревнованиях Никитка, даже как моя Буся показывает собачникам чудеса ума, ловкости и воспитанности вкупе с бесстрашием, что удивляет и поражает всех, а остальные со своими неуклюжими и дурными собаками посрамлены…

Так что некоторые вещи просто невозможно объяснять тем, кто не прошел соответствующие линьки. Поясню на примере. В детстве читал «Зверобой» Фенимора Купера, настольная книга всякого школьника тех лет, тогда еще не были прилавки завалены детективами и фантастикой, так вот тогда еще неприятно поразило, что красавец, суперстрелок и вообще герой из героев – Соколиный Глаз, он же Зверобой, полюбив прекрасную девушку,

кстати, и она его полюбила, так вот он от нее отказался и уступил своему другу!

Это оставалось мне непонятным очень долгие годы. Даже десятилетия. И вот только когда мои дети выросли, когда пошли внуки, мне вдруг стал понятен поступок Зверобоя. Нет, сперва я ощутил странность в поведении одного из моих героев: Олег, один из Троих, вдруг начал устраивать судьбы других! То Скифу помогал, то бравому Томасу Мальтону, а что себе? И тогда я понял, что и у меня наступил тот период, который Фенимора Купера заставил поставить главного героя в позу помогающего другим, устраивающего их жизни… как вот мы, могучие и сильные самцы, уже все сделавшие, имевшие всех женщин, которых хотели, пивших любое вино, сейчас помогаем внукам, правнукам, просто хорошим людям…

Озлившись, никто не любит явно выраженные признаки старости, даже если их заметил только я один, тут же написал роман «Фарамунд», где Олег у меня снова любит, страдает, мечется между двумя женщинами и в память об одной основывает город Лютецию, который через века станет Парижем.

Так вот некоторые, очевидные для Купера, Никитина и любого, прошедшего определенную линьку, истины невозможно вдолбить даже самому умному и пусть даже гениальному подростку, юноше, молодому и сильному мужу в расцвете полового гона. Парадокс в том, что эта истина понятна даже простому слесарю, если он, повторяю, прошел ту возрастную линьку, пусть даже и не сможет сформулировать четко и ясно, но недоступна этим двадцатилетним умникам, которые уверены, что уже все знают, и страшно обижаются, когда уклоняешься от обсуждения некоторых вопросов… ответы на которые им сами придут с переходом на следующий биологический этап.

Это, конечно, тоже особенность новейшего времени, в частности – Интернета. То есть в доинтернетью эпоху козы ходили с козами, а волки с волками, сейчас же рухнули все двери, все запоры. В Корчму, как и на другие сайты, приходят люди разного возраста и разного уровня, что было немыслимо не только в эпоху салонов, но и вообще: где вы видели дом, двери которого открыты действительно для всех?..

В Корчме же, к примеру, двери не просто открыты, но и какой-нибудь школьник, укрывшийся за ником «Потрясатель вселенной», «Супербог» или «Тайфун», еще не проходивший ни одной линьки, начинает яростно доказывать истины своего уровня, что-нибудь типа того, что никаких крыльев не бывает, просто грызешь-грызешь лист, растешь, толстеешь, жиреешь, а потом все, застыл, помер. А если учесть, что таких абсолютное

большинство, эту гусеницу обычно поддерживает дружный хор других гусениц, то вообще умолкаешь и надолго переходишь в режим read-only.

Во все века, во все эпохи, при всех правителях, режимах, в западных и восточных странах всегда была проблема накормить народ, накормить желательно досыта, хотя, конечно, это всегда оставалось несбыточной мечтой.

Собственно, это была одна эпоха, протянувшаяся от пещер и до космических ракет. Даже раньше, чем от пещер: от амеб и хламидомонад до полетов в космос. Две трети моей жизни прошли в эту эпоху, когда слово «поправился» означало и «выздоровел», и «потолстел», ибо дородность, то есть тучность, считалась признаком здоровья, а вот худоба – признаком болезни. И само слово «худой» означало не только болезнь, но и вообще все плохое, чего надо сторониться.

И вот пришла странная причудливая эпоха, в которую не смогли бы поверить не только египетские фараоны или римские императоры, но даже такие близкие нам по времени Пушкин, Некрасов, Толстой, Бунин или даже Максим Горький. Да что там Горький.

Эта эпоха нашла отражение в расхожей фразе: чтоб такое съесть, чтобы похудеть? То есть незаметно пришло изобилие, когда исчезла необходимость не только отвозить стариков в зимний лес… добавлю, что это не какой-то истинно русский обычай: во всех странах практиковалось умерщвлять стариков, а переломный момент нашел отражение в сказках, вы все их читали, там молодой парень прячет престарелого отца, а тот мудрыми советами спасает ему жизнь, помогает добыть богатство и принцессу.

Так вот исчезла необходимость не только отвозить стариков на смерть, чтобы остатков хлеба хватило на семью, но исчезла необходимость делать запасы. В том числе и на боках в виде жирового слоя.

Это пришло из развитых стран, Индия, Африка и Латинская Америка все еще голодают, Китай голодать перестал, но проблемы переедания пока что не существует, зато Европа, США а теперь и Россия уже ломают головы: как по-прежнему жрать в три горла: рефлексы голодного существования так просто не задушишь, но в то же время не толстеть безобразно?

Сегодня был у одного приятеля, его внук продемонстрировал мне стилизованные под старину катану, топор, меч, а еще показал пишущую машинку и начал объяснять, с какой стороны вставлять

лист:

– Только клавиш надо не просто касаться, – говорил он, возбужденно сверкая глазами, – а бить!.. Понимаете, бить! Только силой удара пальца срабатывает система рычагов, один из них поднимется и, размахнувшись по дуге, с силой бьет по чернильной ленте, пропитанной особым составом! Эта лента ползет прямо по бумаге или в миллиметре над нею, а на рычажке,видите, припаяна литера… ну, точно такая, какие сделал Гуттенберг!.. ее оттиск и остался на бумаге. Если слабо ударите, то оттиск будет слабым, если совсем слабо, то рычаг вовсе не коснется бумаги, а если чересчур сильно, то металлическая литера прорвет и ленту, и бумагу.

– Гм, да не может быть, – сказал я.

– Может! – вскричал он. – Потом, я читал, пришли на смену электрические, когда человек ударом по клавише только замыкал электрическую цепь, а рычаг поднимал электромотор, он даже передвигал каретку, но электрические почему-то не прижились. Наверное, были слишком сложные?

Да, подумал я, наверное. Электрические страшно шумели, жрали электричество, как подводные лодки, грохотали, каждое прикосновение по клавише подбрасывало машинку, а когда доходило до конца строки, машинистка хваталась за нее руками, ибо каретка, возвращаясь, разгонялась и била в ограничитель с такой силой, что с каждым ударом придвигалась к краю стола. Для этих пишмашинок наверняка не разрабатывали особые моторы, а использовали готовые, например танковые, потому такие машинки держали только в крупных производственных объединениях, а дома в квартире нельзя, соседи из-за мощного грохота будут стучать в стенки и вызывать милицию даже днем.

Для старшего поколения все еще в диковинку, что в почтовый ящик бросают *бесплатно* газеты, рекламные брошюры, проспекты, целые каталоги с прекрасными цветными иллюстрациями. Старшее поколение помнит, как газеты собирали, укладывали стопками, хранили, чтобы потом обменять на талончик, по которому когда-нибудь смогут купить, выстояв в жуткой очереди, интересную или просто дефицитную книгу.

Ни Лилия, ни я долго не могли привыкнуть, что в почтовые ящики бросают бесплатные (!) газеты, да еще такие многостраничные, яркие, многоцветные. На входе в магазины раздают цветные проспекты на прекрасной бумаге, а продукты упакованы в такую изумительную тару, что сама по себе украшение квартиры. Совсем недавно мы копили бутылки, отмывали и сдавали, в том недавнем мире трехлитровые

стеклянные банки на вес золота – универсальная тара для всего-всего, но сейчас многие продукты уже расфасованы в одно-двух-трех-пятилитровые пакеты и ведерки с плотно подогнанными крышками, выбрасывать до слез жаль, но и сохранять глупо: следующая порция в такой же точно таре, куда столько?

По жвачнику мелькнула реклама новенького майонеза: «… капуста брюссельская, колбаски немецкие, перец болгарский, оливки греческие, креветки турецкие, семга норвежская…», еще чего-то целая куча, не запомнил, ну и гордая концовка, та, что майонез-то нашенский, домашний, фабрики такой-то, без него – никуда. И все обращают внимание только на этот самый майонез, потому что все остальное: капуста брюссельская, колбаски немецкие и все-все из самых разных частей света – знакомо, привычно, буднично.

Да, никто из *сегодняшних* людей и ухом не ведет на такое невозможное совсем недавно чудо, никто не вскакивает с криком изумления и недоверия!

А если еще добавить совершенно немыслимое: все это ставят передо мной… или перед вами – не жалко, заботливые женские руки в разгар зимы? Но для нас это так привычно, что ни ухом, ни глазом. А ведь подобное было недоступно даже всесильному товарищу Сталину, генералиссимусу и отцу народов, не было доступно божественному Ленину, знаменитым Черчиллю или Рузвельту, не говоря уже о всяких там императорских величествах и высочествах, помазанниках Божьих, королях, шахах, падишахах и магараджах.

А вот вы – жрете, хоть бы что! Хотя вроде бы не императоры.

Жара, зной, озверевшее солнце печет так, что асфальт не просто прогибается под ногами, а буквально течет. Я иду с привычно расстегнутой рубашкой, на редкость жаркий день для столицы, на улицах не только подростки, но солидные и степенные мужчины, нисколько не стесняясь свисающих до колен животиков, ходят по улицам в шортах и обнаженные до пояса. Есть уже загорелые, есть бледные, как недокормленные куры, но не чувствуют себя изгоями общества. Женщины ходят, все еще прикрывая грудь, но уже чисто символически, и когда я написал в одном романе, а потом и во втором, что в недалеком будущем часть женщин станут тоже ходить обнаженными до пояса, поднялся крик, возмущение и косяком пошли всяческие предположения, что у меня сдвиг на почве эротических хвантазий.

Начинаю постигать, почему пенсионный возраст установлен на рубеже 60–65 лет. Постигаю на своем опыте, ибо нет отца, который мог бы подсказать на своем примере, но зато свое, открытое собой, врезается лучше.

Итак, я все еще силен и здоров, могу посадить Лилию на плечи и пробежаться с нею, с удовольствием гоняю на велосипеде по лесу, и половые гормоны все еще в норме, хочу и могу, однако… все чаще наступает грозное равнодушие.

А вот ни фига не работается, ибо нет того азарта, что заставлял вкалывать раньше. Нет и необходимости, ибо уже заработал на безбедное доживание оставшихся лет, а в миллионах ну вот нет потребности, нет. Равнодушно смотрю на романы, начатые, недописанные, задуманные… Слезть бы с дивана да поиграть в компьютерные игры, за последний месяц вышло три или четыре стоящих, но и то если сперва дерябнуть крепкого кофе, кто бы принес прямо к дивану…

В двадцать лет за девчонкой бегал на другой конец города и возвращался пешком к утру, опоздав на последний троллейбус, в тридцать мудро предпочитал пастись в своем районе, ведь подрастают свои дети, долг перед матерью-природой в какой-то мере выполнен, размножился, в сорок – в своем микрорайоне, а то и в доме, даже в подъезде, чтобы, значится, перебежать в трениках, в шестьдесят брал уже то, что само забредет в гости… А теперь, когда сильно за шестьдесят, чтобы оно еще и само залезло сверху. Лень. Все лень, все по фигу. Веют ветры и возвращаются на круги своя, и так далее, словом, а на фиг оно все нужно, все бесполезно, все тупые, один я такой замечательный, что все понимаю и потому ничего не хочу.

«Проблемы с женщинами»… Почему-то молодежи кажется, что в тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят лет, это в зависимости от возраста самого спрашивающего – обязательно наступают «проблемы с женщинами». Именно от возраста. Признаюсь, сам так думал. Но вот постепенно проходил все стазы жизни, от личинки до имаго, а затем до очень даже матерого имаго, и убеждался в мудрости природы, которая отрегулировала все таким образом, что проблем в этом деле нет, но по бабам уже не ходишь, хотя в двадцать лет так прямо порхал, носился, как стрекозел, как трудолюбивая пчелка, стараясь выполнить сверхзадачу природы: перетрахать все, что движется! И что не движется, ибо указано свыше: плодитесь и размножайтесь.

Динамика развития примерно такова, как я сказал выше: в двадцать бегаешь на край света, а теперь вот в за шестьдесят лет лень пойти даже в соседний дом, хотя сочная молодая женщина

игриво колышет бедрами, зазывает… То есть потенцию на всякий случай – война, чума или еще что – природа сохраняет у мужчины до конца жизни, но разум и чувство постоянно твердят: а на фига тебе это надо? Ведь дерево уже не просто посадил, да и не одно: растут, дали плоды в виде кучи внуков! Да и все эти бабы одинаковы, не стоит штаны снимать. Даже расстегивать. А вот компьютерные игры – все круче и круче, такого в твои двадцать лет не было. И фильмы какие эффектные, и по жвачнику десятки каналов через спутник, репортажи новостей прямо с места событий по выделенке!.. И проблемы, перед которыми столкнулся новый удивительный мир, и стремительнейшая лавина изменений!.. И сколько умных знающих друзей, которых не было у молодого слесаря, старавшегося оплодотворить весь мир!

На взгляд молодняка, прохладное отношение к беготне по бабам выглядит как проблема с женщинами. Напоминает анекдот про голодного Насреддина, увидевшего на базаре продавца халвы. Насреддин посмотрел недоверчиво и спрашивает: «Это твоя халва?», – «Моя», – отвечает тот. Насреддин указывает на другую кучку: «А это?». – «И это моя». – «А вот эта?» Продавец отвечает с усмешкой: «И это тоже моя». Насреддин в великом удивлении вскрикнул: «Так что ж ты стоишь?.. Ешь же! Ешь!»

Так что тех, кому еще предстоит этот возраст и кого уже сейчас пугают предстоящие проблемы, могу утешить. Это не состояние Насреддина: хочу, но не могу, а прекрасное состояние: могу, но не хочу. Вернее, не так уж сильно хочу, чтобы шляться по бабам. И без этого всегда что-то само попадается уже с расставленными ногами, так что можно это дело мимоходом, не шибко отрываясь от байм, спектаклей, умных бесед, пива, езды на велосипеде и работы, от которой получаешь настоящее удовольствие!.. Точнее, не от самой работы, работать я ненавижу, а от ее результатов.

Купил цифровой фотоаппарат. В отличие от моего привычного пленочного, здесь достаточно повернуть его в сторону снимаемого объекта и нажать на кнопку. И – все. Не нужно покупать пленку, ибо она всегда в самом фотоаппарате: вечная и бесконечная, нужно только периодически одним движением пальца сбрасывать все снятые фото на хард компа.

А торопиться не приходится: в том качестве, какое дает пленочный, можно заснять не сорок кадров, а четыреста. К тому же можно сразу просматривать и удалять те, которые… не одобрил. Или удалять потом, когда заполнил весь диск в фотоаппарате, а хочется заснять что-то еще. Тогда быстро просматриваешь все заснятое и быстро стираешь наименее

ценные фото.

С компа можно, конечно, без труда распечатать снимки любого формата, но… зачем? Гораздо удобнее снимки хранить на харде, чем в громоздких пыльных альбомах. А если кому захочется подарить снимок, то одним движением курсора и нажатием на Enter отправляешь по емэйлу. Адресат получает через пару секунд.

История моей жизни – это история Ивана-дурака из сказки. Ибо когда отрываешься от своих чинных одноклассников слишком далеко, да к тому же не унижаешься до спора за правоту своих слов и поступков, то сразу попадаешь в дураки. Это защитная реакция недалеких людьёв на все, что выходит за узкие рамки их понимания, а оно, в свою очередь, не шире узколобой школьной программы для недоразвитых.

К тому же их правота как будто бы подтверждается прямо: в школе одни двойки и даже единицы, переэкзаменовки в каждом классе, два года в седьмом, из восьмого вовсе исключен за тупость, драки, хулиганство…

И дико звучит наглое заявление, что это не я шагаю не в ногу с ротой, а вся рота шагает не в ногу со мной, умницей и самым правильным человеком на свете! Но кому сказать, ведь те же учителя, что нас учат в школах, – самый простой и неразвитый класс так называемой интеллигенции, то есть получивших высшее образование. Не секрет, что в педвузы всегда недобор, туда берут всех, кто способен на месте подписи поставить хотя бы крестик. Хотя в нормальной цивилизации это должна была быть самая престижная и высокооплачиваемая профессия, от их работы зависит уровень общества всего через пару десятков лет!

Невероятно выросла роль шутов и клоунов. Если «раньше», в моей юности, главными были герои, то сейчас на первый план всюду вышли шуты, которые рассказывают о героях, играют героев в кино, на телевидении, ниспровергают героев, рассказывая, что «Варяг» затопили по пьяни, Матросов поскользнулся на льду, а крестовые походы организовали жадные до чужого добра тупые идиоты. Появилась такая профессия, как каскадер, именно она вызывает восторг у малолетних дебилов: как круто играть героя, но не быть им, не подвергаться настоящей опасности, а только имитировать ее, не защищать страну под пулями, а только изображать такие деяния, за что получать такие деньги, которых не видели гибнущие под пулями герои никогда в жизни.

На экранах жвачников одни «юмористы» сменяют других.

Людям не дают повзрослеть, задуматься, что-то понять, оценить и переоценить. Нет, хохочи, чувствуй свое превосходство над придурками «тупыми и еще тупее», чем ты сам, а это всегда возможно: как бы низко ни пал – всегда найдется кто-то еще глупее, подлее и «раскованнее и без комплексов».

Не понимают… что я не то что не восхотел бы бороться за кресло президента, но даже отказался бы от него, будь оно преподнесено на блюдечке. Что есть президент: чиновник, избранный на четыре года, максимум – на восемь, в то время как писатель – вечен? Если, конечно, хороший писатель. Но президент, даже хороший, вынужден уходить со своего поста и всю оставшуюся жизнь довольствоваться какими-то утешительными должностями.

Не говоря уже о том, что сама борьба за президентское кресло – отвратительна для человека творческого. Творцу не надо ничего и никому доказывать в дебатах перед телезрителями: его работы видят и оценивают без всякой помощи шоуменов. Творец виден по своим делам, а кандидаты в президенты в первую очередь запоминаются по тому, кто больше грязи выльет на соперника. Для творческого человека это немыслимо, он виден по своим работам, а не по выступлениям, интервью, рассказам о своих планах и обещаниям всем дать по прянику.

В очередной раз вопрос на форуме, он же постоянно приходит по емэйлу: «Как вы осмелились написать «Земля наша велика и обильна» после таких книг, как «Ярость», «Скифы», «Имаго»…

Если досказать недосказанное или перевести в более прямую форму, это прозвучит вот так: как вы смели обмануть наши ожидания, ведь мы вас записали в такие-то и такие-то, отвели вам определенное место в обществе, в чьих-то рядах, в пропаганде, а вы снова все спутали!

А вот так, господа и товарищи. Это и есть преимущество свободы писателя, что не вступает ни в какие Союзы или союзы, коалиции, сообщества, не принимает награды и премии, ордена и медали, не целует руку ни власти, ни оппозиции.

Сильный писатель может себе позволить быть свободным. Это всякая мелочь сбивается в бараньи стада, думая, что это стаи, они сообща отстаивают какие-то выработанные у них там в тусовках взгляды, заученно расхваливая друг друга и раздавая один другому карликовые премии, но это ведь не писатели, а всего лишь пишущие! Имя им – легион. Сильный же писатель всегда одинок. Однако он, теряя ближайшее окружение «соратников», приобретает человечество. Интересами писателя становятся не

желания и стремления своей улицы, а то и всего лишь своего двора, а уже всего рода людского. А это значит, видит больше, смотрит дальше, понимает лучше.

Чего и вам желаю.

Если раньше наша главная проблема была поесть хоть что то, отыскать любое, что можно употребить в пищу, на уроках читали, как моряки Колумба варили и ели сапоги, ремни, седла, крестьяне съедали всю кору с деревьев…

То теперь, при нынешнем изобилии, люди наконец-то поняли, что еды вдоволь, уже можно выбирать, и сперва выбирали самое жирное, сочное, лакомое, затем пришла эпоха увлечения всякой экзотикой: бананами, апельсинами, киви, папайя, ананасами, кокосовыми орехами, на прилавках появились «дары моря»: кальмары и креветки, лангусты и омары, морские ежи.

И вот наконец последняя волна накрыла население: увлечение «здоровой пищей». Магазины заполнены пшеничными проростками, соей, а на всех пакетах с продуктами в обязательном порядке перечисляются витамины, минеральные соли и металлы. Естественно, биологические добавки заполонили не только полки аптек, но теперь продаются даже в табачных и газетных киосках.

В продаже молоко только в полтора процента жирности, а на днях появилось вообще невиданное – в полпроцента! Наконец-то нажрались, пережрали даже, и вот в истории случилось то, чего за все века и тысячелетия цивилизации не было и вообще невозможно было представить – наелись так, что ожирели не отдельные люди, а целые народы, нации!

И – пошла обратная волна: ничто не пользуется таким спросом, как пилюли «для похудания», как всевозможные диеты, основанные на формуле: жрите все, жрите по-прежнему, но вот с этой добавкой вы будете сбрасывать килограммы жира с боков и пуза.

А в продаже наряду с простым молоком, так ныне именуется прежнее коровье молоко, появились молоко козье, овечье, кобылье… И «обычные» сыры уступают на полках место экзотичным: козьему, овечьему, даже верблюжьему, так как в них меньше чего-то вредного и больше чего-то полезного.

Обычное постное масло, которое мы называли просто «масло», потеснилось под натиском бутылочек с надписями: «масло из виноградных косточек», «масло из трюфелей», «масло из тыквенных семечек», «масло из грецких орехов» и еще десятками других масел, вся ценность которых в каких-то долях процента. Чего-то там больше или меньше, чем в обычном

подсолнечном.

У меня, как у абсолютного большинства, телевизор принимает пятнадцать или шестнадцать каналов, точно не считал. По каждому, кроме спортивного и музыкального, идет в среднем семь-десять фильмов в день. Художественных фильмов. То есть что-то около ста фильмов в сутки. Правда, многие повторяются на разных каналах, и бывает, что очень смешно, когда в один день, но все же фильмов столько, что если бы взялся смотреть их все…

Пощелкав по каналам, я сказал со вздохом:

– Опять смотреть нечего.

– А по тем, новым, дециметровым?

– Да фигня какая-то, – ответил я недовольно. – Лучше бы новости подробнее…

– Тогда, может быть, поставим спутниковую?

– Какую? Этих фирм, что устанавливают, как мух. И у всех свои наборы программ.

Лилия оживилась.

– Тогда я начну искать?

– Ищи, – великодушно разрешил я.

Энтэвэшники и еще какие-то ребята нашли, что наши окна смотрят не в ту сторону, а вот хлопцы из Космос-ТВ приехали с аппаратурой и установили все тут же, взяли деньги и уехали. Теперь наш телевизор принимает круглосуточно семьдесят каналов. Я попрыгал по новым программам, понравилось, но уже через неделю сказал со вздохом:

– Ну что за фигня… Как раз время посмотреть что-то, а ничего подходящего нет.

– Да ты что, – удивилась Лиля, – вот сейчас идут фильмы по этому… этому и этому каналу, а вот по этим начнется через пять минут, по этому вот, смотри… через десять минут…

Я покрутил носом.

– Нет, что-то не то. В компоновостях было, что вот-вот можно будет принимать по тысяче телеканалов.

Она засмеялась.

– Уверен, что тогда будешь смотреть?

Рассматривая иллюстрированный журнал о раскопках в Месопотамии, обнаружил там занятную реконструкцию одного бедного селения этих древних месопотамцев эпохи Гильгамеша. Оказываются, у них были точно такие же выгребные ямы, как у нас а Журавлевке, но в больших городах и в столице уже имелись точь-в-точь такие же дощатые домики, какой построили мы с

дедом!

Так что на Журавлевке моего детства уживались эпохи бедных месопотамцев, богатых, а также раннего Средневековья, когда уже появились книги.

Стоя у окна с чашкой кофе в руке, я смотрел на вечернюю улицу, где в свете уличных фонарей дурачатся ребятишки, ездят друг на друге, брызгают по лужам. Прохожие обходят стороной. Я понаблюдал за ними, вспомнил, что сегодня первое апреля. Что, если сейчас вот сказать кому на улице, что вся спина белая? Поймет ли кто, о чем речь? Почему вдруг спина может стать белой?

Небо затянуто тучами, звезд не видно, там черно, будто разлит деготь… ага, вот еще словцо, которое уже никто не понимает, но все еще пользуются.

А кто знает, что такое аршин, конь копытом… М-да, перечислять придется долго.

В моем детстве везде, в каждой квартире были кровати. Все, богатые и бедные, спали на кроватях. Кровати разные: с досками, с металлической решеткой, с сетками разных видов, даже самые роскошные – «панцирные».

Потом пришла эра раздвижных диванов, кушеток, «уголков». Конструкторы и дизайнеры всячески изощрялись в небывалых наворотах…

Но вот сейчас настала Великая Эпоха Реставрации или Возрождения кроватей. Кровать в современной квартире – признак благополучия и состоятельности, как совсем недавно такими же атрибутами были квартира-дача-машина. Но у кого теперь нет машины? Даже иномарки?

Начинается переход от эры раздвижных диванов, продлившейся лет так это сорок-пятьдесят, к новой эре кроватей в каждой квартире.

Старшее поколение в основном беззубое. И не столько из-за того, что не умели чистить зубы или так уж страшно косила нас цинга. Нет, дело в медицине, прогресс в которой не столь заметен, его могут оценить только те, кто видел «тогда» и все еще может видеть «сейчас».

Вот у вас заболел зуб. Идете к стоматологу, а у него одно-единственное лечение – рвать!.. И – рвали. Более того, если на зубе появляется крохотная каверна, ее бы запломбировать, только и делов, даже не надо добираться до нерва и убивать, бедного, но сверлить и пломбировать – это уже высший класс, такая техника придет позже, намного позже. И не в простых районных

поликлиниках. Так что рвали и тогда, когда чуть еще не болит, но уже затронут кариесом: все равно скоро заболит! Надо рвать, а то и других заразит.

Да и потом, когда начали «лечить», то есть сверлить, пломбировать, убивать нервы мышьяком и снова сверлить, обычно из-за одной крохотной дырочки зуб рассверливался безобразно, ставилась пломба, что вылетала от простого движения языка еще по дороге из больницы.

Вот так придешь два-три раза вставлять эту пломбу обратно, а врач всякий раз рассверливает зуб заново, после чего понимаешь обреченно, что в самом деле проще удалить. Все равно этим закончится через пару недель, но хоть сократится период мучений.

О том, что зубы надо спасать любой ценой, всякие спасать, даже корни: в них можно засадить штифт, еще не мечтали, эта благословенная эра придет намного позже.

А потом придут новейшие технологии с металлокерамикой, которые позволили даже полностью беззубым грызть орехи и щеголять широкими белозубыми улыбками!

Надо смириться и с такой печальной неизбежностью, как скорая смерть книг. Книг в житейском смысле, когда под книгами имеют в виду прежде всего бумагу, толстый картон на переплете, тонкий на форзаце, золотое или какое-то там тиснение…

Да, перейдут на сидюки, на иные носители информации. Невероятно? Но мы только что присутствовали при смерти шахмат, ибо Каспаров – последний из людей, кто смог выиграть у машины. Наши отцы были свидетелями смерти извозчиков, на их глазах закрывались заводы и фабрики по производству кнутов, хомутов, рессор для телег, наши деды видели, как доблестно наши конные войска бросались в атаку с шашками наголо на фашистские танки, но также помнят, как конница, которая была богом войны с доскифских времен и победно завершила Гражданскую, умерла…

И всякий раз хорошие и честные люди с пеной у рта доказывали, что этого никогда не будет. Конница всегда останется богом войны, машине никогда не выиграть в шахматы у человека, книги всегда останутся неизменными…

А что плохого, когда книги перейдут на сидюки? Конечно, исчезнет очарование, но ведь еще больше очарования у книг девятнадцатого века, когда их делали в дорогой коже, на особой бумаге, переплеты либо в досках, отчего сохранилось «прочел от доски до доски», либо из дорогой красной меди, латуни, бронзы… Увы, теперь такого не делают, все проще, экономичнее.

А сидюки или те носители, что придут на смену, еще экономичнее.

Да, я книжник, у меня книг масса, но пользоваться уже предпочитаю энциклопедиями и справочниками на сидюках, скачиваю по Интернету, сбрасываю на диск прямо из Библиотеки Конгресса или из Ватиканской. Так проще, чем покупать пухлый том в магазине, когда я сто таких томов могу получить на зипе или сидюке.

Да и другим удобнее, только я решаюсь об этом сказать, а другие пользуются, но молчат. Это как с шариатскими судами в Чечне: с трибуны обличают жестокость и бесчеловечность, а дома на московской кухне говорят с восторгом, что вот бы и нам так со своими бандитами.

Я думаю, не только у меня наблюдается некий… комплекс тех лет. Если Лилия очень долго не могла пересилить себя и начать выбрасывать целлофановые пакеты, то я бреюсь лезвием до тех пор, пока кожа не начинает трещать, протестуя, но и после того еще пытаюсь повернуть так или эдак, выжать хотя бы еще одну «брижку», хотя вот на полочке запас новеньких лезвий! Даже два запаса.

И стоят эти лезвия копейки. Вообще, могу вот на деньги, что зарабатываю за сутки, даже за час, купить лезвий на всю оставшуюся жизнь. Так в чем дело? А в том, меня поймут лишь люди моего поколения, что в СССР было всего два завода, которые выпускали бритвенные лезвия. Но вот один остановили на капитальный ремонт, второй временно перевели на работу в три смены, все вроде бы нормально, но… завод не выдержал трехсменной работы, произошла грандиозная поломка. Настолько крупная, что завод остановил выпуск лезвий на несколько месяцев.

Мужчины взвыли. Лезвия быстро исчезли из продажи, а после месяца растерянности в журналах начали публиковать советы, как затачивать о стакан затупившиеся лезвия, в продаже появились машинки для… заточки старых бритвенных лезвий! Эти приспособления множились, но не решали проблему.

Старики вытащили «опасные бритвы», достали точильные камни, молодые пробовали затачивать до остроты бритв кухонные и перочинные ножи.

Наконец Хрущев скрепя сердце велел закупить лезвия у проклятых капиталистов за рубежом. Это была, возможно, первая закупка чего-то иностранного. Правда, импортными пользовались недолго, в ударном порядке начали выпуск бритвенных лезвий «Балтика», импортные тут же исчезли. Но, думаю, не у одного

меня с того времени осталось вот такое вот болезненно бережливое отношение к некоторым вещам.

Совсем недавно еще считалось, что все, проделываемое женщиной и мужчиной в постели, развратом не является, а разврат только в случае, если мужчина с мужчиной или женщина с женщиной. Но теперь, похоже, пал и этот последний бастион.

Что в очереди на легализацию? Осталось узаконить педофилию, скотоложство…

Чересчур много пишу? Нельзя сравнивать мальчишку, который в прошлом году начал писать, и человека, который оттачивал умение, работоспособность и качал литературные мускулы столько лет. Ведь правильнее сказать, что я эти романы писал всю жизнь. Или готовился написать. То есть публиковаться я начал с двадцати пяти лет, первую книгу удалось издать только через семь лет. Но даже взявши отсчет с выхода первой книги, у меня издано по книге в год. А это намного меньше той продуктивности, что у нынешних бойких ребят!

Вжившись в этот мир начала третьего тысячелетия, очень рискованно писать даже о временах не столь отдаленных, скажем, про эпохи Ивана Грозного, Петра Первого или даже совсем близкие времена Сталина, которые застал сам, при котором жил. Проколы будут на каждом шагу: написал, к примеру: «Он, не отрывая взгляда от телевизора, взял с блюда банан и машинально съел…», как сразу же начнется: в те времена не было телевизоров, даже бананов не было, замени их простыми яблоками или грушами…

Но вот все исправили, телевизор убран, бананы заменили на груши, роман выходит из печати, и кто-то из знатоков ехидно спрашивает: а каким образом в марте месяце он ест яблоки и груши?.. Это сейчас неважно, какое время года, на столе у меня, вот уж бы дед и бабушка решили бы, что чудо: свежие яблоки, груши, ягоды. Кроме того, непонятные бананы и апельсины – все в феврале месяце! В магазинах всегда свежайшие фрукты со всех концов земного шара, а тогда яблоки можно было есть не больше пяти месяцев в году, а груши и того меньше… Сейчас даже не понимают, что такое цинга, а тогда она свирепствовала даже в городах!

Тогда о цинге говорили, писали постоянно. Это была проблема, серьезная проблема всех, не только полярников, но всех жителей северной широты. Это у них все лето закупали и заготавливали чеснок, других средств не было, не существовало.

Этот дом, вернее, эти квартиры воспринимаются как само собой разумеющееся, однако же где печь, которую надо топить дровами и углем, где привычные ставни… ах да, на двадцать четвертый этаж ни печенеги, по половцы не взберутся, но где обязательный подвал с прорастающей там картошкой, толстыми жабами, где привычные массы мух, через облака которых ходишь, как сквозь плотные занавеси?

Даже воду не приходится носить от колодца: на кухне три крана – горячая, холодная и чистая вода.

Теперь уже не поймут, почему моряки Колумба ели сапоги?.. Во-первых, сапоги из пластика, а не из кожи, во-вторых, не проще ли было открыть холодильник и достать оттуда замороженное мясо?

Анекдоты имеют тенденцию быстро устаревать. Только что вроде я ржал над таким: «Что может быть хуже, если жена обнаружит на вашей рубашке следы от губной помады»? – «Хуже только тальк на ушах». Я ржал, и все ржали, но прошло каких-то лет двадцать, сейчас помада не оставляет следов, а тальк для присыпки ног уступил место дезодорантам, так что тинейджер уже не засмеется, не поймет.

Мир забывчив. Даже люди моего поколения хоть смотрят штатовские фильмы, хоть сами ставят о ковбоях или временах Второй мировой, но нигде ни слова о ногах на столе. А ведь тогда это было нормой. Сел за стол, ноги забрасываешь на столешницу.

Во Франции, к примеру, постоянно возникали скандалы, конфликты и драки, когда официанты отказывались обслуживать американских солдат и офицеров в кафе и ресторанах, потому что те по своей привычке забрасывали ноги на стол. Американцы же обижались, мол, за что их так третируют, будто они не освобождение Франции принесли, а захватили ее, как гитлеровцы. Ведь их президент забрасывает ноги на стол, все правительство. А если, скажем, двенадцать директоров крупнейшей кампании собираются на совет, то на столе покоится двенадцать пар ног!

Но вот сейчас этого нет ни в одном фильме. Более того, в те времена даже президенты и генералы не были так вымыты всеми шампунями, как ныне скачущие по всем экранам белозубые лихие, но очень бедные ковбои.

Из Интернета уходят писатели. Я имею в виду, ведущие

писатели покидают форумы. Прошла первая волна, когда каждый обзаводился сайтом, где, кроме новостной странички и библиотечки, обязательно присутствовал форум, а то и чат. Можно было общаться с читателями, не прибегая к достаточно редким встречам. Ибо, как бы часто их ни проводили, все равно форум по оперативности не обойти: там общение постоянное, непрерывное.

Но вскоре минусы такого общения начали не просто сказываться, но и перевесили плюсы. Поясню на своем примере, хотя у меня один из старейших сайтов вообще, и я пока что не ушел, пока что в Сети, и, более того, под своим именем. Но это пока что…

Я уже говорил в одной из книг… или это было в Корчме?.. что в старое доброе время профессора общались в основном с профессорами, если не считать общением разговор с извозчиком, музыканты с музыкантами, а грузчики с грузчиками. При таком скудном общении, понятно, есть и минусы, но возьмите другую крайность: общение в Интернете. Понятно же, что здесь, как и в жизни, та же пропорция: на одного умного – сто тысяч идиотов. Ну, ладно, это грубо, убедили, но пусть будет «людей, нестандартно мыслящих». И когда известный человек появляется на форуме, все эти «умные по-своему» считают своим долгом с ним поспорить. Изрекая что-нибудь… ну, вы знаете, что изрекают, видели, читали их перлы. А там вообще перл на перле, мудрость так и прет. Все спешат поспорить, поучить, отечески указать на ошибки, похлопать по плечу, ткнуть носом в ляпы, снова поучить, как надо… ну, вы знаете, как извозчики учили Менделеева делать опыты в химии.

И вот то один из слонов уходит со всех форумов, то другой, третий вообще закрывает на своем сайте даже гестбук… фамилий не называю, сами знаете, и к этим вскоре присоединяются и другие, как только достигают определенного уровня профессорства. Это пока сами щенки, которым погрызть бы кого, такое общение на сайтах – самое то.

А жаль…

Но с другой стороны – ничего не сделать. Каждый щенок уверен, что он – самый умный и уже все знающий, именно он может спорить на равных с любым академиком, политиком, писателем, философом, ученым, а те должны выслушивать весь его бред и обязательно отвечать подробно и аргументированно.

Наибольшее зло – ники. Даже в разговоре с извозчиком видишь его лицо, знаешь, с кем говоришь, что и на извозчика налагает определенный стиль поведения, а вот на сайте, где любой из ваших знакомых может укрыться под ничего не

значащим ником и преследовать вас в свое удовольствие, – полное раздолье для тех, кто расписывает стены в подъездах, бьет стекла на троллейбусных остановках, срезает телефонные трубки.

И – в конце концов автору, который утолил первый голод непосредственного общения, это осточертевает. Предваряя возражение, скажу сразу: регистрация не помогает. Так легче, правда, отсеивать малолетних хулиганов, но ники остаются никами, и вы не видите, с кем общаетесь на самом деле.

Вот такой печальный итог восьмилетнего пребывания на своем сайте и на форуме «Корчма».

В очередной раз настойчиво спрашивают, почему не иду на выступления перед читателями. Почему не даю интервью. Почему нет моих фото в газетах и журналах. Уже поговаривают черт-те о чем, вплоть до того, что меня возят в инвалидном кресле до туалета, за меня пишет целый отряд негров, короче, каждый соображает в меру своей… развитости.

Если раньше, как я рассказал выше, выступления были основным кормом писателей, советских писателей, то сейчас, напомню, выступают ради пиара. Мы о нем слышали как о паблик рилейшен, потом именовали сокращенно – PR, а теперь слово «пиар» прочно вошло в быт и означает, что если назойливо не лезешь во все дыры с напоминаниями о себе, таком вот талантливом и необычном, если не привлекаешь к себе внимание скандальными интервью или хоть чем-нибудь, ну хоть чем-нибудь! – то о вас и знать не будут.

Брехня, конечно. У лжи ноги короткие, и мы видим, как уже сошли с дистанции те ребятки, что устраивали вокруг себя шумихи. Да и вообще, выступления – не для умных людей, к которым я, понятно, причисляю себя, такого вот в белом и белых перьях. Если бы писал детективы, тогда – понятно, есть с кем поговорить в аудитории и наобщаться всласть с родственными душами, но когда пишешь умные книги – это я снова хвалю себя, можете вцепляться, – то даже не с кем перебросится парой слов. Ну вот собралось на встречу с писателем, скажем, сто человек, но при пропорции один умный – это я о вас, кто читает эту книгу! – на сто или больше баранов, я должен общаться в основном с баранами. А все бараны любят поговорить и любят не просто поспрашивать, а именно поучить писать, подсказать, что у меня неверно, и как надо сделать верно. Скучно и противно, господа. И даже если это в самом деле даст прибавку на десяток читателей, то испортит настроение на пару дней, в результате я недосчитаюсь пары страниц неплохой книги. Может быть даже – замечательной.

Сегодня все телеканалы, газеты прочие средства информации, в том числе, конечно же, Интернет, с прискорбием сообщили о смерти одного политического обозревателя, видного такого пропагандиста-ленинца, совсем недавно убедительно доказывавшего нам преимущества социалистического строя над капиталистическим и убеждавшего нас в скором построении коммунизма. Он писал речи для Брежнева и Андропова, а когда была объявлена перестройка, в тот же день начал доказывать преимущества рынка, так же убедительно показывал преимущества развития общества на пути, по которому идет Запад. То есть вчера доказывал, что победа коммунизма неизбежна и он вот-вот наступит, а с сегодняшнего дня… все наоборот. Это тогда и называлось «перестроился».

Знаю, сейчас какое-нибудь мурло, что ежедневно пережевывает кости Гитлеру, Сталину, Высоцкому и другим умершим, важно изречет, что о мертвых, мол, надо или хорошо, или ничего, потому об *этом* умершем надо помалкивать, но я же сказал выше, что писатели, если они действительно писатели, – особые люди и не могут молчать, даже зная, что за каждое слово придется расплачиваться.

В наше преподлое время именно эти вот, «перестроившиеся», и стали героями. Быстро сориентировавшись, тут же поспешно захватили хлебные места: кто приватизировал заводы и комбинаты, а кто стал политиком-рыночником. Я уже писал на примере Кравчука, который был пламенным большевиком-ленинцем, яростным борцом против украинского национализма, а после объявления «перестройки» в один день стал ярым националистом. Так же точно и другие ловкие ребята, в один миг сменив знамена, захватили места у рулей, рычагов кормушек и повели корабль в противоположную сторону.

И болезненным укором для них те, кто в то жестокое время не доказывал преимущества социалистического образа жизни, а шел в лагеря за свои убеждения. О тех людях стараются забыть, о них не вспоминают, и когда они умирают… конечно же, в нищете!.. никто не упомянет по телевидению, не напишет в газете, таких не замечают даже в вездесущем Интернете.

Вообще честные и принципиальные люди для нас постоянный укор, от них отворачиваемся, стараемся таких не видеть, не помнить. Все-таки подлое мы племя. И долго нам еще выдавливать из себя дерьмо.

Подумал вдруг: а что, если это я такой вот придурок: живу в каком-то позапрошлом мире, не вижу реалий, а их знает каждый

подросток? И не заметил я, что люди наконец-то освобождены от химеры, называемой… даже выговорить не решаюсь?

Заглянул Петя Кириченко, посидели, повспоминали былые времена. Я показал ему кусочек из этих мемуаров, он прочел, ужаснулся.

– Ты что, всерьез собираешься тиснуть?.. Вот такое, и – в печать?

– А разве тут брехня?

Он крутил головой, глаза стали как блюдца.

– Ну ты даешь… В самом деле не шутишь? И что с того, что все правильно? Ты вот рассуждениями о литературных премиях восстановишь против себя всех лауреатов и лауреатиков. Каждый будет считать себя оскорбленным. Получается, что ты, отказываясь от премий и не желая участвовать в их дележке, на белом коне и вообще весь в белом, а они, нахватавшие премий, соответственно, в коричневом? Да они же тебя с костями сожрут! Даже подошвы не выплюнут. При любой власти лауреатами становятся не те, кто лучше всех пишет, а кто умеет работать локтями, кто поклонится ниже, поцелует руку с перстнем, даже лизнет… ниже спины. Разве при Советской власти было не так?

Я сдвинул плечами.

– Да фиг с ними. Я как раз не люблю этих бойких. Вообще литература, если честно, не терпит и не принимает бойких. Признаться, сам избегаю этих бойких от литературы. Был бы из их породы, разве не нахватал бы от Союза Писателей и Литфонда всего-всего, что мне было «положено»? Но я щепки не взял, ни в одном доме творчества ни разу не был, даже где Переделкино – не знаю. Зато у меня книги, а у них, старых пердунов, одни жалобы, как их Советская власть обижала.

Кириченко пришел с ужасной новостью: у него рак. Мы сразу же бросились на поиски спасения от этой гадости, но я посматривал на него, и душу не покидало нехорошее предчувствие. Ну не может человек, получивший от Союза Писателей СССР все, что у него сейчас есть: квартиру, машину дачу, – в полную силу бороться с неожиданностями! Слишком привык полагаться на мощь, на крышу, как говорят теперь, опекающей могущественной организации.

После четырех сеансов «химии», когда рак был почти-почти уничтожен, но оставался тлеющий очаг, решено было добивать диетой, подбором трав, витаминами и комплексами из минералов. Но и тут Петр выбирал самый безопасный путь: к примеру, если специализирующиеся в этих областях врачи

рекомендовали употреблять ударные дозы витамина С, то Петр употреблял едва десятую часть от рекомендуемой, а на мои настойчивые подталкивания отвечал с тревогой: а ты знаешь, передозировка витамина С может вызвать нехорошие сдвиги в организме!

Он умер, боровшись вполсилы, не желая умирать, но все-таки так и не сумев заставить себя идти на риск даже в этом случае, когда рисковать просто необходимо. Я рискую всю жизнь, иначе откинул бы лапти еще в детстве, нельзя страшиться вызвать нехорошие сдвиги хоть в организме, хоть в обществе, хоть в своем сознании. Вообще нельзя страшиться риска.

Даже не потому, что, кто рискует – тот пьет шампанское, как я сейчас, а потому что жизнь без риска тоже очень небезопасна. Более того, чаще всего под каток и попадают те, кто стремится обойтись без риска.

И вот переходим на новый уровень благосостояния: купили квартиру «свободной планировки». То есть внутри нет ничего, даже стен. Я сообщил в Корчме, что скоро перееду, запишите адрес, там сейчас уже работает бригада, и тут же какой-то идиот заявил на форуме, что сам, как настоящий мужчина, сделал ремонт в своей квартире, а вот Никитин – не мужчина, раз нанял бригаду ремонтников. Я отвечать не стал, еще понимаю, когда такое лепечет старый дряхлый дед, не сумевший приспособиться к реалиям сегодняшнего дня, но когда молодой… то это кранты, такого надо топить в детстве.

Квартира свободной планировки – это площадь во столько-то квадратных метров, одни несущие стены, а внутри пусто, даже перегородок нет. Одна огромная комната, где в одном месте из стены торчат трубы, намекая, что здесь можно бы туалет и ванную. Самому надо расчерчивать, где какие будут комнаты и сколько их: можно налепить десять крохотных, можно оставить одну огромную, сам определяешь, сколько отвести под кухню, ванную и туалет. Да и несущие стены – это бетонные плиты, поставленные криво и косо, надо делать стяжку, то есть «выравнивать», как и пол, то есть затратить мешков сто цемента на заливку пола и столько же на стены.

Но зато хозяин квартиры – действительно хозяин. Какую хочу – такую и делаю. И вот я, который в четырнадцать лет вместе с дедом построил целый дом, смотрю в изумлении на это… это место и чувствую себя действительно в двадцать первом веке.

Здесь квартиру в уже сданном доме в течение двух месяцев доводят до жилого состояния десять-двенадцать человек, не

считая постоянно вызываемых специалистов, что собирают и устанавливают изделия своих фирм: шкафы, кухню, спутниковое телевидение, душевую кабину. Работяги, что выравнивали стены, настилали пол и клеили обои, сгоряча вызвались сами собрать все доставляемое: мол, возьмем дешевле, но куда неспециалисту: душевая кабина – это не бочка на трех столбах, там уйма функций, программируемых таймеров, плюс навороты вроде телефона, встроенной музыки.

В кухне к одной только плите прилагается толстый том с инструкцией, как пользоваться: десятки вариантов нагрева на каждую конфорку, начиная от простой разморозки до суперкипячения за доли секунды. Плюс программируемые функции защиты, как от детей, так и от дураков, кем все иногда бываем, начиная от захмелевших и заканчивая простой рассеянностью. Да и конфорки только нарисованы на сплошной панели, как и кнопки управления. Компьютеризированная кухня бдительно следит за хозяином и гостями, заботится, предупредит о рискованности иных пожеланий, для этого три уровня настойчивости, а в некоторых случаях просто не выполнит указание и скажет: иди-ка сперва проспись.

Если тот дом мы с дедом сделали вдвоем, в смысле, сделал дед, а я в основном подносил доски да подавал инструмент, то здесь в одной только квартире дизайнеров с высшим специальным образованием перебывало не счесть: дизайнеры по шторам, дизайнеры по размещению шкафчиков в ванной комнате, дизайнеры и специалисты по установке домашнего кинотеатра: чтобы все было и красиво, и работало с наибольшей отдачей. Отдельно приходил дизайнер по встроенной мебели и долго навязывал какие-то продвинутые проекты, пока я не озлился и не сказал грубо, что дом – машина для жилья, как сказал великий в мое время Корбюзье, в этой квартире жить мне, потому это она должна прогибаться под меня, а не я под нее.

Дизайнеры по остеклению рассчитывали новые изогнутые рамы, говорили на непонятном языке о трехкамерных стеклах, особых материалах, крепежных сплавах, а я смотрел, каким инструментом пользуются эти современные рабочие. Не обнаружил ни одного молотка, ни одного коловорота, у каждого в руках сложнейшие машинки, начиненные электроникой и телеизмерительными компонентами.

Дизайнеры по светотехнике вместо привычной лампочки под потолком ставят целых ряд встроенных в стену лампочек. Сейчас ведь не по лампочке в комнате, как в моей юности: в каждой комнате этих ламп по десятку, а то и более, двенадцать – в

ванной и туалете, десять в прихожей, еще множество на балконах, в кладовке… Словом, в квартире – семьдесят штук. Я привык, что лампы можно включать и выключать, а эти, оказывается, можно, поворачивая колесико, очень плавно зажигать от едва заметного свечения, при котором и жук-светлячок покажется прожектором, до свечения студийного юпитера. Можно их зажигать по одиночке, можно – группами, можно создавать композиции света, тени и полутени. Плюс ко всему разврату еще и так называемый бимер: крохотный пультик в ладони, позволяющий все это проделывать, не отрывая зад от дивана.

Но и это уже старина: я не успел вовремя разглядеть новинку – вместо лампочек в потолок и стены впрессовываются светящиеся шнуры, которые потребляют в десятки раз меньше электричества, не дают тепла, а изменять степень освещенности можно вот таким же точно бимером. Зато какие световые композиции можно составлять этими шнурами!

На столе передо мной уже шесть пультов дистанционного управления: от телевизора, видеомага, по одному от трех ресиверов. А если рядом с ними положить еще и мобильник, то в спешке можешь вместо него ухватить бимер.

В старое пещерное время для того, чтобы выключить свет, к примеру, перед сном, нужно было встать, подойти к выключателю, нажать пальцем на кнопку, теперь же с крохотным пультиком в ладони включаю и выключаю свет по всей квартире, уменьшаю или увеличиваю яркость. Думаю, скоро эту функцию встроят в мобильник, чтобы уж все функции в одном.

Сравнимые по мощности компьютеры раньше стояли только в Министерстве обороны или в Институте Стратегических Решений, а теперь в каждом утюге, чайнике, соковыжималке, мясорубке, гриле, тостере, очистителе воды.

Мобильник для подключения к Интернету, но попутно прочел в мануале, что эта крохотная штучка, помещающаяся на середине ладони, еще и мощный цифровой фотоаппарат, факс, приемщик ESM, отправитель емэйлов, фонарик, диктофон и еще чертова куча функций, которые просто мне ни к чему, но все это есть, продвинутая технологическая цивилизация дает уйму возможностей вперед, с избытком, на вырост.

Если в прошлые времена из всей электрики достаточно вкрутить лампочку и щелкнуть выключателем, то теперь не меньше недели высококлассные специалисты настраивают сложнейшую аппаратуру, которая как будто в насмешку называется бытовой, мол, что-то вроде утюга. Мне оставляют

толстые книги-инструкции, в которых разбираться месяцами, но и с ними приходится время от времени звонить в специально созданные службы техподдержки, выслушивать инструкции по телефону, а если не срабатывает, вызывать этих ребят по настройке.

И понятно, что мой дедушка уже не разобрался бы с этой аппаратурой. Никогда и никакими усилиями. Так что если принять идею Федорова об оживлении предков, то для всех предков, даже отстоящих по времени вот так недалеко, придется устраивать резервации.

Пока рабочие приводили квартиру в жилое состояние, я заглянул в окошко стояка и ощутил, что смотрю то ли на марсианскую конструкцию, то ли в двадцать первый век: лес металлических труб разного диаметра, цвета, конфигурации. От многих отходят ответвления, догадываюсь, что к рукомойнику, унитазу, душевой кабине, стиральной машине, посудомоечной, а также еще куда-то, множество рычажков и рычагов, колес и колесиков, рукоятей, все настолько сложное, такое видел только на высокопроизводительном заводе…

Робкими пальцами открыл окошко в стене, там на трубах манометры, как в суперсовременных турбинах, на одних – давление горячей воды, на других – холодной, отдельно счетчики бесстрастно регистрируют количество расходуемой воды, теперь все платное, в сторонке счетчики для электроэнергии: отдельно для отапливаемого пола, отдельно для гобеленов со встроенной спиралью нагрева, отдельно для всех серий лампочек, а на нижней – общая сумма, где все время с большой скоростью сменяются цифры, из-за чего хочется тут же выключить везде обогрев и даже погасить свет.

Подогреваемый пол, – это такое блаженство. Хожу босиком по кафелю на кухне, выхожу на балконы, но подошвы чувствуют тепло – подогреваемые полы! Там, в глубине, проложены спирали, а вон там на стене красивый такой диск с делениями, можно задавать любую степень нагрева.

На эту квартиру ушло усилий и средств столько же, сколько в моем детстве уходило на постройку завода средних размеров и жилых корпусов для инженеров и рабочих. Я смотрел, как высококвалифицированные рабочие выкладывают кафельную плитку, чтобы зазор был микронным, как подсоединяют сложнейшую электронную систему взаимодействия всех устройств, начиная от скрытых видеокамер наблюдения за подходящими к двери и заканчивая выстроившимися на кухонном

столе аппаратами, из которых знаю только соковыжималку да кофемолку, ну разве что гриль и тостер, остальное – какие-то чудовища, но все со сложнейшим программированным устройством, какое во времена моего скитания по тайге геологом было разве что в Центре Управления Стратегическими Ракетами.

Встроенный шкаф – сложное инженерное сооружение, где зеркальные дверцы из закаленного стекла двигаются по направляющим полоскам на крохотных колесиках из титанового сплава. Все подогнано с ювелирной точностью, рассчитано, чтобы владелец не прилагал ни малейшего усилия, отодвигая дверцы, дабы взглянуть на костюмы, брюки и рубашки, пусть не самые новые, но… кто-нибудь из *нынешних* видел залатанные брюки? Или рубашку?

Не протертую, а именно залатанную?

Одна тепловая пушка для установки натяжных потолков чего стоит!

Домофон с экраном, позволяющим не только наблюдать за подходящим к двери на экране и, не сходя с места, переговариваться с ним из дальней комнаты, но такой домофон, настроенный «на объем», записывает всех, кто просто подходит к двери. И пусть злоумышленники действуют, отключив свет во всем доме, автономного питания достаточно, чтобы сделать отчетливую запись даже в полной темноте. А ведь только пару лет назад такую технику показывали как суперсекретную разработку для охраны атомных лабораторий, а сейчас это так, ерунда, пустячок, то же самое, что новую лампочку вкрутить!

Кузя сидит за рулем скоростного двухдверного Опель-астра купе, ведет умело, по левой полосе, слегка лихачит, а я, сидя рядом, открыл ноутбук, настукиваю заметки, глядя на быстро проскакивающие мимо мосты, высотные дома, затем пальцы как-то сами по себе вытащили из нагрудного кармана крохотный мобильник, соединили шнурком с ноутбуком, и уже через несколько секунд на экране высветился родной сайт Корчмы.

Кузя иронически вскинула бровь, мол, хитрая Жаба всегда старается увильнуть от работы, сейчас заявит, что в Интернет забрался не для развлекухи, это тоже работа, творческий человек работает всегда, даже когда шарит по порносайтам.

– Да-да, – ответил я сварливо, – творческий человек работает всегда! Даже на порносайте. Надо же знать тенденции…

Между Профсоюзной и Ленинским на скорости в сто двадцать километров получил почту, пришло шестьдесят восемь

писем, до Садового успел ответить на четыре, остальные побросал в корзину, только два отправил в «Задачи»: одно сообщало о начале продажи земельных участков в Куркино, другое – о выпуске мультиформатных DVD-рекордеров. Когда проскакивали под мостом у Москвы-реки, позвонил Хрюське в Швейцарию и разговаривал, пока ехали в сторону ЦДЛ. Попался очень красивый вид, опустил стекло и торопливо щелкнул затвором, тут же отправил ей снимок: смотри какие теперь здания, а ты все о коровках да швейцарском сыре…

Из мобильника донесся ее голос:

– Да, шикарное здание… Кто строит?

Я оглянулся на удаляющееся здание.

– Не поверишь, турки.

– Не поверю, – согласилась она.

Я быстро зумил и сделал еще снимок, стараясь покрупнее захватить надпись, где сообщалось название строительной фирмы, тут же перебросил на комп Хрюськи. В мобильнике после недолгой паузы раздался ее изумленный голос:

– Получила, немного расплывчато, но… ух ты, в самом деле турки. Вот уже и они научились строить, только наши все еще нефть продают.

– Ты уже не наша, – напомнил я. – Вышла замуж за швейцара – продала родину!

– Не за швейцара, а за швейцарина!

– Все равно. Нет на вас товарища Сталина.

И уже когда отключились, подумал смятенно, что ничего не видим дивного в этом мире, когда из автомобиля звоню в другую страну, на ходу фотографирую и тут же перебрасываю снимки через любые границы, а при разговоре можем видеть друг друга через вэбкамеры. А это еще не самый пик прогресса: ведь я по старинке соединяю мобильник с ноутбуком шнурком, а мог бы через беспроводное, как вот дома с помощью Blue Tooth все компы, а также телевизор, DVD-recorder и прочая электроника соединены невидимыми проводами.

Включаю жвачник, на весь экран – рука со стреляющим пистолетом. Понятно, штатовский, переключаю дальше: под визг тормозов мчится авто, из окна высовывается рука со стреляющим пистолетом. И это штатовский, ясно. А вот на следующем канале святочная картинка с умытыми чистенькими детьми и улыбающимися родителями… тоже штатовский. Щелкаю пультиком дальше, вот в грязной загаженной квартире за колченогим столом сидят два небритых грязных мужика с опухшими рожами и, роняя слюни в пустые стаканы, жалуются на

жизнь… Все ясно, это отечественный.

Пощелкал по каналам, еще на четырех обнаружил отечественные фильмы. Там герои либо мучаются похмельем, либо пьют, либо дерутся по пьяни, выкрикивая ругань и шатаясь от собственных замахов. На остальных – штатовские либо французские. Французские ближе к жизни и к искусству, а штатовские – типичная пропаганда в лоб, «какими должны быть американцы»: выбритыми и подстриженными, в чистых рубашках и со здоровыми зубами, дети должны любить родителей, а родители – детей, в армии служить – почетно, страну защищать даже за ее пределами – необходимо, на работе нужно работать, а не отлынивать, воровать – нехорошо, пороки рано или поздно наказываются, Боже, храни страну и президента…

Да что там кино, с ним все ясно, но вот сейчас, когда пишу эти строки – для справки: я обычно работаю под телевизор, радио, плюс музыкальные десятки недели, – по жвачнику рекламируют чай «Липтон». Там одному парнише, уже поверившему отечественной пропаганде, что русские – свиньи, очень хочется выглядеть… англичанином. Он и шляпу надел, и трость носит, и когда девушка остановилась перед лужей, он, как заправский англичанин, снимает со своего англицкого плеча шубу и накрывает лужу, чтоб барышня, значит, перешла, не замочив лапки.

Вся штука в том, что англичане никогда этого не делали. Не в их менталитете такие поступки! Это русские купцы так поступали ежечасно, это было их шиком. Да и вообще это в нашем менталитете: не в деньгах счастье, устелем грязь дорогой парчой от порога магазина и до кабака, а там напоим коней шампанским из ведер!

Что ж, если в самом срочном порядке не перевешать этих вот… пропагандистов, то лет через двадцать слово «Россия» станет лишь географическим понятием. А «русские» будет звучать так же, как «печенеги», «половцы», «хазары», «хетты», «персы».

Сегодня правительство Великобритании предписало британским школьникам активнее заниматься оральным сексом. Отныне эта дисциплина в школьной программе. Уже выпущены учебные пособия, учителя спешно проходят ускоренные курсы, чтобы на уроках демонстрировать на примерах, как это надо делать, а так же как не надо.

Все дело в том, что, цитирую: «Великобритания является страной с самым высоким в Европе процентом беременностей среди подростков младше 16 лет (в 2002 году было зарегистрировано почти 40 тысяч случаев). Власти уже потратили более 60 млн фунтов на решение проблемы, но до сих пор им не

удалось получить положительных результатов», вот и… «в интересах сбережения здоровья нации» предлагается школьникам на уроках отсасывать друг у друга, тем самым предотвращая более интимные контакты.

И если вы скажете: «Девушка, разрешите пригласить вас на менуэт!», то она не ответит, как было в седую старину конца XX века: «Да вы что! Здесь, при всех?»

Уже не будет таких воспоминаний о школьных годах:

– Помнишь, как нас на перемене поймали, когда мы курили под лестницей?

– Помню, помню… Хорошо хоть одеться успели!

Не надо будет ни раздеваться, ни даже приспускать штанишки. Не надо прятаться. Все пойдет просто и буднично, на переменах. Учителя подробно покажут на примерах с отличниками – или двоечникам, это уже детали, – и все путем. Можно будет сберегать здоровье нации даже на уроках, одним глазом посматривая на доску. XXI век, господа!

Источник информации: Новости медицины – Правительство рекомендует британским школьникам оральный секс.

Раздел: Сексология. Опубликовано 12-05-2004. P.S. Кажется, что брюжжю? Ничего подобного. Оральный секс – такая же незначительная, хоть и приятная мелочь, как и почесать спину. И чесаться на людях пока что неприлично, ну и что?.. Я просто обращаю внимание на то, мир меняется.

Вид эстакады легкого метро воскрешает в памяти картины Валеджи, Ройо и Кена Келли с их пейзажами фантастических городов будущего. Внизу проносится поток высокотехнологических автомобилей, красиво разворачиваются на развязках, по эстакаде на огромной скорости пролетают похожие на снаряды вагоны легкого метро. По обе стороны вздымаются двадцатичетырехэтажные дома, увенчанные странными коронами, из которых узнаю только приемные антенны для спутникового телевидения и широкополосного Интернета.

Вообще, Южное Бутово в этой части – не то Нью-Йорк, не то Гонконг: суперсовременные технологии строительства, огромные супермаркеты.

А по его окраине запланированы дома, перед которыми наш двадцатичетырехэтажный покажется избушкой: стоэтажные и даже в сто пятьдесят этажей! Такими домами планируется окружить всю Москву, чтобы с одной стороны – цивилизация, с другой – такой вот зеленый лес, где так много зайцев, кабанов, белок, уток и всякого зверья, что выскакивают на дорожки и

пугают наших собак.

Слушал новости, что-то зацепило в сознании, вслушался, подпрыгнул, не поверив ушам. Вслед за снесенной в центре Москвы гостиницей «Интурист» принято решение снести устаревшую гостиницу «Минск», устаревшую «Москву» и крайне устаревшую и… не отвечающую современным требованиям древнюю гостиницу «Россия»!

Это промелькнуло в новостях как малозначащий эпизод из городской жизни: все время что-то строят, что-то сносят или перестраивают, вот уже третье транспортное кольцо закончили, открыли монорельсовое метро, вторую ветку легкого метро скоро откроют, поезда проносятся по эстакаде, как гиперзвуковики, так что снос еще одной гостиницы – мелочь, едва заслуживающая упоминания в городской хронике.

Но я прекрасно помню, какая эта гостиница! Сам останавливался в ней, когда из далекой провинции, теперь иностранной державы, наезжал в столицу метрополии. И в самом деле в Книге рекордов Гиннесса не зря занимала несколько позиций. Это было самое-самое передовое, самое технологичное, это было вывеской мощи и расцвета двадцатого века!

Но сейчас это древнее устаревшее здание, как уже сказал, «не отвечающее современным требованиям», что-то типа хрущебы. На его месте выстроят паркинг самого высокого класса. В центре Москвы негде размещать автомобили, а расширять улицы и площади уже некуда. Приходится сносить для автомагистралей целые кварталы, как в свое время под гостиницу «Россия» был снесен огромный жилой квартал… да что там квартал, целый район Зарядье, старинный, воспетый многими классиками, ведущий начало еще с времен, когда начали выпускать пищали и чугунные пушки, стреляющие ядрами. Так вот этот район целиком снесли, чтобы выстроить чудо века – гостиницу «Россия», что сразу же вошла в Книгу рекордов Гиннесса побив кучу рекордов по площади, количеству номеров.

Москва стремительно строится, застраивается дивными домами, неслыханно роскошными, высотными, впитавшими в себя самые новейшие достижения современнейших технологий.

Так что на месте этого «древнего и устаревшего» здания возведут нечто небывалое в десятки этажей вниз и столько же вверх.

Тот, кто сейчас родился, будет считать его вечным, незыблемым, и только тот, кто видел, как возводили вечную и незыблемую гостиницу «Россия», может допустить дикую и невероятно крамольную мысль, что вечный и незыблемый

паркинг тоже однажды снесут или засыплют землей, как устаревший и не отвечающий современным требованиям второй половины двадцать первого века. А на месте примитивного паркинга – фу, стыдно за его устаревшие формы! – построят имортинг или скифинг. А то и нечалинг ли даже зист алер.

Очередная дата великой победы над фашистской Германией. Пятьдесят девятая. Суровые фронтовые песни тех лет поют молоденькие мальчики и девочки, что обычно исполняют песенки про то, как они трахаются в подворотнях. Поют «Катюшу», «Землянку», «Эх, дороги…», «Черный ворон» и другие… точно так же, как привыкли петь шлягеры в ресторанах: пританцовывая, убыстряя темп к танцевальному и подпрыгивательному, размахивая ручками и поигрывая глазками перед ветеранами.

И никто не скажет, что это глумлении. Суровые песни тех лет надо исполнять только оперным гигантам: Хворостовскому и ему подобным, либо помалкивать.

Все остальное – глум.

Внезапно подумал, а что, если в самом деле все так, как я пишу? Мы – частицы Сверхсущества, Бога, все мы выполняем его волю. Он рассчитывает на меня, смотрит с сожалением. Я мог бы больше, но вот природная лень и отсутствие стимулов привели к тому, что лежу на диване и полагаю, что остаток жизни можно провести в компьютерных играх, посещении театров, ресторанов, концертов, а еще можно ездить на велосипеде и кормить белок в лесу…

Я вздохнул, слез с дивана и пошел работать. Во славу Бога, Аллаха, ибо я и есть они самые.

Сразу объясню насчет литературных, премий, а то задолбали вопросами. Если кто начнет интересоваться снова, отсылайте их вот к этому абзацу. Начали подходить ребята и, отводя глаза, интересоваться, как насчет того, чтобы принять литературную премию от их организации. Я кивал, сочувствовал, выслушивая их проблемы. Даже удержался от того, чтобы напомнить, что, мол, весна показала, кто где срал.

Вообще с этими литературными тусовками, что присваивают себе громкие имена международных и всегалактических, ощущение такое, что управляющие ими лица все еще живут в СССР и не понимают, что в эпоху гласности шило из мешка все равно вылезет. Помните, при ГКЧП путчисты захватили телевидение, радио, запретили выпуск газет, чтобы за рубежом и по стране не узнали, что случилось на самом деле, а потом,

дескать, дадим народу свою версию… Но не учли, просто забыли, что уже есть Интернет, а это значит, что у многих в доме свое телевидение, радио, пресса!

Не удается спрятать и данные о книжной торговле: слишком большой к ним доступ, кто-то да выложит в Интернет. И, соответственно, выстраивается отношение нормального человека к этим тусовкам и литературным званиям лауреатов.

Потому сейчас на все это надо просто махнуть рукой и терпеливо ждать, когда повзрослеют, узнают, что существует такое слово, как «репутация». Если Россия к тому времени еще будет существовать, то, возможно, весь этот детский базар в песочнице закроют, а создадут нечто взрослое.

Такое, что будущие премии не стыдно будет брать в руки. И чтобы их получить, станет не обязательно, низко кланяясь, целовать руку с перстнем на пальце.

Правда, полагаю, что разумнее будет тем новым создавать новые премии, дабы не брать в руки эти… уже подпачканные.

Возвращаемся с велосипедной прогулки, Барбос бежит впереди. Из подъезда нашего дома вышел очень серьезный малыш в толстых наушниках, делающих его похожим не то на марсианина, не то на мультипликационную обезьяну, с плеером на пузе, мобильником в особом кармашке на груди и в комбинезончике с множеством «молний», карманов и пристегивающихся на липучках всяких разных причиндалов.

Барбос подбежал к маленькому человечку, виляя хвостом, малыш очень серьезно посмотрел на меня.

– Какая красивая собачка… Можно погладить?

– Можно, – ответил я.

Он почесал огромного пса за ушами, на тонком запястье блеснул плоский циферблат электронных часов. Возможно, в часах радиомаячок, чтобы родители всегда видели, где их ребенок. Буся вытянула шею и замерла, млея от счастья. Я смотрел с умилением, прямо святочная картинка – ребенок и собака, постарался представить себе, что видит этот малыш: огромная собака, выше ростом и вдвое тяжелее, могучая, но добрая, грохочущий сверху голос исполина, голова его где-то на уровне облаков, хозяин этого огромного мира.

Этот малыш родился в век Интернета, компьютеров, мобильников, телевизоров. Это для него привычный и уже скучный мир. И он захочет его изменить, сделать интереснее, ярче, богаче, разнообразнее, технологичнее. И наверняка изменит. Возможно даже, будет вспоминать вот этот нынешний мир, как дикое и звериное существование, когда люди, подумать

только, были еще в организмах из костей и мяса, пропитанных водно-солевым раствором…

Прими этот мир, малыш. Я принял его от деда очень даже… иным. Какой передашь своему внуку ты?